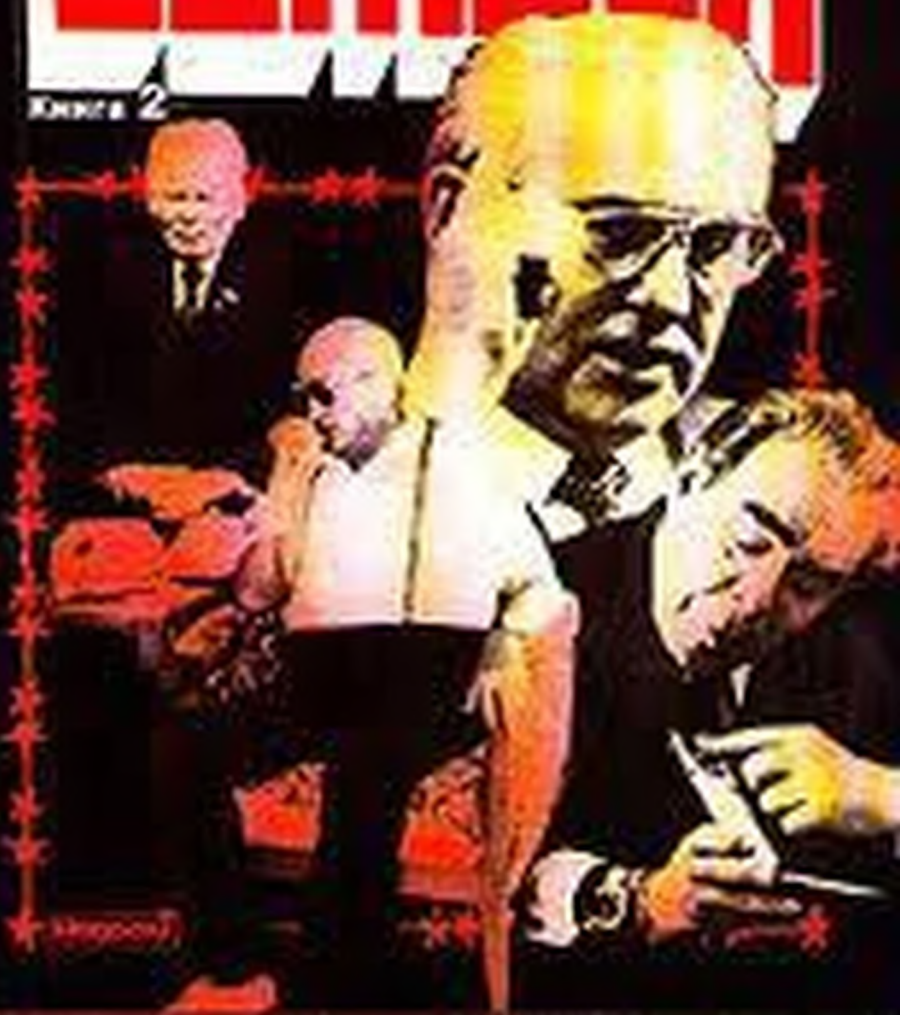

Дмитрий ВОЛКОВОДОВ

СЕМЬ ВОЖДЕМ

Книга 2

СЕМЬ ВОЖДЕЙ

Книга 2

Дмитрий Антонович ВОЛКОГОНОВ родился в Забайкалье, в станице Мангут, в 1928 году. Доктор философских и доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент российской Академии наук, генерал-полковник. Председатель Комиссии при президенте по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести. Отец расстрелян как «враг народа», мать умерла в ссылке Д.А.Волкогонов окончил танковое училище, Военно-политическую академию. Проходил службу в различных должностях, завершив ее заместителем начальника Главного политуправления, откуда был удален за демократические взгляды. Был начальником Института военной истории, снят с должности за «очернение советской истории». Автор более 30 книг по философии, истории, политике. Наиболее известна в стране и за рубежом его трилогия «Вожди» в шести томах («Ленин», «Троцкий», «Сталин»). Книга «Семь вождей» — оригинальная художественно-публицистическая летопись советской истории, отраженной в судьбах высших руководителей СССР. В книге использованы многие ранее засекреченные документы ЦК КПСС, политбюро, открытые после августа 1991 года.

Дмитрий ВОЛКОВОДОВ

СЕМЬ ВОЖДЕМ

**Галерея лидеров СССР
В 2-х книгах**

Книга 2

**Леонид Брежнев
Юрий Андропов
Константин Черненко
Михаил Горбачев**

Новості Москва, 1995

ББК 66.61(2)8
В 67

Рецензент
директор Архива Президента
Российской Федерации
А.В.Коротков

В книге использованы фотографии ИТАР—ТАСС, РИА «Новости», АО „Издательство «Новости»“, из личных архивов И.Ю.Андропова, С.Н.Хрущева, М.С.Горбачева.

По вопросам оптовой закупки книг обращаться по телефонам 265-50-53 и 265-56-62.

© Д.А.Волкогонов, автор, 1995
© В.Г.Прохоров, оформление, 1995
© АО „Издательство «Новости»“, 1995

„ВОЖДЬ“ ЧЕТВЕРТЫЙ: ЛЕОНИД

БРЕЖНЕВ

Советское государство стало таким же, как всякое деспотическое государство, оно действует теми же средствами, ложью и насилием.

Н. Бердяев

Советские люди, слушая утром 16 октября 1964 года радио, неожиданно узнали, что новый высший руководитель партии, а значит, и государства — Леонид Ильич Брежнев.

За сорок лет граждане великой страны уже привыкли к тому, что их никто никогда не спрашивает, кто будет очередным «вождем». За семь десятилетий существования советского государства ни один из высших руководителей страны не избирался народом. Большевики, захватив власть в октябре 1917 года, просто передавали ее из рук в руки своим вождям. Правда, в случае с Брежневым, как знает читатель, пришлось прибегнуть к партийно-государственному заговору, чтобы сместить Хрущева.

Но, будучи по натуре нерешительным, даже добрым, мягким человеком, Брежнев, несмотря на предложения «разнести» Хрущева после снятия на местных пленумах, в печати, не согласился. Новый первый секретарь особо ценил спокойствие, безмятежность, бесконфликтность. Для него участие в снятии Хрущева, пожалуй, было высшим политическим «подвигом» в биографии. Когда в начале октября заговорщики «пронюхали», что Хрущев догадывается об их замысле, Брежнев, как пишет Ю.В. Аксютин, впал в прострацию. Наконец, собравшись с силами, он позвонил своему другу Н.Г. Егорычеву с просьбой быстрее прийти к нему. Когда тот приехал, бледный Брежнев драматическим шепотом заявил:

— Коля, все пропало. Хрущеву все известно в подробностях.

— Ну и что? Что тут незаконного? Подготовка к пленуму ЦК не противоречит Уставу.

— Ты его плохо знаешь, он нас всех расстреляет!

— Но ничего непартийного в нашем поведении нет Сейчас другие, не сталинские, времена...¹

Поэтому, когда все свершилось без ожидавшейся ожесточенной схватки и Хрущев неожиданно для всех не захотел бороться, Брежнев, ставший первым секретарем, долго не мог прийти в себя: звонил первым лицам в «братские страны», благодарил соратников, устроил царский ужин для близких друзей. Убедившись, что Хрущев на даче ведет себя тихо, лично отреагировал на просьбы бывшего «первого», набросав на листке:

«1. Пенсия 5000 (500 р. по новому курсу).

2. Кремлевская столовая.

3. Поликлиника 4-го Гл. упр.

4. Дача — на Петрово-Дальней (Истра).

5. Квартиру в городе подобрать.

6. Машину легковую (устно сказал помощникам: «не новую»).

Узнав, что у Хрущева есть некоторые просьбы по быту, отреагировал лишь на одну: опальный пенсионер хотел, чтобы ему по-прежнему выделяли дотацию в столовую на лечебное питание в сумме 100 рублей, «положил» ему лишь 70...²

Несмотря на мелкие уколы со стороны Брежнева, судьба бывшего первого секретаря уже не была безысходной, как случалось раньше: арест, тюрьма, ссылка. Хрущев пожинал благие плоды, возвращенные на советской земле благодаря его личной смелости и политическому мужеству на XX съезде партии.

Никто еще не знал, что приход Брежнева на первые роли в партии и государстве будет означать победу антиреформаторской линии, консервативных, и в какой-то степени, реставраторских тенденций. Это выразилось прежде всего в отношении Брежнева к Сталину и сталинизму. Новый лидер понимал, что прямого, откровенного возврата к диктаторскому режиму быть уже не может, да он и не был политически способен на это. Но «что-то» сохранить из уцененного историей или как-то «вернуть» нечто из сталинизма Брежнев был не против.

Весьма характерны его записи как делегата на

XX съезде партии. Слушая Хрущева, Брежнев дал тогда в своем блокноте такую оценку новому курсу. «Доклад не сбалансирован, — писал Леонид Ильич, как обычно не пользуясь знаками препинания*, — это неверное определение и неправильный подход доклад показывает к чему каким последствиям приводит культ личности — и поэтому взятые материалы показывающие как складывался культ личности и его вред а ведь все положительное о Сталине проповедывалось и рассказывалось...»³.

В витиеватых и полуграмотных фразах видно, тем не менее, не просто стремление к «сбалансированности» положительного и отрицательного в деятельности Сталина, а явные симпатии молодого тогда еще Брежнева к старому порядку вещей.

Но на каком-то этапе потребовалось высказаться по отношению к Сталину более определенно. За несколько дней до 90-летия И.В. Сталина Брежнев, превратившийся к тому времени из первого в генерального секретаря, собрал 17 декабря 1969 года в большой перерыв сессии Верховного Совета заседание политбюро. Обсуждался один вопрос: публиковать ли в «Правде» подготовленную к этой дате статью.

Расклад сил в политбюро получился весьма любопытным. Из 22 членов ПБ, кандидатов и секретарей ЦК только Подгорный и Кириленко неожиданно выступили против публикации «юбилейной» статьи о Сталине. Неожиданно потому, что оба никогда не отличались ни демократичностью взглядов, ни новаторским мышлением. Их беспокоило другое. Подгорный тревожился, что если публиковать статью о Сталине, то «надо писать, кто погиб и сколько погибло от его рук... Поэтому кроме вреда ничего эта статья не принесет». Кириленко же заявил, что «нет такой партии в Европе, которая будет аплодировать подобного рода статье». Все остальные были за опубликование статьи. Причем многие — весьма категорически.

Суслов утверждал, что «такую статью ждут в стране вообще». Мазуров даже предложил «поставить бюст на могиле Сталина». И поставят. Конечно, Шелепин, Андропов, Соломенцев, Капитонов, Кунаев, Щербицкий были

---

* Здесь и далее орфография и пунктуация оригиналов документов, писем сохранены. — Прим. ред.

решительно настроены: «Дать статью». Даже поднимался вопрос о переименовании Волгограда снова в Сталинград, о том, что у Сталина были «положительные стороны, — никто об этом, очевидно, не спорит» и что разве можно «игнорировать строительство социализма под руководством Сталина»?

Пришла очередь Брежневу подводить итоги обсуждения вопроса. Верный своей жизненной методологии, генеральный секретарь постарался все рассмотреть под его излюбленным углом зрения: будет ли способствовать статья сохранению спокойствия в стране или не будет?

«Что касается публикации статьи, — причмокивая, рассуждал Брежнев, — то я скажу вам откровенно, что я вначале занимал отрицательную позицию... При этом исходил из того, что у нас сейчас все спокойно, все успокоились, вопросов нет в том плане, как они в свое время взбудоражили людей... Но вот, побеседовав с секретарями обкомов партии, продумав дополнительно и послушав ваши выступления, я думаю, что все-таки действительно больше пользы в том будет, если мы опубликуем статью. Ведь никто не оспаривает и не оспаривал никогда его революционных заслуг... В спокойном тоне дать статью...»⁴

Так начался процесс прекращения десталинизации. На полную реабилитацию Сталина Брежнев и его единоверцы так никогда и не решились, но сам по себе факт правительственного решения об установлении бюста второго вождя на его могиле говорит о многом. Темы культа личности, репрессий, незаконий сталинского режима были законсервированы партийным табу. По сути, этот «знак» был началом отсчета поворота страны от реформистской «эры» Хрущева к консервативной «эпохе» Брежнева. По сути, эта «эпоха» охватывает время правления не только Брежнева, но и Андропова, и Черненко. Короткая десятилетняя, бесшабашная, спонтанная, даже взбалмошная реформистская удаля Хрущева будет заменена на глубоко консервативную линию его ниспровергателей.

Консерватизм Брежнева и его единоверцев выразится в стремлении сохранить многие большевистские традиции и нравы, поддержать ортодоксальные «классовые» взгляды, согласиться с минимумом перемен в обществе. «Деятельность Брежнева, — отмечал известный американский историк Стивен Козн, — формировала и укрепляла консер-

вативные тенденции в советской политической жизни. Так, например, он обеспечил практически пожизненные sinecуры высокопоставленным советским вельможам и чиновникам средней руки («стабильность кадров»), что существенно «состарило» не только высшее политическое руководство, но и всю элиту в целом»⁵.

Конечно, если бы Брежнев и его соратники говорили о том, что история и ее освещение в конечном счете не зависят от решений политбюро, то все было бы понятно. Но всех интересовало и волновало одно: как формально не отступить от постановления ЦК о «культе личности» и одновременно громко сказать о «революционных заслугах» их кумира. Однако традиционная осторожность, «сбалансированность» Брежнева не позволила переступить невидимой грани, недвусмысленно выразив в то же время поклонение наследников перед зловещей фигурой покойного диктатора.

Среди «семи портретов» советских вождей силуэт Брежнева выделяется своей однозначностью. Это сугубо одномерный человек с психологией партийного бюрократа средней руки, тщеславен, осторожен, консервативен. Он боится крутых поворотов, страшится реформ, но способен неизменно гнуть «генеральную линию» партии туда, куда требует высшая партверхушка.

Его трудно назвать «простой» марионеткой партийного синклита, но это был чрезвычайно удобный для высшего коммунистического эшелона человек. Он олицетворял и выражал консервативные тенденции советского общества.

Профиль Брежнева весьма рельефен и потому, что он, наверное, как никто другой (за исключением Ленина), оставил множество рабочих, личных записей. Эти заметки, короткие записи Брежнев начал вести с 1944 года. Блокноты, общие тетради, записные книжки, настольные календари, просто отдельные листы бумаги испещрены полуграмотными фразами, отдельными малопонятными выражениями и просто словесными знаками. Последние полтора десятка лет эти рабочие записи носят уже более систематический характер, но содержание их также в основном малозначительно: величина собственного веса, сколько времени плавал в бассейне, кому звонил, что подавали на обед, какую награду или титул получил, медицинские процедуры, какими оказались трофеи на охоте...

Личные дела Брежнева тщательно подчищены (я об этом еще скажу), но резолюции на партийных и государственных бумагах определены, конкретны (не так, как, допустим, у М.С. Горбачева). Как ни парадоксально это звучит, но Брежнев был весьма цельным, однозначным человеком при всей своей интеллектуальной посредственности. Он смог устроить всех. Хотя известно, что тот, кто «нравится» всем, в конечном счете не понравится никому.

Листая страницы его партийного дела, встречаешься со многими любопытными, а порой и несуразными моментами биографии этого человека. Расскажу об одном.

Где-то в конце семидесятых годов, после моего служебного текущего разговора с генералом армии А.А. Епишевым у него в кабинете, тот неожиданно поднялся, открыл сейф и вынул оттуда толстую папку с надписью «Личное дело генерал-лейтенанта Брежнева». Именно у начальника Главпура хранились личные военные документы генсека (той поры, когда Брежнев служил в армии). Молча пролистав папку, Алексей Алексеевич, не произнося ни слова (тогда подслушивали всех руководителей и везде), указал пальцем на строчку анкеты, где было написано чернилами: «русский». Убедившись, что я прочел, генерал армии нашел другую страницу дела, где тем же почерком было означено: «украинец». Вопросительно взглянув на меня, Епишев задал мне риторический вопрос:

— Так кто же он?

Естественно, я был не в состоянии ответить.

Но вот сейчас, листая «партийное дело» генерального секретаря Л.И. Брежнева, я обратил внимание на «листок по учету кадров», где будущий лидер партии еще в годы войны собственноручно написал: национальность — «украинец», социальное положение — «служащий»

В аттестационном листе на присвоение воинского звания «генерал-майор» записано — «украинец». В аттестации, подписанной генералами Ватутиным и Крайнюковым, — «украинец»... В десятках других документов тоже «украинец». В паспорте, выданном 11 июня 1947 года № 637803-IV ЯЛ в Запорожье, тоже значится «украинец»⁶.

Но как только Брежнев вошел в высшие органы КПСС, он тут же стал «русским». После приезда в Москву в его анкетах, биографиях — везде «русский».

Как и в случае с происхождением Ленина, на это не сле-

довало бы совершенно обращать внимания; СССР, а ранее Россия, был гигантским этническим котлом, где происходило смешение десятков национальностей. Но стоило человеку вступить на самую высшую ступень власти, его национальная принадлежность загадочным образом приводилась к единому политическому знаменателю. Только Сталину это было сделать невозможно. Что чувствовал Брежнев, превращаясь из русского в украинца и снова в русского? Или, скорее всего, просто не придавал этому никакого значения? Может, лидеры КПСС раньше других стали гражданами «красной планеты»? Земля и национальность для них действительно не играла никакой роли?

Хотя, отдадим должное, и Хрущев, и Брежнев не скрывали, что для них Украина значила нечто большее, чем место, где они трудились и стали теми, кем стали. Брежнева всегда тянуло на Украину, даже когда он обосновался в Москве. В этом отношении характерно его письмо Г.М. Маленкову, помеченное 3 мая 1953 года. В письме говорилось:

«В связи с упразднением Главного политуправления ВМС, я обращаюсь к Вам, Георгий Максимилианович, с большой просьбой... Почти 30 лет своей трудовой деятельности я связан с работой в народном хозяйстве. С 1936 года на советской и партийной работе. Люблю эту работу, она для меня вторая жизнь... Теперь, когда возраст приближается к 50 годам, а здоровье нарушено двумя серьезными заболеваниями (инфаркт миокарда и эндотернит* ног), мне трудно менять характер работы или приобрести новую специальность.

Прошу Вас, Георгий Максимилианович, направить меня на работу в парторганизацию Украины. Если я допускал в работе какие-либо недостатки или ошибки, прошу их мне простить»⁷.

Маленков в углу написал: «Хрущев ознакомился».

На Украину Брежнева не послали, а сделали заместителем начальника Главпура. Но у Хрущева, видимо, запала мысль: этот человек с густыми бровями будет более поле-

---

* Видимо, имеется в виду эндартериит — воспалительное поражение артерий, вызванное, в частности, обморожением конечностей, курением. — *Прим. ред.*

зен не на военной, а на партийной работе. Именно Хрущев даст старт Брежневу в большую политику.

Но Брежнев никогда публично не скажет, что своему выдвижению в феврале 1954 года на должность второго секретаря ЦК Компартии Казахстана обязан Н.С. Хрущеву. Как и то, что именно по его рекомендации через год будет «избран» там первым секретарем, а потом в 1956 году вновь вернется в Москву, чтобы стать кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, ближайшим «соратником» первого секретаря Н.С.Хрущева.

Не скажет и потому, что Брежнев явился одной из ключевых фигур смещения Хрущева, чтобы недавнему триумфатору подъема целины в Казахстане стать первым лицом в партии и государстве. Именно Брежнев прервет реформистскую тенденцию, родившуюся на XX съезде КПСС; именно четвертый «вождь» постепенно, но неумолимо переvedет рельсы социального движения с курса позитивных перемен на путь возрождения и консервации многих старых большевистских порядков. Во времена Брежнева с новой силой будут везде говорить о «классовом подходе», «непримиримости к империализму», «неизбежности торжества коммунизма». Вновь вздохнут полной грудью армия, КГБ, военно-промышленный комплекс. Снова начнется активная охота за инакомыслящими. Консервативное начало одержит верх во всех важнейших областях бытия.

Неисповедимы пути не только Господни, но и простых смертных. Все семь вождей КПСС и СССР, которые тоже были таковыми, не являются исключением. Брежнев, на словах так активно поддерживавший реформизм Хрущева, оказался его полным антиподом-консерватором.

Оглашая на партийных съездах тезисы о грядущем коммунизме, Брежнев был в плену ностальгических чувств по большевистскому прошлому.

Путь наверх Судьбе было угодно, чтобы мне довелось некоторое время работать в кабинете, где в течение 1953—1954 годов пребывал в должности заместителя начальника Главного политического управления СА и ВМФ генерал-лейтенант Л.И. Брежнев. С тех давних пор в Главпуре продолжал трудиться подполковник Сергей Мезенцев, бывший адъютант Брежнева в

его главпуровские годы. Подполковник негромко рассказывал (ведь в это время Брежнев вознесся так высоко...), что его прежний начальник очень тяготился работой в военно-политическом аппарате. Когда Брежневу приносили утром деловую почту, он морщился и, когда человек из канцелярии уходил, ворчал:

— Опять эти ЧП, учения, собрания и портянки... Надоело.

В командировки по воинским частям и кораблям ездить не любил, отчего с начальником Главпура А.С.Желтовым сложились натянутые отношения.

Как мне рассказывал уже в восьмидесятые годы Алексей Сергеевич Желтов, в аттестации на Брежнева, которую запросили в ЦК из Главпура в те далекие уже годы, он отметил ряд недостатков у своего подчиненного, и в том числе безынициативность и слабое напряжение в работе. В последующем этот документ, конечно, исчез из личного дела генерального секретаря, но Брежнев не забыл обиды: попытки несколько раз представить Желтова к званию генерала армии безнадежно тонули в цеховских коридорах.

Брежнев, часто вспоминал Мезенцев, звонил по «вертушке» в ЦК старым друзьям, интересовался обстановкой, просил замолвить слово «наверху» по переводу его на «настоящую работу». И дождался, «дозвонился»!

До 1938 года молодой Брежнев был, по сути, работником «перекати-поле». Сколько он сменил мест жительства и работы! Создавалось впечатление, что этот человек все время что-то искал, перебирал, определялся. Долго не мог найти себя, пока не «сел» на партийную работу. Давайте наберемся терпения и прочтем скупые строки, занесенные дотошными кадровиками в дело будущего генсека. Некоторые его перемещения смахивают на ребус.

— В 1921 году — рабочий маслобойного завода в Курске.

— В 1923 году — ученик слесаря, г. Каменск

— В 1927 году — окончил Курский землеустроительный техникум.

— В 1926 году — находится в Орше, на практике.

— В 1927—1928 годах — переезжает в Свердловск и работает заместителем окружного земельного уполномоченного.

— В 1929—1930 годах — заместитель председателя Бисерского РИКА Свердловской области.

— В 1930 году — заместитель заведующего окружного землеуправления в Свердловске.

— В 1930—1931 годах — студент института сельхозмашин им. Калинина в Москве.

— В 1931—1932 годах — председатель профкома института имени Арсеничева в г. Днепродзержинске.

— В 1932—1933 годах — секретарь парткома института им. Арсеничева в г. Днепродзержинске.

— В 1933—1935 годах — директор металлургического техникума.

— В 1935 году — окончил Каменский металлургический институт (заочно).

— В 1935 году — начальник смены силового цеха завода им. Дзержинского.

— В 1935 году — курсант танковой школы в Чите.

— В 1935 году — политрук танковой роты 14 мех. корпуса ДВК.

— В 1936—1937 годах — директор металлургического техникума в г. Днепродзержинске.

— В 1937—1938 годах — заместитель председателя горсовета.

В 1938 году — заведующий торготделом Днепропетровского обкома КП(б)У...⁸

Наконец Брежнев добрался до «настоящей» партийной работы, которая, как он напишет в свое время, его «вторая жизнь».

Заводская, сельская, учебная, военная, профсоюзная, советская сферы деятельности... Кажется, все перепробовал молодой коммунист Леонид Брежнев, пока в итоге его не заметил первый секретарь Днепродзержинского горкома партии К.С. Грушевой. Заметил в то время, когда кадровое движение было стремительным, непредсказуемым, тревожным. В стране шла гигантская кровавая чистка. Миллионы людей строили стены гигантского ГУЛАГа и сами же заполняли его горестные бараки.

Такова трагическая диалектика того страшного времени: одних навсегда уносило сталинским ветром в сибирские лагеря, других, как из революционной катапульты, вскидывало в высшие руководящие кресла. Среди этих «счастливчиков» оказался и Леонид Ильич Брежнев. Во-

обще он всегда был «везунчиком»: в обкомовские апартаменты попал благодаря знакомству с Грушевым; удачно прошел в 1934 году партийную проверку, ни разу не был не только арестован, но и не попал под подозрение; без единого ранения прошел Отечественную войну; был замечен самим Сталиным и в 1952 году вошел в состав Президиума ЦК КПСС. И хотя после смерти вождя сразу же вылетел оттуда, но не затерялся, не исчез в безликой массе партийных функционеров. Жизнь благоволила этому статному, красивому, чернобровому мужчине не в последнюю очередь и из-за его благожелательного характера: покладистого, компромиссного, незлобивого, общительного.

Еще накануне войны он попал в республиканскую номенклатуру, войдя по рекомендации того же К.С. Грушевого в Днепропетровский обком партии в качестве секретаря по пропаганде, а затем и секретаря, ведающего оборонной промышленностью. Казалось, началась типичная партийная карьера, которая могла привести, «если повезет, в ЦК Компартии Украины, в самом Киеве». О Москве тогда Брежнев и не мечтал. Но все планы спутала война.

О боевом пути бригадного комиссара, затем полковника и генерал-майора так много написано! Он начал свою фронтную службу в качестве заместителя начальника политуправления Южного фронта. Ни об одной армии, а их на фронте были десятки, не сказано так много и подробно, как о 18-й армии, где Брежнев с 1943 года был начальником политотдела. Об участии Леонида Ильича в войне сказал и он сам в своей «знаменитой» 48-страничной брошюрке «Малая земля», которую, конечно, все называли «книгой». Все знали, что Брежнев неспособен начертать даже грамотной резолюции, а тут — «книга»...

Она, эта «книга», начинается фразой: «Дневников на войне я не вел»⁹. Но откуда было знать об этом хорошему писателю Аркадию Яковлевичу Сахнину, которому работники аппарата ЦК Черненко, Замятин и Игнатенко поручили писать «Малую землю». Как раз в конце войны Брежнев кое-что записывал, что может походить на дневники. Например, в записной книжке Л. Брежнева, озаглавленной «1944 год», имеется много дневниковых помет типа: «Заместителя начальника 2-й воздушной дивизии

следует привлечь к партийной ответственности за мародерство и исключить из партии. Срок — 1 декабря» Брежнев армию знал плохо: были не «воздушные», а авиационные дивизии, и возглавляли не «начальники», а командиры.

Или: «беседовал с т. Мехлис — разрешил забрать коммунистов из заградотрядов...»¹⁰.

Известно, что Брежнев очень не любил не только писать, но и читать. Как вспоминал А.А. Громыко: «Помню, однажды, находясь на отдыхе в санатории под Москвой, я рекомендовал ему книгу о жизни Леонардо да Винчи, даже принес ее. Он обещал прочесть. Но недели через две вернул, сказав:

— Книгу я не прочел. Да и вообще — отвык читать»¹¹.

Обычно записки в поллитбюро, докладные, шифровки из-за рубежа, подготовленные ему проекты речей читали вслух другие люди. Брежнев полулежал в кресле и внимал. Иногда дремал. Очень часто эти, как он выражался «бумаги» читала ему весьма образованная женщина сотрудница его аппарата Г.А. Дорошина.

Сам он соизволял регулярно об этом записывать в своих рабочих записях, которые последние полтора десятилетия вел довольно регулярно: по пять—семь строк в день цветным фломастером, крупными буквами, обычно без единого знака препинания. Так вот, в последние годы жизни в порядке исключения он иногда читал лишь «собственные» воспоминания. Например, 9 ноября 1981 года в своих «дневниках» Брежнев записал: «Прочел воспоминания». По-моему, это было перед самым выходом «Воспоминаний» в свет.

Мы отвлеклись, начав рассказывать о «боевом пути» полковника Л.И. Брежнева. Большую часть войны Брежнев прошел в должности начальника политотдела 18-й армии. Особых отличий не имел. Правда, в «Малой земле» приводится эпизод, когда Брежнев лично лег к пулемету и вел огонь по атакующим фашистам. Писатель Сахнин, как бы читая то, что думал тогда начальник политотдела живописал: «Только одна мысль владела всем существом: остановить»¹². Но очевидцев этого солдатского подвига Брежнева так и не нашлось...

Начальник политотдела армии благополучно дошел с войсками до конца войны, став генерал-майором и зарабо-

тав четыре ордена. После окончания Великой Отечественной Брежнев был назначен начальником политуправления 4-го Украинского фронта, который вскоре преобразовали в Прикарпатский военный округ.

Предметом особой гордости генерал-майора явилось его участие в памятном Параде Победы на Красной площади 24 июня 1945 года в составе сводного полка 4-го Украинского фронта. Впрочем, этим и следовало гордиться. Будучи уже генсеком, Брежнев был избран делегатом на партийную конференцию Московского военного округа. В анкете на вопрос: военное образование? — Брежнев с гордостью написал — «фронтовое».

Всю послевоенную жизнь у Брежнева любимые воспоминания были о войне. И он здесь не одинок. Я давно заметил, что участники войны самой красной строкой своей биографии считают фронтовые годы. Надо отдать ему должное: Брежнев не забывал своих фронтовых товарищей. Многим из боевых друзей помогал, встречался с участниками боев под Новороссийском, вообще теме Великой Отечественной войны всегда уделял приоритетное внимание.

Примерно до начала восьмидесятых годов у власти, особенно на верхних ее этажах, находились участники минувшей войны. Оценивая их личное участие в страшной схватке, стоит сказать, что почти никто из руководства не задался вопросом: почему СССР потерял в войне в несколько раз больше, чем агрессор? Сталин, Хрущев, Горбачев последовательно называли цифры безвозвратных потерь советского народа в войне: 8, 20, 27 миллионов человек. Все генсеки, как и Брежнев, дружно говорили, что Великая Победа пришла «благодаря огромным преимуществам социалистического государственного и общественного строя, благодаря руководящей роли КПСС...». А может быть, и даже наверняка, все эти колоссальные потери и стали возможны вследствие господства тоталитарного строя и монополии одной партии на власть? Разве не ясно, что только мощь духа народа, его стоицизм, беспримерный героизм сделали Победу реальностью?

Но ни Брежнев, ни его предшественники и наследники на генсековском посту не хотели и не могли сказать народу исторической правды.

После войны Брежнев стремительно пошел вверх: уже

в августе 1946 года он выдвигается на должность первого секретаря Запорожского обкома КП(б) Украины, а в ноябре 1947 года становится первым секретарем Днепропетровского обкома партии. Хотя считалось, что секретарей «избирали», в действительности их «предлагали» вышестоящие партийные органы, и пленумы дружно, обычно «единогласно», поддерживали волю верхов. В обоих случаях инициатива «избрания» Брежнева первым лицом одной, а затем и другой области исходила от Н.С. Хрущева, а конкретно на заседаниях «озвучивал» эту волю секретарь ЦК КП(б)У Л.Г. Мельников.

В то время страна титаническими усилиями освобождалась от последствий войны. Дело это было страшно трудное, ибо вскоре после Победы резко обозначилось острейшее противостояние двух миров: коммунистического и буржуазного. Армия оставалась огромной. Приходилось рассчитывать только на себя. Патриотические чувства народа не заглохли и после войны. Путем диктаторских методов, жестких директив центра, постоянного контроля спецслужб люди делали, казалось бы, невозможное. Брежнев был одним из партийных функционеров среднего звена, главной задачей которых было полное, безусловное исполнение директив Кремля.

Воспоминания очевидцев того времени позволяют сделать вывод: Брежнев, что встречалось тогда не часто, «брал» не жесткостью, бесцеремонным администрированием и угрозами, а доброжелательностью и терпимостью. Сам первый секретарь не особенно вмешивался в дела своих подчиненных, больше полагаясь на выработанную у аппарата привычку к исполнительности. При всем том, что мы знаем и говорим о «позднем» Брежневе — ленивом, тщеславном, недалеком вельможе, — «ранний» Леонид Ильич, по крайней мере, выделялся среди других искренней доброжелательностью к людям.

В июле 1950 года Брежнева неожиданно вызвали в Москву. На Старой площади ему объявили, что секретарь ЦК ВКП(б) Н.С. Хрущев рекомендует его первым секретарем ЦК КП(б) Молдавии. Конечно, по экономическому потенциалу Молдавская ССР раза в три-четыре уступала Днепропетровской области. Но в партийной и государственной иерархии первый руководитель республики котиrowался значительно выше обкомовского поста. Брежнев,

не раздумывая, согласился, особенно после того, когда узнал, что «товарищу Сталину известно предложение товарища Хрущева и он поддерживает его».

Маленков, а затем и Хрущев, напутствуя Брежнева в дорогу, особо наставляли: быстрее завершить в Молдавии коллективизацию и покончить с влиянием буржуазной Румынии. Брежнев согласно кивал головой, что-то помечал в блокноте и уже мыслями был на Днестре, прикидывая, кого из своих сотрудников прихватить из Днепропетровска.

К слову сказать, это была широко распространенная, негласная практика, когда перемещаемые с места на место «вожди» регионального масштаба брали с собой особо полубившихся работников. У Брежнева это просматривается особо рельефно. Передвигаясь по партийной иерархической лестнице, Леонид Ильич «тащил» за собой наиболее преданных ему людей.

Работая в Главпуре, мне удалось выписать из личного дела Брежнева один характерный документ, составленный в 1942 году инспектором ПУ РККА полковым комиссаром Верхорубовым после проверки работы политуправления Южного фронта. Там говорится: Брежнев «черновой работы чурается. Военные знания т. Брежнева весьма слабые. Многие вопросы решает, как хозяйственник, а не как политработник. К людям относится не одинаково равно, склонен иметь любимчиков». (К слову, позже эта нелестная характеристика из личного дела Брежнева, хранившегося в ЦК, тоже исчезла.) Но я хотел обратить внимание читателей на меткое наблюдение Верхорубова: «Склонен иметь любимчиков...»

В последующем многие из его «любимчиков», хороших знакомых в числе как «начальников», так и подчиненных, перебрались не без помощи Брежнева в Москву, где заняли весьма влиятельные посты. К ним следует отнести К.С. Грушевого, С.К. Цвигуна, Г.К. Цинева, А.П. Кириленко, И.И. Бодюла, П.Е. Шелеста, К.У. Черненко, П.К. Пономаренко, Н.А. Щелокова, С.П. Трапезникова и многих других.

Брежнев на первых порах активно занялся в Молдавии как сельским хозяйством, так и промышленностью, не забывая и про идеологию. Выступая осенью 1950 года на совещании секретарей райкомов, Брежнев, памятуя про

указания Маленкова в ЦК, особенно напирал: «Дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление колхозов требует еще более решительной борьбы с остатками кулачества и буржуазных националистов путем улучшения работы наших органов (имеется в виду НКВД. — Д.В.). Надо еще сильнее возбудить ненависть трудящихся против злейших врагов народа — кулачества и буржуазных националистов»¹³.

В то время для Брежнева, как и для всех советских людей, был один авторитет — Сталин. Выступая в Кишиневе на совещании женотделов в декабре 1950 года, первый секретарь республиканской партийной организации, как заклинание, утверждает: «Укрупнение колхозов рекомендует товарищ Сталин. Колхозники знают, что, раз товарищ Сталин рекомендует, значит, это дело важное и полезное»¹⁴. Как все просто и ясно для партийного лидера республики! Впрочем, так было везде, а не только в Молдавии: тоталитаризм не в состоянии обходиться без догматизма и поклонения вождям.

Делая доклад на III съезде Компартии Молдавии, Брежнев уделил особое внимание идеологическим делам в республике. Желая высмеять начетничество некоторых работников, докладчик привел пример, когда «редактора районной газеты Новака попросили разъяснить значение «гениального» ленинского труда «Что делать?». Вот что ответил слушателям Новак, продолжал Брежнев: «Ленин прочитал книгу Черньшевского «Что делать?» и написал свою книгу «Что делать?». Но это не та книга Черньшевского «Что делать?», а другая, ленинская, книга «Что делать?». Ее значение заключается в том, что она основная, организационная, руководящая. Другие работы Ленина тоже руководящие, но эта особенно руководящая»¹⁵.

Однако рекомендации Брежнева, какой должна быть настоящая работа, мало отличаются по уровню от рассуждений незадачливого «товарища Новака». Первый секретарь республики внушает: «Товарищ Сталин говорит: вот кусок дерева, снимаем с него кору, потом делаем доску, сделали еще тоньше, потом покрыли лаком. Сколько прошло операций! А тем более с живым человеком, чтобы человек руководил и не совершал ошибок, нужно положить очень много труда. Тем более в нашей работе»¹⁶.

Таковым являлся уровень воспитания, который, одна-

ко, формировал исполнительных людей, догматически и механически мыслящих категориями «руководящих» трудящихся не только «основоположников марксизма-ленинизма», но и местных, региональных лидеров сталинской закалки. Таким был и Брежнев, как и тысячи ему подобных.

Крупной вехой в жизни Брежнева и его движения наверх стал XIX съезд партии, который вопреки уставу не собирался целых 13 лет. Это был последний съезд в жизни Сталина. Накануне главного форума коммунистов первого секретаря молдавской парторганизации предупредили, что он будет выступать на съезде. Почти за месяц до его открытия, 5 октября 1952 года, Брежнев представил в Москву проект своего выступления, над которым долго сидел отдел пропаганды в Кишиневе. На Старой площади отредактировали и «довернули» выступление Брежнева.

На четвертый день работы съезда Брежневу предоставили слово. Речь кишиневского руководителя была под стать другим выступлениям: славословия в адрес вождя, рассказ о достижениях, снова панегирики Сталину... Но вождь, похоже, заметил Брежнева, ибо на организационном пленуме ЦК сам Сталин, предлагая состав Президиума ЦК (так стало называться политбюро), неожиданно для Леонида Ильича назвал фамилию Брежнева, как человека, которого он рекомендует секретарем Центрального Комитета и кандидатом в члены Президиума... Брежнев был потрясен! Самое большее, на что он мог рассчитывать, — войти в состав ЦК КПСС... А здесь — прямо в «штаб ленинско-сталинской партии».

Однако через пять месяцев после съезда умирает Сталин. Его старые соратники тут же «сократили» более чем наполовину состав Президиума, предложенный Сталиным. Брежнев еще не успел осмотреться, оглядеться, прижиться в Москве, ни разу не побывал на личной беседе у вождя и... такое нежелательное развитие событий. Но я уже говорил, что Брежнев был «везунчиком».

Полтора года он вновь номинально отдал военной партполитработе, постоянно, но осторожно напоминая о себе Старой площади. Он хотел, и не скрывал этого, вернуться на партийную работу в одну из республиканских организаций. Побыв первым секретарем обкома, первым секретарем в Молдавии, Брежнев почувствовал, сколь абсолютна власть этих людей со всевозможными благами и привиле-

гиями. Главное, работая на высоком посту в провинции, не «прохлопать» очередное указание Москвы и «дать» план хлебозаготовок и всего другого, что предписывалось, а еще лучше и сверх плана.

Со временем, когда Брежнев обосновался в столице на самом высшем посту, он продолжал старую сталинскую традицию «выколачивания» плана. В рабочих записях генсека много, например, таких помет: «12 августа 1973 г. говорил по телефону с Бондаренко из Ростова. Он назвал 270 миллионов пудов. После разговора со мной обещал дотянуть до 300 миллионов... Поговорил с Машеровым. Он назвал 60 миллионов. Даст 70 миллионов пудов...»¹⁷

Если дашь план, вовремя откликнешься на новую инициативу, удачно отрапортуешь Москве по соцсоревнованию, то жизнь «первого» в области или республике не сравнишь и с губернаторской. Царские наместники не могли даже мечтать о такой абсолютной власти, которой обладали первые секретари коммунистической партии.

А Брежнев пока ждал. Генерал-полковник А.С. Желтов, хотя явно и недолюбливал своего ленивого заместителя, не решался принять к нему строгие меры. Как-никак был секретарем ЦК КПСС... А вдруг его опять позовут? Так и вышло. Позвали.

В январе 1954 года Брежнева вызвали в ЦК. И вновь сначала побывал у Маленкова, а затем у Хрущева. Предложили послать в Казахстан вторым секретарем ЦК Компартии республики. «Вам поручается возглавить государственное дело по дальнейшему подъему целины», — заявил Хрущев. Брежнев без колебаний согласился, хотя его согласия и не спрашивали. Тем более «первым» туда посылался П.К. Пономаренко, которого Брежнев хорошо знал.

В Алма-Ате по приезде новых назначенцев закипела работа по масштабному поднятию целинных земель. К этому времени состоялся пленум ЦК КПСС, принявший постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». Президиум ЦК рассчитывал в результате сверхусилий страны в течение двух лет поднять и освоить 10—15 миллионов гектаров целинных просторов и таким образом решить зерновую проблему в стране. В своей брошюре «Целина» (впрочем, писал ее способный журна-

лист Александр Мурзин) Брежнев сообщает, что «предстояло распахать площадь, превышающую размеры всей Англии»¹⁸. И несмотря на то, что личное «курирование» целинной операции возложил на себя Хрущев, у Брежнева в его книжке не нашлось доброго слова о своем патроне. Хотя именно Хрущев в марте 1955 года, отправив Пономаренко послом в Польшу, предложил Брежнева на пост первого секретаря Казахстана.

Вообще в карьере Брежнева решающую роль сыграл Хрущев. Фактически все многочисленные выдвигания Брежнева, с послевоенного периода и до 1960 года, когда фаворит Хрущева стал Председателем Президиума Верховного Совета СССР, инициировались Никитой Сергеевичем. Хотя по отношению к Брежневу первый секретарь порой бывал весьма крут (как и к другим). Хрущев, последовательно выдвигая своего протеже, безусловно, был уверен в его лояльности. Тем более что Брежнев не засиделся в Казахстане: пробыв там всего два года, он вернулся в Москву. И вновь по рекомендации Хрущева Брежнев получает повышение: в феврале 1956 года становится кандидатом в члены Президиума Центрального Комитета партии и секретарем ЦК. Теперь Брежнев со Старой площади, цитадели и «штаба» КПСС, не уедет никуда до самых своих похорон.

Еще в те годы многие политики и хозяйственники, встречавшиеся с Брежневым, удивлялись: как человек столь посредственных способностей, ограниченного кругозора поднялся так высоко? Действительно, статный, красивый, радушный и благожелательный, Брежнев был малообразованным человеком. В своих рабочих записях, резолюциях, пометах он делал множество ошибок (обескуражить, Бон (вместо Бонн), хоккей, Ново Сибирск, Венгрия, Дюсендорф, Чаушестку, Шерванадзе, Кисенджер и т.д. и т.п.). Мне несколько раз приходилось присутствовать при выступлениях Брежнева. В начале семидесятых годов он выступал в большом зале Главпура перед военачальниками. Как только отрывался от текста, мы слышали речь малограмотного человека, но довольно живую и житейскую.

В его многочисленных записях трудно найти какие-то глубокие идеи, обобщения, новации. Везде уровень того

пропагандиста Новака из Кишинева, пример с которым приводил когда-то сам Брежнев.

И все же, почему Брежнев рос, делал карьеру, поднимался все выше и выше?

Дело в том, что в политике, которая редко бывает моральной, чистой, одна из форм компромисса — согласиться с выдвиганием явной посредственности, чьи слабости пытаются использовать противостоящие или оппонирующие друг другу силы.

Политически бесцветный человек может оказаться нужным сразу многим: в одном случае как переходная, временная фигура (так думали вначале и о Брежневе), как форма межличностного согласия, как фигура, которую используют в качестве марионетки. К слову сказать, в конце своей жизни Брежнев, которого славили на каждом официальном углу и одновременно рассказывали о нем бесчисленные анекдоты почти на каждой кухне, превратился именно в марионетку. Такие влиятельные члены политбюро, как М.А. Суслов, Ю.В. Андропов, Д.Ф. Устинов, К.У. Черненко, В.В. Гришин, Н.А. Тихонов, А.А. Громько, «крутили» Брежневым как хотели. Слабость характера, физическая немощь, интеллектуальная серость делали Брежнева весьма удобным предметом — символом всесоюзного руководителя, решения которого, однако, готовились другими.

Чем выше поднимался Брежнев на Олимп власти, тем заметнее она выскальзывала из его рук. Но выпасть не могла, ибо ею фактически распоряжались его ближайшие соратники: Андропов и Черненко.

Тоталитарная система может функционировать и без персонального диктатора.

От стабильности к стагнации Всегда есть немало людей, которых природа весьма экономно наделила интеллектуальными способностями.

Лидер КПСС был одним из таковых. Думаю, что Брежнев это и сам понимал, ибо в СССР давно сложилась система, когда партийный аппарат (а он всегда был огромным, опытным и влиятельным) часто предпринимает те или иные вопросы, берет на себя многие функции высших руководителей.

При обсуждении или рассмотрении любого вопроса к

генеральному секретарю поступают уже «проработанные» на уровне отделов ЦК документы, с готовыми проектами решений, резолюций, различными справками, аналитическими выводами, текстами речей, даже самых кратких выступлений. Партийные чиновники всегда играли в СССР огромную роль, ибо выработка конкретного решения, как правило, начиналась по инициативе отдела, сектора ЦК. Инициативы со стороны, снизу, всегда встречались подозрительно и принимались к «производству» лишь после тщательной аппаратной «экспертизы».

Фактически после Сталина все генсеки (первые секретари) были добровольными пленниками всеильного аппарата. Никто из них, даже Горбачев, не смог вырваться из цепких бюрократических объятий партийного механизма. В годы брежневского руководства роль аппарата начала приближаться к своему апогею, достигнув его в тот год, когда у руля КПСС и государства стал самый обыкновенный, стопроцентный партийный чиновник К.У. Черненко.

Всесилие аппарата делало генсеков марионетками партийной машины. В результате страна все время вступала в будущее с большим историческим запаздыванием.

При рассмотрении вопросов на политбюро завершающий акт был продуман до деталей: роли расписаны и «сценарий» хорошо отработан. Мне самому не раз приходилось готовить выступления на политбюро министрам обороны Гречко, Устинову, Соколову, являвшимся членами высшей партийной коллегии. Странно представить, но часто члены политбюро фактически зачитывали друг другу 2—3 листа текста, подготовленного инструкторами, референтами, помощниками. Все стремились «попасть» в одну точку, даже генеральный секретарь. Как правило, принципиального отклонения от известного уже всем проекта решения не было. Даже генсек, не всегда согласный с отдельными положениями предстоящего решения, как правило, поддерживал общую линию.

Обсуждая 27 декабря 1973 года вопрос о том, как работали в истекшем году политбюро и секретариат, Брежнев заявил: «Я, например, подписываю некоторые решения, хотя с ними не согласен. Правда, таких решений было очень немного. Так я делаю потому, что большинство членов политбюро проголосовало «за»¹⁹.

На съездах, пленумах ЦК, крайкомов, обкомов все придерживались «общей линии» ЦК. Критика и особое мнение звучали только по частным или хозяйственным вопросам. Для брежневского правления было особенно характерно спокойно-убаюкивающее рассмотрение партийных и государственных проблем. Брежнев и его соратники старались не делать «резких движений», не нарушать плавного течения партийной и общественной жизни. Это происходило в значительной мере потому, что многие вопросы решались лишь словесно, декларативно, формально.

Престарелые члены брежневского политбюро особо ценили стабильность, неизменность, однозначность курса и принимаемых решений. На том же заседании политбюро, на которое я выше ссылался, Брежнев, как достижение огромного значения, отметил: «Мы, товарищи, с вами работаем в согласии, в духе ленинских заветов... У нас в партии полное единство, нет никаких оппозиционных группировок и нам с вами легче решать все вопросы...» Генеральный секретарь, правда, посетовал, что «дружный коллектив политбюро ведет огромную работу. Мы нередко, конечно, устаем, перегружаем себя, но все это, товарищи, ради общего блага нашей страны, все это ради служения нашей великой ленинской партии, нашему народу. Иногда приходится отбрасывать усталость, чтобы решить тот или иной вопрос...»²⁰.

В своих выступлениях Брежнев нередко подчеркивал, что обстановка в стране стабильна, спокойна, благоприятна. На заседания секретариата ЦК Брежнев ходил очень редко, ограничивая свое руководство — высшей коллегией — политбюро. Но вот 20 ноября 1972 года он председательствовал на секретариате. Открывая заседание, генсек заявил: «В общем и целом я рад, что у нас все идет нормально, каждый работает на своем посту много и плодотворно, в общем и целом все задачи решаются своевременно и правильно, решаются как оперативные вопросы, так и проблемные»²¹.

Убаюкивающая безмятежность, боязнь радикальных реформ или каких-то существенных перемен были характерны для времени брежневского правления. То было полным торжеством самых глубоких консервативных на-

чал. После хрущевской реформистской оттепели наступила долгая брежневская консервативная зима.

Бесспорно, стабильность — важное позитивное явление как в экономическом, социальном, так и в международном плане. Но важен уровень и качество состояния, на котором существует эта стабильность; характер и показатели прогресса в различных областях жизни. А они, эти показатели, были очень далеки от того, чтобы предаваться благодущию.

Вместе с тем, надо сказать, что для стабильности в обществе и руководстве были определенные объективные и субъективные предпосылки. Прежде всего, после свержения Хрущева возникло состояние некоего «исторического центризма». Путь хрущевских реформ был отвергнут вместе с его вдохновителем. Хотя формально о реформах еще говорили. Например, почти через год после устранения Хрущева первый секретарь, выступая 29 сентября 1965 года на пленуме ЦК, утверждал: «Чтобы в полной мере использовать все возможности социалистического способа производства, предлагается усилить экономический метод управления хозяйством...» Заговорили о материальной заинтересованности, повышении производительности труда, хозрасчете. Но именно только заговорили... Управляли по-прежнему директивами и постановлениями ЦК.

Несмотря на откровенные симпатии многих членов политбюро к сталинизму, возвращение к нему оказалось невозможным. XX съезд партии (великая заслуга Н.С. Хрущева) исторически развенчал сталинские методы, и большая часть общества навсегда духовно отторгла ужасы большевистской диктатуры. Поэтому, возможно, даже против воли советских руководителей незаметно сложился некий «новый» путь: между реформизмом Хрущева и диктатурой Сталина.

Этот исторический центризм пытался сохранить инерцию движения, ничего кардинально не меняя и не реформируя. И хоть о реформах нет-нет да и говорили, они, эти реформы, были в основном словесными. Так же изредка слегка осуждали пресловутый культ личности, не опускаясь до выяснения генезиса и причин возникновения сталинской формы «социализма».

Если взять период от чехословацких событий 1968 года

(в начале «правления» Брежнева) до вторжения в Афганистан в 1979 году (на излете карьеры генсека), то это было самое спокойное десятилетие в советской истории. И хотя впоследствии этот исторический отрезок пути, на котором «топтался» СССР, назвали временем «застоя», нельзя отрицать значения стабильности этих лет, так редко посещавшей Россию в ее истории. Вопрос в ином: какой исторической ценой была обеспечена эта относительная стабильность.

Другое обстоятельство, отразившееся на состоянии стабильности советского общества, это достижение СССР военно-стратегического паритета с США. Долгая погоня за американцами в области накопления ядерных зарядов и создания ракетных носителей к ним ознаменовалась в семидесятые годы достижением зыбкого военного равновесия. Но это стоило СССР столь высокой милитаризации экономики, что грозило ей деградацией, дальнейшим ухудшением социального положения населения страны. Участие в гонке вооружений исторически «подрезало жилы» директивной экономике. Это означало приближение в грядущем глубокого, всестороннего кризиса системы.

Одновременно противостоящие стороны все больше приходили к пониманию того, что попытка разрешения непримиримых противоречий ядерным способом равносильна уничтожению всего живого на планете. Все сильнее в СССР, как и в США, утверждалась мысль: мало разрядки политической, нужна и военная разрядка. И стоит сказать, что годы брежневского руководства дали в какой-то период определенные положительные результаты в сфере международных отношений.

Программа мира, одобренная XXIV съездом КПСС, носила не только пропагандистский характер. Достаточно сказать, что в июне 1973 года Брежнев и Никсон подписали в Вашингтоне документ исторического значения о предотвращении ядерной войны между СССР и США. Возможно, это обстоятельство не в последнюю очередь позволило Брежневу, выступая по американскому телевидению, заявить 24 июня 1973 года: «Мы гордимся тем, что создали новое общество — самое стабильное и уверенно развивающееся общество...»²²

Следует отметить, что в деле достижения военно-стра-

тегического паритета с США значителен и личный вклад лидера КПСС. Еще в годы пика популярности Хрущева Брежнев по заданию политбюро основную часть своего времени уделял работе с военно-промышленным комплексом. В рабочих записях Брежнева, например, за 1958 год, весьма бессистемных и трудно читаемых, то и дело значится: «Решить вопрос о создании новых КБ», «О ракетах Челомея (крылатые ракеты)», «Задания Устинова», «Туполев переговорил с Челомеем», «О строительстве новых лодок», «О самолетах-мишенях». В дневниковых записях сотни фамилий оборонщиков, с кем он говорил, кого вызывал, кому давал поручения. Здесь встречаются фамилии многих известных деятелей ВПК: Устинова, Ломако, Славского, Задемидко, Забалуева, Янгеля, других. В дневнике многочисленные пометы о телефонных разговорах Брежнева с директорами 166, 897, 379, 174, 47, 24, других «номерных» заводов.

Все эти записи вперемежку с другими: «Звонил Н.С. В 1 час обедали вместе», «Уехал в 4 часа на охоту с Юрой», и т.д.²³.

По существу, стабильность общества обеспечивалась тем, что гигантский корабль системы долго использовал социальную инерцию хрущевского периода, подпитывая энергию едва заметного движения вперед все новыми и новыми кампаниями, директивами, партийными постановлениями «исторических пленумов».

Так, выступая 27 ноября 1978 года на пленуме ЦК КПСС, Брежнев, с трудом выговаривая слово «социализм», подчеркнул некоторые положения, характерные для лет его правления. «Позади три года десятой пятилетки, — заявил оратор. — Это были хорошие годы. Многого удалось сделать. Многого изменилось к лучшему». А далее, как всегда, осторожно, приглаженно, глухо говорил, что «ряд материальных балансов составлен с напряжением. Сохраняется дефицитность некоторых видов ресурсов... Медленно улучшается положение в капитальном строительстве... Непростое положение сложилось на транспорте, особенно железнодорожном... Потери зерна, картофеля, овощей и фруктов остаются весьма значительными...». И в этом же духе почти обо всех сферах народного хозяйства. Причины? Вновь общая глухая констатация: «Центральные хозяйственные органы, минис-

терства и ведомства медленно осуществляют перевод всей экономики на рельсы интенсивного развития. Они не сумели добиться нужного улучшения качественных показателей работы, ускорения научно-технического прогресса»²⁴.

Для трезвомыслящих людей давно уже было ясно: страна вступила в полосу исторического штиля: паруса обвисли, ибо уже ни один ветер для коммунистического корабля не был попутным. Партийное правление в центре и на местах характеризовалось внешней «директивной» активностью и внутренней пассивностью. В обществе нарастала социальная апатия. Процветала коррупция на всех уровнях: чем выше — тем больше. Стала обычной практика приписок, обмана, парадной, показушной информации. Окружение генсека представляло типичный «двор» с многочисленными фаворитами, интригами, кознями. Брежнев, будучи по характеру довольно мягким человеком, на все смотрел сквозь пальцы, даже на неблагоприятные проделки своих родственников. Знакомые и близкие генсека стали оказывать большое влияние на аппаратную ситуацию. Набрали силу его выдвигенцы К.У. Черненко, Н.А. Тихонов, К.С. Грушевой, Г.К. Цинев, С.К. Цвигун, С.П. Трапезников, Г.Э. Цуканов, другие приближенные стареющего и разваливающегося лидера. Черта, замеченная в начале войны работником тогдашнего ГлавПУРККА (Главное Политическое управление Рабочекрестьянской Красной Армии) Верхорубовым о том, что Брежнев «склонен иметь любимчиков», приняла гротескные формы.

Все очевиднее становилось, что Брежнев во внутренней политике не обладает ни политической волей, ни широкими экономическими взглядами, ни ясным видением реальных перспектив. Вследствие застоя в центральных структурах, происходила заметная «феодализация» местных партийных комитетов в республиках, краях и областях. Первый секретарь, допустим, обкома партии обладал в области почти неограниченной властью, что развращало людей, укрепляло атмосферу социального пессимизма, ханжества, духовного дуализма. Люди, как Тартюф из пьесы Мольера, говорили одно, думали и делали другое.

Впрочем, духовный, нравственный дуализм существо-

вал в обществе уже давно. Даже сам Брежнев не был свободен от его проявлений. Просматривая в архиве генсека записные книжки, блокноты, настольные календари Брежнева, я не раз натякался на странные записи, меченные 1959, 1960 годами, в которых он подобострастно отзывается о Хрущеве.

— 28-го встречали Никиту Сергеевича, радостная и приятная встреча. Народ не давал проехать. Хороший митинг в Лужниках и вечер — ужин на Ленинских горах.

— Выступление Н.С. было очень хорошим...

Хотя уже давно Брежнев, как выяснилось позднее, относился к Хрущеву весьма недоброжелательно.

Думаю, что Брежнев делал эти записи в настольных календарях в расчете, что его лояльность к первому секретарю непременно станет тому известной. Ведь сегодня уже точно установлено, что подслушивание телефонных разговоров членов политбюро, копание в их личных бумагах было обычным, «нормальным» делом вплоть до 1990 года...

По свидетельству более поздних записей и выступлений на политбюро Брежнева, он совсем не питал любви к своему предшественнику. Но такова была ханжеская партийная мораль.

Возможно, возрастающее недовольство социальным и экономическим штилем, крайне низким качеством жизни подвигли одного советского гражданина к редкой форме политического протеста в СССР — террористическому акту против генсека.

В январе 1969 года Москва встречала космонавтов, вернувшихся с орбиты. В кавалькаде машин, направлявшейся в Кремль, были не только космонавты, но и генеральный секретарь. У Боровицких ворот Кремля младший лейтенант Виктор Иванович Ильин, добывший милицейскую форму у своего родственника, открыл огонь из пистолета по головной машине. Но Брежнев находился в другом автомобиле. Погиб водитель лимузина; космонавты и Брежнев не пострадали.

Ильина решили не судить — невыгодно; политический резонанс может быть нежелательным. Через два месяца у Ильина определили хроническое душевное заболевание в форме шизофрении. До этого случая считался совершен-

но здоровым... Террорист провел в Казани в специальной психиатрической лечебнице 18 лет и затем еще два года в Ленинграде. Через 20 лет принудительного лечения в 1990 году выписан из больницы, как излечившийся...

Естественно, 9-е Главное управление КГБ, занимавшееся охраной членов политбюро, утроило свою бдительность, хотя Брежнев не страдал, как Сталин, манией преследования и комплексом опасности. Похоже, что сам он не придал этому инциденту серьезного значения.

В обстановке усилившейся бюрократизации, продажности, господства двойных моральных стандартов наиболее последовательно поддерживали Брежнева военные, особенно Маршал Советского Союза Д.Ф. Устинов. Мне много раз довелось бывать на заседаниях коллегии Министерства обороны, которые вел Устинов. Почти всегда маршал начинал заседание с панегириков в адрес генерального секретаря:

— Я только что разговаривал с нашим дорогим и любимым Леонидом Ильичом. Он передает вам всем привет и желает больших успехов...

И так практически всегда. Складывалось впечатление, что и Устинов говорил это в расчете, что его хвалебные тирады дойдут и неофициально до генерального секретаря.

Лесть, подхалимство, протекционизм были нормами тогдашней жизни. И хотя сегодня многие пороки прошлого, особенно коррупция чиновников, достигли позорных высот, истоки разложения коренятся в самой тоталитарной системе и ее наследии. Отсутствие демократических традиций, цивилизованного опыта управления, слабость гражданского общества, игнорирование прав человека не могли исчезнуть безболезненно и быстро. Грешно, конечно, все валить на прошлые пороки, но учиться не повторять их сегодня следовало бы более настойчиво и последовательно. Таким образом, «самое спокойное и стабильное» общество несло в себе явные тенденции стагнации и разложения тоталитарного государства. Не Горбачев «придумал» перестройку, а истоки неизбежных и неясных еще перемен рождались в самой ткани социалистического общества. «Эпоха» Брежнева, по сути, создала «плацдарм» для грядущих социальных и политических потрясений в СССР, приведших, к несчастью, к его распаду.

В годы брежневского руководства страна исчерпала возможности, которыми обладала директивная экономика; стали карикатурными методы бюрократического управления с позиций «Слава КПСС!», подверглись глубокой эрозии коммунистические «ценности». Общество вплотную приблизилось к пределу «социалистических возможностей».

Стагнация, выразившаяся в застое и загнивании социально-экономических и политических основ функционирования «развитого социализма», проявилась в целом ряде тенденций.

Прежде всего, вынужденный отказ от старых репрессивных методов управления обществом показал, что партийная верхушка не располагает другими эффективными механизмами влияния на экономический рост, социальную обеспеченность, духовное развитие. Но огромный аппарат принуждения сохранялся. Хотя он не мог быть в полной мере применен так, как в 30—40—50-е годы, сама угроза его использования существовала всегда. Однако в экономике это уже больше не «срабатывало». Темпы роста во многих областях промышленности становились нулевыми. Все больше хирело сельское хозяйство. Политбюро регулярно занималось выделением все новых и новых десятков и сотен тонн золота на закупку продовольствия на Западе для гигантской страны. В СССР все большее количество предметов потребления становилось дефицитным, что подстегивало коррупцию и экономическую преступность.

Гигантская страна «забуксовала». А брежневское политбюро как бы не хотело замечать этого. Характерны, например, такие моменты из жизни политбюро. Ежегодно в декабре или январе наступающего года члены политбюро подводили итоги своей собственной организационной работы. Состоялось такое рассмотрение дел и 3 января 1980 года. Брежнев предоставил, как обычно, слово своему фавориту К.У. Черненко. Страна, медленно двигавшаяся к эфемерной цели, как бы споткнулась и остановилась в своем экономическом развитии, а любимец Брежнева бойко сыпал на заседании бюрократическими цифрами:

«...За год состоялось 47 заседаний политбюро, на которых было рассмотрено около 450 вопросов, принято свыше 4 тысяч постановлений. Рассмотрены:

Оргпартвопросы	— 14
Вопросы идеологии	— 46
Военно-оборонные вопросы	— 227
Вопросы промышленности, транспорта, капитального строительства	— 159
Вопросы внешней политики и внешней торговли	— 1845
Вопросы планирования народного хозяйства	— 11
Кадровые вопросы	— 330
Вопросы о правительственных наградах	— 927» ²⁵
И далее в том же духе...	

Никакого беспокойства и тревоги. Идет война в Афганистане. Сорвана разрядка. Топчутся на месте сельское хозяйство и промышленность. На местах усиливается власть партийных князьков. А члены политбюро демонстрируют паразитическое благодушие.

Черненко в ходе доклада особо подчеркнул, что «пленумы ЦК в минувшем году проходили в обстановке полного единодушия». Тут же последовали реплики:

Андропов: Это совершенно правильный вывод. Пленумы действительно проходили в обстановке полного единодушия.

Пельше: И решения принимались так же единодушно.

Когда Черненко доложил, что кроме заседаний политбюро проведено и 51 заседание секретариата ЦК, где было принято 1327 постановлений, вновь послышались возгласы:

Суслов, Андропов: Как политбюро, так и секретариат проходят в обстановке полного единодушия...²⁶

Для брежневского политбюро важнее темпов экономического роста было соблюдение ленинской традиции: «Сохранение полного единодушия». Летаргия брежневского руководства продолжалась. Партийные руководители страны оказались не в состоянии ответить на вызовы времени, когда ленинская система, основанная на принуждениях, насилии, идеологических директивах, полностью исчерпала себя.

Стагнация была особо обусловлена непомерными усилиями государства в военной области. Как событие исторического значения было расценено достижение страте-

гического паритета между СССР и США. Но меньше говорили о том, что американский экономический потенциал был фактически в два раза мощнее советского и Америка совсем не прилагала сверхусилий. В Вашингтоне верно оценивали ситуацию, чтобы поразить противника на дуэли, не обязательно дуэлянту иметь дюжину пистолетов, а достаточно одного абсолютно надежного. Белый дом, Пентагон измотали СССР гонкой вооружений, в которую так явно и бездумно включились советские руководители. Они вроде бы добились своей стратегической цели: паритет Советским Союзом был достигнут, но ценой, которая, наряду с другими причинами, предопределила будущий крах СССР.

Когда в 1980 году А.Д. Сахаров в своем открытом письме Л.И. Брежневу написал: «в СССР усиливается разорительная сверхмилитаризация страны (особенно губительная в условиях экономических трудностей), не осуществляются жизненно важные реформы в хозяйственно-экономических и социальных областях...»²⁷, генеральный секретарь не стал читать текста. Он поручил его передать Андропову: пусть полицейское, сыскное ведомство разбирается с отступником, который уже находился в своей горьковской ссылке. Брежнев, как и его политбюро, были совершенно глухи к трезвым предупреждениям.

Занимаясь на протяжении ряда лет, до того как стать первым лицом в партии и государстве, оборонными вопросами, Брежнев незаметно для себя идентифицировал положение в военно-промышленном комплексе страны с общим состоянием экономики государства. Генсек считал (это следует из его записей и выступлений на политбюро), что ВПК — «зеркало народного хозяйства». А то, что «оборонка» поглощала львиную долю ресурсов в ущерб народному хозяйству, это до высшего руководителя доходило плохо. ВПК при Брежневе достиг своего апогея. Результатом стало быстрое углубление экономического кризиса, стагнирование всей экономики, что привело в конечном счете к драматическим переменам в стране после 1985 года, когда Брежнева уже не было в живых.

Стабильность все быстрее приобретала черты классической стагнации и в результате глубокого игнорирования гуманитарных, человеческих проблем. Общественность Запада, да и государственные структуры капиталистичес

ких стран сделали главным объектом своих массированных атак на коммунистическую систему — права человека. СССР «ответить» на это было фактически нечем. Со времен Ленина права и свободы личности считались «буржуазными» атрибутами, областью империалистических диверсий и спекуляций.

При общей стагнации общества и системы в брежневские времена резко «прибавил» военно-промышленный комплекс (были достигнуты и выдающиеся научно-технические достижения), усилились виды Вооруженных Сил. Но особенно окреп Комитет государственной безопасности. Он не только держал под своим контролем духовную, политическую жизнь страны, но и активно проводил политику КПСС за рубежом. Чем он только там не занимался! Вот лишь одна иллюстрация.

Летом 1969 года в Иерусалиме вспыхнула от поджога мусульманская мечеть Аль-Акса. Это вызвало гневную реакцию не только в мусульманском мире, но в том числе и в Дели. Андропов пишет в ЦК:

«Резидентура КГБ в Индии располагает возможностями организовать в этой связи демонстрацию протеста перед зданием посольства США в Индии, в которой примет участие до 20 тысяч мусульман. Расходы на проведение демонстрации составят 5 тысяч индийских рупий (какая дешевка! — Д.В.) и будут покрыты за счет средств, выделенных ЦК КПСС на проведение спецмероприятий в Индии в 1969—1971 годах.

Просим рассмотреть»²⁸.

Брежнев пишет: «Согласиться». По сути, политбюро есть высший орган не только партии, но и Комитета государственной безопасности...

Однако именно в годы брежневского руководства в стране окрепло общественное движение, названное «диссидентством». Интеллектуальный, нравственный протест против полицейской слежки, инакомыслия, свободы выражать свои взгляды были духовными симптомами углубляющегося загнивания и стагнации коммунистической системы. А. Синявский, Ю. Даниэль, В. Буковский, М. Ростропович, А. Солженицын, П. Григоренко, десятки других духовно отважных людей, представителей советского интеллигентского слоя, своими выступлениями, мыслью, протестами высветили органическую ущербность ленин-

ской системы. Ущербность гуманитарную, правовую, общественную. Людей сажали в тюрьмы, психиатрические больницы, высылали за рубеж. Все эти мерзкие виды преступлений против человечности культивировались в «стране Ленина».

Великий народ, носитель неповторимой культуры, был вынужден на протяжении десятилетий молчать. Время «оттепели» после XX съезда оказалось коротким. ЦК, по старой ленинской традиции, был органом, санкционирующим и регулирующим деятельность спецслужб по борьбе с инакомыслием. КГБ регулярно направлял в «штаб» ленинской партии свои предложения и реляции. Наподобие вот такой. Андропов 15 ноября 1976 года подписывает в ЦК КПСС записку «О враждебной деятельности так называемой «группы содействия выполнению хельсинкских соглашений в СССР». В документе говорится, что эта «организация» стремится с помощью Запада создать видимость «внутренней оппозиции» в Советском Союзе. В докладной явно видны провокационные, антисемитские ноты. Андропов подписывает состав, список членов хельсинкской «группы» с указанием их национальности: «Гинзбург А.И., 1936 года рождения, еврей; Григоренко П.Г., 1907 года рождения, украинец; профессиональный уголовник Марченко А.Т., 1938 года рождения, еврей; Щаранский А.Д., 1948 года рождения, еврей; Слепак В.С., 1927 года рождения, еврей; жена Сахарова Боннер Е.Г., 1922 года рождения, еврейка; Бернштан М.С., 1949 года рождения, еврей; Ланда М.Н., 1918 года рождения, еврейка; Алексеева Л.М., 1927 года рождения, русская; Корчак А.А., 1922 года рождения, украинец...»²⁹

Авторы сочинения создают соответствующее антисемитское впечатление у высшего руководства страны и партии. Там, в свою очередь, не только одобряются меры КГБ «по компрометации и пресечению враждебной деятельности участников группы», но и рассылаются инструкции в партийные комитеты, совпослам. Например, политбюро 19 мая 1977 года направляет «Указания совпослам в связи с шумихой на Западе по вопросам о правах человека». В подписанных Брежневым «указаниях» почти на 20 страницах требуется разъяснить, что «враждебная СССР кампания под фальшивой вывеской защиты прав человека» преследует цель «отвлечь внимание народных

масс капиталистических стран от тех серьезных трудностей, которые переживает буржуазное общество».

Отмечайте, предписывается в «указаниях» что революция, осуществленная в России 60 лет назад, затем и была осуществлена, чтобы «на деле обеспечить подлинные права и свободы личности», что только в СССР в «наиболее полном объеме и с наибольшей последовательностью осуществляются права и свободы человека»³⁰.

С помощью подобных пропагандистских «указаний» пытались закамуфлировать отсутствие подлинной демократии в СССР, что на определенном историческом этапе стимулировало застой, стагнацию, эрозию тех некоторых завоеваний, которые стали возможны после XX съезда партии

Совести, как универсальной доминанте духа здесь не нашлось места.

Чехословакия, Афганистан Долгое, практически двадцатилетнее правление Брежнева, внешне почти безмятежно-застойное, но глубоко консервативное, дважды прерывалось бурными международными событиями. В начале его властвования и на самом закате жизненного пути генсека. Речь идет о подавлении демократических ростков «пражской весны» в Чехословакии и начале вооруженного вмешательства в дела соседнего Афганистана.

Почти в это же время, в августе 1980 года, политбюро принимает меры по подготовке «оказания военной помощи» Польше. Размеренная и однообразная жизнь великой страны была прервана резкими военными движениями гиганта. Брежнев, по своему положению первый человек в государстве, во всех этих случаях оказывался в эпицентре событий. Но это совсем не значило что он был инициатором и генератором имперских и милитаристских акций. Генеральный секретарь с готовностью исполнял волю на иболее воинственной части политбюро и всесильного КГБ. Внешне генсек был безраздельным вождем могучей империи, но по своей внутренней сути больше подходил на роль главной марионетки тоталитарной системы. Однако отведенную ему роль лидера исполнял настойчиво и последовательно.

Как известно в 1967 году в Чехословакии под влиянии

ем ряда внутренних и внешних факторов стала заметно меняться общественная атмосфера. Люди громко заговорили о последствиях сталинизма для ЧССР для всего своего будущего. В печати, на телевидении активно выдвигались идеи о необходимости демократизации общества, о развитии подлинного политического плюрализма, формировании равноправных отношений с СССР. На первый план выдвинулись коммунистические лидеры, провозглашавшие необходимость демократических реформ в стране и партии. Это были А. Дубчек, О. Черник, Й. Смрковский, Ч. Цисарж, О. Шик, З. Млынарж и другие деятели. Эти люди еще не знали, что коммунистическая система трудно, если вообще это возможно, реформируема. Думаю, что через два десятилетия лидер КПСС М.С. Горбачев имел возможность в этом убедиться. Коммунистическая система не приемлет демократизации общества, это для нее губительно. К несчастью чехословацких реформаторов, «пражская весна» пришлась к тому же на время усиления консервативных, неосталинистских тенденций в СССР. Уход Хрущева означал не просто смену одного советского лидера другим, а серьезную коррекцию официального курса в сторону коммунистической ортодоксии.

Надо сказать, что, как всегда, руководство СССР и КПСС судило о происходящих событиях в стране и за рубежом главным образом на основании докладов и анализа органов КГБ. Из Праги через Лубянку на Старую площадь в Москве шли непрерывные донесения об «активизации ревизионистских сил» в КПЧ, «контрреволюционных тенденциях» в деятельности Дубчека, Черника, Пеликана, Смрковского и других лидеров чехословацкого обновления, «утрате контроля КПЧ» над средствами массовой информации, «вмешательстве США и НАТО» в дела страны и другие подобные сообщения. В большинстве случаев органы спецслужб СССР так квалифицировали необъяснимый для них процесс либерализации и демократизации в Чехословакии, обращение людей к общечеловеческим ценностям, и прежде всего к свободе, осуждению репрессий прошлого. «Чекистские очки» со времен Ленина заменяли лидерам КПСС необходимость нормального анализа событий, требовали «коминтерновского мышления» в оценке любых политических и идеологических событий.

Как пишет один из лидеров «пражской весны» Зденек Млынарж, «Дубчек не помышлял о разрыве с Москвой». Его слишком многое связывало с ней: не только то, что он провел в СССР детство и молодость, но и то, что он искренне верил в идеалы социализма, но хотел их освободить от коросты сталинщины. Он наивно верил, что коммунизм можно сделать демократическим. Личные честность и порядочность обеспечили Дубчеку в Чехословакии огромный авторитет. «В период «пражской весны», — писал Млынарж, — народ видел в Дубчеке символ великих идеалов демократического социализма»³¹.

А Москва, с ее ортодоксальным руководством, усматривала в популярном чехословацком лидере, оппортуниста, ревизиониста, «вынашивающего» некие «темные» контрреволюционные планы.

Когда в январе 1968 года А. Дубчек стал первым секретарем ЦК КПЧ, советское руководство решило использовать испытанный прием: новый лидер попал под пресс непрерывного давления со стороны не только московских вождей, но и их сателлитов.

В дневниковых, рабочих записях Брежнева много раз встречаются пометы: «Позвонил Кадару — пусть он еще поговорит с Дубчком»; «Живков обещал надавить на пражских руководителей»; «Гомулка и Ульбрихт встревожены развитием событий в Чехословакии и будут оказывать на Дубчека и его друзей соответствующее влияние».

Нормальная, понятная, естественная тяга людей к свободе, независимости, демократическим формам жизни воспринималась в Кремле как «контрреволюция», «оппортунизм», «измена марксизму», «попытка перехода в лагерь капитализма». Известные программные документы, такие, как «Программа действий КПЧ», манифест «Две тысячи слов», излагавшие идеи демократизации социализма в Чехословакии, были расценены в Москве как контрреволюционные платформы. В каждом шаге Праги, любом заявлении Дубчека или Смирковского советским руководителям виделся очередной акт «предательства» дела социализма и марксизма. Порой реакция Брежнева, Сулова, Шелеста, других вождей КПСС была просто истеричной.

Конечно, в действиях реформаторов было немало и такого, что позволяло им еще больше «понравиться» интел-

инженции ЧССР, общественному мнению на Западе. Но и Дубчек, и Черник, и Шик не «отказывались» от социализма. Они просто не могли игнорировать возмущение студенчества, интеллигенции, простых людей вновь открывшимися фактами репрессий прошлого, в которых пострадали такие известные в Чехословакии люди, как Р. Сланский, В. Клементик, Э. Гольдштюккер, М. Швермова, Й. Смирковский и другие.

Большая часть первой половины 1968 года в работе политбюро ЦК КПСС была окрашена в чехословацкие цвета. Не проходило месяца, чтобы не состоялись все новые и новые встречи советских руководителей с чехословацкими. Брежнев по решению политбюро то и дело звонил в Прагу. Даже находясь в любимом Завидове*, 14 февраля 1968 года Брежнев после удачного отстрела нескольких кабанов позвонил Дубчеку по спецсвязи прямо из своего автомобиля.

Не ограничиваясь личным давлением, советские лидеры переносили «чехословацкий вопрос» то на заседание Политического консультативного комитета Варшавского Договора, то на Совещание руководителей восточноевропейских социалистических стран, то на двусторонние встречи политбюро ЦК КПСС с Президиумом ЦК КПЧ, как это было в конце июля 1968 года в пограничном пункте в Чиерна-над-Тиссой.

В июне, с одобрения Брежнева, решили провести учения войск в рамках Организации Варшавского Договора. Привлекли 16 тысяч человек, в том числе несколько советских частей из Венгрии и Польши. То была репетиция использования военной силы для подавления нежных ростков «пражской весны». Судя по заметкам Брежнева в его блокнотах, проработка возможности военного решения «чехословацкой проблемы» началась еще с апреля 1968 года. В одной из своих записей в апреле 1968 года (дата не указана) Брежнев называет военную подготовку к подавлению пражских реформаторов «операцией «Опухоль». Здесь же пишет о необходимости поездки министра обороны Союза ССР маршала А.А. Гречко в Прагу, о

---

* Завидово — обширное закрытое охотничье хозяйство, примерно в 140 километрах от Москвы, предназначенное раньше исключительно для высшего руководства СССР.

его, Брежнева, предстоящем очередном разговоре с Дубчеком, а затем и о новой встрече с чехословацкими руководителями.

Знакомство с протоколами политбюро за 1968 год рождает впечатление, что ничем другим, кроме как «пражским ревизионизмом», оно практически не занималось. Впрочем, судите сами о хронике эскалации.

— Чернежо вел рабочую запись заседания политбюро 15 марта 1968 года по Чехословакии. Брежнев: «Надежды на Дубчека не оправдываются». Андропов констатирует: «Положение серьезное. Напоминает венгерские события».

— Вновь 21 марта 1968 года политбюро мысленно в Праге. Брежнев говорил о ходе подготовки совещания в ГДР по вопросу о Чехословакии.

— Через три дня, 25 марта, обсудили на политбюро результаты совещания в Дрездене. Брежнев резюмировал: «В ЧССР идет разложение социализма. Там говорят о необходимости свободы от СССР». (Сказано точно. — Д.В.)

— После советских праздников, 6 мая 1968 года, обсуждали на политбюро итоги встречи Брежнева с Дубчеком. «Партия обезглавлена» — так оценил генсек ревизионизм чехословацкого руководителя.

— Через десять дней, 16 мая 1968 года, вновь заседает политбюро: среди 24 вопросов, значащихся в повестке дня, два о Чехословакии.

— Заседание политбюро 23 мая 1968 года. Доклад маршала Гречко о его поездке в Прагу. После мрачного разговора по докладу министра обороны Брежнев констатирует: «И армию разложили. А либерализация и демократизация — это по сути контрреволюция». (Вдумайтесь. «контрреволюция»)

— Состоялось заседание политбюро 27 мая 1968 года. Докладывал на заседании А.Н. Косыгин о своей поездке в Прагу и встречах с чехословацкими руководителями. Бросается в глаза вопрос Брежнева, но не Косыгину, а министру обороны: «Как идет подготовка к учениям?» На что А.А. Гречко ответил: «Уже сорок ответственных работников в Праге. Готовимся».

— Политбюро заседало 6 июня 1968 года. Обсуждался вопрос: положение в Чехословакии. Брежнев зачитывал

шифровки КГБ. Обсуждали дежурные шаги по оказанию давления на руководство КПЧ.

— Вновь 13 июня 1968 года политбюро заседает по вопросу «О Чехословакии». Брежнев рассказывает о своей беседе с Я. Кадаром, который на днях будет принимать высокую делегацию из Праги.

— Следующее «чехословацкое» заседание политбюро состоялось 2 июля 1968 года. Брежнев докладывает: Дубчек и Черник окончательно скатились к ревизионизму. Советуются: выводить ли из Чехословакии союзные войска, которые там находились на учениях? Гречко предлагает: создать сильную группировку на границе и держать ее в полной готовности...

— Назавтра, 3 июля, вновь созывается политбюро. Обсуждают «контрреволюционную сущность 2000 слов». Брежнев информирует соратников о своей телефонной беседе с Кадаром. Отдаются распоряжения об использовании армейских подвижных радиостанций в вещании на ЧССР.

— Далее активность политбюро в «чехословацком вопросе» еще более нарастает. Коммунистический синклит заседает 9 июля, 19 июля, 22 июля, 26 и 27 июля, 16 августа, 17 августа, 21 августа. Вопрос один: положение в Чехословакии и перечень необходимых шагов по «пресечению контрреволюции». Вербально, устно (без записей) идет регулярное обсуждение хода подготовки к массивному военному вторжению в дружественную страну. Уточняются детали. Но странное дело: ни разу не обсуждают вопрос: а что будут делать войска союзников, войдя в Чехословакию? Разве танки могут заставить людей мыслить по-иному?

Именно в этот период у ряда членов политбюро возникла идея: если уж речь фактически идет о подготовке «вооруженной интернациональной помощи», то нужно сделать так, чтобы у СССР и КПСС ее «попросили». С идеей согласились, и через пару дней надежные люди в Праге уже знали об этом.

Где-то в середине июля по каналам КГБ из Праги пришло тайное письмо от кандидата в члены Президиума ЦК КПЧ Антонина Капека на имя Л.И.Брежнева. В нем он, в частности, писал: «В ЦК КПЧ группа из руководящего состава партии в лице Смрковского, Кригеля, Шпачека,

Шимона, Цисаржа, Славика овладела всеми средствами массовой информации» и ведет антисоветскую и антисоциалистическую работу. В конце письма А.Капек прямо пишет: «Я обращаюсь к Вам, товарищ Брежнев, с призывом и просьбой оказать братскую помощь нашей партии и всему нашему народу в деле отпора тем силам, которые.. создают серьезную опасность самим судьбам социализма в Чехословацкой Социалистической Республике». Подпись Антонина Капека не помечена датой написания послания.

Брежнев зачитал письмо членам политбюро. Признали его важным, но недостаточным. Через несколько дней по тем же каналам на имя Брежнева поступило еще одно письмо, подписанное уже теперь пятью высокими чехословацкими руководителями. Оно было более определенным и обязывающим.

Генсек вновь пригласил членов политбюро к себе в кабинет. Надев очки, прочел призыв чехословацких руководителей, перемежая чтение своими бесхитростными комментариями: «Доигрались, а нам теперь расхлебывать... Хреновы марксисты...» Вот две-три выдержки из этого драматического послания, которое до 1992 года хранилось в «Особой папке» шестого сектора общего отдела ЦК КПСС.

Речь в письме шла о возникновении в ЧССР возможности «контрреволюционного переворота». «В такой тяжелой обстановке обращаемся к вам, советские коммунисты, руководящие представители КПСС и СССР, с просьбой оказать нам действенную поддержку и помощь *всеми средствами* (курсив мой. — Д.В.), которые у вас имеются. Только с вашей помощью можно вырвать ЧССР из грозящей опасности контрреволюции.

Мы сознаем, что для КПСС и СССР этот последний шаг для защиты социализма в ЧССР был бы нелегким...

В связи со сложностью и опасностью развития обстановки в нашей стране, просим вас о максимальной закрепченности этого нашего заявления, по этой причине пишем его прямо лично для Вас на русском языке»³².

— Вот это уже стоящий документ, — довольно заметил генсек, закончив чтение.

Теперь видимость «законности» вооруженного вторжения в дружественную страну можно будет обеспечить,

прикрывшись фиговым листком «просьбы руководителей братской партии и государства».

Гречко почти каждый день встречается с Брежневым. Было решено после ввода войск интернировать все руководство ЧССР и привезти его в Москву.

— Здесь заговорят по-другому. Не поймут, мы им продиктуем, — нервно заключил генеральный секретарь.

— Армия парализует контрреволюцию, обезопасит от «ухода» Чехословакии на Запад, — осторожно отвечал Гречко. — Но главную роль должны сыграть политики. Опасно выглядеть оккупантами. Нас они должны «позвать». И сами же творцы контрреволюции будут выправлять в последующем создавшееся положение, — подсказывал маршал.

Брежнев, по своему обыкновению, соглашался. Время «Ч» приближалось. По команде Суслова в советской печати и на телевидении началась подлинная истерия: что не СССР угрожал Чехословакии, а эта небольшая страна представляла смертельную угрозу гиганту. Впрочем, в определенном смысле так и было. Монолит в виде «социалистического содружества», распавшийся менее чем через четверть века, мог глубоко «треснуть» и раньше...

С военной точки зрения Москва провела операцию слаженно и молниеносно. Десанты, танковые колонны, контроль над мостами, узлами связи, аэродромами... Все в духе советской наступательной военной теории. Впрочем, никто советским войскам не оказывал сопротивления. Лишь тысячные толпы чехословаков вдоль дорог провожали негодующими взглядами и возмущенными возгласами бронированные колонны своих «союзников». Президент Людвик Свобода, понимая бессмысленность вооруженного сопротивления, призвал свой народ проявить мудрость и выдержку.

Советские парни (такие же жертвы коммунистического режима, как и жители оккупированной ими страны), остановив свои танки и бронетранспортеры на площадях городов, не знали, что делать дальше... Никто не оказывал сопротивления... «Контрреволюционеры» были без оружия... У них были только плакаты и слова негодования... Не видно было и западных «инструкторов»...

Как вспоминал один из инициаторов «пражской весны» Зденек Мльнарж, «где-то после 4-х часов утра 21 августа

к зданию ЦК КПЧ подъехала черная «волга» из советского посольства, и вскоре после этого здание окружили бронемашин и танки. Из них выпрыгнули солдаты в бордовых беретах и полосатых тельняшках, с автоматами в руках. Здание было окружено...

Двери кабинета Дубчека раскрылись, ворвались около восьми автоматчиков, окружили нас и нацелили автоматы на наши затылки. Вслед за ними вошли два офицера. Один из них был полковником... Кто-то, по-моему Дубчек, что-то сказал, и полковник заорал:

— Не разговаривать! Тихо! По-чешски не говорить!»³³

Москва действовала по своему плану. Брежнев несколько суток не уходил из своего кабинета, забываясь тяжелым сном на три-четыре часа в сутки в комнате отдыха. Вопреки донесениям и прогнозам КГБ «массы» чехословаков не поддержали вторжения советских войск.

Впрочем, КГБ обычно всегда переоценивал уровень просоветских настроений, вес и эффективность своего влияния. Так было в Зимбабве, Афганистане, Эфиопии, Ливии, Чили, других странах. Десятки-другой продавшихся спецслужбам людей выдавались за представителей всего народа...

За Дубчеком стояла вся страна...

Уже ранним утром, как сказано выше, 21 августа здание ЦК КПЧ было в кольце советских десантников. В кабинеты строптивых первого секретаря и некоторых членов Президиума ЦК КПЧ ворвались советские офицеры и через некоторое время предложили следовать за ними. На возмущенные и недоуменные вопросы задержанных следовали однотипные холодные ответы:

— Это делается в интересах вашей безопасности...

В крытых машинах чехословацкое руководство было доставлено на аэродром, где его бесцеремонно впихнули в советские транспортные самолеты. Дубчек, Шпачек, Цисарж, Кригель, Черник, Смирковский и еще несколько человек стали пленниками своего могущественного «союзника». Негодование охранников особенно откровенно выражалось по отношению к первому секретарю. В их глазах он был не реформатор, а предатель.

Когда Дубчека (которого Брежнев при личных встречах раньше покровительственно, фамильярно называл

Сашей) затащили в самолет, кто-то сзади его сильно толкнул прикладом автомата. Дубчек упал и расшиб себе голову.

А в Праге советские части оказались в полной изоляции. «Квислинговцев»* оказалось довольно мало, и они боялись подать голос. Брежнев был крайне встревожен. По московскому сценарию «здоровые силы» должны были тут же сместить всех контрреволюционеров в руководстве партии, сформировать новое правительство, осудить «преступления» ревизионистов и начать быстрое «возвращение» к ленинско-сталинскому социализму. Но никакой мало-мальски значимой поддержки оккупантам не было оказано. Небольшие чешский и словацкий народы проявили большое национальное достоинство и историческое мужество перед лицом грубой силы.

На Старой площади в Москве в здании ЦК КПСС в конце августа все ночи напролет тускло светились зашторенные окна. Руководство партией и страной растерялось. Прилетел президент Свобода и стал требовать освобождения Дубчека и его товарищей. В противном случае ему, старому генералу, не остается выбора. В знак протеста «он может только покончить с собой».

Брежнев, уважавший Свободу за его славное военное прошлое, сидя рядом с чехословацким президентом на диване в своем кабинете, постоянно повторял:

— Успокойтесь, Людвиг Иванович. Все уладится... Уладится... Дубчеку и Чернику нужно для этого лишь осудить контрреволюцию...

Генсек едва ли понимал нелепость своих слов о «контрреволюции». Наконец, после бесчисленных совещаний в Москве и Праге, в КГБ и ЦК решили начать переговоры «делегаций КПСС и КПЧ». Между двумя политбюро. Переговоры между оккупантами и их пленниками.

Дубчек и его товарищи, пережившие настоящий шок от вторжения, интернирования, грубого обращения, были вынуждены согласиться. Ничего другого не оставалось. К этому же их призвал и Л. Свобода. Выбора у них не было.

---

* Видкун Квислинг, организатор и лидер фашистской партии в Норвегии. Содействовал захвату Норвегии фашистской Германией (1940 г.). Имя Квислинга стало нарицательным для предателей своего народа. — *Прим. ред.*

Решили составить Соглашение, в котором попытались найти компромиссные решения. В архиве политбюро ЦК КПСС сохранился текст переговоров двух «братских делегаций», прошедших 26 августа 1968 года. Это четыре десятка страниц «плотной» печати. Я не имею возможности воспроизвести этот протокол, но отдельные фрагменты изложу на двух-трех страницах.

В напряженной тишине за длинным столом уселись Брежнев, Косыгин, Подгорный, Сулов, Кириленко, Громыко, Пономарев, еще несколько советских руководителей. По другую сторону были Дубчек, Свобода, Черник, Смрковский, Млынарж, Шимон... Начались тяжелые переговоры, в которых солировали два лидера партий: Брежнев и Дубчек. Правда, вначале вместо Дубчека говорил Черник, ибо лидер чехословацких коммунистов после глубокого нервного потрясения чувствовал себя очень плохо.

Вот некоторые фрагменты «дискуссии».

Черник: ...Наша страна сейчас оказалась в таком положении, в каком она не была после войны... Мы расцениваем обстановку в стране как критическую, чреватую большим кровопролитием... Союзные войска дружественных стран вошли на территорию Чехословакии без нашего ведома. Президиум не обращался с просьбой о такой помощи... Решающее значение имеют действия правительств социалистических стран, связанные с пребыванием и отводом союзных войск с территории Чехословакии...

Дубчек: Ввод войск был сильным ударом по мыслям и идеям нашей партии... Мы считаем ошибкой, преждевременным актом ввод войск в Чехословакию, который принес и принесет большой ущерб не только нашей партии, но и всему коммунистическому движению... Вступление пяти союзнических армий создает рычаг напряженности внутри партии, внутри страны и вне ее... Ввод войск затронул душу чехословацкого народа, и сам я не знаю, как из этого сложного положения выйдем...

Брежнев: ...То, что произнес здесь т. Черник, и особенно то, что сказал т. Дубчек, отбрасывает нас далеко, далеко назад... Мы ведь и не думали о вводе войск, когда приглашали вас на Совецание в Дрездене. (Неправда. Уже тогда шла подготовка к интервенции. — Д.В.) Помните,

мы вам тогда сказали: если вам трудно будет материально, то наша партия и наш народ так настроены, что мы можем оказать помощь чехословацким братьям даже в ущерб себе. У нас 13,5 миллиона коммунистов и 240 миллионов граждан, мы можем по 100 граммов хлеба урезать, сколько-то мяса сократить, у нас никто не заметит даже этого... Вы сказали, что у вас нет контрреволюции, но есть антисоциалистические элементы. А разве это мед? Антисоциалистические элементы для рабочего класса — это сахар?

Стиль вашей работы совершенно невозможный. Такой стиль только способствует тому, чтобы антисоциалистические, контрреволюционные силы развернулись, ободрились... В Дрездене мы вам вовсе не советовали сажать кого-либо в тюрьму. Но мы подчеркивали, что освободить неподходящих людей от занимаемых постов — это право Центрального Комитета вашей партии... О Пеликане. Он руководит телевидением, позорит с его помощью КПЧ. Зачем же этот человек сидит на таком посту?

...Потом мы приехали в Софию. Там мы, каждый по очереди, говорили с тобой лично. Помнишь, я сидел на диванчике и говорю: «Саша (именно Саша, а не Александр Степанович), осмотришь, что происходит, что делается за твоей спиной? Нам непонятно, почему средства пропаганды до сих пор не в ваших руках. Если я лгу, назови меня при всех лгуном...

Дубчек: Нет, именно так, как Вы говорите...

Брежнев: Я хочу еще сказать о твоей, Александр Степанович, личной беззаботности. Твой стиль работы основан на личном авторитете. А это очень неправильно... Помнишь, был случай, когда я тебе написал письмо, в личном плане, от руки. Оно должно быть у тебя цело*.

Дубчек: Цело.

Брежнев: Я, товарищи, хочу сказать всем вам, здесь сидящим: каждый из вас, кто мирился с развитием контрреволюции в вашей стране, кто ничего не предпринимал вплоть до ввода войск, несет личную ответственность...

---

* Можно лишь только догадываться, что это было за письмо «от руки». Брежнев, когда писал свои резолюции (обычно и резолюции ему писали другие), в редком предложении не допускал несколько ошибок...

Кто же за происшедшее должен отвечать — мы, что ли? Или вы все-таки наберетесь мужества и скажете, что вы совершили ошибку. Это тягчайшая политическая ошибка — мириться с контрреволюционной пропагандой...

Если бы мы не ввели войска, то Чехословакия пошла бы по пути капиталистического развития...

Сегодня вы выступили еще хуже, чем раньше, потому что вину за происшедшее вы хотите переложить полностью на нас...³⁴

Пожалуй, достаточно.

Брежнев, говоривший в общей сложности около полутора часов, обвинил целиком в сложившейся ситуации только чехословаков. Он фактически подчеркнул, что Москва имеет право и судить, и миловать. Что они, в ЦК КПСС, принимая решение о вводе своих войск в суверенную страну, имели на это все «законные» основания, а руководители ЧССР должны нести ответственность за случившееся. По существу, Брежнев отстаивал право КПСС выносить «приговоры» своим младшим «братьям».

Зденек Млынарж, присутствовавший на переговорах, вспоминал, что атмосфера за столом была накаленной. «Брежнев был искренне возмущен тем, что Дубчек не оправдал его доверия, не согласовывал с Кремлем каждый свой шаг. «Я тебе верил, я тебя защищал перед другими, — упрекал он Дубчека. — Я говорил, что наш Саша все-таки хороший товарищ. А ты нас всех так подвел!»

Во время подобных пассажей голос Брежнева дрожал от жалости к себе; он говорил, заикаясь, со слезами в голосе. Он выглядел обиженным племенным вождем, который считает само собой разумеющимся и единственно правильным, что его положение главы племени покоится на безоговорочном подчинении и послушании, что только его мнение и только его воля — последняя инстанция...»

Были во время переговоров истерики, крики, ссылки чехословаков на «мировое общественное мнение». Брежнев отмел просто: «Война из-за вас не начнется. Выступят товарищи Тито и Чаушеску, выступит товарищ Берлингуэр. Ну и что? Вы рассчитываете на коммунистическое движение Западной Европы, но оно уже пятьдесят лет никого не волнует!» (Красноречивое признание генсека...)

После многочасовых переговоров, давления, угроз чехословацкая делегация согласилась подписать протокол,

означавший конец демократическим реформам в Чехословакии.

«К полуночи все было готово, настал момент подписания. Неожиданно распахнулись двери и в зал ворвалось с десяток фотографов и операторов. Тут же, как по приказу, все члены советского политбюро встали и, наклоняясь через стол, пытались обнять сидевших напротив членов чехословацкой делегации. Это напоминало театр абсурда...»³⁵

Московская трактовка роли КПСС и характера «независимости» ее союзников получила на Западе название «доктрины Брежнева». Но Брежнев не был автором этой концепции. Он был ее рупором. А доктрина эта ленинская, сталинская, коминтерновская, которую Брежнев реализовал в конкретных условиях мятежного поведения одного из своих сателлитов.

Характерно, что политбюро ЦК КПСС постаралось примером санкций против Чехословакии предупредить остальных своих союзников: их суверенитет — дело вторичное по сравнению с «интернациональным долгом».

Так, в выступлении Брежнева на V съезде Польской объединенной рабочей партии в Варшаве 12 ноября 1968 года прозвучало: «Хорошо известно, что Советский Союз немало сделал для реального укрепления суверенитета, самостоятельности социалистических стран... Но известно, товарищи, что существуют и общие закономерности социалистического строительства, отступление от которых могло бы повести к отступлению от социализма, как такового... И когда возникает угроза делу социализма в этой стране, угроза безопасности социалистического сотрудничества в целом — это уже становится не только проблемой народа данной страны, но и общей проблемой, заботой всех социалистических стран»³⁶

В «своей» Конституции, которой Брежнев очень гордился и говорил, что она будет жить долгие десятилетия (принята в октябре 1977 г.), он согласился не только с печально знаменитой «шестой» статьей о КПСС, как «руководящей и направляющей силе советского общества», но и с фарисейством статьи двадцать девятой. Там записано: «Отношения СССР с другими государствами строятся на основе соблюдения принципов суверенного равенства; взаимного отказа от применения силы или угрозы силой;

нерушимости границ; территориальной целостности государств; мирного урегулирования споров; невмешательства во внутренние дела; уважения прав человека и основных свобод; равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой...»³⁷

Такова суть не «доктрины Брежнева», а доктрины КПСС. В действительности она выражает глубокую преемственность ленинских и сталинских взглядов на характер отношений между КПСС и ее союзниками в коммунистическом братстве.

Советские лидеры были спецами по завязыванию узлов международных проблем (Польша, ГДР, Венгрия, Чехословакия, Китай, Афганистан...), но не умели их развязывать. Так произошло во время правления Брежнева и с Афганистаном, южным соседом СССР, с которым у него существовал самый «старый» советский договор 1921 года о дружбе и сотрудничестве. Начало брежневской «эры» совпало с активным участием лидера в замораживании «пражской весны», а ее завершение — с началом афганской авантюры. Это весьма символично, ибо, несмотря на убаюкивающий штиль советского бытия в течение целого десятилетия, его руководители никогда не были обременены статьей двадцать девятой последней Конституции СССР: «взаимного отказа от применения силы или угрозы силой».

Я несколько раз бывал в Афганистане до ввода туда наших войск и в первые годы их нахождения там, пока не был снят со своего поста заместителя начальника Главного политуправления. Кабульская «революция» 27 апреля 1978 года была типичным дворцовым переворотом. Одна эскадрилья самолетов, один танковый батальон и несколько сот сторонников Народно-демократической партии Афганистана, возглавляемой Нур Мухаммедом Таракки, захватили бывший королевский дворец. Президент Афганистана, ранее являвшийся принцем династии, Мухаммед Дауд был убит.

Многие авторы книг, воспоминаний пишут, что это событие было неожиданным как для Москвы, так и для Вашингтона. Не совсем так. Для Белого дома, возможно. Но советская внешняя разведка, традиционно сильная, знала о готовящемся заговоре, информировала свое руководство, Старую площадь, но активного «участия», кроме как

«рекомендациями», в перевороте не принимала. Дело ограничивалось устными советами, благо с ленинских времен (помните «Марксизм и восстание»?) недостатка в этом опыте у советских специалистов не было. Давались еще заверения, что в случае удачного исхода «мероприятия» поддержка и признание советской стороной будут обеспечены. И это при том, что и с Даудом, и с его преемственниками поддерживались самые дружеские, даже сердечные, отношения!

Менее чем через два месяца, 17 июня 1979 года, Брежнев встречался с американским президентом Дж. Картером для подписания договора об ограничении стратегических вооружений. После официальных церемоний и переговоров, оставшись в компании своих переводчиков, Брежнев услышал откровенное пожелание Картера: США не намерены допускать военного вмешательства в дела Ирана и Афганистана, где происходят сложные внутренние события. Белый дом рассчитывает, что так же поступит и СССР.

Но Брежнев не был готов к этой беседе; на переговорах обычно он оглашал многочисленные тексты, подготовленные МИДом и своими помощниками. Поэтому генсек маловразумительно заявил в том смысле, что в Москве надеются: США не будут способствовать нападкам на новый режим в Кабуле. Брежнев как будто бы не знал, что еще 30 апреля лидер афганской «революции» Тараки заявил, что его целью является «построение социализма в Афганистане...», хотя одновременно выразил намерение вступить в движение неприсоединения.

В апреле 1979 года мне довелось в составе делегации, отправленной КПСС, побывать в Кабуле, ряде других городов Афганистана, встречаться с Тараки и Амином. Тараки произвел на меня впечатление идеологического мечтателя, видевшего свою утопическую цель, но совсем не знающего, как ее достичь. Наоборот, Амин, ставший в начале министром иностранных дел, хорошо разбирался в средствах «революции», но не придавал особого значения утопической цели. То был типичный азиатский правитель деспотического толка: хитрый, коварный, скрытный, быстро создавший энергичную группу своих близких сторонников. Для него единственной высшей ценностью была власть.

Нур Мухаммед Тараки, глядя куда-то поверх наших голов, негромко говорил: Афганистан станет социалистической страной. Но будет это не скоро. У нас почти нет образованных людей. Вся надежда на армию... Помолчав, продолжил: в армии среди офицеров много наших врагов и предателей, а солдаты пойдут за НДПА (Народно-демократическая партия Афганистана. — Д.В.). Но нам нечем им платить. Они полуголодные... СССР будем просить по мочь. Передайте Брежневу, вы получили еще одного надежного союзника...

Первый раз мы встречались с Тараки 7 апреля 1979 года. Тогда же познакомились с молодыми офицерами, большинство которых учились в СССР. Ватанжаром министром обороны, Якубом — начальником Генштаба, Экбалем — начальником Главпура, другими триумфаторами «революции»: Голь Акой, Абдул Кадыром, Гулям Сахи... Большинство из этой «социалистической поросли» скоро сгинет в междоусобных схватках, сгорит в пламени долгой гражданской войны. Худенький застенчивый Экбаль, выпускник филологического факультета МГУ, все время молчал и улыбался. Скоро он, после прихода Амина к власти, вместе с молоденькой женой и ребенком исчезнет навсегда...

Глядя на этих «романтиков» революции, с тревогой думал: отечество надевает на себя новые вериги без каких либо шансов достойно выпутаться из этой авантюры

Я с изумлением слушал, как эти люди после официальных переговоров говорили генералу армии А.А. Епишеву мы в состоянии поднять восстание белуджей в Пакистане и получить выход к теплому морю. А значит, этот выход будете иметь и вы... Только помогите нам...

Епишев молча выслушал, не реагируя на прожекты новых афганских руководителей, твердо заметив в конце:

— Вы не о том говорите... Для вас сейчас главное — укрепить власть...

А власть оказалась слабой. Очень слабой. Уже летом между Тараки и Амином вспыхнули разногласия. Для «стабилизации» обстановки и бесед с руководителями ДРА политбюро 29 июня 1979 года решило направить в Кабул секретаря ЦК КПСС Б.Н. Пономарева. Этому предшествовала записка Брежневу (формально в ЦК) подписанная членами и кандидатами политбюро А.А. Гро-

мыко, Ю.В. Андроповым, Д.Ф. Устиновым, Б.Н. Пономаревым. Их предложения по «стабилизации обстановки» в ДРА сводились к призывам «усилить борьбу с контрреволюцией и укрепление народной власти». Предлагалось увеличить количество советских военных, «специальных» и партийных советников в стране. Влиятельные высшие партийные сановники предлагали направить на аэродром «Баграм» парашютно-десантный батальон, замаскированный под авиатехнических специалистов, спецотряд КГБ в составе 125—150 человек, спецотряд ГРУ Генерального штаба — около 500 человек³⁸.

В сентябре Н.М. Тараки побывал в Москве, рассказал Брежневу об опасности режиму со стороны Хафизуллы Амина, попросил направить советские войска в Афганистан. «Без них мы не защитим афганской революции» Брежнев с Андроповым дали понять Тараки, что «берут Амина на себя», но рекомендовали попробовать «нормализовать», во имя интересов революции, отношения в руководстве.

Но пока КГБ «разобралось» с Амином, это решил сделать сам Тараки. Брежневу вскоре доложили, как развивались события в Кабуле. Тараки пригласил второе лицо в государстве, каковым стал Амин, к себе в резиденцию на беседу. Но верные Хафизулле люди сообщили, что там засада... Тогда советский посол А. М. Пузанов, находившийся у Тараки, заверил Амина, что ему ничего не угрожает. Знал ли совпосол о засаде, остается лишь догадываться. О дальнейшем развитии событий рассказывал министр иностранных дел Афганистана Шах Вали в беседе с А.А. Громько 27 сентября 1979 года в Нью-Йорке. «...Когда Амин прибыл в резиденцию Тараки и стал вместе с членом ЦК партии Таруном, адъютантом и охраной подниматься по ступеням во дворец, адъютант Тараки выстрелил в шедшего первым Таруна и убил его на месте. Другие сообщники Тараки открыли стрельбу, тяжело ранили адъютанта Амина, но в самого Амина не попали... Позже стало известно, что на крышах зданий находились сторонники Тараки, которые вели оттуда стрельбу по группе Амина, и тот уцелел лишь случайно.

А. Громько: Вы считаете, что это было преднамеренно организовано тогда, когда там находился советский посол, ничего не зная об этом?

Шах Вали: Дело обстояло таким образом, что, когда советский посол заверил Амина в том, что ему ничего не угрожает, Амин приехал, но вместе со своей охраной»³⁹.

Весь сентябрь шла борьба между Тараки и Амином, завершившаяся сначала попыткой убийства последнего, а затем официальным отстранением лидера афганской революции от власти и его арестом.

Амин стал генеральным секретарем НДПА, Председателем Революционного совета, премьер-министром и министром обороны... Уж он не промахнулся... Об арестованном Тараки 9 октября 1979 года кабульское радио мельком сообщило, что бывший генсек НДПА и его жена скоропостижно скончались... В действительности же Тараки был задушен подручными Амина на тюремной койке.

Брежнев был шокирован, возмущен, потрясен. Он ведь совсем недавно, три недели назад, с почестями принимал Тараки в Москве, у себя в кабинете, обещал ему всяческую поддержку (пока кроме помощи войсками), а здесь такое вероломство! Посол в Кабуле А. Пузанов, генерал армии И.Г. Павловский сообщили в Москву об очередном акте афганской трагедии: лидеры так называемой «апрельской революции» начали пожирать друг друга.

Амин слал в Москву телеграмму за телеграммой, просил Брежнева принять его: он все объяснит. Тараки, писал новый афганский лидер, сам стал инициатором междоусобицы. «Я прошу Вас принять меня», — в отчаянии телеграфировал Амин. Подозревая, что его телеграммы не доходят до Кремля, он передал конфиденциальное письмо кремлевским руководителям через советского советника генерала В.П. Заплатаина. В послании Амин уверял в своей полной лояльности Москве и вновь просил Брежнева принять его.

Но песня его была спета. В Кремле уже решили покончить с ним и поставить во главе «революции» новую маршкетку — Б. Кармалю.

Донесения, особенно доклады советских спецслужб из Афганистана, рекомендовали высшему руководству ввести в эту горную страну наши войска...

Я знаю, что генералы КГБ, подтолкнувшие Брежнева и Андропова на это роковое решение, получили в начале 1980 года высокие ордена, новые воинские звания. А пока

готовилось физическое устранение Х. Амина. Воспользовались поводом, который советской стороне предоставил сам Хафизулла.

На заседании политбюро 6 декабря 1979 года (протокол № 176) приняли решение: согласиться с предложением Ю.В. Андропова и Н.В. Огаркова (начальник Генштаба) о направлении «для охраны резиденции Амина» специального отряда ГРУ ГШ «общей численностью около 500 человек в униформе, не раскрывающей его принадлежность к Вооруженным Силам... В связи с тем, что вопросы о направлении отряда в Кабул согласованы с афганской стороной, полагаем возможным перебросить его самолетами военно-транспортной авиации в первой декаде с.г. Тов. Устинов Д.Ф. согласен»⁴⁰.

Решение ввести войска в Афганистан созрело где-то в конце ноября 1979 года. У его истоков стояли Брежнев, Сулов, Андропов, Устинов, Громыко. Но формальное решение было принято 12 декабря⁴¹. Свои подписи «за» поставили Брежнев, Андропов, Устинов, Черненко, Сулов, Гришин, Кириленко, Пельше, Громыко, Тихонов, Пономарев, Щербицкий. Даты некоторых подписей стоят разные: 25, 26 декабря, хотя политбюро состоялось 12 числа...

Войска пересекли границу 27 декабря, вызвав шок во всем мире. А накануне «батальон» (спецотряд ГРУ ГШ, направленный «охранять Амина») штурмом взял дворец афганского лидера. Я через несколько дней после захвата дворца побывал в этом здании, возвышающемся на высоком холме на окраине Кабула. Выбитые окна, прошитые снарядами стены, множество гильз под ногами, задымленные своды. Амин, вся его семья, все, кто был во дворце — охрана, приближенные, слуги, — были убиты. Сам Амин, славший шифровку за шифровкой в Москву и умолявший верить только ему, метался во время штурма по дворцу, пытаясь связаться с советским посольством. Однако был убит у бара, полуголый, в одних трусах. На дорогом паркете, словно намазанное бурой краской, виднелось большое пятно засохшей и затоптанной ногами солдат крови неудачливого диктатора, не угодившего своим хозяевам в Москве.

Штурм был коротким и яростным. Все было сделано с точки зрения военно-технической в высшей степени про-

фессионально. Появились новые герои, раздавались боевые ордена. Но спустя годы видишь, что реальный героизм и мужество советских людей эксплуатировались для неправого дела. Ведь в протоколе нового заседания политбюро, состоявшегося уже 27 декабря 1979 года, утверждалось, что «в результате актов внешней агрессии, нарастающего вмешательства извне во внутренние афганские дела, возникла угроза для завоеваний апрельской революции...». Очередной «интернациональный долг», прикрывающий грубое, силовое вмешательство в дела суверенной страны. Мы стали прямыми участниками чужой гражданской войны, в которой к 15 февраля 1989 года погибли 13 826 человек и 49 985 ранены.

А я оказался в Кабуле для укомплектования и налаживания работы агитотрядов подразделений спецпропаганды. В те годы я был начальником этой службы, которую американцы называли «службой психологической войны». Агитотряды, сопровождаемые обычно усиленным взводом, а то и ротой, колесили, особенно в первые годы после вторжения, по провинциям Афганистана. Я был в одном рейде. Мужчины в кишлаках сразу же убежали в горы. По машинам стреляли. Звукоустановки часами убеждали мусульман поддерживать апрельскую революцию, объясняли, зачем сюда пришли «шурави» (советские). Иногда выходили к бронетранспортерам десятков-другой стариков, дети. Настороженно брали у солдат кулечки с мукой, чай, сахар, конфеты, игрушки и уходили молча в свои бедные жилища.

Диалога обычно не происходило. Мы были в их глазах, как и англичане здесь в XIX веке, завоевателями. Постепенно враждебность и пустота вокруг советских войск в Афганистане нарастали... Уже тогда многие офицеры были убеждены в глубокой бесплодности нашей миссии. Полковник Ю.И. Шершнев, работавший в моем ведомстве, открыто говорил об ущербности советского военного вмешательства. Он даже написал об этом записку в ЦК. Мне с трудом удалось защитить его от неизбежных неприятностей.

В январе 1980 года, через месяц после вторжения, политбюро направило в Кабул шефа КГБ Ю.В. Андропова для бесед с новыми афганскими руководителями. По возвращении в Москву, 7 февраля, высокий посланец доло-

жил партийной коллегии. В целом Андропов считал устранение Амина правильным, после чего «положение в стране улучшилось». Поддержавший все положения Андропова Устинов легковесно заявил, что наш «ограниченный контингент до окончательной стабилизации в Афганистане пробудет год, а то и полтора...». Брежнев, подводя итоги обсуждения, предложил «увеличить численность войск в Афганистане...»⁴². Хотя еще в начале января первоначальную численность войск уже увеличили на 50 тысяч человек⁴³.

Лидеры страны прямым курсом шли к политическому поражению.

Брежнев, однако, до конца своей жизни, будучи уже совершенно больным, не раскаивался в содеянном. Его близкое окружение, особенно Андропов, Устинов, Черненко, не часто беспокоило генсека афганскими делами. Даже они еще не поняли, что история их головами и руками устроила в Афганистане коварную ловушку для СССР. Именно Афганистан, в сочетании с другими политическими, социальными и экономическими факторами, также явился причиной глубочайшего кризиса системы, которой она не смогла преодолеть. Одно из страшных последствий этого кризиса — распад Союза.

Высшие бонзы в политбюро до 1985 года верили, что в Афганистане можно стабилизировать обстановку. Считали: вот только уладим с расколом НДПА на крылья «хальк» и «парчам», активизируем военные операции, создадим в провинциях органы власти, верные Кабулу, и «дело» будет решено. Помню, как в одном приказе маршала Устинова 40-й армии ставилась задача: к XXVI съезду КПСС добиться полной нормализации ситуации в Афганистане...

Если бы все решалось партийными директивами, то СССР давно бы находился в земном раю.

К слову, на этом съезде Брежнев 23 февраля 1981 года огласил, с трудом выговаривая слова и фразы, причины и цели ввода советских войск в соседнюю страну. Уже тогда это звучало в высшей мере фальшиво, как дешевая пропаганда. «Империализм развязал настоящую необъявленную войну против афганской революции, — заявил генеральный секретарь. — Это создало прямую угрозу и безопасности нашей южной границы. Такое положение вы-

нудило нас оказать военную помощь, о которой просила дружественная страна... Что касается советского воинского контингента, то мы будем готовы его вывести по согласованию с афганским правительством. Для этого должна быть полностью прекращена засылка в Афганистан контрреволюционных банд... Нужны надежные гарантии, что новой интервенции не будет...»⁴⁴

Разговоры об «угрозе южным границам», «контрреволюционных бандах», чьей-то «интервенции» против Афганистана на Западе расценивались в мире как смехотворные и не заслуживающие никакого внимания.

На Старой площади в ЦК думали, как перед лицом почти всеобщего международного осуждения сохранить лицо, выглядеть если не респектабельно, то хотя бы терпимо в глазах мирового общественного мнения. Для этого эпизодически руководителям средств массовой информации, в армию, партийные комитеты шли вот такие трактовки вопросов, связанных с изменениями в афганском руководстве и вводом советских войск в Афганистан.

Предписывалось утверждать, что афганское руководство «многократно, минимум 14 раз, обращалось к нам с просьбами о вводе советских войск в Афганистан». Кармаль, требовалось говорить, вернулся в страну нелегально во второй половине октября 1979 года, вскоре после убийства Амином Тараки. Кармаль возглавил деятельность подпольных организаций против Амина. «В ночь с 27 на 28 декабря 1979 года произошло выступление подпольщиков, членов НДПА, в результате чего режим Амина был свергнут. (Спецотряд ГРУ ГШ и не подозревал, что он так блистательно играет на афганской сцене роль «подпольщиков».) А 28 декабря Кармаль, успевший уже стать и генеральным секретарем ЦК НДПА, Председателем Ревсовета, премьер-министром ДРА, попросил у СССР военной помощи. А тот факт, что устранение Амина произошло в процессе начавшегося ввода в Афганистан советских воинских контингентов, «это только совпадение по времени и причинной связи здесь нет. К устранению Амина и его приспешников советские воинские части не причастны...»⁴⁵.

В «трактовке» этой — ни одного слова правды. Но отделы пропаганды и международной информации ЦК КПСС были большими мастерами одурачивания миллио-

нов людей. Советские граждане верили этому бреду. По словам Шекспира: опять «приманка лжи поймала карпа правды».

Брежнев, перед тем как покинуть этот земной грешный мир, благословил с группой своих ближайших соратников одну из самых крупных авантюр последней трети XX века. Это не было случайностью. Чего только не говорили и не писали о внутренней подоплеке неожиданной интервенции: «Ловушка империализма США», забвение чужого «опыта» во Вьетнаме, угроза южным границам, испытательный полигон для советской армии и т.д. Однако истинный ответ содержится, как это ни парадоксально, в «трактовах» политбюро. С самого начала по воле ЦК КПСС возникла версия: «Советские войска в Афганистане выполняют интернациональный долг».

Вот истинная причина вмешательства! Она все оправдывает! Так же, как Ленин изобрел категорию «профессиональных революционеров» для облагораживания деятельности бланкистских заговорщиков, так и КПСС позднее придумала термин «интернациональный долг», позволяющий оправдывать грубое вмешательство в дела других стран. Коминтерновское мышление Брежнева и его соратников, идеологическая приверженность марксистской доктрине «осчастливливания» народов помимо их воли — вот где лежат подлинные причины роковых решений брежневского руководства в конце 1979 года.

Не все знают, что за два года до своей смерти Брежнев и его престарелые единомышленники едва не ввергли СССР в еще одну, вероятно, более страшную авантюру — рассматривалась возможность вторжения в Польшу.

«Солидарность» вздыбила Польшу против коммунистического режима. Власть шаталась. Если бы не советские войска на Западе в Германии и сам СССР на Востоке, взявшие Польшу в клещи, думаю, что режим рухнул бы без применения насилия. В тот август 1980 года ЦК направил Маршала Советского Союза В.Г. Куликова в Варшаву с задачей не выпустить ситуацию из-под контроля. Меня, тогда еще двухзвездного генерала, дали в «придачу» маршалу. Роль нашей группы свелась, однако, к систематическому «разъяснению» польскому руководству «советов» и «рекомендаций» ЦК КПСС. Руководители в Москве не хотели посылать и оставлять свои тексты в Варша-

ве, поручая доводить их содержание до Ярузельского и других лидеров ПНР вербально. Один-два раза в неделю лидер Польши Войцех Ярузельский приезжал в замок «Хеленув» под Варшавой, где Куликов, получив очередные инструкции из Москвы, вел трудные разговоры с умным поляком. По сторонам от маршала сидели генерал В. Аношкин и я. Ярузельский обычно слушал советские нотации один. Инструкции были однообразными: рекомендовалось взять под жесткий контроль средства массовой информации, дискредитировать активистов оппозиции, осуществлять разные политические маневры. Уже тогда речь велась о более «жесткой реакции властей социалистической Польши» на действия солидаристов.

Маршал Ярузельский с печальным лицом слушал очередной набор московских советов и в конце, как правило, заявлял: польская власть держит ситуацию под контролем. Поймите: прямое вмешательство СССР в наш кризис приведет к катастрофе. Ярузельский был между накопительной польских проблем и занесенным тяжелым военным молотом СССР. Думаю, роль Ярузельского еще должным образом не оценена: он сделал почти невозможное — смог убедить советских руководителей отказаться от «ввода» советских войск в Польшу. Хотя тогда прямо об интервенции ему не говорили. Осторожно, исподволь способствовал тому и маршал В.Г. Куликов, как я тогда понял, внутренний противник еще одной авантюры. А ведь советские войска в Чехословакии, ГДР, приграничных округах СССР уже готовились к «операции» (хотя и в большом секрете). Были разработаны соответствующие оперативные планы.

В глубокой тревоге и смятении я спросил Виктора Георгиевича, оставшись с ним один на один:

— Неужели будет совершена еще одна роковая ошибка?

Куликов внимательно посмотрел на меня и негромко заметил:

— Надо, чтобы этой «ошибки» не случилось, — и дипломатично перевел разговор на более безопасную тему.

Едва ли Ярузельский тогда все знал, но догадывался, что Москву не остановил Афганистан; возможна еще более страшная война, теперь европейская. Он как будто чувствовал, что теряющий из-за болезни контроль над со-

На Параде Победы. 1945 г.

Первый секретарь Запорожского обкома партии Л.И.Брежнев на «Запорожстали». 1946 г.

В президиуме XXII съезда КПСС. 1961 г.

С дочерью Галиной

*Открытие Игр XXII Олимпиады в Москве. 1980 г.
«Дорогой гость». Прибытие в Тбилиси. 1981 г.*

*С первым секретарем Краснодарского крайкома КПСС
С.Ф.Медуновым, впоследствии исключенным из партии за
покровительство взяточников. Начало 70-х гг.*

Награждение Казахстана орденом Октябрьской революции. 1970 г.

На встрече с ветеранами 18-й армии. 1980 г.

Н.А.Щелоков и Ю.М.Чурбанов преподносят генсеку к его 75-летию золотые часы, списанные министерством по акту как «подарок товарищу Гусаку». 1981 г.

ЗВЕЗДОПАД

Первая золотая медаль «Серп и Молот». 1961 г. Вручение медали Почетного гражданина города Баку. 1982 г.

*Орден Победы маршалу Брежневу. 1978 г. День рождения генсека.
Еще одна награда...*

Встреча с президентом Финляндии Урхо Калева Кекконеном в Хельсинки. 1961 г.

*Беседа с премьер-министром Индии Индирой Ганди. Дели. 1973 г.
С Генри Киссинджером после охоты в Завидове. 1973 г.*

*На приеме у президента Австрии Рудольфа Кириллегера во время переговоров с Джимми Картером о подписании ОСВ-2. Вена. 1979 г.
Торжественное открытие школы имени Ленина на Кубе. 1974 г.*

С Густавом Гусаком

«Исторический поцелуй» Л.И.Брежнева и Эриха Хонеккера, изображенный неизвестным художником на Берлинской стене.

*С федеральным канцлером ФРГ Гельмутом Шмидтом.
Кремль. 1979 г.*

С руководителем Монголии Юмжагийн Цеденбалом.

Последняя зарубежная поездка Брежнева. Встреча с председателем Христианско-социального союза Францем Йозефом Штраусом. Бонн, 1981 г.

Перед выходом на трибуну мавзолея. 7 ноября 1982 г.

Похороны. 15 ноября 1982 г.

бой Брежнев поручил Черненко с группой членов политбюро предусмотреть необходимые меры по отношению к Польше — «на всякий случай».

«Меры» были предусмотрены: 28 августа 1980 года кремлевские ястребы М.А. Суслов, А.А. Громыко, Ю.В. Андропов, Д.Ф. Устинов и К.У. Черненко передали Брежневу документ всего на одной странице. Там говорилось:

«Обстановка в ПНР продолжает оставаться напряженной. Забастовочное движение приобретает общегосударственный масштаб». Далее в документе испрашивалось разрешение «на случай оказания военной помощи ПНР» привести с 18.00 29 августа в полную боевую готовность три танковые дивизии (ПрибВО—1, БВО—2) и одну мотострелковую дивизию (ПрикВО). Предусматривалось в общей сложности призвать из запаса 100 тысяч военнообязанных и 15 тысяч машин из народного хозяйства.

«При дальнейшем обострении обстановки в Польше, — говорилось ниже в записке, — потребуется доукомплектовать также дивизии постоянной готовности Прибалтийского, Белорусского, Прикарпатского военных округов до штатов военного времени, а при выступлении на стороне контрреволюционных сил основных сил Войска Польского увеличить группировку наших войск еще на пять — семь дивизий...»⁴⁶

Два-три года спустя пришлось по этому поводу доверительно разговаривать с начальником Генштаба маршалом Н.В. Огарковым, он был очень встревожен. «Еще одна война, теперь на Западе, могла бы стать непосильным бременем для страны». Может быть, он вспомнил так называемое «чудо на Висле» в 1920 году? Маршал намекнул, что имел разговоры с некоторыми членами политбюро, осторожно отговаривал от самой возможности рассмотрения такого решения «польской проблемы».

Так или иначе Брежнев после ознакомления с этой зловещей бумагой прочамкал:

— Повременим пока...

То ли он не понял существа грядущего страшного дела или не хотел брать еще одну «обузу» на себя и на страну, ясно только одно: здесь генсек проявил спасительную сдержанность. Можно считать, что вопрос о новом вторжении висел тогда на волоске.

Таков большевистский режим, созданный Лениным: от воли вождя, даже больного, зависит порой больше, чем от целого народа...

Почти двадцатилетнее «правление» Брежнева, таким образом, обрамлено в начале и его конце зловещими военными кампаниями, все более расшатывавшими стагнирующий Союз. Вот она, цена большевистского тоталитаризма.

Но в данном случае Брежнев, в силу своего болезненного, старческого маразма, все больше превращался в марionетку системы, освящая своей подписью подготовленные партийным аппаратом решения. Природа весьма экономно наделила генсека интеллектом. Однако он был лидером великой страны.

Таков парадокс власти: порой она долго жалуется слабым, но удобным для режима людей.

Маршал, «Герой», лауреат... Ни в одной стране мира о своих руководителях не рассказывали столько анекдотов, как в СССР. Если о Ленине и Сталине стали делиться народным юмором только после смерти «чудесного грузина», как охарактеризовал его однажды Ленин, то об остальных генсеках и лидерах много рассказывали при их жизни.

Советский политический анекдот, в центре которого обычно находится партийный вождь, совершенно уникальное творение народа. Только так он мог выразить свое отношение к собственным лидерам, в немалой степени фигурам не только зловещим, но часто и комическим в своей личной ничтожности, мелкотравчатости, ограниченности. Дело даже не в малограмотности Хрущева, тщеславии Брежнева, никчемности Черненко, а в специфическом отношении советских людей к системе, в которой они жили. Не имея возможности открыто сказать все, что они думают о «самом справедливом ленинском строе», коммунистической идеологии, всемогущих спецслужб, простые граждане в укромных местах «упражнялись» в высмеивании своих лидеров, которые, несмотря на абсолютную закрытость их личной жизни, давали множество поводов для этих насмешек. Особенно преуспел в этом Леонид Ильич Брежнев. Думаю, если бы собиратели этого фольклора суммировали все, что было сказано о

генсеке с сарказмом, насмешкой, издевкой, юмором, то получился бы не один том. Особенно высмеивали Брежнева за совершенно невероятное, гипертрофированное тщеславие.

Правительство запрашивает соответствующий комитет:

— Где находится эпицентр последнего землетрясения?

— Под вешалкой, откуда свалился парадный китель Брежнева...

Впрочем, анекдоты о Брежневе не надо было «выдумывать». Как вспоминал бывший управляющий делами Совмина Михаил Сергеевич Смиртюков, «автором» многих анекдотов о Брежневе был сам... Брежнев. Он выкинет какой-нибудь «фортель», кто-то из окружения «вождя» расскажет знакомым, те еще кому-то — и пошел гулять анекдот⁴⁷.

К концу жизни генсек не мог публично произнести и нескольких фраз, если они не были запечатлены для него на бумажке. Одряхлевший руководитель стал буквальным заложником текстов, которые ему готовили многочисленные помощники. Народное творчество сразу же отразило это в своих анекдотах:

Брежнев встречает в аэропорту Маргарет Тэтчер и читает по бумажке:

— Дорогая и многоуважаемая госпожа Индира Ганди!

— Леонид Ильич, — шепчет ему помощник, — это Маргарет Тэтчер...

— Дорогая и многоуважаемая госпожа Индира Ганди! — вновь, шамкая, читает генсек, поправляя очки на собственном носу.

Помощник в отчаянии и пыгается поправить Брежнева...

— Я и сам знаю, что это Маргарет Тэтчер, но ведь здесь написано: Индира Ганди?!!

Порой острословы используют образ Брежнева, чтобы высмеять всю дряхлую камарилью, не способную ориентироваться в элементарных вопросах⁴⁸.

Тщеславие — не редкое качество, но обычно люди, которые им поражены, умеют хотя бы как-то маскировать его, камуфлировать или скрывать. Брежнев был не в состоянии этого сделать.

Известно, например, что Брежнев закончил войну гене-

рал-майором, не снискав слишком много наград за свою весьма обычную деятельность на фронте. Но, став генсеком, он, по существовавшему тогда неписаному положению, превратился сразу и в Верховного Главнокомандующего советскими Вооруженными Силами. И уже где-то в 1975 году, как мне рассказывал А.А. Епишев, неоднократно в разговорах с военными стал проводить мысль:

— Люди мне пишут, настаивают: раз я являюсь Верховным Главнокомандующим, то должно быть приведено в соответствие с этой должностью и мое звание... Не может же генерал-лейтенант (это звание было присвоено ему после войны. — *Д.В.*) быть Верховным... Не знаю, что и делать... Напор общественного мнения, особенно со стороны военных, очень силен...

И уже в мае 1976 года Министерство обороны организует представление в ЦК КПСС о присвоении генеральному секретарю ЦК КПСС, Верховному Главнокомандующему звания Маршала Советского Союза. Естественно, Брежнев тут же им становится... Но маршальский мундир «требует» орденов. И они посыпались как из сказочной корзины. Брежнев не чувствовал и не понимал всей комичности своего положения.

К маршальскому мундиру одна за другой прикреплялись звезды Героя Советского Союза — высшей награды страны. В 1966, 1976, 1978, 1981 годах он был «удостоен» звания Героя Советского Союза и еще раньше, при Хрущеве, стал Героем Социалистического Труда. Звездапад орденов на старческую грудь больного генсека продолжался до последних дней жизни.

А делалось это так. Вот, к примеру, в начале декабря 1966 года Суслов, беседуя с Подгорным у себя в кабинете, говорит:

— Через неделю шестидесятилетие Леонида Ильича. Я предлагаю ему присвоить звание Героя Советского Союза. Генсеку будет приятно...

— Не возражаю. Надо обзвонить членов ПБ.

Тут же диктуется постановление ЦК КПСС: «В связи с исполняющимся 19 декабря с.г. 60-летием со дня рождения Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Брежнева Л.И.:

1. Присвоить тов. Брежневу Л.И. звание Героя Совет-

ского Союза с вручением ему ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»...»⁴⁹

Партия сама (!) награждает высшей государственной наградой человека, даже не спрашивая орган, который по Конституции имеет право это делать... Президиуму Верховного Совета СССР остается лишь «оформить» решение, принятое на Старой площади.

Были предложения учредить «наивысшее звание» Героя коммунистического труда и первым его присвоить, как писал в Москву киевлянин Давидок С.М., Леониду Ильичу Брежневу...⁵⁰ Но у членов политбюро хватило на этот раз благоразумия не доложить «народное предложение» генсеку. Если бы сообщили, быть бы у нас и «Героям коммунистического труда» во главе с четвертым «вождем».

Лидеры социалистических стран соревновались, награждая высшими орденами Брежнева, который после инсульта 1976 года заметно утратил и без того весьма скромные умственные способности. Думаю, что все первые советские руководители от Ленина до Горбачева имели меньше государственных наград, чем один Леонид Ильич...

Как пишет известный историк-портретист Р.А. Медведев, «в кампанию по восхвалению Брежнева включались нередко и иностранные деятели, особенно из числа тех, что имели деловые и иные отношения с СССР всем было видно, как советские органы массовой информации всячески стремились к облагораживанию и лакировке образа Брежнева. И поэтому ни Вилли Брандт, ни Генри Киссинджер, которые были первыми западными политиками, установившими тесный контакт с советским лидером, будучи опытными дипломатами, не хотели идти против течения. После своих встреч с Брежневым они отзывались о нем на разных пресс-конференциях с большой похвалой. Иначе писали они о нем же позднее в своих мемуарах, отойдя от непосредственного участия в большой политике»⁵¹.

Самое интересное заключается в том, что Брежнев искренне верил, что все бесчисленные награды, которыми он фактически награждал сам себя, заслужены им честно и справедливо. Со временем генсек сам глубоко, искренне поверил в свою особую историческую роль на войне, свое

«маршалство», кавалерство ордена Победы. Даже к маршалу Жукову, прославленному герою войны, его памяти стал относиться с некоей ревностью. Подхалимское окружение настойчиво внушало Брежневу, что его дела, решения, участие в различных событиях имело и имеет чуть ли не судьбоносный характер. Это именно они настояли, чтобы в первых шести изданиях «Воспоминаний и размышлений» Жукова были вставлены насквозь фальшивые фразы о том, что Георгий Константинович, оказавшись в 18-й армии, которой командовал генерал К.Н. Леселидзе, захотел якобы «посоветоваться с начальником политотдела объединения Л.И. Брежневым», но этого сделать не удалось, поскольку герой «Малой земли» находился на плацдарме...

Книги, художественные фотоальбомы, бесчисленные телепередачи, славословия подхалимов создавали общественную атмосферу поклонения перед слабым и больным человеком, который наверху устраивал всех. Брежнев не обошелся, конечно, и без скульпторов и художников. В его рабочих записях за апрель—май 1976 года, например, указывается, что персону генсека лепит талантливый скульптор Сонин, а живописуют импозантную фигуру «вождя» такие известные художники, как Глазунов, Мальцев, Налбандян, другие мастера⁵². К слову, в запасниках многих студий и по сей день хранится множество портретов и скульптур советских вождей, навсегда вышедших в исторический тираж...

Если бы Леонид Ильич любил читать, то мог бы встретить у Джонатана Свифта строки: «Тщеславие, скорее, есть признак своего ничтожества, нежели величия». Но, увы, читать, как мы знаем, он не любил...

Если бы был книгочеем, то, возможно, знал бы и такую интересную историческую деталь.

После разгрома Наполеона Сенат решил преподнести Александру I особый титул: «Благословенный», в знак «особых заслуг по спасению отечества». Император вежливо выслушал решение Сената, но твердо отказался, сказав при этом:

— Когда мы с Богом, то и Бог с нами... ⁵³

Выпячивание собственной бесцветной личности, страсть к наградам, всякого рода побрякушкам стали носить просто болезненный, параноидальный характер.

Брежнев радовался как ребенок, когда ему вручали статуэтку «Золотого Меркурия», Ленинскую премию мира, «Золотую медаль мира» имени Ф. Жолио-Кюри, афганский орден «Солнце Свободы», высшую награду в области общественных наук — Золотую медаль имени Карла Маркса, Ленинскую премию в области литературы, новый партийный билет № 00000002 (первый, конечно, предназначался мысленно покойному Ленину), комсомольский билет № 1 или просто первый значок «50 лет пребывания в КПСС»...

Тщеславие обрело гротескные формы. Вся страна, едва пряча саркастическую усмешку, почти открыто потешалась над своим незадачливым руководителем. Соратники генсека (не все, правда) при бесчисленных награждениях изображали вежливые улыбки и отводили в сторону от объективов телекамер свои взгляды. Даже им было стыдно.

Не случайно, что Горбачев, едва заняв пост генсека, на одном из «своих» заседаний Политбюро заявил, опираясь на письмо одного коммуниста, дескать, «народ считает, что 19 «Золотых Звезд» Л.И. Брежнева и третья «Золотая Звезда» К.У. Черненко не только подмочили их собственный авторитет, но и рикошетом ударили по членам Политбюро ЦК КПСС. Люди не без основания сетуют: «А куда же смотрит Политбюро в подобных случаях? Неужели его члены считают, что генеральных секретарей, да и их самих, можно награждать как угодно и сколько угодно?»⁵⁴

Горбачев, выступив против славословия, возвеличивания «первых» вождей, снискал этим на первых порах немалый авторитет. Он, однако, не сказал ни тогда, ни позже, что дело совсем не в орденских «звездах», а в том особом монопольном, бесконтрольном положении, которое занимают лидеры партии в системе, основанной на «ленинских» принципах. О крупных деятелях эпохи обычно судят по свершениям, величине перемен, их мемуарам, воспоминаниям современников, литературному и эпистолярному наследию. Но следует сделать одну существенную поправку к жизни советских лидеров. Кроме Ленина и в определенной мере Сталина, последующие вожди практически ничего сами не писали. Я ознакомился в архивах с огромным количеством документов, которые как

будто принадлежали Хрущеву, Брежневу, другим вождям «Как будто» говорю потому, что все эти люди были «чтецами» готовых докладов, речей, записок, выступлений, сами практически ничего не писали, за исключением однообразных резолюций и каких-то неуклюжих помет в блокнотах, настольных календарях, записных книжках

В этом смысле творчество «лаурсата» высшей советской литературной премии — «уникально» Его многочисленные и пухлые сборники речей и статей отражают уровень бюрократического мастерства партийного аппарата и «генеральную линию» КПСС. Личностные параметры в тех речах обнаружить невозможно. К тому же Брежнев очень любивший выступать, появляться на телевидении крупных форумах, обладал к концу жизни редким косноязычием, связанным не в последнюю очередь со стоматологическими операциями. Жаль по-человечески Брежнева в его мучениях. Но физические недостатки не могут служить помехой, если у человека ясный, сильный, аналитический ум. Классический пример — американский президент Рузвельт, выдающийся государственный деятель XX века.

Другое дело с Леонидом Ильичом Брежневым. Заметная интеллектуальная деградация генсека к концу жизни усугублялась публичной немощью и косноязычием. Ни сам Брежнев, ни его соратники не смогли вовремя определить время его ухода с политической сцены...

Вот одна записка Брежнева по «стоматологическому» поводу в Бонн советскому послу В. М. Фалину

«Валентин Михайлович — прошу передать врачам что я жду их с надеждой на успех дела — мне очень трудно передать ощущение во всех деталях от того, что я испытываю от ношения оставленной модели, хотя я все время пользуюсь ею. В целом хотелось бы, чтобы она была легче — особое неудобство я испытываю в местах соединения модели с моим мостом — выпирание моих крайних зубов создает неприятное ощущение для языка. О всем этом мы говорили в Москве и поэтому я не хотел бы вносить новых замечаний. С уважением Л. Брежнев.

22.X-74»:

Здесь же приложена еще одна записка.

«Валентин Михайлович!

Завтра 23 октября поездом через МИД спецкурье

ром на Ваше имя будет отправлены два груза в одном два ружья, которые прошу вручить врачам — содержание второго (кабан) посылаю лично Вам. Л Брежнев»⁵⁵

Зубы, челюсть, мост — все ясно. Весь советский народ давно знал, что для Брежнева его спичрайтеры старались избегать некоторых слов — он не был в состоянии их произнести. Но что совпосол Фалин должен был делать с охотничьим трофеем Брежнева в Бонне? Генсек отстреливал только крупных кабанов...

Но мы отвлеклись. Несколько брошюр, именуемых «книгами» Леонида Ильича («Возрождение», «Целина», «Малая земля»), были, конечно, написаны другими людьми. Брежнев с трудом смог лишь их одолеть, читая эти брошюры.

Умственный багаж Брежнева в литературе был на уровне малограмотного человека. «Читал» ли генсек остальные «свои» труды, можно только догадываться.

Впрочем, литературные работы Леонида Ильича освящались «коллективной волей» политбюро. Так, например, в конце заседания политбюро 13 апреля 1978 года, где присутствовали 14 членов, кандидатов в члены и секретарей, Брежнев сам поднял вопрос о своих «воспоминаниях». В протоколе со специфической рубрикой «За повестью дня» Леонид Ильич обратился за поддержкой к соратникам продолжить публикацию своих «воспоминаний» Брежнев заявил, что «при встречах с руководящими работниками, военными и другими товарищами ему «говорили, что это очень полезное дело для воспитания народа...». Если не будет возражений у членов ПБ, я бы moi вместе с небольшой группой товарищей продолжить эти воспоминания...».

Как и следовало ожидать, члены политбюро едва ли не хором поддержали «самоотверженную» литературную деятельность своего генсека...⁵⁶ И тут же известные журналисты, не обделенные талантом, А. Аграновский, А. Сахнин, А. Мурзин, другие литераторы, возглавляемые помощниками генсека, были привлечены к делу и приступили к работе. Ведь Брежнев заявил, что его «воспоминания — очень полезное дело для воспитания народа»... Интеллектуальная проституция давно стала нормой внутренней жизни КПСС. Любой секретарь райкома партии счи-

тал нормальным, когда для него пишут не только доклады, но и статьи в газеты, а некоторым и диссертации.

«Книги» Брежнева выходили огромными тиражами, прекрасно оформлялись. Писали их, как мы знаем, хорошие профессионалы. Но эта «литература» не волновала людей... В работах, по сути, нет ничего брежневского: глубоко личного, неизвестного, сугубо откровенного, покаянного. Ничего сверхдраматического, парадоксального, необычного. Как бы ни живописались события войны, послевоенного восстановления, подъема целины, в «книгах» не видна л и ч н о с т ь. Посредственность, даже увешанную множеством орденов и увенчанную бесчисленными титулами и высокими званиями, нельзя превратить в гения, даже в незаурядную личность. «Книгам» Брежнева суждена «грибная», короткая жизнь. Сегодня они — лишь как штрих, специфическая черта «брежневской эпохи».

Отмечая редкое тщеславие Брежнева, следует заметить, что оно не мешало ему быть очень сентиментальным, слезливым, по-своему очень добрым человеком, чем не раз пользовались его многочисленные прилипалы и подхалимское окружение. Можно даже сказать, что он любил людей, умел с ними общаться (пока не был болен), не раз помогал не только знакомым, но и тем, кто затронул его душу рассказом, жалобой, обращением. Нередко при просмотре фильма, концерта у генсека тут же рождалось желание немедленно наградить ведущего артиста орденом, присвоить ему какое-либо почетное звание или еще чем-либо отметить. Так обычно и делали. Помощник Горбачева А.С. Черняев приводит в своей книге поистине анекдотический эпизод. «Леонид Ильич очень любил смотреть многосерийку «Семнадцать мгновений весны», — пишет автор. — Смотрел раз двадцать. Однажды, когда в финале фильма Штирлицу сообщают, что ему присвоено звание Героя Советского Союза, Брежнев повернулся к окружающим и спросил:

— А вручили уже? Я бы хотел это сделать сам.

Рябенко (начальник охраны) стал хвалить актера Тихонова. Другие подхватили. Брежнев прервал их:

— Так за чем же дело стало...

И через несколько дней лично вручил Звезду Героя Советского Союза и орден Ленина... артисту Тихонову в полной уверенности, что это и есть Штирлиц...»⁵⁷

Вот такой «непосредственный» был у нас с вами руководителем...

Брежнев воспринимался в быту как «добрый», коммунистический «царь»... Если бы еще он не имел на своем счету Чехословакию, Афганистан...

Как и подобает «доброму царю», Брежнев любил делать окружающим его людям приятное: подарки, просто оказывать какое-то вельможное внимание. У Брежнева было очень много личных друзей, которых он не забывал, одаривал, продвигал по служебной лестнице⁵⁸. К.У. Черненко, К.С. Грушевой, С.К. Цвигун, Н.А. Щелоков, Г.К. Цинев, И.И. Бодюл, Г.Э. Цуканов, С.П. Трапезников, М.Х. Калашников, многие другие давние знакомые быстро заняли значительные посты в партии, государстве, армии, «органах». Генсек не забывал поздравить каждого из многочисленных приятелей: позвонить по телефону, прислать роскошную открытку, именной подарок. Так, например, генерал-полковник Грушевой, член Военного совета Московского военного округа, после своего дня рождения пришел в Главное политуправление СА и ВМФ показывать знакомым военнослужащим теплые слова приветственного текста от Брежнева и красивые золотые наручные часы.

Даже критиковал Брежнев по-своему. Как писал весьма пристрастно его зять Ю. М. Чурбанов, это была критика «брежневская». «Леонид Ильич, — вспоминал родственник, — как никто другой умел так журить людей, что они на него никогда не обижались»⁵⁹.

Брежнев, таким образом, цементировал свой «дворцовый» фундамент личной власти не с помощью страха, как, допустим, Сталин, а используя приятельский, доброжелательный характер отношений. Генсек любил долгие и обильные застолья, большую охоту, людную рыбалку, быструю езду на роскошных автомобилях, которые он коллекционировал.

Во времена Хрущева будущий генсек и остальные члены политбюро трудились на Старой площади по 10—12 часов, часто направлялись в командировки, корпели по многу времени на бесчисленных всесоюзных и партийных совещаниях, возглавляли многочисленные комиссии.

Теперь генсек устроил для себя совсем другой режим работы, особенно когда в середине семидесятых годов у

него резко ухудшилось здоровье. Последние пять-шесть лет этот больной, маразматический человек работал номинально. Приезжал на два-три часа в кабинет, по нескольку дней в неделю находился в Завидове, знаменитом охотничьем хозяйстве недалеко от Москвы. Аппарат ЦК вершил все дела, лишь иногда заручаясь подписью Брежнева на какой-либо важной бумаге. Впрочем, генсек старался облегчить жизнь и своим соратникам.

Вскоре после прихода к власти, по его настоянию, политбюро принимает 28 июля 1966 года решение, согласно которому члены высшей партийной коллегии стали иметь по два с половиной месяца отпуска в год. При этом они «начинали работу в 9 часов утра и оканчивали в 17 часов с обязательным перерывом на обед»⁶⁰. Когда Брежнев стал уже на глазах всей страны, да и мира «разваливаться», политбюро приняло еще ряд дополнительных мер по охране драгоценного здоровья генсека. Его везде сопровождала реанимационная машина с медицинским персоналом; в местах его работы были оборудованы соответствующие оздоровительные кабинеты, и фактически с 1978 года только летний отпуск генсека был доведен до двух с половиной месяцев⁶¹.

О болезнях Брежнева знала вся страна, да и весь мир, но ЦК, его политбюро всячески пытались скрыть то, что было очевидным. Выступая 18 марта 1975 года в Будапеште перед руководителями восточноевропейских компартий, Брежнев долго рассказывал им, как он «переутомлен», но совсем не «болен». На самом деле он уже был серьезно болен. В завершение этой темы сказал:

— Я очень просил бы товарищей иметь в виду, что, хотя я действительно некоторое время был нездоров, мы у себя твердо условились не говорить об этом публично. Мне нужно некоторое время и соответствующий режим, чтобы снять утомляемость. Ничего другого у меня нет. Я признателен товарищам за заботу о моем здоровье и хочу, пользуясь этим случаем, заявить вам, что я боец и буду им до конца⁶².

Политбюро, министры здравоохранения Петровский, затем Чазов, начальники 4-го Главного управления, по сути, проводили необычный эксперимент: как долго может изображать работу смертельно больной и старый человек. У меня сохранилось одно личное наблюдение, касаю-

щиеся последних октябрьских дней 1982 года. Тогда за две недели до смерти Брежнева я видел его живым в последний раз. Пишу по памяти, было это 28 или 29 октября 1982 года.

...Проходило традиционное годичное совещание высшего командного состава Советской Армии и Военно-Морского Флота. На другой день его работы нам объявили, что завтра оно пройдет в Кремле, в Свердловском зале.

В 10 часов утра, когда маршалы и высший генералитет, среди которого находился и автор этих строк, заняли свои места, в зал из-за кулис ввели Брежнева. Рядом с ним шел маршал Д.Ф. Устинов — министр обороны, с другой стороны — крупный молодец со стаканом чая. Одной рукой он держал чай, а другой — более крепко — поддерживал за локоть генсека. Так его неспешно довели до трибуны в зале.

Уже не помню, что на протяжении 15—18 минут нечленораздельно говорил Брежнев, водя пальцем по бумажке с крупно отпечатанным текстом. Его глаза перескакивали через отдельные строчки, и генералитет слышал сплошную абракадабру... Почти никто не вслушивался в бессмысленность текста, всех, думаю, заботило одно: выстоит ли? Не рухнет ли генсек прямо здесь, в зале? Зачем этот жалкий спектакль, который организовал подобострастный Устинов? Всем было жаль Брежнева и стыдно за великую страну.

Когда Брежнева таким же порядком молодец увел за кулисы, зал облегченно вздохнул...

Беспомощный лидер великой, могучей страны...

Брежнев очень интересовался, что говорят и пишут о нем. Естественно, если была такая потребность у вождя, были и люди, которые ее щедро удовлетворяли. Брежнев, органически не любивший читать не только серьезную литературу, официальные документы, но и «собственные» произведения, нередко проводил час-другой за прослушиванием откликов о его выступлениях, «книгах», поездках, встречах, инициативах... Разумеется, это слащавое чтиво еще больше усиливало в Брежневе искреннюю уверенность в своем величии, незаменимости, мудрости.

Этот лидер, над которым полуоткрыто потешался его народ, с серьезным видом мог подолгу заниматься рассмо-

трением и обсуждением вопросов: какие сувениры подарить приезжающему главе государства, его жене, сопровождающим лицам. В записях генсека множество пометок и цифровых выкладок о стоимости бриллиантов, оренбургских платков, янтарных наборов и т.д. По сути, генсек давно уже превратился в главного придворного церемониймейстера, декоративного «вождя», решения которого рождаются не в его голове, а за спиной — в опытном, отдрессированном аппарате, где действительно было немало умных работников. Например, стоит назвать одного из них — А.М. Александров-Агентов, всесторонне развитый, высокообразованный человек, дипломат, спичрайтер, помощник. Но усилия даже таких людей не могли скрыть убогости мышления генсека, его примитивных рассуждений, которые порой удавалось локализовать (при встречах с иностранцами) опытным переводчиком.

Брежнев любил делать подарки (за государственный счет), любил и сам получать. За рубежом ему дарили шикарные машины, в стране — роскошные ружья, сабли, вазы, отделанные бриллиантами, золотые часы с дорогими камнями и т.д. Когда к семидесятилетию генсека из Якутии привезли в Москву великолепную вазу из кости с серебром, отделанную бриллиантами, многочисленными красными розами из дорогих металлов и редких камней, Брежнев несколько раз обошел вокруг замечательного произведения искусства, всячески выражая свое искреннее восхищение творением рук человеческих...

Даже бюст самого Брежнева, отлитый из чистого золота, преподнесли генсеку в одной из республик к его 70-летию...

Но эти же люди, осыпавшие полувыжившего, полураспавшегося Брежнева изысканными ценностями, сами отобрали у его семьи в 1988—1989 годах дареное. Его жена Виктория Петровна совсем не протестовала и молча вернула многочисленные знаки холуйского внимания к «вождю». Думаю, упрека заслуживает не только сам генсек, почти впавший в детство, что касается наград и «призов за власть», но и целая когорта высоких партийных сановников, ломавших голову: чем бы еще завтра удивить Брежнева? Он им был нужен такой — слабый, податливый, слезливый. За этим всем стоит не только гримаса больше-

вистского вождизма, но и человеческая драма больного человека.

Все советские лидеры (точнее, шестеро из них) умерли в собственных постелях. Никто добровольно не отказался от своего поста, даже когда он был не в состоянии его «блюсти». Правда, Брежнев раз-другой в узком окружении заводил разговор о том, что стал «стар», мол, «пора и на отдых». Но эти сентенции были не чем иным, как откровенным желанием в очередной раз услышать дружные панегирики о своей «незаменимости» и о том, что «народ этого не поймет».

Люди смертны. Это только у природы не существует ни юности, ни старости, ни кончины.

Рабочие записи генсека Старые письма, пожелтевшие манускрипты, ветхие фотографии, выцветшие дневники — Страна Прошлого...

Вернуться туда можно только мысленно. Часто не имеет значения, кому принадлежат раритеты: карлика или гигантам мышления, «любимчикам» истории или ее изгоям... Все это свидетельства навсегда отгоревшего и ушедшего времени.

Мы о своем советском прошлом, в котором было много и героического, и трагического, и преступного, судили обычно по октябрьскому перевороту, нэпу, коллективизации, индустриализации, большому террору, Великой Отечественной войне, «великим стройкам коммунизма», ГУЛАГу, космосу, венгерским, чехословацким, польским, афганским событиям, перестройке и по многому, многому другому. И это верно. Но иногда неизвестные документы, личные записи человека могут придать неповторимый колорит тем десятилетиям, которые унесены рекой времени в бесконечную невозвратность. Особенно если это записи государственного человека или тем более первого лица страны.

Брежнев, при своей низкой общей культуре и грамотности, оставил немало рабочих записей: с заседаний съездов и пленумов, в настольных календарях, записных книжках, дневниковых пометах ежедневного характера, бесчисленных резолюциях. Они по-своему интересны, ибо рельефно высвечивают не просто облик человека, стоявшего на самой вершине пирамиды власти, но и приоткры-

вают полог над тайнами (мелкими и крупными) управления великой страной. Подобные записи — своеобразная, фрагментарная анатомия всего того, что навсегда ушло, что никогда не вернуть или, точнее, можно «вернуть» только мысленно. Поэтому в этом разделе очерка о Л.И. Брежнев я хотел бы коснуться его текущих рабочих, служебных, дневниковых записей как политработника, члена высшего руководства, генерального секретаря гигантской партии. При всей личностной, субъективной, скажем даже, метафизической содержательности записей, они также составляют едва уловимую ткань нашей с вами истории...

Не думаю, что свои записи Брежнев вел из тщеславных побуждений, тем более что в них немало такого, что едва ли могло поднять генсека над историческим плоскогорьем бытия. Полагаю, то была обычная для многих партийных руководителей привычка сначала записывать «указания» своих начальников, чтобы их исполнять, затем, через годы, уже записывать, чтобы самим давать указания, а потом просто, став генсеком, фиксировать мгновения собственной «великой» жизни. Многое предназначалось и для будущего, для «потомков».

«Черненко К.У.

Наверное, это письмо вместе с запиской Голикова В.А. следует поместить в личный архив — у меня была и сейчас продолжается переписка с народом — трудно все сохранить.

Л. Брежнев. 13/VI-76»⁶³

Но задолго до этого, когда еще не было «переписки с народом», полковник Л.И. Брежнев вел рабочие заметки, начиная с конца войны, а точнее, с 1944 года.

— Зам. начальника 2 воздушной дивизии — к партответственности за мародерство исключить из партии. Срок — 1 день.

— С тов. Мехлис: о заградотрядах — забрать коммунистов...⁶⁴

Довольно полуграмотные (с военной точки зрения) записи свидетельствуют об обычной фронтовой практике непрофессионального офицера среднего уровня. Но Брежнев все эти записи сохранял, возил с собой, пока они не «осели» в архиве генсека.

Очень много записей в различных блокнотах, в кото-

рые будущий генсек заносил установки и указания Н.С. Хрущева на различных совещаниях, заседаниях (об откорме скота, когда его сдавать, об использовании естественных откормочных угодий и т.д.). Вообще до снятия Хрущева с поста первого секретаря Брежнев уделял ему повышенное внимание и фиксировал в своих записях: когда «проводил Никиту Сергеевича», где он «отдыхает», что Никита Сергеевич «передавал по телефону», какой материал «подготовить к его приезду» и т.д.

Выполняя распоряжения Хрущева, член Президиума ЦК Брежнев часто выезжал «на места», проводил «линию» первого секретаря. Так, в конце октября 1957 года он вылетел в Группу советских войск в Германии для выступления с докладом на заседании партийного актива по факту снятия маршала Г.К. Жукова с поста министра. В рабочих пометах Брежнева к докладу, в частности, говорится:

«...Факты свидетельствуют о тенденции т. Жукова к неограниченной власти. Недавно т. Жуков предлагал заменить председателя Комитета государственной безопасности и министра внутренних дел военными работниками. Чем продиктовано это предложение? Не тем ли, чтобы возглавить руководящие посты в этих органах своими людьми, кадрами по признаку личной преданности? Не является ли это стремлением установить свой контроль над КГБ и МВД?»⁶⁵

Так Брежнев по указанию Хрущева развенчивал великого полководца, которого побаивались в разное время и Сталин, и Хрущев, и сам Брежнев...

В записях «хрущевского периода» преобладают военно-промышленные темы: беседы с конструкторами, заслушивание отчетов об испытаниях военной техники, звонки директорам оборонных заводов. Брежнев, будучи фаворитом Хрущева, тогда очень много работал. Правда, в это же время множество «охотничьих» записей типа:

- Говорил с Н.С. о охоте.
- Уехал в 4 часа на охоту с Юрой.
- Убил трех кабанов в Завидово.
- Завидово — лось...

При всей занятости Брежнев очень часто отдавался охотничьей страсти, хотя никогда не был аристократом. Странное увлечение... Уничтожение живых существ как

способ морального удовлетворения каких-то нездоровых инстинктов далекой старины. В свое время я видел в усадьбе Тито в Белграде специальный охотничий «домик» с его многочисленными трофеями: сотни рогов и шкур убитых им животных... Охота не как способ существования, а как удовлетворение кровавой прихоти... Может, это у советской аристократии осталось от Романовых? Николай II, подводя итоги первому году своего царствования, написал: всего убито мной на охоте 3 зубра, 28 оленей, 3 козы, 8 кабанов, 3 лисицы = 45»⁶⁶. А что изменилось, что произошло в империи за этот год? Дневники не дают ответа.

Со временем охота для Брежнева превратилась в самое главное духовное отдохновение. За два-три года до кончины его ослабевшие руки уже плохо держали оружие (в коллекции генсека было около ста великолепных, дорогих ружей). Несколько раз, стреляя по животным в Завидове, он разбивал себе брови, переносицу, нос; руки были не в состоянии удержать «отдачу». Об этой части жизни Брежнева весьма интересно написал бывший начальник его охраны генерал Владимир Тимофеевич Медведев. Теперь «охота» под занавес жизни была другой: он руководил, командовал, а стреляли по оленям и кабанам его охранники. Последний раз он «охотился», пишет Медведев, «за сутки до смерти»⁶⁷. Брежнев так любил охоту, что главному егерю в Завидове присвоил генерала и за короткий срок наградил его вновь учрежденным орденом «За службу Родине» всех трех степеней! Первого в Вооруженных Силах: не подводника, ракетчика или летчика, а профессионального охотника... Правда, в Главном управлении кадров Министерства обороны, понимая такую нелепицу, оформили документы генералу-егерю за номером десять. Перепали награды и помощникам егеря...

Брежнев любил отправлять свои богатые охотничьи трофеи друзьям, знакомым, «полезным» людям. Я уже писал выше, как он осчастливил совпосла в Бонне Фалина целым кабаном, а в другой раз Леонид Ильич выслал самолетом «доктору Якобу из Бона» (так в тексте) и «доктору Озинга из Дюсендорфа» (так в тексте Брежнева) свою добычу из Завидова...⁶⁸

Интересная деталь. С середины 1964 года записи исчезают... Брежнев работает, выступает, фиксирует на от-

дельных листках указания и распоряжения Н.С. Хрущева, но о чем-либо остальном ни слова. В это время, как мы знаем, исподволь велась работа по подготовке к смещению первого секретаря, и Брежнев был предельно осторожен: почти не писал о встречах с «соратниками», не упоминал об охоте, о звонках и т.д. Формировался внутрипартийный заговор.

Лишь после того как удалось «свалить» Хрущева, во второй половине октября 1964 года, вновь появляются обильные записи в рабочих тетрадах, блокнотах, специальных книжках для заметок, выдаваемых членам политбюро.

«О докладе тов. Полянскому» (подчеркнуто)⁶⁹.

«О докладе тов. Сулова на пленуме (разослать)».

«Посоветоваться о сыне Берия (в Дарнице квартира)».

«О Председателе Совета обороны» (по положению им всегда был генсек. — *Д.В.*).

«Активы на местах (о снятии Хрущева. — *Д.В.*) прошли под аплодисменты...»

«Спрашивают: почему выступал на съезде ОН с двумя докладами».

«Звонил Игнатов: мол не поговорить ли на очередном пленуме, мол не все кончено и т.д. Я не разделяю этой точки зрения»⁷⁰.

Последнее замечание Брежнева очень важно. Сегодня известно, что кое-кто в руководстве осенью 1964 года не хотел ограничиться снятием одного Хрущева. По старой привычке предлагали убрать из обоймы руководителей и самых близких к бывшему первому секретарю людей. Такие, как Игнатов, фактически советовали провести небольшую партийную «чистку» в руководстве — в центре и на местах.

Брежнев, при всей ортодоксальности своего партийного «характера», не хотел этого делать. И прежде всего потому, что формально все они были «сторонниками» Хрущева, все его славословили и превозносили, а сам Брежнев был явным фаворитом... По предложению Сулова высшие руководители ограничились на пленумах общими фразами о вреде «волюнтаризма и субъективизма» и сделали все для того, чтобы вычеркнуть, убрать из народной памяти Хрущева... Не получилось. Хотя почти два десятилетия на имя Хрущева было наложено табу. Старая пло-

щадь хотела, чтобы люди, по сути, жили по древнеримскому закону «Об осуждении памяти», когда усопший император (если он чем-либо не нравился новому) предавался официальному забвению. Почти за два десятилетия Брежнев не считал нужным (ни разу!) встретиться с Хрущевым, позвонить ему, о чем-то с ним посоветоваться... Даже в мемуарах у авторов нередко вымарывали фамилию бывшего «вождя» партии и страны.

Но память живет по своим объективным законам и не зависит от директив политбюро или указаний генсека. О большинстве из тех, кто «свергал» в октябре 1964 года Хрущева, сегодня многие (если не большинство) живущие в России люди (особенно молодые) не знают вообще ничего. Никто им не давал указаний их «забыть». Нет. Ил истории постепенно и навсегда поглощает их имена. А взбалмошный Хрущев останется навечно на исторической поверхности...

На первых порах, когда Брежнев пришел к руководству, некоторые люди из его ближайшего окружения толкали нового лидера на пересмотр решений XX и XXII съездов партии, решительно осудивших культ личности. Особенно старались в этом такие сталинисты, как С.П. Трапезников (ставший заведующим отделом науки и позже академиком при всей его глубокой примитивности) и один из помощников, В.А. Голиков. В бумагах Брежнева есть решения XX съезда с подчеркиваниями (правда, не ясно чьими), есть проект его выступления в Тбилиси (забракoванный) со сталинистским «душком». Сталинические взгляды разделяли тогда и К.У. Черненко и Н.А. Тихонов — очень близкие к четвертому «вождю» люди.

Об этой скрытой борьбе в ближайшем окружении Брежнева хорошо рассказывает академик Г.А. Арбатов в своем очерке «Из недавнего прошлого». Эти люди, пишет Арбатов, «вместе с наиболее консервативными членами Президиума и Секретариата ЦК КПСС все же смогли быстро сбить какое-то подобие общей идейно-политической платформы. Во внутренних делах добивались отмены решений XX и XXII съездов КПСС, полной реабилитации Сталина...»⁷¹

Новый лидер симпатизировал Сталину, но боялся вновь поднять его на пьедестал. Колебался Брежнев, однако, больше потому, что радикальный пересмотр взглядов на

роль Сталина в советской истории вновь вызовет брожение умов, протесты, борение страстей. А он очень не хотел этого.

Брежнев колебался. В конце концов все закончилось «компромиссом». Сталина перестали критиковать в печати и, наоборот, нет-нет да и упоминали его в плане былых заслуг. Но решиться на пересмотр исторических решений XX съезда «духа» не хватило. На «дворе» было уже другое время. Брежнев, как глубоко консервативный человек, сочувствуя в душе Сталину, понимал, что открытая реабилитация тирана вызовет огромную антисоветскую волну в зарубежье, не пройдет бесследно и в СССР. Новый лидер, будучи исключительно слабым «теоретиком», счел за благо занять некую «промежуточную» позицию, полуосуждающую сталинизм и полуреабилитирующую его.

До 1968 года Брежнев вел свои рабочие записи спонтанно, нерегулярно, часто без указаний даты, месяца и года. Похоже, лишь для собственной памяти. Вот как, например, велись эти бессистемные рабочие записи в 1968 году в отдельной общей тетради. Стиль и пунктуация генсека не изменены.

«О создании Академии литературы и искусства...»

«Кто мне готовит речь в Чехословакию?»

«О наградах. Дать Гречко орден Ленина, Ворошилову и Буденному — героев. Епишеву — Ленина, Тимошенко, Еременко, Баграмяну и Москаленко — ордена октябрьской революции. Всем маршалам дать по служебной «чайке».

«О законодательстве — высылать за пределы страны»

«О Хрущеве — его «мемуары».

«О допуске всякой швали к военным архивам и их использованию в неблагоприятных целях — ужесточить...»⁷²

Император Николай II в своих «безразмерных» дневниках, числом в 50 тетрадей, охватывающих 36 лет, не пропустил ни одного дня!⁷³ Это был, в общем-то, мягкий, слабый, неглупый, совестливый человек, но... император! Но и он не писал о «швали», которую нельзя допускать к архивам, о контроле над мемуарами, которые лишут его сановники, о «совершенствовании» законодательства, позволяющем более просто выдворять своих вольнодумных подданных за околицу отечества.

Власти и бескультурия у советских генсеков было значительно больше, чем у российских царей.

Записи за 1973—1974 годы в тетради с красной корочкой. Теперь почти до самой смерти генсек, хотя далеко и не ежедневно, будет оставлять для истории свои пометы. Обычно толстым пером авторучки или фломастером.

«1 сентября. Разговор с тов. Андроповым Ю.В. Случай в Мавзолее. (Видимо, одно из нескольких случившихся покушений на мертвого Ленина посетителями пантеона. — Д.В.)».

«8 сентября. О Сахарове — принимать или нет. Еще раз посоветуюсь в ЦК. О помощи Индии — дать 200—250 т.».

«11 сентября. Еще раз поговорить с Алексеем Николаевичем о приеме Сахарова. Нам следует продумать вопрос более глубокого и крупного сотрудничества с ФРГ — в пику Франции».

«8 октября. Переговоры с Танака и сопровождающими его лицами. Говорит о «мирном договоре» и островах. Мол, народ об этом говорит!!!»

«21 октября. В случае гражданской войны в Чили — помогать (всем и оружием). Не порвать ли самим дип. отношения с этим фашистским режимом вместе с соц. странами это нас объединило бы»⁷⁴. (Написание текста сохранено, как у автора дневниковых записей. — Д.В.)

Когда Брежнев готовили к переговорам, то на стол ему ложилось много всяких «разговорников»: справок, готовых возможных вопросов и ответов. Иногда генсек здесь же, на широких полях бумаги, делал свои вставки. Во время приезда Г. Киссинджера на одном из материалов к беседе Леонид Ильич размашисто начертил: «Ближний восток — то же сложный вопрос — где наши взгляды не эдентичны — это однако не означает, что мы не стоим с Вами на позициях мира»⁷⁵.

Хотя взгляды Брежнева, естественно, были «не эдентичны» размышлениям Киссинджера, он вел мидовскую линию настойчиво, однако прямолинейно и негибко. Но генсек стал в конце концов понимать убийственную диалектику последней четверти XX века: кто запустит ракеты первым — погибнет вторым. Вот и весь выбор... Ирония истории парадоксальна: можно превратить противника в пепел и не стать победителем.

Политическое мышление Брежнева было схематич-

ным, черно-белым: хорошо—плохо. Об этом, например, свидетельствуют его пометы, сделанные на Международном совещании представителей коммунистических и рабочих партий 10—23 ноября 1960 года. Фамилии деятелей зарубежных компартий почти все искажены (Брежнев даже своих соратников, людей, которых хорошо знал, часто именовал неправильно: Шерванадзе вместо Шеварднадзе, Катушов вместо Катушев и др.). Многие он просто слышал впервые.

«Т. Виольди (Аргентина) хвалил Хрущева

т. Живков (о заслугах Хрущева)

т. Нури (Ирак) выступление хорошее

т. Ланоян (Кипр) хорошо

т. Сауэ (Ливан) выст. хорошо

т. Венцен (Швейцария) хорошее выст.

т..... (Уругвай) хорошо

т..... (Дания) хорошо

т..... (Мексика) удовлетв.

Бразилия (Прес) ничего, но скучновато

Гомулка говорил прекрасно более 2-х часов

Марокко (разделал китайцев и особенно Ходжу...)»⁷⁶.

Реакция, школьные оценки, отношение к выступлениям «братьев по делу» схожи с записями какого-нибудь провинциального коммуниста в годы Гражданской войны, попавшего на конгресс Коминтерна.

Время Брежнева — это время активной борьбы КПСС, советского государства с диссидентами, правозащитниками, борцами за свободу личности. Большинство советских людей, и автор настоящей книги в том числе, в немалой степени верили лживой официальной пропаганде в адрес правдолюбцев, особенно Сахарова и Солженицына.

Брежнев часто слушал доклады Андропова о деятельности КГБ в этой области и делал это с видимым удовольствием. Генеральный секретарь регулярно читал доклады Комитета государственной безопасности (как правило, с грифом «Особой важности») и, водя пальцем по строкам текста, узнавал, что «пресечены попытки сколотить антисоветские группы — такие, как: «рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях», «группа содействия выполнению хельсинкских соглашений», «комитет в защиту прав верующих», «религиозно-философский семинар», «свободные профсоюзы» и

т.д. «Установлено 1512 авторов и распространителей анонимных антисоветских и клеветнических материалов» В конце доклада, как обычно, говорилось, что «Руководство, Коллегия, Партком КГБ СССР от имени всех работников органов и войск КГБ заверяют ленинский Центральный Комитет КПСС, Политбюро ЦК, лично товарища Л.И. Брежнева, что чекисты и впредь будут непоколебимо верны делу партии, великому делу коммунизма...»⁷⁷

В брежневские годы получило широкое распространение проявление инакомыслия, вольнодумства, духовного протеста. Сам генсек, уже мало интересовавшийся государственными делами, тем не менее всегда с большим интересом и одобрением следил за деятельностью Андропова и его мрачного ведомства. Он лично одобрил высылку за границу Солженицына, Чалидзе, Максимова, Красина, Литвинова, Есенина-Вольпина и других диссидентов. После ряда публикаций в Париже, о которых ему доложили, раскрывавших наличие в СССР политических заключенных, Брежнев запросил у КГБ справку о количестве таких лиц. Председатель комитета 29 декабря 1975 года ответил обстоятельной запиской. Из нее следовало, что «за антисоветскую агитацию и пропаганду» (ст. 190/1 УК РСФСР) с 1967 по 1975 год осуждено 1583 человека. В предшествующие годы (1958—1966) в тюрьмах и лагерях за эти «преступления» сидело 3448 человек...⁷⁸ Здесь же, в записке Андропова, «антисоветская агитация и пропаганда» квалифицируются как «особо опасные государственные преступления»⁷⁹. Для режима независимость политических суждений представляла по-прежнему особую опасность. Как покажут события конца восьмидесятых годов, именно правда, свободная информация окажутся тем оружием, которому ленинская система противостоять была не в состоянии.

Сквозь бетон консервации системы пробивались ростки свободомыслия, которые тут же топтали сапоги спецслужб. Но они пробивались...

К актам, связанным с обменом Буковского на Л. Корвалана, изгнанием нобелевского лауреата А.И. Солженицына из собственного отечества, ссылке А.Д. Сахарова в Горький и многим подобным делам Брежнев имел непосредственное отношение, и это порой находило отражение в его рабочих записях.

Когда Ю.В. Андропов и Р. А. Руденко доложили 26 декабря 1979 года свои предложения в политбюро в отношении академика-мученика Сахарова, Брежнев, еще до обсуждения вопроса на политбюро, выразил с ними согласие. А председатель КГБ и Генеральный прокурор СССР сочинили бумагу, в которой доносили, что Сахаров «в 1972—1979 годах 80 раз посетил капиталистические посольства в Москве», имел более «600 встреч с другими иностранцами», провел «более 150 так называемых пресс конференций», а по его материалам западные радиостанции подготовили и выпустили в эфир «около 1200 антисоветских передач». Боясь «предания суду» Сахарова из-за «политических издержек», на политбюро 3 января 1980 года решили лишить академика всех высоких званий и в «качестве превентивной меры административно выселить его из Москвы в один из районов страны, закрытый для посещения иностранцами»⁸⁰.

При всей бытовой доброте и сентиментальности Брежнев был идеологически жестким человеком по отношению к инакомыслию, той «швали» (выражение генсека), которая думает не так, как он и его соратники. Время застоя и стагнации было временем особенно распространенной «охоты за ведьмами». И Брежнев, почти профессиональный охотник за дичью, внес свой большой вклад в это далеко не богоугодное дело.

Мы долго потешались над императором Николаем II, читая (правда, это удавалось не всем) его дневники. Например, российский император 5 апреля 1907 года записал:

«Целый день шел дождь, но было тепло. В 10 1/2 поехали в экзерциргауз* на смотр морскому корпусу. Смотрел поочередно учение каждой роты, затем общий церемониальный марш. Остался очень доволен общим видом гардемаринов и кадет. Были на их обеде во дворце. После нашего завтрака они прошли мимо нас на пути к станции. Гулял и колол лед. Читал до 8 ч. Обедал Чагин (деж.) Играл с ним на бильярде»

* Экзерциргауз (от лат. exercitium — упражнение), здание, в котором в ненастную погоду проводились строевые обучения солдат манеж. — *Прим. ред.*

«Был на смотре, колол лед, читал, играл на бильярде...»⁸¹

А 5 апреля спустя семь десятилетий партийный самодержец записал в своем партийном дневнике:

«Говорил с т. Черненко. Косыгин в 5 уехал встречать Пальме. Затем передал через приемную т. Косыгина для А.Н. что принять Пальме вообще не смогу. Мих. Евстафьевич прислал синюю рубашку с пуговочками до низу, но не шерстяная...»⁸²

Главное отличие, конечно, не в рубашке, к тому же «не шерстяной», а в том, что Брежнев «не читал». Почти никогда. Нельзя встретить у него упоминания о какой-то прочитанной серьезной книге, монографии, сочинениях. Брежнев не читал. Ни 5 апреля, ни годом раньше, ни годом позже, ни накануне своей кончины. Не так, как Николай II. Почти каждую свою запись в дневнике император отмечал фразой: «читал», «читали вместе», «много читал», «удалось много почитать». Даже в последние недели перед своей трагической гибелью читал «Историю императора Павла I» Н. Шильдера, поглощал том за томом сочинения Салтыкова-Щедрина...

Чтобы читатель полнее представил интеллектуальный уровень партийного руководителя гигантского государства, его четвертого советского «вождя», лидера великого народа, я просто приведу несколько страниц из рабочих дневников Брежнева за 1976—1977 спокойные годы. Оставляю орфографию и пунктуацию точно такими, какими они были у автора рабочих записей.

10 мая 1976 г. Вручение большой маршальской звезды. Говорил с тов. Копенкиным А.Н. — он сказал голос офицера, слышал, голос генерала слышал — а теперь рад, что слышу голос маршала».

16 мая 1976 г. Никуда не ездил — никому не звонил мне тоже самое — утром стригся брился и мыл голову. Днем немного погулял — потом смотрел как ЦСК проиграл Спартаку (молодцы играли хорошо)».

30 мая. Был в Завидово с т. Черненко К.У. Убил 8 штук».

26 июня. суббота. Разговаривал с тт. Черненко К.У. Русаковым — о Польше. Примерка и прием костюмов. Был вечером у Музы Владимировны и Валентины Александровны».

25 июля. Воскресенье. Утро как обычно никого не

найдешь Завтрак — бритье — плавание Сегодня заснул на качающемся снаряде на берегу. Сегодня Т. Николаевна — продолжила чистку зубов — а Муза посмотрела протез Говорил с т. Черненко К.У. — он пока нездоров все что можно делается».

«31 июля. Суббота. Заплыв — 1 час бассейн 30 м. Бритье — забили в косточки с Подгорным. Подарки Гусаку Г.Н. — вручены в 11 ч. утра Андропов о Косыгине Подгорный играл в домино затем я ему рассказал о Косыгине».

«7 августа. 19 день отпуска. Плавал в море 1.30 — массаж бассейн 30 минут Вымыл голову — детским мылом...»

«17 августа — вторник 29 день отпуска Спросить когда Косыгин перевернулся на лодке Чазов Е.И. — в сознании хорошо разговаривал спокойно реагировал что ему придется до середины октября лечиться. 17 августа улетели в Москву Галя и Юрий Михайлович. Суслов М.А. сегодня вылетает в Сочи».

«21 августа. Вылетел с Н.В. Подгорным в Астрахань. Вечером был на охоте (вечерка) Убили 34 гуся».

«23 августа — понедельник. Утро — разделка белуги — осетра изготовление икры Отлет в Симферополь — он не принял посадили на морском военном аэродроме Саки Встретили Блатов и Виктория Приехали в дом к обеду ел борщ...»

Или вот еще несколько фрагментов из записей безмятежного 1977 года.

«10 марта — четверг Вышел на работу — был до 2-х ч. 10 мин. в ЦК Утром был Чазов ортопед. Принимал и наговорился с Черненко Заходил к Кириленко — «доложил» что вышел на работу».

«14 марта. День рождения Галочки Переговорил с Городовиковым просьбы я просил его рассказать т. Черненко К.У. что ему нужно так как он наговорил мне уйму просьбы мне трудно было понять — он хочет завтра приехать в Москву походить по Министерствам. Прием тов. Пономарева и Черненко по вопросу Конституции».

«18 марта. Зарядка. Затем говорил с Черненко затем с тт. Громько А.А. Андроповым Устиновым — читали материалы связанные с приездом Венца (Вэнса. — Д.В.). Звонил Павлову Г.С. по стоимости (да) 28.880. Читал всякие материалы с Галей Дорошиной. Поехал в цирк».

«13 апреля — среда. Утро — обычные мероприятия до-

машини Брала кровь из вены С 11 часов переговор с Даудом Вопрос о встрече один на один отпал Отдыхал — здорово — (обед). Работа с Дорошиной».

«22 апреля. пятница 86.400 (Брежнев стал фиксировать свой вес. — Д.В.) В 5 часов заседание посв. дню его рождения (надо думать, что В.И. Ленина. — Д.В.) Переговорился с Гришиным Громько — Черненко Дорошина»

«23—24 апреля выходные дни».

«3 мая. вторник. Беседа с Рябенко Разговор о телеф со Сторожевым... известн. вопрос Разговор с Черненко К.У по повестке дня ПБ Портные — костюм серенький сдал и тужурку кож. Прогулочную взял. Позвонил Ю.В. Андропов — приехал мы с ним беседовали Работал с Дорошиной».

«16 июня. четверг 86-00 10 часов утра — сессия Верховного Совета. Избрание тов. Брежнева председателем президиума Верховного совета (много поздравлений)»

«2 августа. 85-800 голый Завтрак. — Бритье — плавал Гулял на пирсе. Забили козла 1:1 Обед. Дорошина — Блатов Сообщить Чаушестку — прием у меня в 6 часов».

«27 октября — четверг провел ПБюро в том числе о Рашидове 2-ды Героя в связи с успехами в работе (хлопок) и шестидесятилетием Принимал Кириленко — он в комиссии по рассмотрению анонимки на Бодюла критикуют его за комплексы — он защитил докторскую и т.д. Кремлина нет ... М.А. Сулов о академии наук Александров А.П. просит вице-президентом Логинова Ан. Алек.».

«21 ноября. понедельник Утром был у Н.В. Лопаткина полурезим Принимал тов. Лигачева Егор Кузьмича — Томск о улучшении матер. положения детей Принимал Д.Ф. Устинова Вопросы 60-тия Армии. Москаленко — дать 2-ю звезду героя Епишев дать звание героя Карагла нову — звание героя соцтруда и другие присвоения и на граждения».

Пожалуй, довольно. Комментировать эти записи, в которых, повторяюсь еще раз, я оставил все особенности «литературного» стиля генсека, для которого характерно почти полное игнорирование знаков препинания и рассмотрения (упоминания) каких-то значимых государственных вопросов, не хочется. Скажем, что свои рабочие записи Брежнев прекратил вести лишь незадолго до своей смерти. Последние год-полтора дневники генсека содержат почти исключительно динамику его собственного веса,

плавание в бассейне, массаж, наслаждение хоккеем по телевизору и — что прибавилось — обязательное упоминание личного участия в многочисленных похоронах своих соратников⁸³.

Ришелье однажды заметил, что он может судить о человеке по пяти самостоятельно написанным строкам. Думаю, француз изрек истину.

Поразительно унылые и бесцветные записи человека, который стоял (правда, в значительной степени формально, особенно в последние годы) у руля гигантской, великой и мощной в военном отношении страны с огромным, мировым потенциалом культуры.

Но я давно пришел к выводу, что примитивное, тупое, прямолинейное — часто имеет большую силу. Возможно, у коммунизма, не обладающего ни добром, ни благородством, ни достоинством, сила — есть главная ценность? Для такой силы, на каком-то промежуточном участке пути, ведущем к гибели Системы, лидер, подобный Брежневу, и подходил больше всего?

Брежнев не пишет о подготовке Конституции, принятии новых законов, экономике страны, опасном противостоянии двух супердержав, ядерной гонке, культуре, прочитанных книгах... Однако считает нужным записать, сколько ему финотдел ЦК выдал командировочных для визита в Брюссель (2338 франка, плюс жене и сыну), сколько стоит купленный им набор золотых и бриллиантовых украшений, какую сумму передал помощнику Цуканову для вклада на счет генсека в сберегательной кассе, и другие подобные бытовые вещи.

Брежнев, вероятно, был бы обычным, возможно, неплохим директором завода, руководителем одной из многочисленных советских контор, хозяйственником средней руки. Но судьба вознесла его на самую вершину и сохраняла его там почти два десятилетия. По продолжительности работы на высшем посту из всех советских руководителей Брежнев уступает только Сталину. Высшая номенклатура сочла весьма удобной и податливой для себя эту, по большому счету, повторюсь, Главную Марионетку Системы. Ленин был уважаем своими соратниками, но, даже смертельно больной, сам уйти с поста не хотел, а соратникам нужен был как символ. Сталин монополизировал наследие Ленина и стал неуязвимым диктатором, о смещении которого не могло быть даже речи. Хрущев же, в

этом его великая историческая заслуга, создал атмосферу, когда вместо монолита, основанного на страхе, стала возникать переходная от кровавого тоталитаризма модель, более гибкая, но теперь уже «только» авторитарная. И сам Хрущев стал ее жертвой.

Брежнев же оказался ставленником номенклатуры, которая боялась нового, но не могла уже повернуть руль и в прошлое. Брежнев устраивал всех. Но давно известно, что такой человек в конечном счете не устроит никого. Ни своих «соратников», ни своих «подданных», ни своих союзников. Он, как и любой другой руководитель, «устраивал» только бесстрастную Историю, которая в своей ледяной холодности не имеет рационального смысла. Она течет из ниоткуда в никуда. Возможную целесообразность создают Провидение и сами люди, а История, словно неиссякающий поток, то скачет по горным отвесам скал бытия, то плавно течет по бескрайней равнине миллионов человеческих судеб.

Настоящая цивилизованная страна всегда должна иметь великие духовные замыслы. При Брежневе они исчезли. Нет, о коммунизме по инерции продолжали говорить. Но в него уже никто не верил. А без великой идеи, с помощью которой можно поднять нацию, ни один ветер для нее не будет попутным. Духовная эрозия дополнила экономическую стагнацию.

Брежнев являлся одним из семи первых руководителей СССР. Все они были разными и... одинаковыми. То были основные Жрецы большевистской Системы, построенной ее главным Архитектором — Лениным.

Провозвестник 2 ноября 1977 года в Кремлевском
крушения Дворце съездов состоялось торжественное заседание ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященное шестидесятилетию Октября. Брежнев еще за неделю-другую предупредил своих постоянных речеписцев: «доклад не более 50 минут»... Генеральный секретарь теперь даже косноязычным образом не мог зачитывать длинных текстов.

Доклад, подготовленный бригадой опытных спичрайтеров и неоднократно обсуждавшийся в политбюро, был весь устремлен в будущее, соответственно и назывался: «Великий Октябрь и прогресс человечества». Заявив в

начале доклада под дружные организованные аплодисменты фразу, что настоящая эпоха — это «эпоха перехода к социализму и коммунизму», генсек, волею сочинителей, занялся пророчеством: по этому пути «суждено пойти всему человечеству»⁸⁴.

Брежнев полностью сохранил коминтерновские взгляды на будущее коммунизма. И на «своих» первых XXIII и XXIV съездах партии генсек выражал уверенность в конечном торжестве ленинского дела. На XXIV съезде КПСС Брежнев заявил, что мировая система социализма — это «прообраз будущего мирового сообщества свободных народов». Под бурные продолжительные аплодисменты делегатов съезда было заявлено: «Полное торжество дела социализма во всем мире неизбежно!»⁸⁵

Предрекая гибель капитализма на планете и всемирное «торжество коммунизма», Брежнев как бы забыл, что без предаваемого анафеме империализма СССР теперь просто жить не может. За два месяца до «пророческого» доклада в Кремле, 30 августа 1977 года, Брежнев одобрил доклад (с грифом «Особой важности» — «Особая папка»), подписанный главными хозяйственниками и финансистами страны: Косыгиным, Тихоновым, Байбаковым, Нуриевым, Гарбузовым, Алхимовым, Кузьминым, Ивановым. Если бы Брежнев в Кремле зачитал хотя бы страницу из заключения этих людей, то его доклад на торжественном заседании сразу бы превратился в историческую пыль. Но большевики с ленинских времен были большие мастера вести двойную «бухгалтерию»: одну для себя, другую для «широких трудящихся масс». А. Косыгин и его со товарищи писали в ЦК, Брежневу:

«...ЦК КПСС и Совет Министров СССР 18 июня 1977 года (год шестидесятилетия октябрьского переворота. — Д.В.) уже приняли решение о закупке за границей с поставкой в СССР в 1977/78 году 11,5 млн. тонн зерна...» Но оказалось, пишут Брежневу люди, которым надо кормить население не речами, а хлебом, что «уже сейчас возникла настоятельная необходимость закупить за границей на свободно конвертируемую валюту дополнительно 10 млн. тонн зерна (пшеницы, кукурузы, ячменя) с поставкой в СССР в 1978 году. Дополнительная закупка зерна позволит, хотя и не в полной мере, удовлетворить потребности народного хозяйства...».

Уже привыкшие проедать национальные сокровища

люди учитывают многие факторы: и то, что в Южном полушарии будет, возможно, неурожай, и то, что друзья — Польша, Чехословакия, ГДР, как и Китай, собираются покупать зерно у капиталистов. Поэтому мысль работает не столько в направлении, как добиться повышения урожайности собственных полей, а как бы загодя запастись за сотни, тысячи тонн отечественного золота заокеанским хлебушком⁸⁶.

Может быть, это имел в виду Брежнев, провозглашая в докладе, что «ориентацией не только на текущие нужды, но и на будущее отличается, в частности, наша аграрная политика. Мы добиваемся коренного решения продовольственной проблемы, удовлетворения растущих потребностей страны...»⁸⁷.

Провозглашая трескучие фразы, дряхлеющий лидер не мог знать, как и вся страна, что он является провозвестником надвигающихся фундаментальных перемен. Чем больше Брежнев говорил об «успехах социализма», решающем «влиянии на развитие цивилизации социалистического содружества», тем очевиднее было приближение тотального кризиса Системы.

Конечно, стагнация общества углубилась не только из-за некомпетентности генерального секретаря. Система, долгое время бывшая крепким монолитом, стала давать трещины, пока едва заметные. У нее уже не оставалось внутренних резервов для «успешного» функционирования. Она исчерпала себя. Я бы даже сказал, что Брежнев стал выражением в т о р и ч н о г о тоталитаризма. П е р в и ч н ы й, полный, заверченный, «классический», существовал, когда во главе партии большевиков и СССР стояли Ленин, а затем Сталин. Первичность — это не только выражение генетической «первородности» идей, материализовавшихся в реальной действительности, но и наиболее близкое приближение возникшей модели к исходным теоретическим «матрицам».

Вторичный тоталитаризм уже искажен атаками первого советского реформатора Хрущева. Изменился под влиянием нового планетарного общественно-политического климата, в котором все большее место стали занимать общечеловеческие атрибуты: открытость, сотрудничество. Даже коммунизм, одна из самых консервативных идеологий и систем, был не в состоянии игнорировать новые эволюционные планетарные тенденции. Вырождающийся

вторичный тоталитаризм стал выражением все углубляющегося кризиса ленинской системы.

В период после Чехословакии и до афганской авантюры в стране внешне царил безмятежная умиротворенность. Многие аномалии стали нормой: люди плохо работали, но получали жалкие премии и «тринадцатые» зарплаты; члены делегаций, ученые, спортсмены и артисты все чаще не возвращались из-за рубежа; региональные секретари парткомов КПСС все более превращались в удельных князей; военно-промышленный комплекс требовал все больше и больше для поддержания «паритета» с США; люди привыкли говорить одно, а думать другое Брежнев провозглашал, что «будущее принадлежит коммунизму», а в это время его соратники и сотрудники отправлялись в США, Канаду, Аргентину, другие страны рос сийское золото за хлеб, мясо, продукты...

Подобно проклятию, висела над коммунистическим руководством страны проблема, которую за семь десятилетий не удалось решить: как накормить и одеть народ великой страны. Не смогла КПСС сделать этого и во время правления Брежнева.

Утопию, в конечном счете, нельзя материализовать, в нее можно только верить.

Четвертый «вождь» созвал четыре «своих» партийных съезда: XXIII, XXIV, XXV, XXVI. На всех них, после красочного описания исторических достижений социализма, глухо, вскользь говорилось о хронических нехватках. На XXIII съезде КПСС: «...производство некоторых товаров отстает от запросов населения. Не везде в торговой сети имеется широкий ассортимент мясных продуктов.. Рынок еще не получает достаточного количества необходимых товаров»⁸⁸. На XXIV съезде Брежнев коротко говорил об остродефицитных товарах⁸⁹; на следующем, XXV партийном форуме вновь признал, что в достижении сдвигов в количестве и качестве товаров и услуг — «справиться не удалось»⁹⁰. Выступая на своем последнем XXVI съезде партии, Брежнев, с огромным трудом зачитывая доклад, опять повторил то, что говорил раньше: «. из года в год не выполняются планы выпуска многих товаров народного потребления, особенно тканей, трикотажа, кожаной обуви, мебели, телевизоров Нет должных сдвигов в качестве...»⁹¹

Говорится и о причинах: неурожай, плохое планирова

ние, нерадивость кадров, «субъективизм» прежних руководителей... Ну и, конечно, «агрессивные действия империалистов США вынудили нас в последние годы отвлечь дополнительно значительные средства на укрепление оборонной мощи страны»⁹². Принципиальная неспособность Системы решить важнейший вопрос объяснялась набором дежурных аргументов. Но были области производства, где достижения всегда были впечатляющими. Так, в «1969—1970 годы тираж произведений Ленина и книг о Ленине и ленинизме превысил 76 миллионов экземпляров...»⁹³.

За два месяца до своей смерти Брежнев, вернувшись из Крыма, где отдыхал, председательствовал на очередном заседании политбюро, что в последние годы он делал все реже из-за своей немощи. В аппарате (а там было немало умных людей) уже давно чувствовали, что государственная телега почти не движется; со всех сторон поступают все новые и новые сигналы, свидетельствующие о тотальном кризисе. Помощники еще пытались вложить в уста шамкающего генсека хоть какие-то критические и конструктивные мысли.

Брежнев, не отрывая своего взора от текста, «рассказывал» о своих традиционных встречах в Крыму с руководителями «братских партий» социалистических стран.

«...Неприятно, но факт, что у ряда наших министерств стала хронической болезнью недопоставка товаров по контрактам с социалистическими странами...» Попив из стакана чаю, Брежнев продолжал: «Не могу не сказать, что заметно растет неудовлетворенность друзей работой СЭВ. Ее испытываем и мы... Корень проблемы в том, что время переросло формы, сложившиеся более 30 лет назад при рождении этой организации... Наши союзники стремятся лучше сочетать директивные формы управления хозяйством с использованием экономических рычагов и стимулов, отказываются от чрезмерной централизации руководства...»

Верные слова, которые непривычно слышать из уст генсека. Но сколько их было, этих слов! А главное, слова всегда одни, а дела... прежние.

«Хозяйство у нас гигантское, — продолжал читать бу маги Брежнев. — Взять любое министерство — это почти целая армия. Управленческий аппарат разросся. А вот просчетов и разного рода неувязок чересчур много...» Как

решить эти проблемы? Генсек садится на верного большевистского конька: «Едва ли не ключевая проблема для нас сегодня — это укрепление дисциплины. И государственной, и трудовой... Укреплением дисциплины надо заниматься повсеместно и не по-компанейски. Может быть, следует подготовить специальное решение по этому вопросу...»⁹⁴

Вроде бы в начале речи проскользнули намеки на трезвый анализ положения, но... только проскользнули...

Пожалуй, глубже других представлял надвигающийся тотальный кризис советского общества глава спецслужб СССР, член политбюро Ю.В. Андропов. В архивах ЦК сохранился («Особая папка») ряд его записок Брежневу, в которых он осторожно предупреждал генерального секретаря партии о грядущих трудных временах для державы. Брежнев регулярно расписывался на этих записках, и они шли в особые конверты специального хранения, которые мог вскрывать только генеральный секретарь... Трудно найти хоть какие-то следы конкретной реакции Брежнева на эти записки, которые его соратник начал вести где-то с 1975 года. Возможно, генсек после них специально встречался с Андроповым, которого весьма уважал?

Однако шеф КГБ, предупреждая Брежнева о растущих опасностях для системы, ничего не предлагал ему, кроме дополнительных жестких административных и организационных мер... Контакты с Андроповым были у Брежнева весьма частыми. Впрочем, судите сами.

Ю.В. Андропов, один из наиболее проницательных, умных руководителей КПСС, в силу своей должности поддерживал наиболее доверительные отношения с Брежневым. Пожалуй, ближе к генсеку был только К.У. Черненко, типичный царедворец, ловко угадывавший все желания патрона.

Брежнев нередко записывал в своих рабочих дневниках: «Звонил Андропову», «Принимал Андропова», «Подарил свою книгу Андропову» и т.д. Иногда встречаются в этой хронике и весьма загадочные записи, как эта, например, от 19 декабря 1981 года:

«Получил желтенькие по 28 включительно».

А 25 января 1982 года уже почти указывает о том, кто вручал «желтенькие»:

«Получил от Ю.В. желтенькие»⁹⁵

Трудно судить о существовании «желтеньких». «Командиро-

вочные»? Но почему из КГБ, а не из управления делами или общего отдела ЦК? Валюта? Но почему тогда не «зелененькие»? Когда речь идет о зарплате, например, то Брежнев просто пишет (как, в частности, 14 января 1982 г.): «Передал Цуканову на книжку». «Презренный» металл, старые монеты или еще что-то в этом роде? Сейчас установить это трудно. Очевидно лишь одно, что за инициалами «Ю.В.» скрывается председатель КГБ. Или был какой-то другой «Ю.В.»?

Во всяком случае, я не хотел затрагивать эту тему, но после своего «писательского» анализа различных документов пришел к выводу, что «Ю.В.» — Юрий Владимирович Андропов, который почему-то незадолго до смерти генсека несколько раз передавал Брежневу «желтенькие», а тот бесхитростно помечал об этом факте в своих рабочих записях. Я же хотел вышеупомянутым лишь констатировать весьма высокую степень взаимного доверия этих людей.

Так вот, еще 8 января 1976 года Андропов пишет сугубо личную записку генсеку аж на 18 страницах! Целый трактат с оценками, выводами и предложениями. Начинается «записка» так:

«Дорогой Леонид Ильич!

Настоящий документ, подготовленный мною лично, предназначается только для Вас. Если Вы найдете в нем что-либо полезное для дела, буду очень рад, если нет — то прошу считать, что такового в природе не было»

Но, несмотря на интригующее начало, Андропов далее ведет речь о рутинных вопросах усиления роли партии как главного рычага всех накопившихся проблем в стране. Председатель КГБ полагает, что в настоящих условиях нужно активнее взять на вооружение проверенные ленинские принципы: большевистскую партийность, строгую организованность и железную дисциплину. Для Андропова партия — это наивысшая форма организации.. Юрий Владимирович пространно рассуждает: как заставить активно работать «всех до единого пятнадцать миллионов человек» членов партии, каким образом исключить членство в КПСС как «трамплин для возвышения по служебной лестнице». Андропов ратует за прекращение «безответственной болтовни, критиканства, распущенности» Шеф КГБ видит опасность в том, что в работе западноевропейских компартий и сейчас чувствуется «социал-демо-

кратический душок, против которого так страстно и яростно боролся В.И. Ленин».

Андропов в записке несколько раз поминает недобрым словом покойного Хрущева. Мол, «недоброй памяти статьи В. Овечкина в «Правде», в которых критиковался секретарь сельского обкома, оторванный от действительности, мыслящий общими категориями... целиком отражали взгляды самого Н.С. Хрущева». Андропов фактически осуждает подход Хрущева в выдвижении профессиональных специалистов—аграриев и промышленников на партийную работу. По мысли автора записки, нужен «политический руководитель». Андропов осуждает так называемое «деловое» руководство, «деловых» людей. Такой руководитель, развивает свою мысль шеф КГБ, «всякий разговор начинает с чирканья цифирьев на бумаге. И возникает вопрос: чем же такой руководитель отличается, например, от американского менеджера, для которого дело — это прежде всего расчеты, деньги, а люди — вопрос второстепенный. В наших условиях такие «деловые люди» — это деляги...». Андропов предлагает передвигать секретарей обкомов через несколько лет их работы из одной области в другую, чтобы избежать «застоя» в работе⁹⁶.

Размышления шефа КГБ ориентируют консервативного Брежнева на еще большую ортодоксию и большевизм мышления. Такие люди, как Андропов, чувствовали углубление кризиса системы, но видели его преодоление на старых ленинских путях, которые явно обветшали и были просто уценены историей.

Пожалуй, довольно. К концу «правления» Брежнева некоторые из его соратников осязаемо чувствовали: нужны перемены. Но даже Андропов, наиболее мыслящий в брежневском окружении человек, «спасение» видел в ранимации (в «разумных пределах») старого большевистского опыта управления страной. Не случайно во фрагментарно приведенной выше записке Андропова он не скрывает своей тоски по старому названию партии — «большевистская». Именно большевизм, по Андропову, это непримиримая борьба с «политическим оппортунизмом, примиренчеством, соглашательством, рыхлостью, расплывчатостью...». Не случайно, что как раз Андропов унаследовал консервативную политику Брежнева. Стивен

Коэн назвал ее «косной политикой сохранения статус-кво...»⁹⁷.

Неумолимое приближение системы к тотальному кризису, который пока удавалось локализовать с помощью систематического проматывания и распродажи страной колоссальных объемов газа, нефти, золота, других природных богатств, не могло продолжаться бесконечно. Требовались ответственные, подлинно исторические решения на кардинальные перемены. Руководство КПСС абсолютно не было к ним готово. Возможности ленинской системы, основанные на диктатуре, насилии, администрировании, партийных директивах, манипулировании общественным сознанием, социалистическом соревновании, единовластии одной партии, однодумстве, подходили к концу. Большевицкая страна была на «излете».

Не исключено, что это являлось выражением исторической неизбежности. И «нужно было», чтобы в период затухания, ослабления «революционных возможностей» во главе ленинской системы встал такой «вождь», как Брежнев. И он, и Черненко кажутся нам случайными, нелепыми, необязательными. Но система требовала тогда и м е н н о т а к и х. Может быть, современные «жрецы» это чувствовали тоньше, подсказывая выдвижение подобных людей?

Каждой эпохе нужны лидеры, достойные ее.

Спасти систему можно было только продуманными, эволюционными, последовательными переменами кардинального реформистского порядка. Так мы думаем сейчас, но это проще, чем находить верные решения в годы углубления кризиса. Тем более что эти решения могла принимать лишь небольшая кучка на вершине номенклатурного холма по имени КПСС. Но там принимать эти решения было абсолютно некому...

Члены политбюро, видя, как страна держится на плаву лишь за счет «проедания» золота, газа, нефти, руды, другого сырья и промышленных товаров, молчали. Все молчали. Помнили о судьбе Шелепина и Егорычева, которые, позволив в свое время легкую критику «неприкасаемых», сразу же оказались вне властной обоймы. В рабочих записях высшей партийной коллегии ни слова (!) критики в адрес генсека, его бездеятельности и недееспособности. Каждый беспокоился о благополучии собственном, но не о благе государства и народа. В этой связи приведу размы-

шления В.И. Болдина, ответственного работника ЦК. Они здесь достаточно объективны. «...Да, были слабости у Брежнева, да, было чему удивляться и что ненавидеть. Но почему все молчали, ликуя поклоняясь генсеку? Где те руководители, которые обязаны были сказать правду о состоянии дел и престарелому лидеру, и членам ЦК, и народу? Не камарилья ли трусов, обладавшая властью в центре и на местах, довела нашу страну «до ручки» и не они ли должны нести главную ответственность за то, что произошло с великой державой? Только когда не стало Брежнева, каждый, чтобы показать, вот какой он был смелый и оставался таким всегда, начал поносить своего кумира. Какую же надо было иметь беспринципность, нищету духа, чтобы молчать и таить от людей правду?»⁹⁸

Болдин здесь, конечно, прав. Но это не «вина» старцев, сидевших в политбюро, а органический порок всей системы. Во главе пирамиды власти всегда был первый вождь, и он стоял вне критики.

Вождей развенчивали лишь после смерти (кроме первого, который мертвый оказался самым «нужным» из всех семи лидеров компартии). Не отошел от этой традиции даже Горбачев, представитель реформаторской линии в КПСС.

В своей почти часовой обличительной речи после выступления Б.Н. Ельцина 21 октября 1987 года на пленуме последний генсек «ущипнул» мертвого Брежнева. «Я вкусил с Андреем Андреевичем Громько, с Владимиром Васильевичем Щербицким, с Михаилом Сергеевичем Соломенцевым сложившийся стиль на последних этапах работы Леонида Ильича Брежнева. Знаю все, товарищи. Это была беда нашей партии...»⁹⁹

«Знал все», а о «беде» сказал спустя столько времени. Это было стилем руководства на самом верху, где требовались угодничество, а не мужество, готовность соглашаться с первым лицом, а не перечить ему. Система власти с ленинско-сталинских времен отрегулировала механизм вождизма до автоматизма.

По сути, больной Брежнев с середины семидесятых годов не занимался активно ни партийной, ни государственной деятельностью. Но по-прежнему хотел едва ли не ежедневно появляться на телевизионных экранах. Поэтому медленное разрушение генсека могла наблюдать вся страна, весь мир. Как образно писали В. Соловьев и

Е Клепикова, Брежневу, когда он приехал в Вену, «стояло огромных усилий любое движение, все равно какое: слушать мощартово «Похищение из сераля», спуститься по лестнице или поднять тяжелый том договора SALT 2»¹⁰⁰

А ведь он искренне верил, что очень нужен стране благодаря своему опыту, хватке, мудрости. Он не понимал, что видимо главной чертой мудрости является способность чувствовать время. В этом чувстве — честное понимание прошлого, отсутствие абсолютизации роли настоящего, обладание зернами пророчеств грядущего. Такой человек способен видеть себя не эпицентром бытия а может беспристрастно и критически взглянуть на дела свои как бы со стороны.

Брежнев не был способен на такое. Шаркающая походка нечленораздельная речь, «деревянные» жесты, полная неспособность во что-либо вникнуть стали не только предметом выражения народной жалости к «вождю», но и причиной появления бесчисленного количества анекдотов и насмешек, о чем я писал в начале очерка. По сути, Брежнев стал символом, провозвестником заката Системы. Траектория ленинского революционного «взлета» вступила в фазу резкого снижения и последующего падения.

Ленин в 1917 году начал эту траекторию с государственного переворота в октябре, ликвидации демократического парламента — Учредительного Собрания, уничтожения свободы печати и слова, внедрения в жизнь бесчисленных реквизиций, изъятий, конфискаций, подавления крестьянского мятежа в Тамбове и рабочего, солдатского, крестьянского — в Кронштадте, как и сотни других. Он развязал руки действию сил, которые уже сам не контролировал. Самое удивительное, что эта нежизнеспособная антигуманная система выжила и стала исключительно мощной и монолитной. Благодаря насилию, страху, организации, дисциплине, догматизму и бюрократизму. Но все эти составляющие движения ленинской системы постепенно исчерпали себя. Траектория «ленинских заветов» неуклонно снижалась. После Брежнева еще будут три генсека. Лишь последний из них попытается сделать что-то реальное. Но настоящим олицетворением грядущего краха ленинской системы, помимо его ослабевшего желания станет Леонид Ильич Брежнев.

Жаль только, в высшей степени жаль, что крушение Системы привело и к распаду СССР — родины почти трехсот миллионов людей. Но и здесь ленинизм и Ленин приложили свою «руку». В 1920 году большевизм заложил основы распада созданием вместо губерний национальных образований, что было замедленной взрывчаткой огромной исторической силы. А довершил, фантастически ускорил тот распад августовский заговор 1991 года, когда коммунистическая номенклатура попыталась вернуть силой свое всевластие... Брежнев никогда об этом не узнает, но два десятилетия его невразумительного правления пришлось как раз на крутую нисходящую ветвь траектории большевистского падения.

...В Москве давно заметили, что за кавалькадой длинных черных автомобилей, сопровождавших все более редкие поездки генсека с дачи в Москву, следовал большой реанимационный лимузин. ЦК фактически приставил к генсеку медицинскую «охрану», оберегая от неожиданного похищения его жизни смертью. Там, где он жил, работал, отдыхал, — везде было организовано самое высококвалифицированное дежурство.

В 1982-м, в год своей смерти, Брежнев еще смог совершить несколько поездок по стране, в том числе в марте в Ташкент, едва не закончившуюся для него трагически. Дело в том, что во время посещения авиационного завода, где его встречали (а попросту глазели) толпы людей, во время прохода Леонида Ильича под стапелем, тот рухнул под тяжестью сидевших на нем рабочих. Окружение успело смягчить падение балки, но ключица у генсека все же была сломана. Брежнев пережил шок. Его слабые сосуды и сердце все с большим трудом поддерживали едва тлеющую в больном организме жизнь.

Он еще смог в день традиционных октябрьских торжеств, 7 ноября 1982 года, подняться на мавзолей Ленина и простоять там весь военный парад и демонстрацию. Брежнев и его престарелые соратники в теплых башмаках, шерстяном белье, почти одинаковых норковых шапках вяло помахивали руками, обтянутыми меховыми перчатками, проходящим «ликующим массам»... Никто и никогда после не отметил, что в тот день на трибуне стояло четыре генсека: настоящий, еще живой, — Брежнев и три будущих и последних — Андропов, Черненко, Горбачев...

О здоровье Брежнева и других советских руководи-

лей написал целую книгу начальник 4-го Главного управления, затем министр здравоохранения СССР Е.И. Чазов. Конечно, в годы перестройки. О недугах Брежнева знала вся страна; он был в своем маразме на виду.

При встречах с зарубежными государственными деятелями Брежнев мог неожиданно перебить гостя и сказать что-то невпопад. Когда не понимал существа диалога, недовольно выговаривал переводчику: почему плохо переводишь? Деловые разговоры, просьбы, вопросы соратников часто прерывал дежурным: передайте Черненко...

Последние годы жизни у Брежнева стало «пунктиком» — заботиться о собственном стабильном весе. Свой очередной день генсек начинал со взвешивания, тщательно фиксируя динамику веса. Незначительное его увеличение нервировало Брежнева, который почему-то увидел в стабильности веса панацеею сохранения здоровья.

Кремлевский руководитель любил много гулять, плавать в бассейне, а во время отдыха — и в море, но быстро разрушавшийся организм уже не могли спасти эти благодатные процедуры.

У генсека пропал сон, и он увлекся снотворными, во все возрастающих количествах. Они стали для него своеобразным наркотиком, без них он не мог теперь заснуть. А кто-то из членов политбюро однажды посоветовал, как пишет В.Т. Медведев, запивать лекарство «Зубровкой»... Начальник охраны вспоминает, что «Зубровка» стала для Брежнева наркотиком. Хотя пил он понемножку, но на дряхлый организм это действовало угнетающе¹⁰¹. А ведь у него уже были инфаркты, инсульт, другие болезни. Приставленная к Брежневу медсестра, к которой он питал особую симпатию, еще больше усилила таблеточное «снабжение». К тому же генсек, вынужденный бросить курить, не мог обходиться без табачного дыма... Тот же генерал Медведев повествует в своей книге, как он и его сотрудники по просьбе Брежнева «обкуривали» больного лидера, иногда среди ночи прямо в его постели...

После ташкентского события генсек разрушался на глазах. Правда, как я уже упоминал, у него хватило сил «отстоять» на мавзолее 7 ноября военный парад, демонстрацию, побывать на приеме, но все текущие дела он фактически передал К.У. Черненко, будучи совершенно не в состоянии их осмыслить, решить, как-то распорядиться.

День накануне кончины прошел у генсека как обычно.

Он приехал из Завидова после «охоты», на которой стреляли, по его указанию, охранники. Сам он уже не мог. После ужина отправился спать, хотя делал это, по привычке, после просмотра информационной программы «Время». Утром около девяти часов охранники В. Медведев и В. Собаченков пошли будить генерального секретаря, но застали его мертвым в собственной постели.

В конце концов человеческая жизнь к своему исходу похожа на пепел на ветру. Маленькая искра от вечного костра, гаснущая, уносимая в бесконечное небытие.

Искусственное дыхание, реанимационная бригада, советы приехавшего академика Е.И. Чазова... Все напрасно. Первым из членов политбюро, узнав о смерти, прибыл, конечно, Ю.В. Андропов. Медведев пишет, что после его рассказа Андропову, как все было, тот оставался совершенно спокойным и «не задавал лишних или неприятных для нас вопросов»¹⁰². Все «соратники» давно предвидели скорый конец четвертого «вождя».

Четвертый «вождь» РКП—ВКП(б)—КПСС Леонид Ильич Брежнев отошел в иной мир. Огромная страна к этому моменту почти остановилась в своем движении. Стагнация охватила все области жизни, а не только экономику. В принципе добрый, даже добродушный человек, захваченный партийными ветрами, очутился на самой вершине, где он оказался способным лишь быть главным инструментом всемогущего аппарата. Его правление — классическое выражение консерватизма мышления и консерватизма действия. Брежнев хотел добиться многого, при этом фактически ничего не меняя. Это создавало видимость спокойствия, взвешенности, умеренности партийного руководства. Но в действительности страна полностью деградировала. В личностном плане это проявилось в маразме высшего руководителя.

На своем последнем в этой земной жизни XXVI съезде КПСС, при его закрытии 3 марта 1981 года, Брежнев начал свою речь словами: «Товарищи! Только что закончился первый пленум избранного съездом нового состава Центрального Комитета нашей партии. Разрешите доложить о его итогах. На первом пленуме ЦК, — шамкал с трудом стоящий за трибуной смертельно больной человек, — прошедшем в атмосфере исключительного единства и сплоченности, единогласно избраны руководящие органы нашей партии. Пленум единогласно избрал Гене-

ральным секретарем ЦК КПСС товарища Брежнева Л.И.»¹⁰³.

Конечно, все вскопали и последовали «бурные аплодисменты». Брежнев не испытывал никакой неловкости от того, что, будучи совершенно немощным человеком и сохранив за собой высший пост в КПСС и СССР, сам же доложил об этом делегатам съезда. Произошла полная девальвация элементарных нравственных ценностей. У генсека и тех, кто сидел в зале съезда. Генеральный секретарь своим физическим и духовным состоянием являл символ распада, крушения, эрозии системы.

И вот через полтора года после этого съезда Брежнева не стало. Многие в душе встретили его кончину с облегчением. Старцы в политбюро — с тревогой. У них сразу же возник вопрос: кто? Некоторые, услышав эту весть, испытывали слабые проявления надежды. Может быть, наконец что-то будет меняться к лучшему?

Начался долгий, долгий траур страны. Создавалось впечатление, что хоронят не вождя ленинского государства и ленинской армии, а дело основателя этой Системы. Все причины для искреннего горя имели лишь руководители военно-промышленного комплекса. Это было любимое детище генсека, и он немало сделал вместе с Д.Ф. Устиновым для роста объема военных мышц СССР. Но на этом страна и «надорвалась».

В день смерти созвали внеочередное заседание политбюро, по привычке произнесли девальвированные слова. человек «величайшего авторитета», «очаровательная простота», «исключительный талант», «выдающийся руководитель»... Генсек умер утром 10-го, но по старой большевистской традиции решили немного «потемнить»: сообщить народу лишь 11 ноября в 11 часов. А траур объявили на 12, 13, 14 и 15 ноября. В день похорон отменили занятия в школах, произвели оружейные залпы, пятиминутные гудки и т.д.¹⁰⁴

Брежнев ушел из жизни, когда уже невооруженным взглядом была видна не просто стагнация, а гниение общества. Поэтому эпитафией брежневскому правлению могли бы быть его собственные слова, сказанные им 18 марта 1975 года в Будапеште на встрече с руководителями компартий Восточной Европы:

«Трудностей, да и грехов у нас, наверно, много»¹⁰⁵

Еще по инерции о Брежневе поговорили неделю-другую.

гую и... он как-то незаметно исчез из жизни людей: без горестей и печали. Правда, политбюро успело 18 ноября 1982 года, через неделю после кончины генсека, специально обсудить вопрос «Об увековечении памяти Л.И. Брежнева».

...На руках у членов высшей коллегии проект постановления по этому вопросу. Первым, естественно, откликается новый генсек:

Андропов: У меня вызывает сомнение переименование города Запорожье в город Брежнев. Почему? Во-первых потому что хотелось назвать городом Брежнев город, находящийся в РСФСР. Во-вторых, Запорожье, если его рассматривать с исторической точки зрения, не особенно подходит. Он связан с Запорожской сечью, с казацкими волнениями и т.д. Может быть, нам лучше назвать городом Брежнев город Набережные Челны...

Мне кажется, не следует называть космодром именем Леонида Ильича. Все же не следует связывать имя Леонида Ильича с ракетами, а космодром — это ракеты. Мне представляется, что лучше было бы назвать именем Леонида Ильича Звездный городок в Щелковском районе Московской области.

Тихонов: Я поддерживаю предложения, высказанные т. Андроповым, и вместе с тем считаю, что было бы правильным назвать именем Леонида Ильича, например, Нурекскую ГРЭС... Может быть, следует также присвоить имя Брежнева шахте «Распадская» Кемеровской области.

Андропов: На шахте «Распадская» недавно была большая авария, погибло много людей. Может быть, не следует эту шахту включать сюда.

Тихонов: Я не возражаю. Можно было бы присвоить имя Леонида Ильича ледоколу «Арктика»...

Андропов: Я — за.

Тихонов: Можно было бы присвоить имя Леонида Ильича Оскольскому металлургическому заводу... Что касается наименования площадей, то сюда следовало бы добавить также город Киев.

Устинов: Можно также присвоить имя Брежнева морскому пассажирскому судну, а речному — пока воздержаться...¹⁰⁶

Решили принять постановление, но к вопросу об увековечении памяти Брежнева вернуться, дабы украсить его именем еще несколько «объектов».

Но возвращаться не пришлось. И те улицы, площади, корабли, заводы, города, ошастливленные именем очередного, четвертого «вождя», вскоре стряхнут с себя плоды обычных кабинетных решений. Брежнев останется в памяти людей пространством, именуемого когда-то СССР, как слабый, посредственный человек, который почему-то исполнял обязанности главы государства, Верховного Главнокомандующего, лидера единственной партии. К нему не сохранится чувств уважения или злобы, преклонения или непримиримости.

Образ Брежнева — это не только провозвестник крушения Системы, но и символ заката большевистской власти, к которой люди, в своей основе, давно стали равнодушны. Страха такая власть теперь уже не вызывала. Уважения — тоже. Закончился самый «спокойный» период советской истории. Страна стояла на пороге драматических перемен.

Просто пришло время во весь голос заявить: многие люди и даже сама партия безразличны к идеям, которые навязаны им в качестве духовной пищи. Уверен, Брежнев сам почти ничего не знал из так называемой «сокровищницы марксистско-ленинской идеологии». Но был, по положению, се высшим Жрецом.

Если Ленин, Сталин и в какой-то мере Хрущев были способны «оживлять» мертвящую идеологию коммунизма, то Брежневу это оказалось уже не под силу. Впрочем, и никому другому.

История смертью Брежнева поставила вопросительный знак: что и кто дальше? Но время Горбачева еще не пришло. Мимолетные наследники Брежнева — Андропов и Черненко — продолжили консервативную линию четвертого «вождя».

Социальная и историческая инерция большевизма оказалась очень сильной. Удовлетворительного выхода из тотального кризиса не было видно. Страна давно уже находилась в глубоком тупике.

„Вожь“ пятый:

КОРИН

АНДРОПОВ

В русском коммунистическом царстве совершенно отрицается свобода совести и мысли.

Н. Бердяев

После смерти Брежнева страна находилась в таком положении, когда в общественном сознании нарастали ожидания перемен.

Однако соратники умершего «вождя» думали сейчас о другом. Особенно те, кто рассчитывал занять опустевшее кресло генсека. Это прежде всего Андропов и Черненко. Но у Андропова было преимущество: его поддерживала армия в лице члена политбюро, министра обороны маршала Д.Ф. Устинова, к тому же друга Юрия Владимировича, и, конечно, на его стороне был всесильный КГБ. Андропов стал председателем Комиссии по организации похорон Брежнева. А это, по большевистской традиции, очень многое значило. Очень... Плюс ко всему он к этому времени исполнял функции могущественного Суслова, скончавшегося в начале 1982 года.

Страна еще не была официально оповещена о смерти Брежнева (хотя уже весь мир знал об этом), когда во второй половине дня 10 ноября 1982 года состоялось заседание политбюро. Присутствовал 21 человек — члены, кандидаты в члены ПБ, секретари ЦК. За председательский стол сел Ю.В. Андропов. Вся процедура фактической передачи высшей власти новому «вождю» заняла менее часа. Как всегда, народ к этому процессу не имел никакого отношения. Хотя в Конституции было лживо записано, что СССР — «это общество подлинной демократии»¹

Андропов сохранял полное спокойствие. Он знал, что партийный (и государственный) руль уже находился в его руках. После предложения «почтить память дорогого Ле-

онида Ильича вставанием» председатель комиссии, сев за стол, зачитал краткий текст своего выступления. Он весьма любопытен.

«...Все люди доброй воли с глубокой горечью узнали о кончине Леонида Ильича. Мы, его близкие друзья, работавшие вместе в Политбюро ЦК, видели, каким величайшим обаянием обладал Л.И. Брежнев, какая огромная сила спланивала нас в Политбюро, каким величайшим авторитетом, любовью и уважением пользовался среди всех коммунистов, советского народа, народов всего мира. Он очаровывал всех нас своей простотой, своей пронизательностью, своим исключительным талантом руководителя великой партии и страны. Это был поистине выдающийся руководитель, замечательный друг, советчик, товарищ...»

Юрий Владимирович, конечно, лукавил. Все, что он говорил, было данью неписаным правилам формального партийного этикета. Никто другой так хорошо не знал того, что авторитет генсека в последние годы его жизни упал до самого низкого уровня. Фактически он давно отошел от практических дел. Сил у него хватало лишь для того, чтобы съездить в Завидово... Впавший в маразм и плохо соображавший Брежнев давно стал постоянным объектом кухонных разговоров миллионов советских людей и многочисленных анекдотов. По решению Андропова специальное подразделение в Комитете государственной безопасности уже долгое время постоянно следило за состоянием общественного сознания, тенденциями и аномалиями его перемен. В том числе и в связи с «авторитетом» лидеров. Неусыпное око чекистов знало все о каждом шаге и слове членов политбюро, подслушивало их разговоры.

...В начале 1992 года я купил путевку на десять дней в Барвиху, бывший лечебный «заповедник» ЦК. Там мне запомнился рассказ пожилой работницы из старой obsługi «неприкасаемых».

...Когда я выполняла какие-либо мелкие дела в огромных номерах членов политбюро (для них был построен специальный великолепный корпус) и имела с ними контакт или беседовала, негромко рассказывала женщина, то обязана была обо всем этом доложить «комитетчику», который занимал какой-то символический пост в санатории. Его интересовало буквально все: что говорил, о ком говорил, как отзывался о других руководителях... И так было

езде. Содержание, быт, устройство членов коллегии, даже их мысли, вся внутренняя жизнь находились в ведении всесильного комитета.

Андропов, произнося на заседании политбюро подготовленные помощниками льстивые слова в адрес умершего, хорошо знал: Брежнев утрачивал престиж в силу не только своей болезни и природной посредственности, но и его, Андропова, «помощи». Будущий генсек глубже, чем кто-либо, видел пропасть кризиса, к которой приближалась страна.

Будучи председателем КГБ, а затем заняв место Суслова в ЦК, Юрий Владимирович приложил немало усилий, чтобы скомпрометировать (благо они давали для этого множество оснований) родственников Брежнева и своего бывшего заместителя С.К.Цвигуна, выдвигенца Леонида Ильича, очень близкого к генсеку члена политбюро А.П.Кириленко, фаворита «вождя» министра внутренних дел Н.А.Щелокова и даже дочь «самого» — Галину... Это именно КГБ рекомендует для поднятия «авторитета» Брежнева больше и желательно крупным планом показывать генсека на телевидении. Ежедневная «демонстрация» на экране беспомощного и плохо соображающего «вождя» партии и страны еще сильнее подрывала позиции Брежнева, который неумолимо угасал на глазах всей страны, да и мира. Андропов помнит, что в регулярных обзорах зарубежной прессы (только для него!) о высшем советском руководстве в последние месяцы жизни генсека иностранные авторы занимались в основном гаданием: кто займет кресло первого человека в партии? Как долго еще протянет генсек? А о Брежневе там писали чаще со слов диссидентов, откровенно зубоскальски и унизительно. Вот так, например.

«Брежневу доверительно докладывает Черненко:

— Генсек очень болен, и в народе говорят, что в его машине, чтобы успокоить людей, возят не Леонида Ильича, а чучело...

Брежнев прерывает фаворита и с обидой говорит:

— Какая ерунда! Это неправда! Я жив и вместо чучела в машине езжу сам!»²

Сейчас, когда идет заседание политбюро, спустя всего десять часов после кончины Брежнева, Андропов знает, что после закулисных переговоров и бесед один на один

ему удалось отодвинуть на второй план главного конкурента — любимца умершего генсека К.У.Черненко.

Андропов тонко учел, что фаворитов в истории не любили никогда и никто. Кроме самих владык. Подчеркнутое внимание и любовь Брежнева к своему преданному чиновнику и партийному слуге Черненко воспринимались в душе «соратниками» в политбюро очень болезненно. Все видели, что Черненко — больной царедворец и, кроме усердия, лъстивости и преданности к патрону, ничем особенным не обладает... Но главное, в выдвижении нового «вождя» Андропов заручился поддержкой маршала Д.Ф.Устинова. Теперь в треугольнике Партия — КГБ — Армия два элемента реальной силы были полностью на его стороне. Для верности Устинов после «консультаций» с Юрием Владимировичем переговорил с Черненко и предложил именно ему, возможному кандидату в кресло генсека, самому (!) предложить на пост генерального секретаря ЦК... Андропова. Это был мудрый аппаратный ход, и Черненко, выслушав Устинова, понял, что проиграл, и согласился, хотя Н.А. Тихонов готовился выдвинуть его, Константина Устиновича. Черненко понимал, что обращение Устинова к нему было согласовано среди основных влиятельных членов политбюро. Отказаться выполнить просьбу маршала значило проиграть окончательно... Памятное заседание по келейной передаче власти продолжалось. Андропов размеренно и очень спокойно читал текст своего выступления: «Курс, выработанный нашей партией на ее последних съездах, это ленинский курс. Именно по этому пути Политбюро во главе с Леонидом Ильичом вело нашу партию и весь советский народ прямой дорогой к коммунизму.

Конечно, наши враги (старый чекист не мог этого не сказать) будут делать все, чтобы нарушить единство и нашу веру в будущее, поколебать наши ряды и стойкость. Они будут делать выводы из факта кончины Леонида Ильича...»

Последние фразы были откровенно предупреждающими. Конечно, слова адресовались прежде всего «коварному империализму», но и в определенной мере тем, кто попытается «нарушить единство». Разве можно это делать в момент, когда советский народ и партия идут «прямой до-

рогой к коммунизму»? Черненко оставалось в этой ситуации лишь предлагать Андропова...

А без пяти минут генсек невозмутимо продолжал свою короткую речь: «Никто из нас не может заменить Леонида Ильича Брежнева на посту Генерального секретаря ЦК КПСС. Мы можем успешно решать вопросы, которые решает партия, только коллективно...

Сегодня на повестке дня Политбюро стоит вопрос о Генеральном секретаре ЦК КПСС. Какие будут предложения, прошу товарищей высказаться».

«Высказался» лишь один К.У. Черненко, сделав особый упор на том, что «Леонид Ильич придавал огромное значение коллективности руководства». Нельзя руководить партией и страной, «не придерживаясь этого основополагающего принципа». Черненко ничего не оставалось, как прибегнуть к традиционным большевистским заклинаниям о ленинском «единстве» и «коллективности» руководства.

«Я вношу предложение, — продолжал самый приближенный в последние годы к Брежневу человек, — избрать Генеральным секретарем ЦК тов. Андропова Ю.В. и поручить одному из нас выступить с соответствующей рекомендацией на пленуме ЦК...»

Все члены партийного синклита дружно загалдели, закивали головами: «Правильно», «Верно», «Мы согласны»...

Маршал Д.Ф. Устинов поставил последнюю точку в обсуждении: «Я считаю, что надо поручить Константину Устиновичу Черненко выступить на Пленуме с соответствующей рекомендацией об избрании тов. Андропова Ю.В. Генеральным секретарем ЦК КПСС».

Все вновь дружно заговорили: «Правильно, поддерживаем».

Андропов, «забыв», что он предлагал «товарищам» (а не только одному товарищу) «высказаться», поспешил «закруглить» вопрос и поблагодарить соратников за «высокое доверие»³.

Все было заранее предрешено. Но ни Андропов, никто другой в руководстве еще не знали, что предстоящие почти три года будут безвременьем и страна будет лишь процаться с очередным генсеком, пока в его кабинет не «ся-

дет» относительно молодой Михаил Сергеевич Горбачев. Система агонизировала вместе со своими лидерами.

Владимир Соловьев и Елена Клепикова в своей книге об Андропове пишут: «...бесцветье бюрократического правления Брежнева подготовило яркую и неожиданную вспышку пришедшего ему на смену полицейского режима»⁴. Не уверен, что страна стала более «полицейской», она всегда была такой, но сам факт прихода на высший пост главного «чекиста» в стране есть выражение ее глубокого исторического кризиса.

Великая страна всегда должна иметь грандиозные замыслы и привлекательные идеалы. Достойных, реальных замыслов уже давно не было, а идеалы сильно потускнели. Но Андропов сделал отчаянную, короткую попытку вдохнуть новую жизнь в одеревеневшую политику. Вначале многим даже казалось, что попытка удастся. За плечами нового генерального секретаря стоял огромный опыт руководителя детища, выпестованного Лениным: ВЧК—ОГПУ—НКВД—МГБ—КГБ... Не все тогда понимали, что система просто исчерпала свои исторические ресурсы. Старые методология и способы решения экономических, политических, социальных, духовных проблем уже были не эффективными в новых условиях. Одномерность, догматизм, директивная заданность могли лишь на какое-то время законсервировать систему. Страна подошла к рубежу, где требовались крупные, радикальные решения. Старый ортодокс Ю.В. Андропов был на них не способен. Даже если бы судьба оказалась к нему благосклонна и он прожил бы дольше.

Андропов решил в качестве «главного звена» преодоления тотального кризиса общества взять «ленинские идеи» о дисциплине, порядке, организованности. Для многих бюрократов, партийных руководителей, да и для нас, простых людей, этот курс казался действительно спасительным и единственно верным. Но жизнь скоро показала, что припадание к идеологическому алтарю, даже если он «ленинский», уже не могло решить реальных проблем большой системы.

Мне дважды пришлось быть на узких совещаниях, которые вел Андропов, посвященных афганским делам. Беседы с людьми, хорошо его знавшими, и работа с партийными архивами позволяют набросать эскиз портрета это-

го незаурядного человека. Однако, как я полагаю, в силу своей исключительной большевистской ортодоксальности Андропов не смог бы радикально изменить систему к лучшему. Глубокий консерватизм мышления был непреодолимой баррикадой на пути нового генсека.

Об Андропове написано мало. Стоит отметить при этом весьма неплохую книгу о пятом «вожде» СССР, подготовленную Р.А. Медведевым, а другая написана Еленой Клепиковой и Владимиром Соловьевым. Последняя книга слабо документирована, хотя и написана интересно. Андропов, как и его любимое детище — КГБ, жил как бы в сумерках закулисного мира. Было время, когда об этих людях мы почти ничего не знали...

В прошлом нет готовых ответов на многие вопросы настоящего и тем более будущего. Бюрократическую систему нельзя вылечить административными средствами. Однако Андропов думал иначе. Ведь за его плечами был огромный опыт деятельности по сохранению режима, который по исторической инерции продолжал медленно ползти в непредсказуемое грядущее.

Андропов надеялся законсервировать то, что уже не имело будущего.

Пятнадцать лет — шеф КГБ В своих «Сонетах» У.Шекспир философски заметил, что время всегда «идет на нас войною», «грозит осадой».

Руководителям из Кремля не дано было этого понять. «Движение» времени — это всегда перемены. Первый вождь «изобрел» систему, которая многого смогла добиться в областях, где насилие, принуждение, террор давали конкретные материальные результаты. Но в сферах, где эти «инструменты» бессильны, большевизм всегда терпел поражение. В борьбе с религией, например, коммунисты уничтожили многие тысячи храмов на территории СССР, расстреляли тысячи священников, но вера устояла. Время всегда «идет войною» на тех, кто исторически не прав, кто не способен на цивилизованные перемены.

Дело в том, что марксистско-ленинское учение, как утверждают сейчас некоторые коммунистические политики, есть своеобразная попытка замены христианской идеи Божьего Царства материалистической идеей земного рая.

Это утопическая идея, тем более что она целиком основана на желательности революции во имя захвата власти, установлении диктатуры одной политической силы, подчинении всего сущего и должного коммунистической цели.

Ленин, еще в начале века обращавшийся к идее свободы, к октябрю 1917 года окончательно понял: его идея «земного рая» может быть осуществима только силой, могуществом, диктаторской властью, но не свободой. Никто тогда не мог и предположить, что начался отсчет ложной, утопической «цивилизации», которая с неизбежностью идет в исторический тупик. Хотя учение исходит из «неизбежности» исторической удачи, возможности построения лучезарного и конечного по совершенству общества.

Движущей силой этого социального движения были не «преимущества социалистического строя», не «дружба народов», не «возрастание роли КПСС», а изощренное насилие, доведенное до «совершенства» в экономической, социальной, духовной сферах. Орудием, осуществлявшим это насилие, были партия и спецслужба, во времена Андропова называвшаяся Комитетом государственной безопасности.

Ленин любил ВЧК, созданную в декабре 1917 года, не потому, что ее возглавлял «железный Феликс» — Дзержинский, не потому, что там были самые надежные для него люди, не потому, что это были мастера и индивидуального, и массового террора.

Ленин глубже и полнее всех своих соратников понимал, что созданная им система не может существовать без систематического государственного насилия. Все лица, возглавлявшие «карающий меч революции», значили для системы неизмеримо больше, чем просто председатели, наркомы, министры. Ф.Э.Дзержинский, В.Р.Менжинский, Г.Г.Ягода, Н.И.Ежов, Л.П.Берия, В.С.Абакумов и другие «первые чекисты» олицетворяли жизнеспособность системы. Андропов это прекрасно понимал. Четверть века (официально), находясь с 1957 года на высоких должностях в аппарате ЦК и в Комитете государственной безопасности, он занимался деятельностью, очень часто внешне скрытой от прямого наблюдения людей.

Андропов был марксистом-идеалистом и глубоко верил

чуть ли не в мессианскую роль КГБ, неиссякаемую жизненность ленинизма. Он, например, с полной убежденностью говорил 22 апреля 1976 года на торжественном заседании в Москве, посвященном 106-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина, глубоко лживые слова: «...Только социализм может обеспечить подлинное народовластие... Все это — огромные завоевания советского общества, огромные успехи в развитии социалистической демократии. То, что в этом плане уже сделано, давно поставило социализм намного впереди самых демократических буржуазных государств»⁵.

Лица на таких должностях, как председатель КГБ, мало известны простым людям. Правда, в народе, среди интеллигенции нередко поговаривали, что Андропов — «либеральный чекист», знающий немного английский и немецкий языки, не чурающийся джазовой музыки и искусства авангарда. Правда, о том, что Андропов пописывал и стихи, мало кто ведал. Интеллигентного вида человек в очках, всегда в белоснежной рубашке и строгом костюме, внешне совсем не напоминал первых чекистов в кожанках и с маузерами в деревянных коробках. Добрый семьянин умел заниматься самообразованием и, хотя ему не довелось кончать «университетов», был весьма начитан и образован. Это отмечают все, кто общался с Андроповым. Как и его скромность и большую выдержку.

Андропов не дожил четырех месяцев до «среднего возраста» высших советских руководителей его времени — семидесяти лет. Он выходец из Ставрополя, где родился в 1914 году. Отец умер, когда Юрию Андропову было всего два года, а мать скончалась через полтора десятка лет после смерти мужа. После семилетки молодой Андропов два года работал помощником киномеханика при железнодорожном клубе на станции Моздок, рабочим на телеграфе, был матросом речного судна. В 1932 году поступает в Рыбинский техникум водного хозяйства. В своем заявлении принять на учебу пишет: «Прошу обеспечить меня общежитием и стипендией, так как средств к дальнейшему существованию не имею»⁶.

Работал после учебы матросом, штурвальным, помощником капитана речного судна. Отличался высокой исполнительностью и общественной активностью. В личном деле Андропова собраны даже такие малозначащие доку-

менты, как справка о том, что он «работал по распространению билетов Осоавиахима*. Работу выполнял хорошо». Или еще справки: об активном участии в деятельности комсомольской ячейки станции Моздок; работе в «легкой кавалерии» по ликвидации неграмотности; об участии в живой газете «Сигнал» и т.д.⁷.

После техникума поступил в Петрозаводский государственный университет, но скоро оставил его. Окончил позже Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Везде характеризовался с самой лучшей стороны. Не случайно, что таких молодых людей партийные комитеты замечали и выдвигали. В 1936—1944 годах последовательно занимал должности комсорга ЦК ВЛКСМ на судовой верфи, секретаря, первого секретаря Ярославского обкома комсомола, первого комсомольского секретаря в Карелии; затем наступает черед и для партийной работы — сначала в Петрозаводске, а затем в Москве. С 1951 года — инспектор в ЦК партии, правда, с перерывом в четыре года, когда Андропов использовался на дипломатическом поприще. С 1961 года и до своей кончины — член Центрального Комитета партии. До назначения в 1967 году председателем Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР почти пять лет находился на посту секретаря ЦК КПСС. Работая в ЦК, Андропов занимался делами государственной безопасности и очень хорошо знал эту закрытую сферу советского бытия.

Большое воздействие на мироощущение Андропова оказало его пребывание в Венгрии с 1954 по 1957 год в качестве советского посла. Его потрясли события венгерской революции 1956 года. Будучи ортодоксальным большевиком, Андропов в венгерских событиях прежде всего усмотрел «руку империализма».

Стихийное выступление народа против коммунистического режима было жестоко подавлено. Как вспоминал Хрущев, после заседания Президиума ЦК мы «спросили маршала Конева, командовавшего войсками Организации Варшавского Договора:

---

* Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству. Массовая добровольная общественная военно-патриотическая организация, существовавшая в СССР в 1927—1948 гг. — *Прим.ред.*

— Сколько времени потребуется, если мы поручим вам восстановить в Венгрии порядок и подавить контрреволюционные силы?

Он подумал минуту и ответил:

— Дня три, не больше.

— Тогда начинайте готовиться. Мы дадим вам знать, когда начинать».

Андропов помогал политически «готовиться» к подавлению «мятежа».

И вот Кремль скомандовал Коневу: «Навести порядок». «Конев двинул свои войска, и порядок был почти немедленно восстановлен повсюду в Венгрии», — вспоминал первый секретарь ЦК Н.С. Хрущев⁸.

Роль посла в подавлении революции была весьма значительной. Он, по сути, действовал как чекист: помог обезглавить революцию. Не без его содействия были арестованы Имре Надь и Пал Малеттер. Именно Андропов уговорил колебавшегося тогда Яноша Кадара занять ясную просоветскую линию и возглавить правительство, сформированное Москвой. Он регулярно поддерживал связь с советскими маршалами, силой подавившими выступление в Будапеште.

Он хорошо знал Имре Надя и, когда тот объявил о выходе страны из Варшавского Договора, стал торопить Москву с принятием решения о вводе войск в Венгрию. Именно Андропов давал советы, как заполучить Надя из югославского посольства, где тот укрылся. Дали, конечно, заверения в «гарантиях» его безопасности.

События той поры наложили глубокий отпечаток на взгляды Андропова по отношению к сателлитам Москвы. Он всегда был сторонником в решающую минуту использовать самые жесткие меры против «контрреволюции». Будущий генсек гордился своим участием в «подавлении мятежа». Не знаю, как он вспоминал Имре Надя, лично ему хорошо знакомого. Ведь в ноябре 1956 года бывшего премьера обманом захватили, когда тот выходил из югославского посольства, а через полтора года расстреляли. Андропов помнит, что Имре очень любил национального поэта Шандора Петефи и они не раз говорили с венгерским руководителем о поэзии... Совпосол не мог только понять, как Надь, сотрудничавший в свое время с НКВД, мог стать «предателем»...

Глава венгерской партии Матьяш Ракоши, сметенный со своего поста восстанием, хотя формально его отстранил пленум ВСРП, писал воспоминания. С тех пор он жил в СССР. После его смерти КГБ изъяс мемуары опального секретаря, боясь, что они могут попасть за рубеж. Но ортодоксальный Ракоши, как показало изучение рукописи в ЦК КПСС, писал свои заметки с просоветских позиций. Однако Андропов с большим интересом ознакомился с переводом наиболее интересных мест: ничего осуждающего в адрес советского посла там не было сказано...

В целом биография Андропова — типичная партийная карьера для удачливых советских руководителей. Попав еще в молодости в номенклатурную обойму, Андропов не застрял на нижних и средних этажах карьеры, а добрался до самой ее вершины.

Особенностью унаследования власти явилось то, что из семи высших руководителей большевистской партии и СССР за всю его историю это был первый человек, который непосредственно из чекистского кресла пересел в самое высшее партийное. Рой Медведев даже назвал свою книгу, исходя из этого факта: «Генсек с Лубянки».

Это не было чистой случайностью. Чем ближе система подходила к краю исторической бездны, тем сильнее проходила «кагебизация» великой страны. Но, и это принципиально важно, процесс все больше трансформировался из сферы физического террора (как при Ленине и Сталине) в область духовного, идеологического контроля за миллионами людей. Андропов, полтора десятка лет возглавлявший мощную, разветвленную «комитетскую» систему, давно пришел к выводу, что широкая «гулагизация» страны исчерпала себя, она дискредитирует КПСС и СССР в глазах всего мира и, что самое главное, малоэффективна.

Тем более что совершенствование машины террора никак нельзя совместить с его же утверждением, что социализм в области демократии давно идет «намного впереди самых демократических буржуазных государств».

Хрущев, нанесший на XX съезде партии мощный удар по «карательным органам», заставил их руководителей искать новые формы и способы контроля и удержания в повиновении миллионов людей.

Андропов оказался тем человеком, который смог осу-

ществить известную «либерализацию» «органов», перенеся центр тяжести усилий по изоляции неблагонадежных на контроль за состоянием индивидуального и общественного сознания. Нет, конечно, нередко людей за убеждения сажали, ссылали, выдворяли за границу. Но центр тяжести был перенесен на так называемую «профилактическую работу». Здесь он добился многого: привлек науку к изучению тенденций в умонастроениях людей, усилил влияние «органов» на партийную сферу, уделял особое внимание борьбе за «чистоту» марксизма-ленинизма. Не случайно, что большинство крупных публичных выступлений Андропова связаны прежде всего со сферой духа, где КГБ выступал своего рода государственным интеллектуальным надсмотрщиком.

Вот некоторые темы крупных выступлений Андропова: «Ленинизм озаряет наш путь» (Москва, 22 апреля 1964 г., доклад, посвященный очередной ленинской годовщине); «Пролетарский интернационализм — боевое знамя коммунистов» (доклад в Берлине, посвященный 100-летию I Интернационала, 26 сентября 1964 г.); «Дружба советских народов — неиссякаемый источник наших побед» (доклад в Таллине 27 декабря 1973 г.); «Ленинизм — наука и искусство революционного творчества» (доклад в Москве 22 апреля 1976 г.); «Идеологическая диверсия — отравленное оружие империализма» (выступление на совещании в КГБ СССР в феврале 1979 г.); «Ленинизм — неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс» (выступление в Москве в апреле 1982 г.) и другие, подобные этим, темы речей и докладов на самых представительных заседаниях и совещаниях. Естественно, что содержание этих выступлений, прошедшее «доводку» в отделе пропаганды ЦК, было глубоко ортодоксальным и почти совсем не несет личностного отпечатка.

Как «завещание» прозвучала теоретическая статья Андропова в «Коммунисте» № 3 за 1983 год: «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР». В ней, правда, звучат в основном старые, традиционные мотивы о неисчерпаемости и творческом характере марксизма, развитии «социалистической демократии» и необходимости повышения общественной дисциплины, порядка и организованности.

Андропов проницательно видел, что только контроль

за теоретической мыслью, а также общественным сознанием и умонастроениями людей может дать шансы сохранить стагнирующую систему. Для Андропова «строгий учет и строгое соблюдение этого принципа»⁹ имеют особое значение.

Придя в 1967 году на Лубянку, в мрачное, печально знаменитое здание КГБ на площади Дзержинского, Андропов не пожалел времени для ознакомления с некоторыми нашумевшими (или, наоборот, неизвестными) делами прошлого НКВД. Ему приносили, по его требованию, архивные дела из спецхранилищ КГБ и ЦК КПСС, связанные с различными страницами деятельности его предшественников. Чего здесь только нет!

Так, Андропов просмотрел «Дело-формуляр № 8355» на Рамзая — Рихарда Зорге, которого он считал одним из лучших советских разведчиков. В условиях повальной шпиономании Главное управление государственной безопасности признало его «немецко-японским шпионом» и готовило, после отзыва из Токио, арест разведчика. На донесения Зорге исключительной важности Сталин наложил оскорбительную резолюцию, чтобы сообщения «немецкого шпиона» ему больше не докладывали.

К слову, бывший шеф ЦРУ А. Даллес в своей книге «Искусство разведки» пишет, что донесения Зорге были равны «м н о г и м д и в и з и я м» Сталина, но последний ничего не сделал, чтобы спасти разведчика после ареста в Токио. В деле много интересного и загадочного, например, тайна смерти в ссылке 38-летней жены Зорге — Максимовой Екатерины Александровны...

Андропов, читая, видимо, поражался, сколь неразборчивой была гильотина сталинского террора, так исторически безнадежно скомпрометировавшая все «великое дело».

Председатель КГБ был знаком с системой постоянного наблюдения и слежки за «опасными лицами» не только в СССР, но и за рубежом. Наглядный пример — «агентурная разработка» А.Ф.Керенского (Клоун), закрытая лишь в 1963 году «в связи со старческим возрастом и бесперспективностью разработки». Андропова могло лишь удивить, как при тогдашних советских «нравах» Керенскому удалось уцелеть...

Председатель КГБ не мог не знать, как «доблестные

чекисты» организовали «Ленинградское дело», столь грубо сфабрикованным оно оказалось. В «деле» бросалось в глаза скрупулезное соблюдение «органами» сталинских законов. Например, постановление ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года предписывало:

«4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайства о помиловании, не допускать.

5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора»¹⁰.

Кузнецову А.А., Вознесенскому Н.А., Попкову П.С. и другим «подельцам» приговор объявили 30 сентября 1950 года, а расстреляли через несколько часов в ночь на 1 октября, о чем начальник 3-го отдела 1-го сектора отдела «А» МГБ СССР подполковник Воробьев пунктуально отметил в специальных справках...

Андропов долго листал толстый том протоколов заседаний комиссии политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам во главе с М.И.Калининым (в составе Шкирятова М.Ф., Меркулова В.Н., Панкратьева М.И., а позже и Абакумова В.С., Горшенина К.П.), которая утверждала приговоры Военной коллегии Верховного суда СССР. «Согласиться с расстрелом»: Тауглиха А.Я. — троцкиста, Тонких И.В. — японского шпиона, Биньковского И.Ф. — польского шпиона, Соловьева В.Т. — польского шпиона, Лагутина А.И. — английского шпиона, Фихман С.Л. — румынского шпиона, Казятина М.Ф. — японского шпиона, Степанова А.М. — эстонского шпиона, Богинского В.Ф. — латвийского шпиона, Тимофеева И.А. — польского шпиона, Грунта Ф.Я. — английского шпиона, Метальникова Н.И. — французского шпиона... Списки бесконечны. Даже Андропова, так много знавшего о делах чекистских, не могла не приводить в дрожь тотальная шпиономания¹¹.

Пухлый том, сфабрикованный следственной частью по особо важным делам в отношении Лозовского С.А., Фефера И.С., Бергмана С.Л., Шимолиовича Б.А. и еще девяти несчастных, мог интересовать председателя КГБ и по другим причинам. На Западе многие писали, в частности А. Авторханов, что у Андропова мать — еврейка. То, что в нормальном обществе никогда и никого не интересует, в СССР приобретало некий зловецкий и магический смысл. Разве можно считать случайным это дело, если все обви-

няемые — евреи? Сталин и МГБ СССР этой акцией намеревались усилить в стране настроения антисемитизма. Когда есть «враги», легче объяснить перманентные провалы в убогом уровне и качестве жизни советских людей. Думаю, Андропова могла заинтересовать уникальная фотография, приложенная к делу как «вещественное доказательство» вредительской деятельности обвиняемых, на которой сняты гениальный А. Эйнштейн и с ним рядом, с обеих сторон, председатель Еврейского антифашистского комитета Михоэлс и советский поэт Исаак Фелер. Снимок сделан на вилле Эйнштейна в Принстоне.

Здесь все те же страшные справки за подписью зловещего, но «аккуратного» подполковника Воробьева (без инициалов) о том, что тринадцать «еврейских националистов» расстреляны в ночь на 12 августа 1952 года¹².

.Множество документов из истории создания материально-технической базы коммунизма: дороги, шахты, рудники, заводы, порты, плотины, полигоны. Везде «зэки», миллионы заключенных. Решалось все просто. Вот, например, подписанное Сталиным постановление ЦК ВКП(б) «О Норильском медно-никелево-кобальтовом месторождении». Поручить «ОГПУ создание в Норильске мощного комплексного горно-металлургического комбината по добыче меди, никеля, кобальта, платины и каменного угля на базе организации специального лагеря»¹³

Или вот закрытый Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года о создании советской каторги. Срок нахождения там не менее 15 лет... Но можно угодить и на 25 лет.

Что испытывал Андропов, знакомясь лишь с фрагментами наиболее страшной стороны советской действительности? Едва ли кто теперь об этом скажет.

Когда вершились некоторые из этих и многих других дел, Андропов был уже в среднем эшелоне власти и многое знал непосредственно. Но лишь придя в КГБ, он увидел масштабы государственного террора сталинских времен, полностью покрываемого высшими партийными органами. Вроде такого решения политбюро от 10 июня 1939 года: «Отказаться от системы условно-досрочного освобождения лагерных контингентов. Осужденный в лагерях должен отбывать установленный судом срок своего

наказания полностью... К наиболее злостным дезорганизаторам лагерной жизни применять суровые меры наказания, вплоть до высшей меры...»

Надо полагать, что мрачную историю ведомства, которое Андропов возглавлял 15 лет, он знал очень хорошо. Как он относился к ней, будучи чекистским наследником? Анализ его выступлений свидетельствует, что Андропов следуя духу решений XX съезда КПСС, осуждал «незаконные репрессии», но последовательно отстаивал «право» КГБ контролировать все общество. Именно по инициативе председателя КГБ в деятельности могущественного ведомства были существенно изменены акценты. особый упор был сделан на область общественного и индивидуального сознания.

Что касается внешней разведки и контрразведки, входящих при Андропове в состав КГБ, здесь их активность и традиции были сохранены в наибольшей мере. Хотя по-прежнему были нередки провалы, главным образом из-за перебежчиков. Внешняя разведка, в силу ее массированности и весьма высокого профессионализма сотрудников обеспечивала советское руководство самой богатой конфиденциальной информацией, нередко осуществляла и специальные акции.

В своем первом годовом отчете о работе КГБ (за 1967 год) генеральному секретарю Л.И. Брежневу новый председатель Комитета государственной безопасности докладывал, что в течение года удалось «завербовать 218 иностранцев, из которых 64 имеют оперативные возможности для работы против США». За это же время удалось добыть шифры нескольких капиталистических стран, на править в ЦК и Министерство обороны СССР более девяти тысяч разведывательных информационных материалов, в том числе образцы иностранной техники¹⁴

Это было первым крупным докладом Андропова на посту председателя объемом в 14 страниц. Последнее донесение Андропов подписал за год до смерти Брежнева, после чего он стал генсеком. Информация в этом докладе более скупа. О многом Андропов предпочитает сообщать наверху устно. Но и здесь полагает уместным доложить, что все заявки ВПК, Министерства обороны на получение технической информации — добыты¹⁵

Думаю, что во время пятнадцатилетнего руководства

Андроповым спецслужбами они добились в области внешней разведки наивысших результатов.

Андропов, естественно, очень многое знал. Вероятно, значительно больше, чем генеральный секретарь. Сейчас выясняется, что председателю КГБ давным-давно было известно, где находятся подлинники протоколов пакта Молотова—Риббентропа; он хорошо знал о решении советского руководства уничтожить польских офицеров и других польских граждан в Катыни; ему было ведомо, где захоронены кости Гитлера; он знал о судьбах многих бесследно исчезнувших людей, наподобие выкраденных из Франции генералов Миллера и Кутепова; подробности плана готовившегося покушения на И.Б. Тито; местонахождение останков китайского маршала Линь Бяо, пытавшегося бежать в СССР, но погибшего в авиакатастрофе в Монголии. Ему были известны точные объемы золотых запасов СССР; он представлял, каково не официальное, а реальное отношение советских людей к Брежневу; количество «стукачей» в стране; было известно, кто из западных общественных и политических деятелей «работал» на «первую страну социализма»... Андропов, в силу своей чрезвычайно богатой информированности, знал реальное положение в государстве неизмеримо глубже и разностороннее, чем кто-либо из его соратников по политбюро

Обладая сильным, аналитическим умом, ведя аскетичную, замкнутую жизнь, хорошо зная свои кадры, Андропов пользовался большим авторитетом у себя в ведомстве, как и в высших партийных сферах. Его побаивались, но уважали. Он редко «являлся» на публике, если не считать обязательных присутствий на заседаниях политбюро, всесоюзных съездах, конференциях, и был для многих довольно загадочной личностью.

Андропов оставил гораздо меньше архивных документов, особенно личных, чем его предшественники. Дело в том, что большая часть этих материалов под грифом «Особой важности» хранилась в архивах КГБ. Но многие свои пометы председатель вел в записных книжках, почему-то очень маленьких размеров (видимо, для того чтобы носить их в случае надобности в кармане), календарях-блокнотах, на отдельных листках бумаги. Но верный чеккистской традиции председатель КГБ в этих личных документах был чрезвычайно скуп на откровения. За исключе-

нием того, что Андропов тщательно записывал фамилии людей, которых он принимал, и время проведения бесед с ними. Перечень фамилий довольно ограничен, но в какой-то мере постоянен. Например, в календаре-блокноте на 1982 год (последний год Андропова в должности председателя КГБ) в желтоватой бархатной обложке значатся записи фамилий ближайших высших сотрудников спецслужб: Лежепекова, Крючкова, Пирожкова, Чебрикова, Цинева, Бобкова, Душина, Емохонова, Федорчука, Савинкина, с которыми он встречался особо часто. Но приезжали к нему нередко и партийные и общественные деятели: Горбачев, Гришин, Пельше, Добрынин, Фалин, Замятин, Бовин, Тяжельников, Арбатов, Брутенц; руководители средств массовой информации и культуры Лапин, Толкунов, Севрук, Шауро и другие лица. Со многими из них он работал ранее в аппарате ЦК. Прежде всего это такие незаурядные лица, как Шахназаров, Вольский, Бовин, Арбатов.

Андропов был сугубо кабинетный руководитель с аналитическим уклоном. Он редко выезжал на места, в провинцию, бывал почти исключительно только в социалистических странах, очень редко показывался на телевидении и мало встречался с прессой. Во многих смыслах он был классический чекист ленинской школы. Но вместе с тем Андропов уделял значительно больше времени и внимания аналитической работе, изучению новых тенденций в развитии общества, положению и настроениям в среде интеллигенции и деятелей культуры.

Все знавшие Андропова отмечали у него манеры немало старомодного интеллигента. Он всегда смотрел прямо в глаза и не отводил взгляд, как Черненко. Никогда не кричал, как Хрущев, не «матерился», как Горбачев, не любил много говорить о себе, как Брежнев. Мне два раза довелось близко видеть Андропова на узких совещаниях по Афганистану... Негромкий голос генсека заставляет всех напряженно прислушиваться к его речи. Она лаконична и ясна. Чувствовалось, что Андропов не любит пустых словопрений и неопределенности общих решений. Как отмечал издатель «Шпигеля» Р. Аугштайн, встречавшийся в 1983 году с Андроповым, тот в качестве условия публикации интервью с ним требовал, чтобы на обложке журнала не было его фотографии. Близоруко глядя на со-

беседников, Андропов не спеша, но точно формулировал фразы, которые без редактирования сразу можно было печатать. Но все, что он говорил, было известным Ничего нового и сенсационного.

Регулярно Андропов подписывал обстоятельный доклад лично генеральному секретарю ЦК КПСС с грифом «Особой важности» о текущей работе КГБ. Например, в марте 1981 года Андропов подписал сугубо конфиденциальную записку на имя Л.И. Брежнева. Работников КГБ здесь, как и в других документах, Андропов именует исключительно ленинским термином — «чекисты». В документе, который в ЦК сразу же попал после ознакомления с ним генсека в «Особую папку», содержится ряд важных положений, характеризующих основные направления работы КГБ тех лет. Фрагментарно 11-страничный документ сводился к следующим тезисам:

«Во исполнение указаний ЦК КПСС Комитет своевременно осуществил необходимые меры по надежному обеспечению государственной безопасности в период подготовки XXVI съезда КПСС»

«Достигнуты неплохие результаты на ряде важных участков разведывательной работы по добыванию информации политического, экономического, научно-технического, военного характера...»

«Исключительное значение Комитет придавал разведывательному обеспечению встреч и переговоров товарища Л.И. Брежнева с лидерами Франции, ФРГ, Индии и других зарубежных стран».

«Систематически добывались данные о враждебных замыслах и антисоветской деятельности спецслужб США и других иностранных государств, зарубежных центров идеологических диверсий».

«Комитетом подготовлено и направлено в Инстанцию, министерства и ведомства свыше 8 тысяч информационных материалов, в том числе более 500 аналитических записок. Около 6 тысяч материалов направлено в ЦК КПСС и Совет Министров СССР»

«Удалось решить ряд крупных задач по линии научно-технической разведки. Получены документальные материалы и образцы по важным проблемам экономики, науки, техники США, других ведущих капиталистических

стран... По военно-промышленным вопросам реализовано около 14 тысяч материалов и 2 тысячи типов образцов».

«Продолжалось укрепление позиций нелегальной разведки. В 1980 году Комитетом выполнено большое количество специальных заданий и поручений Политбюро и Секретариата ЦК КПСС».

«Сорвано 96 вербовочных подходов спецслужб и попыток склонения к измене Родине советских граждан... Не удалось предотвратить невозвращение в СССР 20 туристов и участников делегаций, 15 моряков заграничного плавания и рыбаков».

«Нанесен ощутимый удар по структуре руководства и нелегальной печатной базе баптистов-раскольников... Вскрыты и ликвидированы созданные церковниками и сектантами 6 нелегальных типографий, 19 печатных точек, более 30 перевалочных баз...»

«Установлено 1512 авторов и распространителей анонимных антисоветских и клеветнических документов...»

Я уже утомил читателя только перечнем вопросов и проблем, которыми занимался в те годы КГБ. В документе говорится о том, что «профилактировано 15 557 советских граждан» (т.е. люди «возвращены» на путь «истинный»), сколько арестовано (433) за враждебные действия, как проводилось «пропагандистское обеспечение чекистских мероприятий» и многое, многое другое¹⁶.

Андропов не пишет, в силу особой секретности, что именно КГБ осуществляет передачу по своим каналам крупных сумм в иностранной валюте «братским партиям». Созданный ЦК КПСС «Международный фонд помощи левым рабочим организациям» дополнял помощь, которую Москва оказывала своим единоверцам. В 1971 году КПСС передала в фонд 14 миллионов долларов, в 1972-м — 14 миллионов, в 1973-м — 15 миллионов, в 1974-м — 15 миллионов, в 1975-м — 15 миллионов, в 1976-м — 15 миллионов, в 1977 году — 15 миллионов.. И так почти до конца разрядки. В постановлениях ЦК обычно записывалось: «Поручить правлению Госбанка СССР (т. Свешникову М.Н.) выдать т. Пономареву Б.Н. 14 000 000 долларов на специальные цели»¹⁷ Кроме того, все компартии Варшавского Договора (кроме румынской) вносили в среднем по полмиллиона. Больше всех «перепало» из «фонда» итальянской, французской, компартии

США, некоторым другим. После такого решения ведомство Андропова организовывало передачу денежных сумм во многие столицы мира «братским компартиям». Те руководители компартий, что существовали (обычно на бумаге) в своих странах нелегально, жили обычно в Москве на полном «пансионе» ЦК КПСС. Всем этим занимался не только международный отдел ЦК, возглавляемый Б.Н. Пономаревым, но и могущественный КГБ во главе с его председателем Андроповым.

Андропову принадлежит инициатива проведения регулярных совещаний ответственных работников спецслужб социалистических стран по вопросам борьбы с идеологическими диверсиями империализма. Такие совещания прошли в разные годы в Москве, Гаване, Будапеште, Софии, других столицах¹⁸. Это была одна из форм не просто координации и «обмена опытом», но и управления деятельностью «братских органов».

Читатель может увидеть, что традиционные направления «чекистской работы» неизменно сохранялись. Но теперь в деятельности КГБ большое место (и в этом немалая роль Ю.В. Андропова) занимают политические, идеологические, военно-технические, «профилактические» вопросы. По сути, Комитет государственной безопасности при очевидном отказе от массовых репрессивных мер, что было обычным в сталинскую «эпоху», тем не менее все больше и больше превращался в государство в государстве. Фактически его, комитет, в полной мере не мог контролировать даже ЦК КПСС, ибо, кроме генерального секретаря, заведующего административным отделом и двух-трех членов политбюро, никто не имел права «совать свой нос» в чекистские дела. Благодаря Андропову КГБ резко усилил деятельность внешней разведки и контрразведки, обратив при этом особое внимание на добывание информации военно-технического характера. Во внутриполитической деятельности приоритетной сферой деятельности КГБ стала борьба с так называемым «диссидентством», а точнее, с инакомыслием. Именно Андропов одобрил многочисленные суды над правдолюбцами и борцами за права человека: Григоренко, Горбаневской, Амальриком, Гинзбургом, Буковским, Щаранским, Гамсахурдиа, Черновилом и другими. Он, председатель, не за-

бывал «венгерских уроков». Там начиналось, напоминал Андропов, с «послаблений смутьянам».

...В день Конституции 5 декабря группа борцов за права человека, среди которых были Сахаров, Семенова и Янкевич (дочь и зять Е. Боннер), супруги Григоренко, Буковская, Алексеева, Салова, Шатуновская, Гастев, Генкин, Старчик, Ланда, Якир и другие, всего около 50 человек, собрались в Москве у памятника Пушкину с целью выразить молчаливый протест в связи с нарушениями в СССР прав человека. В 18 часов правозащитники сняли головные уборы и минутой молчания почтили память жертв репрессий большевистского режима.

Уже на следующее утро доклад об этом «сборище», подписанный Андроповым, лежал на столе генсека и членов политбюро...¹⁹

По инициативе Андропова была реанимирована старая ленинская традиция высылки инакомыслящих за рубеж. Например, в 1981 году КГБ лишил гражданства и выслал за околицу отечества 14 человек. Когда на заседании политбюро 7 января 1974 года обсуждался вопрос «О Солженицыне», то Андропов заявил:

«...Я, товарищи, с 1965 года ставлю вопрос о Солженицыне. Сейчас он в своей враждебной деятельности поднялся на новый этап... Он выступает против Ленина, против Октябрьской революции, против социалистического строя. Его сочинение «Архипелаг ГУЛАГ» не является художественным произведением, а является политическим документом. Это опасно. У нас в стране находятся десятки тысяч власовцев, оуновцев и других враждебных элементов ... Поэтому надо предпринять все меры, о которых я писал в ЦК, то есть выдворить его из страны...»²⁰

Все выступающие, естественно, поддержали предложение председателя КГБ. «Правда», другие газеты начали пропагандистскую подготовку к этой «акции». А мы, точнее большинство замороженных советских людей, верили этой лжи в отношении и Солженицына, и Сахарова, и других правдоборцев.

Андропов тверд в отношении этих людей. Он никогда не узнает, что безграничная власть его ведомства (и всей системы!) окажется бессильной перед неодолимой тягой людей к свободе, человеческому достоинству, правам личности.

У Андропова была потрясающая работоспособность. Председатель КГБ много, очень много читал, интересовался деталями и сутью самых разных «чекистских» дел. Так, например, когда готовилась операция по обмену Л Корвалана — лидера чилийских коммунистов на советского диссидента В. Буковского в 1972 году, Андропов лично держал под контролем этот размен. Готовясь к XXII летним Олимпийским играм в Москве в 1980 году, Андропов засыпал ЦК докладами-предостережениями о «готовящихся идеологических диверсиях», о «возможных терактах» «исключительной активности западных спецслужб» в связи с подготовкой к Олимпиаде.

Андропов умел видеть и знать все. Думаю, Ленин смог бы назвать председателя КГБ «лучшим продолжателем традиций Дзержинского». Этот человек смог превратить КГБ в настоящее закрытое государство в государстве.

Мы напомним некоторые «эпизоды» из биографии пятого по счету «вождя» КПСС и СССР, когда он был главой на Лубянке. Это был, как его некоторые называли на Западе, да и у нас, «либеральный чекист». Нельзя отрицать, что его отличали от своих предшественников широкого мышления, аналитические способности, личная скромность, незаурядный ум. И тем не менее это был до мозга костей Чекист ленинской школы. Он быстрее других приспособивался к новому времени, глубже других осознавал приближение кризиса, видел главную угрозу строю не только в стагнации экономики, но и в росте мятежности духа все большего количества людей.

По своему душевному складу, профессии, убежденности Андропов тем не менее не мог предложить ничего спасительного ни обществу, ни партии, такого, что выходило бы за ортодоксальные рамки ленинской доктрины. Он был глубоко ортодоксальный Чекист. И такой человек на очень короткий исторический миг стал лидером гигантской, великой страны. Даже если бы он прожил дольше, с этими методами и мировоззрением Андропов ничего кардинально и позитивно изменить не мог. Крушение большевистской, чекистской системы нельзя было предотвратить административными способами. А на принципиальные, глубинные реформы Андропов не был способен.

Новому генсеку не суждено было начать Реформуацию в

СССР. Чекистское, полицейское видение мира — эффективный базис для радикальных перемен к лучшему.

**Пятнадцать
месяцев —
лидер КПСС**

Андропов стал генеральным секретарем ЦК КПСС в 68 лет. Первая половина «руководящей» жизни прошла в партийных органах, а вторая — в «органах» чекистских. По неписаной большевистской традиции Андропов заверил соратников по политбюро, что движение по «ленинскому» пути будет неизменно продолжено. Но, с другой стороны, он должен был обязательно заявить о себе каким-то новым делом, новой концепцией, новыми подходами. Как мы помним, Сталин сконцентрировал свое внимание на монопольном владении наследием Ленина, что сделало его неуязвимым. Хрущев выбрал акцент на сельском хозяйстве и постепенном укреплении своих антисталинских позиций. Брежнев акцентировал внимание партии на возрождении «ленинских норм» партийной жизни, преодолении «субъективизма и волюнтаризма» в деле сохранения стабильности.

Каждый очередной «вождь», клянясь в верности ленинизму, в чем-то дезавуировал (больше или меньше) предшественника. Часто не говоря об этом прямо, очередной генсек строил свою политику, свое поведение, «линию», исходя из собственных корректировок относительно действий предшественника. Он должен был обязательно что-то сделать новое, оригинальное, заметное, что даст надежду людям. Тем более что основная масса советских людей устала от брежневской «стабильности» и очень хотела увидеть в новом вожде подлинного защитника ее интересов. Вроде бы все знали, кто такой Андропов — главный «кагэбэшник» страны, но одновременно для большинства граждан он абсолютно не был известен по своей сути. Тот факт, что в каждом клубе, ленинской комнате, дворце культуры был его портрет в окружении престарелых соратников, еще ничего не говорил людям. Андропов обязан был «заявить» о себе.

Новый генсек начал с реорганизации работы политбюро, перераспределения функциональных обязанностей между его членами. Через неделю после восшествия на «престол» новый генсек поставил на заседании партийно-

го синклита один вопрос: «Некоторые вопросы организации работы политбюро и секретариата ЦК КПСС».

Лидер партии начал с себя, заявив: «Я считал бы необходимым, чтобы Андропов занимался вопросами: организация работы политбюро, оборона страны, основные вопросы внутренней и внешней политики КПСС и внешней торговли, расстановка основных руководящих кадров партии и государства»²¹.

Сосредоточив в своих руках практически все основные направления партийной и государственной политики, Андропов намеревался мобилизовать все имеющиеся ресурсы и возможности государства для предотвращения надвигавшегося на страну обвального кризиса. Он более, чем кто-либо в руководстве, понимал, что продолжающаяся стагнация может привести лишь к краху всей системы.

Возвращаясь к заседанию политбюро 18 ноября 1982 года, через неделю после смерти Брежнева, укажу, что Андропов недвусмысленно выделил «второе» лицо. Им, естественно, оказался К.У.Черненко. Генсек не решился сразу его «задвинуть». Черненко имел сторонников, и к тому же это было бы слишком явной антибрежневской демонстрацией. Но на Черненко новый генеральный секретарь возложил, прямо скажем, совершенно непосильную ношу. То ли это был способ со временем избавиться от фаворита Брежнева, то ли Андропов не видел в политбюро других лиц, способных объять необъятное. Генеральный секретарь заявил:

«...В связи с изменившимся положением, тов. Черненко К.У., по моему мнению, должен заниматься вопросами, которыми занимался я, плюс вопросы КГБ, МВД и вообще весь административный отдел, отдел парторганов, общий отдел и отдел писем. Надо сосредоточить внимание тов. Черненко К.У. на вопросах идеологической работы ЦК: отделы пропаганды, культуры, науки и высших учебных заведений. Ему же поручить вопросы секретариата ЦК...»²² По сути, это основные (после взятых на себя Андроповым обязанностей) направления деятельности ЦК...

Два человека в партийной коллегии сосредоточили в своих руках главные рычаги влияния на самые различные области жизни партии и страны. Два самых больных человека в руководстве разделили между собой львиную долю

обязанностей, избежав, тем не менее, непосредственного руководства экономикой.

Став генеральным секретарем, Андропов вначале до глубокой ночи просиживал в своем новом кабинете, приглашал для беседы многих людей, часто общался с Черненко, запрашивал бесчисленные справки и личные дела на разных руководителей. Сегодня ясно: Андропов искал путь к выздоровлению общества, пытался нащупать некие чудодейственные методы и подходы, которые позволили бы активнее «заработать» загнившую Систему, вернуть уверенность людям, дать новое дыхание партии и начать решительное «восхождение» к коммунистическим высотам.

Что это сизифов труд, Андропов не хотел и думать. У него не было выбора. Нужно было подавить кризис, пока он не разразился. Андропов был неотъемлемой частью партийного механизма, созданного Лениным и Сталиным. У него и мыслей не появлялось о необходимости масштабных и радикальных реформ в стране, пересмотре неких кардинальных установок марксизма-ленинизма и мобилизации естественных, общечеловеческих возможностей многонационального народа для подлинной демократизации общества. Классовые догмы цепко держали бывшего председателя КГБ в рамках ленинской методологии мышления и действий.

Андропов после ноябрьского пленума, избравшего его генеральным секретарем ЦК КПСС, провел серию рабочих совещаний, заседаний в Центральном Комитете, где педалировал одну идею: оздоровление общества и государства возможно лишь на основе всемерного укрепления дисциплины. Особенно характерны в этом смысле были совещания в ЦК 7 и 22 декабря 1982 года и 18 января 1983 года.

Мысль и идея Андропова совсем не является новой. Начиная с ленинских времен, партия только и делала, что регулярно принимала постановления об ужесточении требований к гражданам СССР за их работу, поведение, надежность. Людей в сталинские времена сажали в тюрьму за прогул, запрещали человеку по своему желанию переходить на другое место службы, определяли минимум выработанных трудодней в колхозе, устанавливали над гражданами неусыпный идеологический контроль. Хотя

позже эта полицейская хватка несколько ослабла, партийные органы всегда делали особую ставку на возможность «закручивания гаек», ужесточение контроля над каждым советским гражданином, «наведение порядка» на производстве и в быту. Андропов хотел прибегнуть к мобилизации духовных, нравственных и физических сил людей в реализации программ, выдвигаемых «штабом ленинской партии».

А за реакцией простых людей на постановления ЦК КПСС следили миллионы (да, миллионы!) завербованных секретных агентов из числа рабочих, крестьян, военнослужащих, интеллигенции, священнослужителей, деятелей культуры, чиновников. Вся страна на протяжении десятилетий была опутана частой сетью осведомителей, «наблюдателей», секретных сотрудников, названных в народе «стукачами» или «сексотами». Купленные за небольшие, но регулярные суммы денег, эти люди, всегда остерегаясь разоблачения, регулярно информировали «органы» обо всех подозрительных, «сомнительных», тем более антисоветских высказываниях и действиях. Эпизодически политбюро рассматривало этот вопрос: например, 20 декабря 1960 года № 3313-«Ш» («Особая папка»). Рассматривались эти вопросы и позже, хотя во времена андроповского руководства количество «нештатных сотрудников» заметно сократилось.

Еще в 1960 году стали создавать «группы нештатных сотрудников», которые, как докладывал председатель Комитета госбезопасности А.Н.Шелепин, «участвуют в наблюдении на общественных началах...»²³ Тотальная слежка сохранялась до конца восьмидесятых годов, представляя собой изощренное нарушение прав человека.

Приступая к «наведению порядка», генеральный секретарь хорошо знал из донесений партийных и чекистских органов, что основная часть общества поддержит его курс. С одной стороны, общественный, государственный, демократический порядок всегда является важным атрибутом здоровья нации, а с другой — советские люди за долгие десятилетия привыкли к жесткой регламентации всей своей жизни. Эта бюрократическая, административная запрограммированность постепенно формировала людей малоинициативных, не предприимчивых, послушных, готовых по команде поддержать любое новое «начинание» властей.

Андропов в силу своей одномерности и ортодоксальности (а может, и время для крутых перемен еще не пришло) не мог придумать ничего лучшего, кроме как попытаться вновь оседлать конька большевистской дисциплины. Очень характерно в этом смысле его выступление на совещании секретарей ЦК КПСС 18 января 1983 года. В его кабинете собрались М.С.Горбачев, В.И.Долгих, Б.Н.Пономарев, М.В.Зимянин, И.В.Капитонов, К.В.Русakov, Н.И.Рыжков, А.Я.Пельше, М.С.Соломенцев.

Все привычно достали служебные блокноты, удобнее устроились за длинным столом в готовности внимать «ценным указаниям» своего лидера.

Андропов, близоруко щурясь, держа в своих руках рукописные листочки, методично бил в одну точку. «...На первый план сейчас выдвигаются вопросы об укреплении трудовой и производственной дисциплины, вопросы о методах и стиле нашей работы... Москвичи, как известно, уже выступили с инициативой об укреплении трудовой и производственной дисциплины, о наведении должного порядка на производстве и в городе в целом. Эта инициатива была одобрена Центральным Комитетом КПСС...»²⁴

В получасовой речи Андропов с методической настойчивостью повторял слова «необходимо укреплять производственную и трудовую дисциплину», чем поставил в затруднительное положение участников совещания, прилежно конспектировавших выступление генсека. В «прокладках» между «новым» термином-панацеей, естественно, звучали слова «дисциплина должна быть сознательной», а посему надо разворачивать «все виды и формы массово-политической работы», мобилизовать на это дело «печать, партийные, советские, профсоюзные организации».

Речь-закливание, речь-программа была не просто реакцией на стагнацию экономики и общества, но и, по мысли автора, должна была привести к изменению стиля работы ЦК. Андропов вновь повторял дежурные в КПСС положения о необходимости «конкретной информации», сосредоточивать внимание на «самых главных вопросах», меньше проводить совещаний, усилить «организаторскую работу с людьми» и т.д. и т.п. Такие банальные слова звучали в аппарате ЦК с ленинских времен. За внешней целесообразностью, рациональностью, деловитостью скрывалась неспособность высшего руководства конять глу-

бинные причины перманентного экономического кризиса системы.

Главный чекист, ставший главой партии и государства, иногда в своей речи формулировал весьма колоритные предложения, которые помимо воли автора демонстрировали бесплодность очередного начинания.

На реплику Пельше о том, что аппарат ЦК «занимается иногда вопросами, которые должны решаться в министерствах и ведомствах», Андропов тут же среагировал:

— Наша задача отсортировать вопросы менее значимые от более значимых, и пусть эти мелкие вопросы решают в министерствах и ведомствах...

Суперправительство, каковым с давних пор было политбюро, этой репликой подтверждало: управление народным хозяйством, обществом и впредь будет директивным, командным, административным. Правительство пусть решает «мелкие вопросы», а основные, крупные — ЦК... Все дружно поддакивали: «правильно», «верно», «согласны».

В коротких выступлениях секретари ЦК поддержали «линию Андропова» на необходимость «всемерного укрепления производственной и трудовой дисциплины». Выступил и М.С. Горбачев. Он полностью поддержал генсека, подчеркнув, что к числу коренных, главных вопросов, конечно, относятся вопросы «укрепления трудовой и производственной дисциплины». Говорил о «повышении роли рабочего коллектива», «бригадном подряде», «усилении проверки исполнения» и других подобных дежурных вещах. Михаил Сергеевич, однако, отметил одну мысль, которая в то время витала в умах людей: Андропов «породил очень хорошие надежды на перемены». После совещания в ЦК в каждой парторганизации принялись обсуждать «меры по укреплению» всех мыслимых дисциплин: служебной, технологической, воинской... Казалось, Андропов нашел волшебное лекарство для выздоровления общества. Люди устали от серой и беспросветной жизни, и даже слабый лучик, намек на изменения к лучшему воспринимался у людей с надеждой. Они хотели верить, что улучшение жизни возможно.

Через пару недель после этого совещания Андропов неожиданно приехал на московский станкостроительный завод имени Орджоникидзе. Он сразу же прошел в цеха, хозяйским глазом оглядел производство, беседовал с рабо-

чими, инженерами. Генсек не обещал «быстрой» хорошей жизни, но все время подчеркивал: укрепим порядок, дисциплину, будем производить больше и лучшего качества. А от этого выиграем все...

Рабочие молча слушали бледнолицего, высокого человека, который говорил с ними, как их бригадир: о дисциплине, порядке, прогулах... С любопытством разглядывая нового «вождя», слушатели довольно безучастно воспринимали старые «откровения». Их интересовали заработки, жилье, транспорт, отсутствие нового оборудования, заботило убогое снабжение, бесконечные очереди. Но Андропов говорил и говорил о «дисциплине», «порядке».

У генерального секретаря еще хватило сил не только начать борьбу с широко укоренившимися расхлябанностью, разболтанностью, неисполнительностью, но и нанести несколько ощутимых ударов по местным, региональным князьям: секретарям республик и обкомов, министерствам, высокопоставленному чиновничеству, где процветала коррупция, кумовство, казнокрадство. В суды пошли сотни дел на людей, которых криминальная личная материальная выгода интересовала больше, чем «производственная и трудовая дисциплина». Даже «сознательная». Успели и расстрелять несколько человек за «хищения в особо крупных размерах», среди которых наибольший резонанс получило «дело» директора Елисеевского гастронома Ю.К.Соколова. Общество притихло. Многие одобряли эти решительные шаги, словно «соскучившись» по старым «добрым временам».

Андропов требовал «призвать к порядку» не только рядовых граждан, но и сам показал пример, как он будет поступать с вельможами в министерском ранге. Первой крупной жертвой «нового» курса стал министр внутренних дел Н.А.Щелоков, давний фаворит Брежнева. Придя к высшей власти, Андропов уже через месяц с небольшим сместил Щелокова с поста министра и дал указание начать против того судебное расследование. Не дожидаясь суда, Щелоков предпочел покончить с собой.

Трудно сказать, как много сделал бы Андропов на пути ужесточения режима. Может быть, на какое-то время ему удалось бы законсервировать систему, но ясно одно, что вылечить ее этими привычными большевистскими методами он уже не смог бы. Чекистский рыцарь, сам лично морально безупречный, со своим аскетизмом и скромнос-

тью, явно в методологии поиска рецептов выхода из кризиса больше оглядывался на прошлое, чем смотрел в будущее. Однако у советских людей, особенно старшего поколения, Андропов вызвал, повторюсь, и надежду, и уважение. Смотрите, говорили старые коммунисты, не оставился перед снятием одного из самых могучих министров, ордена себе не вешает, взялся всерьез за взяточников и бездельников...

С мест идет множество донесений: «народ хорошо воспринял курс на наведение порядка и укрепление дисциплины». Впрочем, Андропов, бегло просматривая зашифрованные телеграммы, и не ожидал другого. Всегда любое решение или установка ЦК на местах безусловно одобрялись. Так было всегда. Так было «положено».

Генсек жил идеей «дисциплинирования» огромного народа, видя в этом едва ли не единственный шанс преодолеть тяжелую стагнацию. Он даже внешнеполитическими делами занимался меньше, чем его предшественник. То там, то здесь освобождались коррумпированные местные «князьки», проводились собрания областных и республиканских активов, ехали инспектора ЦК в неблагополучные точки. Андропов, пока болезнь еще не свалила его, демонстрировал завидную целеустремленность. Проводя очередные заседания политбюро, многочисленные совещания, генеральный секретарь концентрировал внимание соратников на идее, выдвинутой им после «коронации».

Лидер партии и государства часто практиковал приглашение к себе в кабинет группы высших руководителей и слушал их о положении дел, о реализации «установок ноябрьского пленума». Так, 1 июля 1983 года Андропов пригласил Горбачева М.С., Романова Г.В., Черненко К.У., Долгих В.И. и Рыжкова Н.И. Речь опять была о «наведении в стране порядка». Но незаметно разговор перешел на широкий спектр проблем: «заваленность» членов политбюро бумагами, низкое качество отечественных автомобилей, плохая продажа газа за рубежом и т.д.

Генсек настойчиво повернул беседу к главной теме: как идет реализация решений ноябрьского пленума ЦК (о той же дисциплине. — Д.В.). Тогда Долгих заявил, что «мы разослали проект постановления по трудовой дисциплине в политбюро. Получился хороший документ». На что Андропов недовольно бросил:

— Но людей, шатающихся без дела, все еще много; имеются прогульщики...²⁵

Прошло более полугодя после того, как была взята линия на «укрепление дисциплины и порядка», а в политбюро все еще только готовили проект постановления для руководства партийных организаций... Все чувствовали (но никто не обмолвился и словом!), что глубокий «природный» недуг системы едва ли удастся вылечить отлаиванием бездельничающих молодых людей или высылкой ту-неядцев из столицы. Разговоров о «дисциплине» и «порядке» было предостаточно, но они, естественно, не смогли сколь-нибудь заметно повлиять в целом на экономическую ситуацию в государстве.

Сегодня усилия Андропова вылечить систему административными мерами кажутся такими же обреченными на неудачу, как труд Сизифа. Правда, возникает мысль: может быть, Сизиф и мог вкатить наконец камень на гору, а мы просто не знали зачем? Зачем продлевать агонию системы, которая не имела будущего? Андропов верил в миражи.

Но мираж — это иллюзия цели.

Едва ли кто тогда в стране осознавал исторический парадокс: при безраздельной власти КПСС и ее генерального секретаря они были полностью бессильны изменить экономическую ситуацию к лучшему. Неограниченная власть в руках, а изменить уже что-то серьезное в экономике к лучшему не могут. Личный интерес и объективные экономические законы не могли заменить ни соцсоревнование, ни грозные директивы ЦК, ни административные санкции к «нерадивым». Система буксовала.

Национальный резервуар энтузиазма «сознательности», подвижничества, на чем долгие годы спекулировали большевики, иссяк. И никакие «исторические решения» партийных пленумов, ухищрения бесчисленных контролеров и администрации предприятий не могли одолеть социальную апатию, равнодушие, безразличие миллионов людей. Все больше становилось граждан, которые чувствовали, что для народа приближаются рубежи, которые больше не одолеть традиционными большевистскими способами. Особенно хорошо это видели люди, бежавшие из СССР или изгнанные из него. Они писали, что Андропову не удастся спасти агонизирующую систему. Так, используя псевдоним Ильи Лукина, «обычный» советский гражд-

данин писал в западном журнале: «Новый генсек верил только в административную власть; он принялся доводить до блеска сталинскую систему устрашения и «порядка». Экономической программы у Андропова не было никакой. В парикмахерских, банях, магазинах устраивают облавы и у задержанных требуют ответа: почему они днем находятся здесь, а не на рабочем месте? В это время юристы поговаривали о введении усиленных мер ответственности за прогул или опоздание на работу...»²⁶

Андропову могли помочь, кроме партийных директив, осложнения в международной обстановке, «происки» агрессивных империалистических сил. В какой-то мере для этой цели попытались использовать факт уничтожения 1 сентября 1983 года советским истребителем южнокорейского лайнера с 269 пассажирами на борту. «Боинг» оказался над советской территорией (случайно или преднамеренно, до сих пор никто не в состоянии на это ответить) и был сбит.

Политбюро сделало все для того, чтобы этот печальный инцидент был использован для цементирования трещин Системы в связи с «империалистической угрозой», укрепления «социалистического содружества» перед лицом милитаристских сил США. Но именно этот случай подчеркнул прямолинейность, негибкость советской внешней политики и стал как бы печальным символом заката карьеры Андропова еще до его скорой кончины.

Генсек и политбюро

Все предшественники Андропова, заступая на высший пост, были моложе него. Сталин стал «осваивать» пост генсека в 42 года, Хрущев — в 59 лет, Брежнев — в 57. У Андропова, хотя он и был моложе большинства своих «соратников», возраст приближался к критическому семидесятилетнему рубежу. Времени выжидать, присматриваться у него уже не оставалось. Вновь обращаясь к Шекспиру, скажем, что время на него очень давно «уже шло войною...».

Но не только времени не оказалось в запасе для нового генсека. Не было и возможных удовлетворительных ходов. Говоря языком шахматистов, Андропов сразу же оказался в историческом цугцванге; можно было имитировать «исторические решения», демонстрировать пропагандистские «преимущества социализма», заклинать себя

и миллионы «неисчерпаемостью ленинского наследия», но в корне ничего уже нельзя было изменить. Без кардинальной Реформации. Но убежденный консерватор Андропов не мог решиться на реформы, которые поставят под угрозу «социалистические завоевания». Ведь нельзя же представить, чтобы Андропов пошел на введение свободной рыночной экономики в СССР, на отказ от идеологических постулатов ленинизма, официальное поощрение либерализма, инакомыслия, диссидентства! Это было исключено. Андропов был хотя и умный человек, но скованный наглухо ортодоксальностью своих убеждений, «правилами» партийной игры, требованиями Системы.

Совсем незадолго до партийной коронации Андропов говорил: «На Западе многим во что бы то ни стало хочется, чтобы в СССР существовала пусть искусственная, но организованная оппозиция. Советские люди никогда этого не допустят и сумеют оградить себя от ренегатов и их западных защитников...»

Система была на излете своей траектории, начавшейся от страшного ленинского импульса. Даже приход Андропова, вчерашнего главы «тайной полиции», к высшей власти означал глубочайший кризис ленинского «дела». У системы остались лишь большевистские аргументы: ракеты, танки, интеллектуальный контроль, директивы партии, спецслужбы. Но контраргументов у истории было больше: экономическая несостоятельность СССР, тотальная несвобода, мертвящая все живое бюрократия и догматизм, отсутствие приемлемых «советских» способов и методов выхода из кризиса.

Андропов, став 12 ноября 1982 года генсеком, 16 июня 1983 года присвокупил к партийному посту и должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР. К тому же Юрий Владимирович «по привычке» сохранил полный непосредственный контроль и над органами госбезопасности. Архивные материалы подтверждают, что среди посетителей генсека в его кабинете едва ли не самыми частыми гостями были его заместители и крупные работники по чекистской службе.

Андропов сконцентрировал в своих руках еще большую власть, чем, допустим, Хрущев или Брежнев. Но... изменить ситуацию существенно к лучшему уже не мог. Поэтому: дело не в скоротечности правления Андропова,

а в отсутствии хоть каких-то удовлетворительных способов поднять страну на «ленинских рельсах».

Колеса человеческой судьбы вращаются Провидением. Андропову нужно было делать Выбор: или катиться по колее, отполированной Брежневым, или идти на крутую лопку Системы. Новый генсек хотел многое повернуть к лучшему, но серьезно ничего не меняя. Пожалуй, после Ленина и Сталина это был самый ортодоксальный советский руководитель.

В отличие от Брежнева Андропов много размышлял о путях повышения эффективности партийного влияния на экономические и социальные вопросы. За счет улучшения качества этого влияния. Он как будто попытался уменьшить объем непосредственного партийного руководства хозяйственной деятельностью страны. Выступая перед секретарями ЦК 7 декабря 1982 года, генсек сделал примечательное заявление: «... Важно обращать внимание на то обстоятельство, что не происходит ли срастания ответственных работников аппарата ЦК с министром и другими работниками? К сожалению, наши работники, в том числе и зав. отделами, иногда не замечают этого недостатка. Если ЦК своевременно не примет соответствующих мер против этого нетерпимого явления, то огонь перекинется на ЦК КПСС в целом...»²⁷

Андропова, как видим, беспокоит не столько ущербность директивного правления, сколько возможное отождествление очередных социально-экономических неудач с деятельностью ЦК. Тогда «огонь перекинется на ЦК КПСС в целом». Конечно, легче руководить, не отвечая за последствия, но это невозможно. Несмотря на некоторые попытки как-то изменить положение вещей, политбюро работало в прежнем режиме универсального суперправительства. Впрочем, советское общество и государство только так могло «управляться». Вот несколько иллюстраций.

Через неделю после того как Андропов возглавил партию, состоявшееся 18 ноября 1982 года политбюро рассмотрело 13 вопросов, а голосованием поименно, до заседания, приняло 78 постановлений! Наряду с политическими вопросами (к итогам бесед с делегациями, прибывшими на похороны Брежнева, о предстоящем совещании ПКС Варшавского Договора, о поздравлении турецкого президента Эврена, о диссиденте Щаранском, проекте по-

становления политбюро об избрании Андропова членом Президиума Верховного Совета СССР) рассматривались и экономико-технические: о бюджете на 1983 год, о производстве ядерных материалов и боеприпасов на XI пятилетку, о производстве сеноуборочных машин на заводе им. Ухтомского и многие, многие другие. И так было всегда: до Андропова, при нем и после него. От крупнейших вопросов эпохи до решения наградить медалями отличившихся свиначок — все было в ведении всесильного политбюро, точнее, политического суперправительства.

Понятно, что политбюро ни по составу, ни по времени, ни в профессиональном отношении не могло качественно рассмотреть эти проблемы. Политбюро штамповало проекты решений, подготовленные аппаратом, после чего они приобретали силу высшего закона... Помощники, референты, советники, инспектора, инструктора, заведующие секторами и отделами, их заместители, привлекавшие, правда, и экспертов, предрешили вектор, содержание и характер решений политбюро. Андропов видел, что это ненормально: если бы политбюро смогло рассматривать по тысяче вопросов на каждом своем заведении, еще тысячи остались бы нетронутыми... Ловушка сверхцентрализации, когда один орган, к тому же слабо компетентный во многих вопросах, решает вся и все, спеленала бюрократическими путями систему, сделала ее малоподвижной, неэффективной, косной.

С ленинских времен большевики стали предписывать притихшему народу: что делать, кого поддерживать, как жить, кого уважать, а кого ненавидеть. Ленинское политбюро со своих истоков создавало уникальную модель партийного «суперправительства». Во времена Андропова, так же как шесть десятилетий назад, члены политбюро принимали решения не только по вопросу, подобному тому, вводить или не вводить войска в Венгрию, Чехословакию, Афганистан, но и такие, которые могли решаться чиновниками самого низкого уровня. Например, политбюро при участии Андропова утвердило «нормы кормления штатных животных органов МВД СССР»²⁸. Политбюро освящало своими решениями и другие «эпохальные вопросы»: «о техническом обслуживании легковых автомобилей; о поршнях танковых дизелей; о согласии с награждением министра иностранным орденом»²⁹ и т.д.

«Ленинское политбюро» со времен Ленина заседало по

четвергам. В приемной толпились люди, вызванные на его заседание по тому или иному вопросу. Конвейер работал безостановочно: решения принимались одно за другим. Дискуссии возникали редко. Наиболее важные вопросы в протокол заседания не заносились, а адресовались в категорию высшей секретности — «Особая папка». Обсуждения возникали обычно при рассмотрении не экономических, социальных проблем, а вопросов политических и тех, которые обозначались в протоколе как «за повесткой дня».

В «Особую папку» попадали, например, вопросы, обсуждавшиеся при участии Андропова:

— Об ограничении допуска представителей армии Румынии к новым образцам вооружений.

— О доставке специмущества в Никарагуа³⁰.

— О контрразведывательном обеспечении МВД СССР, его органов и внутренних войск (фактически Андропов ввел контроль со стороны КГБ за ведомством Щелокова. — Д.В.)³¹.

— О лицах, представляющих особую опасность для государства в условиях военного времени³².

— О бюджете КПСС на 1983 год³³.

— О реализации золота...³⁴

Иногда в протоколе стояла лишь лаконичная запись: «Вопрос КГБ», «Вопрос МО», «Вопрос международного отдела ЦК»... Решения сразу же попадали в категорию «Особой папки». Это вопросы деятельности советской разведки и контрразведки, разработки и испытания нового оружия, финансирования компартий зарубежных стран, материального обеспечения членов политбюро и т.д.

Нельзя не заметить, что на политбюро стали еще чаще, чем раньше, рассматриваться вопросы спецслужб. «Кагэ-бизация» общества при Андропове не могла ослабеть. Она возросла. Едва заняв кабинет вождя, Андропов уже 10 декабря 1982 года соглашается с обсуждением на «самом верху» вопроса «О привлечении советских граждан еврейской национальности к активному участию в контрсионистской пропаганде». В пояснительной записке говорилось, что «известные люди еврейской национальности воздерживаются, за редким исключением, от публичной оценки сионизма». Естественно, решили создать соответствующую «группу» под эгидой того же КГБ...³⁵

Ведомство, которому Юрий Владимирович отдал свои лучшие годы, постоянно нагружало политбюро своими вопросами:

— О дополнении перечня главнейших сведений, составляющих государственную тайну³⁶.

— О мерах по усилению радиозащиты от антисоветского радиовещания³⁷.

— О поставке спецмущества (главным образом оружия. — *Д.В.*) в некоторые компартии, зарубежные организации³⁸ и другими подобными вопросами.

Андропов, как и раньше, будучи председателем КГБ, не отринул от себя и некоторые весьма щекотливые сферы деятельности. Не секрет, что советские спецслужбы поддерживали глубоко законспирированные связи с известными в мире террористическими организациями. Некоторые из них получали оружие из СССР; немало этих людей проходило в СССР идеологическую и специальную подготовку; были случаи, когда отдельные боевики находили убежище в стране, «строящей коммунизм».

«Суперправительство» пыталось контролировать буквально все. Его одобрению (или неодобрению) подлежали самые невероятные, на первый взгляд, вопросы. Дело в том, что это было, повторяюсь, политическое «суперправительство». Оно налагало свое политическое клеймо на любое решение, любой разговор или намерение.

Поговорил Ю.В. Андропов с В. Ярузельским 13 апреля 1983 года по телефону. Соответственно политбюро в своем постановлении отмечает: «Одобрить беседу Генерального секретаря Т. Андропова с Первым секретарем ЦК ПОРП В. Ярузельским...»³⁹ Вроде бы беседа — это диалог, явление по крайней мере двустороннее, но политбюро привычно «одобряет» разговор двух лидеров «целиком».

Приглашения генсеком своих коллег из социалистических стран отдохнуть в СССР также подлежали неременному утверждению политбюро. Андропов продолжил давнюю цэковскую традицию и в 1983 году пригласил в СССР руководителей «братских партий» Э. Хонеккера, Ле Зуана, Ф. Кастро, К. Фомвихана, Ю. Цеденбала, В. Ярузельского, Н. Чаушеску, Г. Гусака и, конечно, своего старого доброго знакомого Яноша Кадара. В личном письме Андропов писал:

«Уважаемый товарищ Кадар!

От имени моих товарищей по Политбюро и от себя лично рад пригласить Вас с Марией Тимофеевной провести в этом году в Советском Союзе свой отпуск или часть его в удобное для Вас время.

Если Вы сможете воспользоваться нашим приглашением, Вам будет предоставлена возможность отдохнуть в любом районе страны, посетить при желании интересующие Вас республики и города...

С товарищеским приветом

26 мая 1983 г.

Ю. Андропов»⁴⁰.

С тех памятных событий в Венгрии в октябре—ноябре 1956 года Андропов сохранил самые теплые чувства к Кадару. Часто звонил ему, неоднократно встречался. Даже подарки Яношу и его жене подбирал лично сам, когда они приезжали в Москву, чего он никогда не делал, встречая других гостей. Охотничье дорогое тульское ружье штучного изготовления, оренбургские платки, другие дары Андропов осматривал, не полагаясь на помощников⁴¹. Для него Я. Кадар, Венгрия, те далекие теперь уже события представляли собой нечто очень важное, переломное, рубежное. С тех пор Андропов стал чрезвычайно, до болезненности, чувствительным к любым проявлениям «контрреволюции», «буржуазного национализма», «империалистическим диверсиям». Та вспышка народного, национального гнева против несвободы, большевизма не только напугала Андропова, но и выработала у него некую обостренную реакцию на все «антисоциалистическое».

Кадар был другом и живой памятью о тех сумасшедших днях.

Политическое суперправительство работало и при новом генсеке, как раньше...

Андроповские установки на «наведение порядка», «укрепление дисциплины» были с одобрением встречены большинством советских людей, но дали весьма скромные, если не сказать больше, результаты. Общество и система были больны. Их нельзя было вылечить регулярным заводом будильника или насаждением где только можно дополнительной армии контролеров. Даже если Андропов и понимал это, то не предпринял никаких шагов кардинального характера ни в экономике, ни в политической сфере. Его деятельность была сконцентрирована на снятии с постов щелоковых, медуновых, других коррумпированных...

рованных высокопоставленных чиновников партии и государства. Но Андропов исторически «промахнулся».

Старое заблуждение большевиков, начиная с Ленина: мол, достаточно ввести в органы управления больше рабочих и крестьян, проверенных, честных людей, «настоящих» большевиков — и дело «пойдет». Сталин для этого в немалой мере устроил столь грандиозную «чистку», что и сегодня о ней нельзя вспоминать без содрогания.

Нет совершенных общественно-политических систем. В любой есть нарушения закона, факты коррупции, бюрократии. Человеческий опыт показывает, что более или менее успешная борьба с этими вековыми пороками человеческого общежития лежит не столько в области жестокости закона, сколько в обеспечении свобод и прав граждан, широкой гласности, общественной подотчетности, минимуме секретности, создании нормальных условий жизни людей. Взяв на вооружение старую большевистскую методологию, Андропов заранее обрекал себя на поражение, которому способствовала и его тяжелая болезнь.

Радикальные меры, сторонниками которых всегда были большевики, дают результат лишь в экстремальных ситуациях войны, революций, крутых общественных ломок. Но в этих случаях они столь обильно омыты кровью, что говорить позитивно об этой методологии просто нельзя. Андропов, конечно, не хотел возвращаться к прошлому горькому опыту. Но его административные меры без изменения базисных опор не могли и не дали ожидаемого результата.

Тем не менее у Андропова, лично честного человека, достало мужества пойти на обострение отношений с рядом союзных министров и региональных руководителей, многие из которых лишились своих постов. Большой генсек в ряде случаев покушался даже на то, что в глазах «партийной общественности» выглядело просто кощунством.

Известно, например, что, начиная со столетия рождения Ленина, в стране начался новый бум создания бесчисленных памятников «бессмертному» вождю. Теперь уже считалось правилом партийного тона иметь монумент вождя не только в республиканских и областных центрах, но и в каждом районном городе, на заводе, в университете, воинской части. Создавались целые архитектурные

композиции, а «генераторы идей» все вносили новые и новые проекты об «увекочении вождя».

Однажды Андропов сказал в узком кругу: нужно приостановить увлечение внешней монументальной стороной, которое нас разоряет...

По его инициативе в апреле 1983 года (когда приближалась очередная годовщина ленинского рождения и, естественно, повысилась активность разных «монументалистов») политбюро приняло весьма примечательное постановление. Оно именовалось нейтрально: «О устранении излишеств в расходовании государственных и общественных средств на строительство мемориальных сооружений». В документе прямо говорилось: «Запретить в 1983—1985 годах строительство новых и продолжение строительства начатых мемориальных музеев, монументов, обелисков, памятников, за исключением бронзовых бюстов лиц по указам Президиума Верховного Совета СССР, а также недоогражденных памятников погибшим в Отечественной войне»⁴².

По сути, Андропов приостановил идеологическое безумие — создание все новых и новых тысяч идолов в стране, которой именно Ленин нанес самый глубокий исторический, до сих пор незаживающий, шрам...

Однако стоило Андропову залечь в госпиталь и состояние его здоровья начало быстро ухудшаться, ленинцы проигнорировали апрельское постановление политбюро 1983 года. По предложению Гришина, поддержанному Черненко, Тихоновым, Горбачевым, Громыко, Романовым, другими членами политбюро, в начале декабря 1983 года приняли постановление «О сооружении памятника Ленину на Октябрьской площади в Москве»⁴³, хотя в столице уже было несколько десятков монументов первому вождю. Строить и возводить памятники оказалось значительно легче, чем обеспечить людей элементарным снабжением. Ведь уже давно колоритной приметой Москвы (тем более других городов) стали бесконечные очереди в магазинах практически за всем, без чего не мог обходиться человек.

Андропов, не будучи экономистом и хозяйственником, осторожно подходил к вопросам каких-либо реформ в промышленности и сельском хозяйстве. Так, он не согласился с подготовленным постановлением ЦК о расширении прав предприятий. «Нужно вначале проверить на не-

скольких заводах, фабриках», — заявил генсек. Политбюро, естественно, согласилось с проведением первоначально экономического эксперимента по расширению самостоятельности и ответственности предприятий⁴⁴. Но в то же время Андропов быстро согласился с предложением экономистов в ЦК о развитии бригадной формы организации труда⁴⁵. Генеральный секретарь видел низкую эффективность советской экономики, понимал, что нужно включить в производственный процесс личный интерес людей, однако продолжал действовать крайне осторожно. Возможно, генсек сознавал, что социалистическая экономика, основанная на жестких идеологических посылках неприятия частной собственности и свободного рынка, едва ли способна кардинально реформироваться. Андропов предпочитал поиск частичных улучшений и нововведений с одновременным «наведением порядка» на производстве.

Так же осторожен был Андропов и в политической сфере. Становилось все труднее игнорировать критику, раздающуюся даже со стороны «друзей», о крайней недемократичности выборов. Аргумент о том, что у нас лишь «одна партия», которая выражает интересы всего народа, а посему в бюллетене лишь один кандидат, проходил уже не так гладко. Неожиданно для членов политбюро в октябре 1983 года большой Андропов направил записку, в которой предложил рассмотреть возможность расширения некоторых «демократических процедур» на предстоящих выборах в Верховный Совет СССР. Но это «расширение», по мысли автора записки, было очень осторожным и ограниченным. Фактически генсек посоветовал «не замыкаться на должностном принципе при выдвижении кандидатов». Долгие годы существовала такая уродливая практика. Депутатами были члены политбюро и секретари ЦК, министры, секретари республиканских и областных комитетов партии, директора крупных комбинатов, фабрик, командующие военными округами, секретари союзов писателей, композиторов, художников и т.д. Верховный Совет для антуража разбавляли некоторым количеством рабочих, колхозников, врачей, учителей и т.д. Все расписывалось заранее, до «выборов», до мелочей. По сути, Верховный Совет СССР задолго до «выборов» формировался на Старой площади в комплексе зданий ЦК.

Андропов предложил выдвигать не только по сложившемуся партийному трафарету, но и замечать «интерес-

ных», «заметных» людей, «проводников линии партии в народе». Предложил, чтобы в высшем органе власти (сугубо формальном) были представлены и народы-изгон: немцы, крымские татары, ингуши и т.д.⁴⁶.

Конечно, эти «нововведения» не затрагивали основ постыдной системы «выборов», но означали, что руководство начало размышлять, как придать большую респектабельность советским институтам власти.

Таким был Андропов: осторожным, осмотрительным, и бы даже сказал, «бдительным» во всех экономических, социальных, политических и идеологических вопросах. Некоторые его шаги, направленные на «улучшение» различных сфер жизни общества, были фактически бюрократической имитацией движения и поиска. Ортодоксальность мышления не позволяла главе партии и государства решиться на кардинальное реформирование системы. Этого генсек просто не мог допустить. Он не уставал повторять, что «будущее за социализмом»⁴⁷.

Где Андропов не колебался, так это в своей родной сфере. Практически любые предложения Комитета государственной безопасности встречали у Андропова полную поддержку. Так, находясь уже в больнице, в ноябре 1983 года согласился с обсуждением на политбюро вопроса «О мерах по разоблачению подрывной деятельности зарубежных центров украинских националистов». Постановление высшей партийной коллегии определило, например, целую программу борьбы с так называемым «Антибольшевистским блоком народов» Я. Стецко, рекомендовало «вносить в среду националистов раздор»⁴⁸. Полицейские, «шпионские», контрразведывательные вопросы по-прежнему были одной из любимых усад «ленинского политбюро». Оно могло, например, по представлению Громыко и Чебрикова подробно и долго обсуждать, как ужесточить выдачу виз американским гражданам, решающим поехать в СССР; как больше «прищучивать» дипломатов США за нарушение правил движения и парковки; каким образом снижать значение протокольных мероприятий, проводимых американским посольством в Москве⁴⁹.

Все эти, казалось бы, частные детали деятельности «суперправительства» тем не менее ярко показывают догматическую ограниченность высшего руководства СССР классовыми рамками и стереотипами.

Андропов не упускал случая использовать идеологиче-

ское оружие против своего главного противника — «империализма США». Порой это было неуклюже, прямолинейно, примитивно. Но иногда удавалось осуществить «акцию» даже с долей интеллектуального изящества.

В начале 1983 года Андропов, просматривая, как обычно, почту: шифротелеграммы, обзоры прессы, доклады с мест и из-за рубежа, на одной из бумаг сделал знаменательную пометку: «О предстоящем, грядущем 2000 году стоит подумать уже сейчас». Помощники, референты, отдел пропаганды, науки ухватились за идею. При умелом использовании общечеловеческого звучания она могла дать немалые идеологические дивиденды. Над документом работали долго и тщательно. Наконец, в октябре 1983 года политбюро обсудило необычный вопрос: «Об инициативе советского государства в связи с предстоящим вступлением человечества в третье тысячелетие». Образовали даже специальную Комиссию во главе с К.У. Черненко, куда вошли М.С. Горбачев, Г.А. Алиев, другие члены политбюро. Решили выступить с инициативой в ООН о принятии подготовленного в Москве проекта декларации «Мир, прогресс и процветание человечества» (программа международного сообщества наций на 1985—2000 годы).

В постановлении не скупилась на возвышенные слова: «Декларация» может стать «манифестом XXI века», на основе которого возможно усилить борьбу с угрозой ядерной войны, экологическими опасностями, нищетой, голодом, болезнями...

Рассчитывали, что социалистическая страна, что символично, способна предвосхитить надвигающееся грядущее, указать народам «траекторию» движения в будущее. Естественно, в завуалированной форме делался намек на «прогрессивные тенденции», которые несут в себе страны, избавившиеся от эксплуатации человека человеком.

Конечно, этот амбициозный проект не мог быть принят мировым сообществом и реализован. Кто стал бы слушать «наставления» государства, ведущего грязную войну в Афганистане, поддерживающего международные террористические организации, использующего психлечебницы для усмирения инакомыслящих, не способного честно признать все детали гибели южнокорейского лайнера над Японским морем?

...Один мудрец построил две церкви.

— Зачем тебе понадобились две церкви рядом? — спросили мудреца.

— Затем, чтобы в одну церковь ходить, а в другую — не ходить...

Политбюро не допускало двух «церквей». У него был лишь один храм — ленинский. И оно не отказалось от мысли, что за порогом XXI века человечество будет ходить только в храм коммунистический. Хотя для многих уже было ясно, что надежды эти — эфемерны.

Символ «эры» Каждый исторический отрезок пути
Андропова движения в будущее имеет свои символы.

Люди любят изучать историю по времени правления царей, императоров, президентов, вождей. Советская «дистанция» мечена знаками семи коммунистических «вождей». В каком-то смысле это были для людей, «поданных», локальные «эпохи», «эры». Каждая из них откладывалась в памяти несколькими (иногда многими или, наоборот, немногими) характерными свершениями, вехами, изломами человеческих судеб. А иногда просто очень памятными событиями. Ленин для советских людей всегда был «вождем Октября», «основателем первого в мире социалистического государства», инициатором отчаянной попытки зажечь пожар «мировой революции». В сталинском реестре самые рельефные шрамы — чудовищная коллективизация, большой террор, Великая Отечественная война и атомная бомба. Хрущев памятен людям своим сенсационным, потрясающим XX съездом, «кукурузой», совнархозами. И так — каждый советский вождь чем-то памятен: тем, что во время его правления произошло нечто, играющее символическую, мистическую роль.

Было такое событие и в короткий для истории отрезок в 15 месяцев, когда штурвал гигантского государственного судна оказался в руках Андропова. О нем мы и скажем дальше в этом разделе.

Если во внутриполитической сфере в качестве стратегического средства преодоления кризиса Системы Андропов избрал «наведение порядка», дисциплины (во всех ее ипостасях), то во внешнеполитической области такого «универсального» метода найти не удавалось. На «первом» человеке страны, как свинцовые гроздь, висело множество внешнеполитических проблем. Каждый день,

когда Андропов мог появляться в Кремле, на его столе лежали шифротелеграммы и доклады о тупиковой ситуации в Афганистане, сохраняющейся напряженности в Польше, глубокой неопределенности грядущих отношений с Китаем, Японией, об опасно тлеющем конфликте на Ближнем Востоке, в Эфиопии, на Юге Африки... Не «складывались» дела с Западной Европой. Но, конечно, как всегда, приоритетными были отношения с Соединенными Штатами. Здесь шло изнурительное перетягивание ракетно-ядерного «каната». Еще к концу правления Брежнева СССР достиг, ценою колоссального напряжения и эрозии экономики, ядерного паритета с США. Эта гонка, в которую безоглядно включились советские лидеры, подорвала «жилы» коммунистической Системе. Большой руководитель большой великой страны между тем не только принимал все новые вызовы США и НАТО, но и сам провоцировал их на опасные действия.

Генсеки КПСС в СССР имели значительно большую власть, чем президент США и его коллеги на Западе. Американский президент, например, ограничен сроками пребывания в Белом доме волею конституции, конгресса, прессом общественного мнения; генсеки же в СССР — фактически «абсолютные» вожди — могли находиться у власти неограниченное время, обычно до самой своей кончины. К тому же однопартийный Верховный Совет послушно штамповал, «утверждая», любые решения, которые были приняты в политбюро. Я сам много лет был депутатом Верховного Совета России и помню, что некоторые сессии (а они созывались обычно два-три раза в год) проходили за несколько часов! Послушно и «единодушно» сотни людей поднимали руки, порой даже не уяснив, за что они голосуют...

В силу сложившейся российской и советской традиции первое лицо (со своим аппаратом) всегда играло в СССР особую роль. В записной книжке Андропова короткие пометы, отражающие колоссальную власть человека, облеченного невообразимо огромными полномочиями: «Позвонить Ярузельскому («Солидарность», Валенса)»; «Першинги» — СС-20 — хватит торговаться»; «Провести совещание по Афганистану»; «Поставки Сирии»; «Громыко — предложения по Китаю»; «ответ Рейгану»; «Женева — без просвета»; «Пригласить на отдых Я. Кадара, руководителей других соц. стран» и т.д.

Эти проблемы Андропов решал, будучи смертельно больным. Надо отдать ему должное: генсек с искусственной почкой обладал ясным умом и сильной государственной волей. Он знал, чего хотел, но не всегда представлял, как эффективнее добиться желанной цели.

Андропов уделял немалое внимание работе постоянных комиссий, создаваемых при политбюро. Достаточно часто заседали такие комиссии по Китаю, Польше, Афганистану. До избрания генсеком Андропов лично руководил работой двух первых комиссий. В августе 1983 года, когда Юрий Владимирович еще сам вел заседания политбюро, по его предложению была создана еще одна комиссия — по Ближнему Востоку. Андропов сразу же посоветовал Устинову, Громыко, другим членам этой комиссии: продолжая оказывать эффективную военную помощь Сирии, другим дружественным арабским режимам, «не допустить нашего непосредственного ввязывания» в застарелый конфликт в этом регионе⁵⁰.

Проявляя здесь известную осторожность, Андропов тем не менее стоял жестко на конфронтационных позициях против США и Израиля, еще не допуская даже мысли, что наилучшей позицией было бы налаживание нормальных отношений как с арабскими странами, так и с еврейским государством. До этого, к сожалению, дело при Андропове не дошло, и многомиллиардная советская помощь, в основном безвозмездная, продолжала поступать в Сирию, Ирак, Ливию, Южный Йемен, Организацию освобождения Палестины, на Кубу, в Северную Корею. Тысячи новейших танков, бронетранспортеров, сотни боевых самолетов, зенитных ракет, артиллерийских систем, другой современной техники, поставленной из СССР, делали эти страны одними из самых милитаризованных в мире. Никогда ни одно государство в прошлом не имело такого количества советников, говорящих на русском языке, как, например, Сирия... Мне не раз довелось побывать в этой дружественной СССР стране. В почти двух десятках гарнизонов — большое количество советских советников и специалистов. Огромная для небольшой по размерам страны армия. Это главная сила противостояния Израилю в арабском мире. Все живут в состоянии полувойны, полумира. Советский Союз никому здесь не нужен со своей идеологией, но его танки, самолеты, специалисты — в большой цене...

Ю.В. Андропов (в центре) — студент техникума водного транспорта. Рыбинск. 1936 г.

Ю.В. Андропов — первый секретарь ЦК ЛКСМ Карелии. В одной из воинских частей Карельского фронта. 1942 г.

Осмотр противолодочного корабля «Кронштадт»

*Прогулка по Черному морю
На отдыхе в Кисловодске. 1976 г.*

В Завидове. 1967 г.

В Пятигорске состоялось близкое знакомство Ю.В. Андропова и М.С. Горбачева. 1974 г.

*Ю.В. Андропов и А.Н. Косыгин после визита в КНДР.
Владивосток. 1961 г.*

*С первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС
В.С. Мураховским. Начало 80-х гг.*

*На сессии Верховного Совета СССР. Слева — Н.А.Тихонов, 1982 г.
С Л.И.Брежневым. Пока на втором плане. Конец 70-х гг.*

*На Онежском тракторном заводе в Петрозаводске, где Андропов начинал свою политическую карьеру. 1982 г.
С Д.Ф.Устиновым (справа)*

*Вручение верительных грамот Председателю Президиума ВНР
Иштвану Доби. Будапешт. 1954 г.*

Беседа с президентом ДРВ Хо Ши Мином. 1963 г.

Встреча с Яношем Кидаром в Кремле. 1983 г.

*С Президентом Финляндской Республики Мауно Койвисто,
Москва. 1983 г.*

Густав Гусак встречает советскую делегацию во главе с Ю.В.Андроповым. Прага. 1983 г.

С Ясиром Арафатом. Москва. 1983 г.

*Проводы Эриха Хонеккера на Внуковском аэродроме. 1983 г.
С вице-президентом США Джорджем Бушем. Москва. 1982 г.*

*Встреча с Генеральным секретарем ООН Пересом де Куэльером.
Москва. 1983 г.*

*Праздничный прием в Кремле, посвященный 60-летию образования
СССР. 1982 г.*

Похороны. 14 февраля 1984 г.

Еще бóльшая концентрация вооруженных сил была у крошечного Израиля, который, чтобы выжить, не мог позволить себе ни одного военного поражения... Достаточно посмотреть только на неприступные Голанские высоты. Возможно, я оказался одним из немногих, кто несколько раз видел их в начале восьмидесятых с сирийской стороны, а затем, уже в 1992 году, поехав на исторический конгресс в Бер-Шева, — и с израильской. Печальный символ непримиримого военного противостояния.

Живя на одной планете тысячи лет, земляне и здесь, и во множестве других мест не могут договориться и прийти к взаимному согласию. Для большевистского мировоззрения это неиссякаемый источник веры в универсальность Силы как инструмента решения тупиковых проблем.

Андропов, не ослабляя мощной советской военной хватки в этом регионе, тем не менее всячески старался избежать нового военного спазма войны.

Личное большое внимание Андропов уделял отношениям СССР с Китаем. После трагических событий на затерянном острове Даманский Советский Союз резко увеличил количество своих войск в Забайкалье и в Сибири, разместил несколько соединений, при согласии Улан-Батора, в Монголии. Две величайшие азиатские державы, имеющие самую длинную совместную границу в мире, обладающие ядерным оружием, настороженно и подозрительно вглядывались друг в друга. Москва не в состоянии была отделаться от комплекса: Соединенные Штаты могли больше всего выиграть от противоборства в Азии двух гигантов.

Андропов сам лично несколько раз инструктировал высокопоставленных лиц, участвующих в вялотекущих советско-китайских переговорах, проходящих то в Москве, то в Пекине. Генеральный секретарь понимал, что страна не в состоянии вынести бремя фантастической по объему ракетно-ядерной, а затем и космической гонки с США, бесконечной войны в Афганистане, брожения в социалистических странах Восточной Европы, где располагались основные сухопутные военные силы СССР, плюс к этому — военное противостояние с миллиардным Китаем... Андропов на заседании комиссии политбюро по Китаю предлагал изыскивать возможности и пути нормализации отношений с великим соседом. Но усилия советской сто-

роны почти не давали положительных результатов, слишком глубокими оказались противоречия. Все предложения Москвы, тщательно продуманные на Старой площади в ЦК (заключение соглашения о ненападении, укреплении военного доверия путем ряда мер), наталкивались на неизменные китайские «три препятствия». Пекин невозмутимо выдвигал три «предварительных условия». Но как СССР мог уйти из Афганистана, как мог «заставить» Вьетнам освободить Кампучию, как могла Москва вывести свои войска из Монголии? В Кремле были к этому не готовы.

Завязнув в сетях, самими же расставленных, втянувшись в глобальное противоборство с США и НАТО, взвалив на плечи бесчисленные обязательства перед своими «друзьями» во всем мире, Советский Союз все больше подрывал и без того неэффективную экономику. Пока удавалось сохранять систему на рельсах милитаризации, Союз добивался фактически одного: его боялись. Во всем мире. Андропов понимал, что это главные «козыри» его государства, чередующиеся циклы «стужи» холодной войны и «оттепели» разрядки, в отношениях между двумя «лагерьями» означали взаимный страх друг перед другом и неспособность перешагнуть через устойчивые предубеждения. Соединенным Штатам мешала их «привычка» обязательно быть мировым лидером, а Советскому Союзу — верность классовым, ленинским постулатам.

Как только Андропов стал генсеком, издательство политической литературы поспешило выпустить в 1983 году его «Избранные речи и статьи». В пухлом фолианте, который, как и другие подобные «труды» советских лидеров, не был полностью распродан, есть доклад «Ленинизм — наука и искусство революционного творчества». Пожалуй, центральное место материала выражает фраза: «Наша политика — политика классовая по своим принципам и по своим целям»⁵¹. Классовый подход изначально обрекал СССР на конфронтацию, противостояние, борьбу до последней возможности, до полного изнурения. Тогда нам еще было неизвестно, что классовой истины нет. Есть классовая ложь, а истина всегда общечеловечна. Возможно, именно в классовых постулатах лежат глубинные корни грядущей исторической неудачи Системы.

Мы все время (как и наши политические оппоненты) хотели добиться односторонних преимуществ. Развернув в

европейской части ракеты средней дальности СС-20, СССР «навис» своей мощью над всей Западной Европой. Десятки миллиардов ушли на достижение этого временно-го «преимущества». Было ясно: американцы дадут «ответ» быстро. И они «ответили» размещением в Европе своих «Першингов-2» и крылатых ракет. Москва делала все возможное, чтобы не допустить этого. Сам Андропов в 1983 году едва ли не большую часть времени своего милолетного правления посвятил ракетной проблеме. Были сделаны ширококомасштабные попытки «мобилизовать» мировое общественное мнение против ядерных планов США, сконцентрировать на этом усилия западноевропейских рабочих и коммунистических партий. По инициативе Андропова созвали «внеочередное» совещание секретарей ЦК братских партий по международным вопросам, где обсуждалась лишь одна «ракетная» тема⁵². Но все тщетно... Напротив советского ракетного «забора» в Восточной Европе вырос «забор» из американских ракет в западной части континента. Американские ракеты были способны за 5—7 минут достигать жизненно важных центров в европейской части СССР, которому, в свою очередь, потребовалось бы 30 минут, чтобы доставить ядерные заряды в Соединенные Штаты... Близорукая политика советских стратегов фактически своими руками поднесла американский нож к собственному горлу. Плюс к этому — дополнительное разорение экономики. Но в СССР высшие руководители никогда не несут ответственности. Ни за роковые просчеты в 1939—1941 годах, ни за многолетний террор, ни за интервенцию в Венгрию и Чехословакию, ни за ввязывание в гражданскую войну в Афганистане. Так и с ракетами СС-20...

Андропов дал несколько интервью советской и зарубежной прессе, пытаясь доказать, что переговоры по ракетам средней дальности блокируют именно США.

Когда Э. Берлингуэр прислал в октябре 1983 года конфиденциальное письмо Андропову с предложением сделать шаг в направлении одностороннего сокращения ракет средней дальности и тем самым предотвратить появление в Европе американских ракет, генсек ответил: «Но где гарантия, что это удержит американцев от размещения ракет в Европе? Таких гарантий нет»⁵³

Андропов не захотел обсуждать возможность даже частной уступки. В своем заявлении 25 ноября 1983 года Ан-

дропов, в связи с прибытием ракетных комплексов США в европейские государства, сообщил, что СССР принимает «ответные меры». Опасность прямой военной конфронтации резко возросла.

За короткий срок своего правления Андропову не удалось вернуть страну даже к брежневскому куцему «детанту»* Классовое мышление диктовало: борьба за паритет, ни в чем не уступать, при возможности добиваться преимущества.

Когда советская делегация собралась в октябре 1983 года ехать на подготовительную встречу в Хельсинки по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружения в Европе политбюро, с благословения Андропова, дало директиву поддерживать идею о взаимном неприменении силы, но «не соглашаться на раскрытие военной деятельности государств»⁵⁴ Как когда-то нас смертельно пугала идея «открытого неба», предложенная Д. Эйзенхауэром, так потом долгие годы, вроде бы и соглашаясь на осуществление определенных мер доверия, мы не хотели идти на эффективный взаимный контроль.

А страна между тем все больше экономически обескровливалась. Из каждого рубля государственного бюджета (разумеется, официально не опубликованного) на военные нужды шло около 70 копеек! Ставка на силу, а не на мудрость, на геополитические интересы, а не на общечеловеческие ценности привела и мир, и соперничающие страны к самому краю ядерной пропасти. Андропов, человек с определенным поэтическим воображением, вероятно, мог представить апокалиптическую картину: багровое зловещее небо и горящих там в ядерном пламени птиц...

Последний раз в своей жизни Андропов вел заседание политбюро 1 сентября 1983 года. Как всегда, рассматривалось множество вопросов: о созыве в ноябре очередного пленума ЦК и сессии Верховного Совета, о производстве самоходных колесных шасси и цветных телевизоров новых моделей, о мерах по обеспечению роста производительности труда, социально-демографическом обследовании населения, о торговле между СССР и Египтом, помощи Афганистану, о докладчике на торжественном заседа-

---

* *Détent* (франц.) — разрядка, ослабление напряжения. В политической терминологии 70-х годов обозначал разрядку международной напряженности — *Прим. ред.*

нии, посвященном 66-й годовщине Октябрьской революции, и многие другие вопросы...⁵⁵

Накануне заседания к Андропову подошел Устинов и сказал:

— Самолет сбит. Оказался не американским, а южнокорейским и притом — гражданским... Все выясним и доложим подробнее.

— Хорошо. Но мне докладывали, что над Камчаткой был самолет-разведчик... Я сегодня после заседания политбюро улетаю в Крым... Нужно отдохнуть и подлечиться. А с самолетом — разберитесь.

Инциденту с южнокорейским «Боингом» Андропов не придавал вначале особого значения. Сколько мы сбили американских самолетов-нарушителей и на Востоке, и на Балтике, над Баренцевым морем, и в Армении, даже под Свердловском... Десятки. Немало и наших воздушных кораблей бесследно исчезло в самых разных широтах Мирового океана. Только сейчас специальная президентская Комиссия, которую я возглавляю, пытается установить места вечного успокоения советских экипажей и их число. Многие уже знаем. О своих исчезнувших самолетах мы никогда раньше публично ничего не говорили и не писали. Старое большевистское правило: чем меньше народ знает, тем легче им управлять.

Никто в Кремле вначале и представить не мог, какая огромная волна всеобщего мирового возмущения и осуждения СССР поднялась за сутки в мире! Сбит гражданский воздушный корабль с 269 пассажирами!

Самолет, по причинам, до сих пор до конца неизвестным, оказался над Камчаткой и Сахалином. Все мировые агентства, средства массовой информации множества стран в деталях непрерывно сообщали о трагедии, разыгравшейся в ночь на 1 сентября 1983 года над Японским морем.

Автор не будет здесь повествовать о драматических событиях той памятной ночи. Так много уже было об этом сказано и написано. Правда, до настоящего времени нет ясности: случайно или преднамеренно южнокорейский «Боинг» оказался в воздушном пространстве СССР? Возможно, это вечная тайна истории. А она, история, есть Библия вечности... Ведь никогда доподлинно мы не узнаем, что пережили пассажиры авиалайнера в свои последние на этом свете минуты...

Нас интересует реакция на трагедию Андропова и его коллег по весильному политбюро. Еще рано утром генсеку, находившемуся в загородном доме, доложили: над южной частью Сахалина сбит американский военный самолет. Подробности пока не сообщались. Андропов знал, в СССР существовала установка: самолету-нарушителю путем зрительных и радиосигналов предлагалось совершить посадку на советской территории. В случае отказа выполнить требование, пункт управления ПВО мог отдать команду на уничтожение самолета, сразу же превращающегося в цель. Например, когда американский самолет С-130 с 13 членами экипажа на борту вторгся 8 сентября 1958 года в воздушное пространство над Арменией, советские силы ПВО действовали именно по такой схеме. Летчики-истребители после предупредительных сигналов нанесли ракетный удар по летящему гиганту, который тут же рухнул и на протяжении нескольких часов горел. В баках было более 60 тонн горючего. Лишь пять обгоревших трупов летчиков передали американской стороне. Хотя вначале факт сбития самолета вообще не признавался: «авария».

Впрочем, традиция эта давняя. Хрущев, беседуя 2 октября 1959 года с Мао Цзэдуном, заявил: «Мы сбили не один американский самолет и всегда говорим, что они сами разбиваются...»

Трудно оправдывать американские службы, засылавшие самолеты-шпионы в советское воздушное пространство. Но абсолютная закрытость нашего общества, упорный отказ от взаимного контроля, страх перед неизвестными планами кремлевских руководителей подвигали ЦРУ, другие органы США на действия, идущие вразрез с международными нормами права. Андропов, многолетний шеф КГБ, знал это лучше других.

На первые запросы США и Японии по поводу исчезнувшего «Боинга» из Москвы отвечали: им ничего не известно о судьбе самолета. Затем, когда стало очевидно для всех, что самолет сбит, пытались придерживаться хрущевской методологии — «упал сам». Но все радиопереговоры советских летчиков-истребителей с командными пунктами ПВО имелись в распоряжении электронной разведки США. Неуклюжие попытки Москвы «затуманить» дело никого не могли ввести в заблуждение. На простой вопрос: как можно было спутать большой гражданский

лайнер, один из самых известных в мире типов самолетов, с военным летательным аппаратом, в Москве не могли дать удовлетворительного ответа.

Андропов пока наблюдал за развитием событий из Крыма.

Из всех посольств шли тревожные депеши: везде демарши, протесты, пикеты, демонстрации, возмущение. Даже «друзья» крайне смущены и не в состоянии амортизировать ситуацию.

Андропову доложили подробности происшествия по линии Министерства обороны, КГБ, МИДа. Генсек прежде всего переговорил с Черненко: обсудите вопрос на политбюро, отработайте «линию»: не уступать, не занимать оборонительную позицию. Продумайте нашу реакцию на возможные санкции против нас.

Черненко, оставшийся «на хозяйстве» за генсека, с готовностью поддакивал, полностью соглашался. Положив трубку, тут же распорядился сообщить членам политбюро: завтра, 2 сентября, внеочередное заседание. Затем Черненко посоветовался с Устиновым, Чебриковым, Громько: какие неотложные меры следует принять в связи с «указаниями» генерального секретаря?

Когда 2 сентября члены политбюро Черненко К.У., Горбачев М.С., Гришин В.В., Громько А.А., Романов Г.В., Тихонов Н.А., Устинов Д.Ф., Воротников В.И., Демичев П.Н., Долгих В.И., Кузнецов В.В., Соломенцев М.С., Зимянин М.В., Капитонов И.В., Рыжков Н.И., а также приглашенные председатель КГБ Чебриков, начальник Генерального штаба Огарков и зам. министра иностранных дел Корниенко собрались утром в зале заседаний, «Правда» уже обнародовала первое сообщение об инциденте.

«В ночь с 31 августа на 1 сентября с.г. самолет неуставленной принадлежности вошел в воздушное пространство СССР над полуостровом Камчатка, а затем вторично нарушил воздушное пространство над островом Сахалин... Поднятые навстречу самолету-нарушителю истребители ПВО пытались оказать помощь в выводе его на ближайший аэродром. Однако самолет-нарушитель на подаваемые сигналы и предупреждения советских истребителей не реагировал и продолжал полет в сторону Японского моря»⁵⁶. Ничего не говорилось о сбитии самолета и числе жертв. Сообщение было в высшей степени туманным и

неопределенным Приведу фрагменты обсуждения на политбюро вопроса. «О нарушении южнокорейским самолетом воздушного пространства СССР 31 августа 1983 года». Члены политбюро, рассаживаясь в зале по своим местам, знали уже, как все было. Самолет «Боинг-747» был сбит двумя ракетами летчика Осиповича. Тот оказался не в состоянии отличить пассажирский самолет от военного разведчика⁵⁷.

Председательствующий Черненко во вступительном слове заявил: «Вчера меры, связанные с инцидентом с южнокорейским самолетом, в оперативном порядке уже обсуждались членами Политбюро... Более подробный материал вы получили, и Юрий Владимирович высказал пожелание посоветоваться по этому сложному вопросу на заседании политбюро... Надо обсудить нашу позицию в этой дикой вакханалии, которую затеяла американская пропаганда».

Все до одного члены высшего партийного ареопага (такое было неписаное правило: по острым вопросам следовало демонстрировать «единодушие») высказались. О чем говорили единомышленники Андропова?

Ознакомление с выступлениями членов политбюро позволяет оценить не только этих людей, но и их почти единодушное пренебрежение судьбами 269 погибших. Ведь теперь было абсолютно ясно: сбит гражданский самолет, в котором находились женщины, дети, старики, словом, мирные люди. Если бы прозвучал ясный мотив сожаления о случившемся, одновременно со строгой и честной констатацией трагедии, мировая реакция была бы другой. Но.. этого тогда просто не могло быть. И не было.

Громыко: По поводу инцидента с южнокорейским самолетом немедленно выступил Рейган. Его речь носила, как и раньше, грубый антисоветский характер и содержала призыв «сплотить все международное сообщество» против Советского Союза... Пока Совет Безопасности не созван, но, конечно, он соберется и там будут обсуждаться самые враждебные нам резолюции. Ясно, что нам придется воспользоваться здесь правом вето... Нам надо определиться и прежде всего твердо сказать, что мы действовали законно, сказать о том, что выстрелы были произведены.

Устинов: Могу заверить политбюро, что наши летчики

действовали в полном соответствии с требованиями военного долга и все, что изложено в представленной записке, истинная правда. Наши действия были абсолютно правильными, поскольку южнокорейский самолет американского производства углубился на нашу территорию до 500 километров. Отличить этот самолет по контурам от разведывательного чрезвычайно трудно. У советских военных летчиков есть запрет стрелять по пассажирским самолетам. Но в данной ситуации их действия были вполне оправданны...

Ни слова сожаления. Ни слова горечи в связи с погибшими людьми... Никаких «трассирующих снарядов», которыми якобы, по словам Устинова, предупреждался «Бенниг», на истребителях не было...

Устинов: Вопрос состоит в том, как лучше сообщить о наших выстрелах.

Другими словами: как оправдаться и переложить вину целиком на другую сторону.

Громыко: Отрицать то, что наш самолет стрелял, нельзя.

Чебриков: ...американцы признают, что самолет был обстрелян на нашей, советской территории, а затем упал в океан в наших водах. Фактически это произошло в нейтральных водах. У нас сейчас там действуют корабли и один самолет... Нами подобран ряд вещей. Глубина моря там около 80—100 метров.

Громыко: Значит, «черный ящик» из самолета они поднять могут, и мы тоже.

Тихонов: Ясно, что рано или поздно они полезут за останками самолета.

Долгих: А если полезут, то получат данные о том, что самолет сбит.

Горбачев: Зафиксировали ли они боевой выстрел?

Чебриков: Нет, не зафиксировали. Но я еще раз хочу подчеркнуть, что наши действия были совершенно законными...

Тихонов: Если мы поступили правильно, законно, то надо прямо сказать о том, что мы сбили этот самолет

Громыко: Мы должны сказать, что выстрелы были произведены. Это надо сказать прямо, чтобы не позволить противнику бросать нам обвинения в обмане.

Гришин: Прежде всего я хочу подчеркнуть, что нам надо прямо заявить, что самолет сбит... одновременно необ-

ходимо жестко выступать против всякого рода антисоветских провокаций.

Горбачев: Прежде всего хочу сказать о том, что я уверен, что наши действия были правомерными... Нам надо четко показать в наших заявлениях, что это было грубое нарушение международных конвенций. Отмалчиваться сейчас нельзя, надо занимать наступательную позицию. Подтверждая существующую уже версию, надо ее развить ..

Печально, но и Горбачев говорит о «версии», хотя уже все доподлинно известно. Он тоже, как и все, озабочен лишь одним: как выпутаться из этой неприглядной истории, как переложить ответственность на другую сторону. И ни слова сожаления о сотнях погибших...

Романов: Я поддерживаю все, что было здесь сказано...

Огарков: Вполне возможно, что это преднамеренная провокация... Министерство обороны располагает сейчас всеми записями переговоров, которые шли в воздухе в тот день. Они свидетельствуют, что мы можем вполне придерживаться версии, сообщенной в нашей печати.

Умный маршал, но говорит тоже о «версии». Он знал действительную картину происшедшего лучше, чем кто-либо в этом зале.

Зимянин: ...прежде всего надо дать отпор бесшабашному заявлению Рейгана. Оно носило грубый, разнузданный характер.

Погибли люди, о которых на политбюро пока никто не вспомнил. Отрабатывается удобная, «наступательная» «версия» и как дать «отпор» заклятому врагу.

Полгих: Я поддерживаю мнение о том, что нам нужна наступательная линия в решении этого вопроса.

Корниенко: У нас вполне достаточно материалов, чтобы высказать мнение о том, что это сознательная провокация со стороны ЦРУ... Но нам нельзя уходить от того, что выстрелы были произведены. Ведь империалистическая пропаганда сейчас может пойти даже на то, чтобы передать по радио записи переговоров наших летчиков.

Казалось бы, если мы «правы», нужно позаботиться самим, чтобы все было обнародовано. Но появление «записей переговоров» летчиков рассматривается как диверсия.

Соломенцев: Следует занимать наступательную пози-

цию, хотя, возможно, мы могли бы сказать и о том, что сочувствуем семьям погибших в результате этой преднамеренной провокации.

Это был первый выступающий, который с оговорками, но все же вспомнил о погибших, о «возможности» сочувствия. Для большевиков и их наследников жизнь человеческая всегда была не больше, чем статистическая величина.

Кузнецов: Поддерживаю внесенные здесь предложения. Мне тоже кажется, что это хорошо запланированная антисоветская акция...

Воротников: Я хотел бы поддержать все, о чем сказали здесь товарищи...

Капитонов: Нет сомнений, что действия наших летчиков были правильными. Сейчас, отражая нападки империалистической пропаганды, нам надо действовать твердо и осмотрительно. Выстрелы, конечно, надо признать, но подчеркнуть, что вины в этом нет никакой.

Логика у всех членов политбюро более чем странная. Если все было «правильно», то зачем выдумывать версию? Если все произошло в соответствии с международными конвенциями, то почему погибли люди?

Почти как у Дж. Оруэлла: у таких людей наблюдается «антимышление».

Громыко: ...доверительно проинформировать руководителей братских социалистических стран и некоторых других государств. Что касается американцев, то им надо дать официальный твердый ответ... Целесообразно в Заявлении ТАСС сказать также о том, что мы сожалеем о имеющихся жертвах.

Наконец и глава внешнеполитического ведомства вспомнил о людях...

Черненко: Отрадно, что мы придерживаемся единого мнения, единой позиции. Нам надо наступать, а не обороняться... О результатах нашего сегодняшнего обсуждения я немедленно доложу Юрию Владимировичу Андропову⁵⁸

Решение было принято, естественно, в духе прошедшего обсуждения.

Черненко трясущимися руками перебирал бумажки и, спотыкаясь почти на каждом слове, произносил: «Юрий Владимирович по телефону мне говорил — не отступать, реагировать решительно...»

Текст, подготовленный заранее и озвученный человеком, которому накануне было предписано: «На время отпуска Генерального секретаря ЦК КПСС т. Андропова Ю.В. возложить председательствование на заседаниях политбюро на т. Черненко К.У., поручив ему также рассмотрение материалов и подготовку вопросов к заседанию политбюро и секретариата ЦК...»⁵⁹

Задыхающийся от астмы Черненко, невзрачный человек, вознесенный Брежневым столь высоко, в полной мере использует эти несколько месяцев фактического «заместительства» генерального. А пока он читал жесткие слова, где не было и намека на сожаление о гибели множества людей.

«1 Одобрить меры, принятые в связи с нарушением южнокорейским самолетом воздушного пространства СССР 31 августа. Исходить из того, что это нарушение представляет собой преднамеренную провокацию империалистических сил... способных отвлечь от мирных инициатив СССР.

2. Поручить отделам ЦК обеспечить наступательную линию в нашей пропаганде...»⁶⁰

Члены андроповского политбюро действовали в духе сталинского принципа: уметь превратить поражение в победу, а победу — в триумф.

Не вышло.

Печать, радио, телевидение СССР продолжали излагать «версию», отработанную 2 сентября на политбюро. США, Европу, Японию, Южную Корею захлестнула волна негодования: почему «Советы» вновь лгут, почему прямо не признают факта уничтожения гражданского авиалайнера? Несоциалистический мир не мог понять, как можно отрицать очевидное, бесспорное, почему ни Андропов, ни Громыко, ни кто-либо другой из высшего руководства не выразят соболезнования семьям погибших корейцев, американцев, японцев?

Лишь в специальном Заявлении советского правительства 7 сентября, через неделю после случившегося, было признано, что самолет сбит как нарушитель границы, залетевший в воздушное пространство СССР с разведывательными целями.

Андропов позвонил из Крыма и порекомендовал отменить поездку Громыко в Нью-Йорк и Гавану, чтобы, как он выразился, «не нарваться на провокации»

Мы весьма подробно остановились на инциденте, ибо он высветил очень рельефно умонастроения высшего партийного синклита. Сам Андропов молчал по этому случаю больше месяца. Когда же он коснулся коллизии с южнокорейским самолетом, его оценка случившегося была еще более жесткой, чем его «соратников». Конечно, по команде из Москвы «черный ящик» с «Боинга» был найден и поднят. Решили об этом факте не сообщать ни мировой общественности, ни Сеулу. Хотя и после этого еще пару недель десяток советских судов «перепаживал» море в этом районе, создавая видимость бесплодности поисков.

Принятая «версия» требовала: все, что возможно скрыть, — засекретить. Засекретили. До 1992 года, когда демократические власти все открыли. Ложь — универсальное оружие. Так было всегда. Так продолжалось и при Андропове.

Трагическая гибель южнокорейского «Боинга» стала печальным символом «правления» Андропова. Большие надежды и ожидания, не сбываясь, рождают такие же большие разочарования. Становилось все более очевидным: на старых большевистских рельсах страна не дожидется ни экономического процветания, ни сближения политики с общечеловеческой нравственностью, ни высоко-го духовного озарения.

Рухнувший в холодные воды Японского моря южнокорейский «Боинг» стал символом краха попыток излечить выработавшую свой ресурс систему большевистскими методами. А они, эти методы, основаны на классовой жесткости, конфронтационной логике и старом культивировании лжи.

Пятнадцать месяцев пребывания Андропова на высшем посту в коммунистической партии и советском государстве не богаты на памятные события во внешнеполитической сфере. Разворачивались ракеты СС-20, а затем и «Першинги-2», еще ожесточенней и бесчеловечней стала война в Афганистане, тлеял конфликт на Ближнем Востоке, притихла, но не «сломалась» Польша, не поддавался Китай на «мирные инициативы» СССР, не прекращалась ледяная риторика с Вашингтоном, странами НАТО. Казалось, холодные ветры вновь вот-вот будут безраздельно хозяйничать на всех континентах.

Трагическая гибель южнокорейского «Боинга-747» весьма символична. Она продемонстрировала бесплод-

ность глобальной конфронтации, неуклюжесть и идеологическую заданность советской внешней политики, крайнюю непривлекательность мышления категориями «побед» или «поражений».

Андропов, возможно, один из самых умных советских руководителей за все семь десятилетий существования СССР, не смог в критический момент перешагнуть через барьер большевистской ортодоксальности. Человечество (и в этом вина лидеров противостоящих лагерей) продолжало начертанный Провидением путь где-то в очень опасной близости от ядерной пропасти. Андропов не смог (или не захотел?) приложить усилия к прокладке более безопасного маршрута. Руководители великой страны продолжали находиться в плену классового, коминтерновского мышления.

В большевистском руководстве никогда не сомневались в своей исторической правоте. Ибо верили в полное «совершенство» своей веры.

Руководство из больницы У каждого человека наступает момент, когда он должен переступить невидимую черту, отделяющую земное бытие от «того света». Перешагнуть эту тонкую роковую линию можно только в одном направлении. Возврата обратно нет никому. Только Иисус Христос обрел бессмертие, не перешагнув, а разорвав эту нить...

В библейском изречении «суета сует» очень точно схвачена философская сторона эфемерности, призрачности земного бытия. Жизнь подобна поездке в поезде дальнего следования. Где-то садишься (рождаясь) в экспресс, где-то обязательно сойдешь с поезда (уходя в мир иной) У одних путь короче, у других — длиннее. Но все мы временные пассажиры поезда земного бытия.

Андропов стал генсеком будучи глубоко больным. Это все в политбюро знали. По настоянию Черненко (такого же больного человека) 24 марта 1983 года на очередном заседании партийного синклита специально обсудили вопрос «О режиме работы членов политбюро, кандидатов в члены политбюро и секретарей ЦК». Докладчиком стал тот же Черненко: «Наше прежнее решение ограничить время работы с 9 до 17 часов, а товарищам, имеющим возраст свыше 65 лет, предоставлять более продолжительный отпуск и один день в неделю для работы в домашних

условиях». Но, заявил Черненко, решения эти не выполняются.

Андропов поддержал Черненко: «Можно по-всякому смотреть на возрастной состав политбюро. Здесь концентрация политического опыта нашей партии, и поэтому поспешная, непродуманная замена людей не всегда может быть на пользу дела... При перенапряженном режиме мы можем потерять гораздо больше, чем приобрести... Надо установить день каждому члену политбюро, чтобы он мог работать в домашних условиях. В выходные дни надо отдыхать».

Обсуждали актуальный вопрос для стариков в политбюро активно. Пельше раньше всех заявил: «Главное, чтобы ты сам, Юрий Владимирович, точно этот режим соблюдал, берег себя и следил за собой»⁶¹. Договорились о том, что члены политбюро будут меньше задействованы на «вечерних мероприятиях» (приемы и пр.), встречах с послами, делегациями, — только в рабочие дни, что нужно усилить медицинский контроль и т.д.

Старики хотели усилить особую заботу о самих себе.

Андропов, став 6 июня 1983 года Председателем Президиума Верховного Совета СССР, сконцентрировал в своих руках огромную власть в стране. Но менее чем через три месяца после избрания, 1 сентября, он в последний раз проведет заседание политбюро, еще не зная, что быть на вершине власти ему останется менее полугода.

Вся короткая деятельность Андропова в качестве лидера СССР и КПСС самым трагическим образом осложнилась быстро прогрессирующей болезнью.

Из пятнадцати месяцев, которые отвела судьба пятому «вождю», половину этого срока Андропов провел в клинике, на лечении, отдыхе, в надежде, что ему удастся вернуть былую огромную трудоспособность и энергию, хоть частично избавиться от недугов.

Находясь в феврале в зимнем отпуске (члены политбюро имели летний и зимний отпуска), Андропов почувствовал резкое ухудшение общего состояния. Почки, которые беспокоили его всю жизнь, практически отказали. После обширных и углубленных консультаций с советскими и зарубежными врачами прибегли к гемодиализу — подключению индивидуального аппарата «искусственная почка». Если учесть, что и предыдущие два десятилетия Андропов часто болел, мучаясь от целого «букета» недугов, иструд-

но представить его моральное состояние в связи с новым осложнением. В «личном деле» генсека сохранились медицинские заключения о его болезнях, и в частности «Информация 4-го Главного управления при Минздраве СССР о состоянии здоровья Ю.В. Андропова». Там говорится, что в 1965 и 1966 годах перенес «мелкоочаговые» инфаркты миокарда; страдает хроническим заболеванием надпочечников. В справке фиксируется, что эпизодически Андропов переносил приступы гипертонической болезни, пневмонии, страдал хроническим заболитом, артритом; не покидали больного мерцательная аритмия, опоясывающий лишай и другие болезни⁶².

Приходится лишь удивляться, как при таком плохом состоянии здоровья Андропов много и настойчиво работал. Человек недюжинной воли и самообладания, он, конечно, понимал, что с его возрастом и здоровьем ему долго не продержаться. Как пишет Р.А. Медведев, «Юрий Владимирович надеялся прожить еще 6—7 лет, но он не мог не считаться с опасностью покинуть этот мир гораздо раньше»⁶³.

Уже летом 1983 года состояние Андропова вызывало серьезную тревогу. Генсеку стало трудно передвигаться. На теле появились болезненные язвы, усилились проявления общей слабости. Как свидетельствует бывший начальник 4-го Главного управления и министр здравоохранения СССР Е.И. Чазов, в это время в Москву пригласили известного американского специалиста профессора А. Рубина. После тщательного обследования зарубежный специалист подтвердил правильность избранной советскими врачами стратегии лечения, смог ободрить и успокоить своими заключениями генсека⁶⁴. Сын Андропова Игорь Юрьевич вспоминал, что, несмотря на тяжесть болезни, отец не представлял, что на высшем посту в партии и государстве «судьбой ему отведены только год и три месяца. Да и врачи не рисовали перед ним безысходной картины»⁶⁵.

Андропов, нерегулярно приезжая в свой кабинет в Кремле, с трудом преодолевал несколько ступеней до лифта. Его крайне смущала помощь охранников, сопровождающих лиц; Андропов очень не хотел, чтобы о его усиливающейся немощи узнали люди. Даже тогда, когда Андропова избрали в Кремле Председателем Президиума Верховного Совета, он не спустился к трибуне, чтобы

произнести краткую традиционную речь. Большой генсек не был уверен, что физические силы его не подведут на глазах всей страны... Поднявшись за столом президиума, генсек поблагодарил за избрание и выразил подобающие моменту мысли и соображения.

В руководстве не возникало сомнения, дееспособен ли Брежнев, рано впавший в старческий маразм; теперь вот смертельно больной Андропов; а позже и Черненко; могут ли эти люди руководить страной? Хотя после смерти Сталина стало неприято именовать высших руководителей партии и страны «вождями», подобострастное отношение к ним, по сути, мало изменилось с ленинских времен. Даже в единственном за советскую историю заговоре против Хрущева у инициаторов до последнего момента дрожали колени... Освящение высшего руководителя было давней традицией большевизма. Считалось, что здоровье как бы «прилагается» к высокой должности.

Поэтому не случайно, заметив признаки прогрессирующей немощи у генерального секретаря, его соратники, особенно из КГБ, постарались максимально облегчить жизнь своего лидера. Председатель КГБ направляет записку в политбюро.

«В период проведения партийно-политических мероприятий на Красной площади выход из Кремля к мавзолею В.И. Ленина осуществляется по лестнице в Сенатской башне. Разница в уровнях тротуара в Кремле и у мавзолея В.И. Ленина более 3,5 м.

Считали бы целесообразным вместо существующей лестницы смонтировать в Сенатской башне эскалатор.

Просим рассмотреть.

11 мая 1983 г. Председатель КГБ В. Чебриков»⁶⁶

Конечно, рассмотрели. Решением политбюро от 28 июля 1983 года было предусмотрено «устройство эскалатора в мавзолее В.И. Ленина»⁶⁷. Тем более немощным был не один Андропов (не воспользовавшийся, к слову, этим «ленинским» подъемником ни разу), а фактически чуть ли не все политбюро. Семидесятилетние старцы герантократической коллегии, некоторые из которых были старше самой большевистской «революции», олицетворяли дряхление самой политической системы.

1 сентября 1983 года, проведя заседание политбюро, продолжавшееся около трех часов, Андропов ушел в отпуск. Спецрейс самолета доставил его не в Kislovodsk,

где он чаще всего отдыхал в прежние годы, а в Симферополь, откуда генсек отправился в один из многочисленных особняков для высшего руководства на берегу Черного моря. Туда фактически перевезли не только «отпускной» кабинет генсека, но и все медицинское оборудование, специалистов. Почти ежедневно Андропов разговаривал по телефону с Черненко, которому поручили ведение дел первого лица, иногда с Устиновым и Громыко. Хотя и в меньшем объеме, но больному лидеру регулярно доставлялись наиболее важные служебные документы. Андропов, казалось, смог найти оптимальный режим, позволяющий «совмещать» огромную, почти абсолютную власть и сдерживать смертельную притаившуюся болезнь.

Генеральный секретарь, покончив в первой половине дня с мучительными процедурами по лечению почек, поговорив по телефону с Москвой, любил посидеть на тенистой веранде с видом на море.

Философами, писателями, поэтами давно замечено, что пиршество мысли бывает особенно роскошным, когда человек созерцает колдовство лесного костра или долго смотрит на бездонье голубого неба либо обнимает взором бескрайнюю гладь морских просторов. Духовный мир человека так же безбрежен, как и космос. Но для свободного полета мысли всегда чужды суетность повседневья, тщета будничных дел, болезненное самокопание в собственных болях. Андропов, не имея высшего образования, тем не менее был человеком сильного, масштабного интеллекта. Нередко после созерцательных «сеансов» на веранде он давал поручения своим помощникам подготовить ту или иную аналитическую записку в политбюро, найти или подобрать для него какие-то статистические данные или просто подобрать литературу политологического и социологического характера по интересовавшему его вопросу.

Самое надежное и последнее прибежище человека — его сознание. Мы никогда не узнаем, о чем подолгу думал Андропов, лежа на больничной койке под капельницей, во время коротких прогулок в парке или созерцательного общения с ласковым синим морем, которое почему-то люди называют Черным.

Размышления — это созерцание себя в зеркале времени.

Может быть, больной генсек размышлял о том, что на-

меченные планы оздоровления общества ему не суждено осуществить; слишком долго страна, ведомая Брежневым, находилась в дрейфе. Может, жалел, что «днепропетровская мафия» его предшественника очень медленно ликвидируется? Или сетовал на болезнь, которая не позволила ему воспользоваться ни одним приглашением совершить государственные визиты в другие страны? Хрущев и Брежнев так любили это делать... Нельзя не признать, что поездки первого лица страны представляют собой важный инструмент реализации всей внутренней и внешней политики.

Пока Андропов был председателем КГБ, он редко встречался с государственными деятелями других государств (не социалистических); некоторые свои поездки (в Китай, Афганистан, Польшу) совершал почти тайно. Теперь же он — высшее лицо такой могущественной страны — принимает самых высоких деятелей многих стран... Американцы упорно зондируют, нужна его встреча с президентом Рейганом. Но болезнь приковала Андропова не только к больничной койке, но и резко сократила все его жизненное пространство.

Андропов мог вспоминать свою декабрьскую (в 1982 году) встречу с Чаушеску, человеком, который никогда не смотрел в глаза собеседнику. Генсек, умело скрывая свою неприязнь к румынскому руководителю, шантажирующему Кремль выходом его страны из Варшавского Договора, поставил вопрос прямо:

— Что Вы выиграете, если выйдете из оборонительного союза?

— Ничего не потеряем... — тут же ответил Чаушеску но-русски, не дожидаясь перевода⁶⁸.

Может быть, Андропов вспомнил беседу с советским сателлитом президентом Мозамбика Саморой Машелом, как и Брежнев, увенчавшим самого себя маршалскими погонами. Все эти страны, именуемые государствами «социалистической ориентации», тяжким грузом придавливали и без того косную советскую экономику. Это ненормально. Но что делать с такими «союзниками», Андропов тоже не знал.

Андропов не мог не думать и об афганской драме. Он стоял у ее истоков. Только теперь он, вероятно, осознавал катастрофические масштабы того, давнего решения политбюро, где тон задавали Суслов, Устинов, Брежнев,

Громыко и он сам, председатель КГБ Андропов. Он успел уже понять, что этот шаг — роковая ошибка, историческая ловушка для великой страны.

А ведь Андропов не только бывал там и встречался в Кабуле и Москве почти со всеми новыми руководителями Афганистана, но и был в курсе, как готовился обычный дворцовый переворот, названный потом «апрельской революцией». С его участием отработывалась и операция по ликвидации Амина, ставшего подозрительным для Кремля.

В блокнотах Андропова широко представлена афганская тема: о «выброске Вакиля и присме его на консквартире», о «связном — генерале Гуль-Ага», об «охране» дворца Амина, о подготовке акции, которая предшествовала вводу наших войск.

Я хорошо знал и Вакиля, и Гуль-Ага, упоминаемых в личных записях Андропова, и Гулябзоя, и многих, многих других. Решение политбюро было роковой попыткой бросить коммунистические семена на мусульманской почве. Как мог Андропов согласиться с советами своих сотрудников в Кабуле? Неудача была запрограммирована. Думаю, что такой умный человек, как Андропов, не мог не возвращаться мыслью к драме старого, глубоко ошибочного решения, истоки которого родились в его ведомстве. Изменить прошлое нельзя. Можно только туда вернуться, и то мысленно.

Мог вспомнить генсек, предаваясь размышлениям, и встречу с невысоким, сухоньким, но живым человеком — королем Иордании Хусейном... Странно, почти в это время мы готовили встречу в июне 1983 года всех лидеров европейских социалистических стран, а тут приходится вести беседу с монархом... Марксист-ленинец мог видеть в этом некий исторический атавизм, хотя и знал, что на Западе есть наследники и российского престола. Однажды в разговоре с А.А. Епищевым Андропов назвал нынешних инициаторов и приверженцев монархической идеи «политической опереткой».

Одной из последних международных встреч, которую провел Андропов, была его беседа в начале июля 1983 года с канцлером ФРГ Коелем и министром иностранных дел этой страны Геншером. Генсеку было трудно вставать, подходить к гостям, здороваться с вошедшими к нему людьми, но он умел силой воли стискивать боль. «Ракет-

ный» разговор не дал, естественно, результата, хотя западные немцы произвели на Андропова впечатление своей солидностью и вежливой прямотой. Канцлер прозондировал (не без ведома Вашингтона) о намерениях встречи советского и американского лидеров. Там, мол, было бы сподручнее обсуждать проблему «евро ракет». Андропов спокойно, как о деле решенном, сказал:

— В парадно-маскировочном представлении мы участвовать не будем. Если у США нет желания позитивно отвечать на наши инициативы, зачем встречаться?

Здесь же Андропов твердо сказал: Запад не должен сомневаться: появление «Першингов» в Европе означает, что мы тут же примем ответные меры⁶⁹.

То был разговор глухонемых. Впрочем, Андропов принял приглашение Коля приехать в Бонн. То ли это было просто дипломатической вежливостью, то ли Андропов действительно надеялся на улучшение своего здоровья? После немцев Андропов встречался с еще очень ограниченным числом лиц из зарубежья, и в частности с генеральным секретарем социалистической партии НДРГ А.Н. Мухаммедом. Когда же он получил в это время (в октябре 1983 г.) письмо от Э. Берлингуэра с просьбой принять его в Москве, генсек продиктовал ответ: «Он готов встретиться с Берлингуэром. Однако в ближайшее время это не представляется возможным. К этому вопросу можно вернуться позднее»⁷⁰. Генсек не мог, да и не хотел встречаться с идеологами еврокоммунизма. Он к ним относился почти так же, как Ленин к европейской социал-демократии. Андропов их влияния на общественное сознание рабочего класса на Западе опасался не меньше, чем буржуазного.

Болея, Андропов был так же непреклонен по отношению «идеологических вылазок» классовых недругов. Ведь именно он сильно идеологизировал в семидесятые годы КГБ, создав в его структуре специальное управление по борьбе с диверсиями в сфере духа. Когда ему доложили письмо премьер-министра Канады П. Трюдо по поводу снисхождения к диссиденту Щаранскому, осужденному на 13 лет лагерей, Андропов сказал:

— Ответьте канадцу так, жестко — нам нет необходимости доказывать свою гуманность, господин премьер-министр. Она заключена в самой природе нашего общества⁷¹

Думаю, эти слова могли бы быть эпиграфом к книге о политической биографии Андропова, искренне верившего в «демократизм» советской политической системы.

Даже лежа в Кунцеве, генеральный секретарь требовал, чтобы ему докладывали самые важные текущие документы, на которых он делал пометы, писал резолюции, ставил задачи аппарату. Например, находясь в отпуске по болезни в феврале 1983 года, Андропов одобрил проект постановления, принятый затем на политбюро, «О сооружении на Поклонной горе памятника Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов»⁷². Затем несколько раз интересовался: когда проведут конкурс на лучший монумент перед зданием музея на Поклонной горе? Сам знаю, был членом жюри, сколько проводилось этих конкурсов! Но мысль большинства авторов памятника не шла дальше солдата или женщины с мечом... Мне думалось и раньше, и теперь считаю, что ничего нельзя было придумать лучше светлого храма как символа великой веры людей России в свою свободу, независимость и процветание Родины.

Андропов, уже находясь на стационарном лечении в Кунцевской больнице ЦК, незадолго до своей смерти поддержал предложение председателя КГБ Чебрикова о закрытии мавзолея Ленина для проведения очередных работ по бальзамированию тела вождя⁷³. Его несколько не смущало, что со сталинских времен наблюдение и контроль над большевистскими идеологическими мощами по-прежнему осуществляют спецслужбы.

Андропов был инициатором «активизации работы с иностранными корреспондентами, находящимися в СССР». Сейчас, говорил генсек, по имеющимся данным, в Москве находится 341 иностранный корреспондент. Мы можем и должны влиять на формирование информации, которую они передают в свои страны⁷⁴. Сразу же определил, кто может возглавить работу: Громыко, Чебриков, Замятин.

Иногда решения принимал довольно неожиданно. Так, например, Русская Православная Церковь, разгромленная Лениным и почти добитая Сталиным, давно ставила вопрос о возвращении ряда храмов, превращенных большевиками в склады, клубы, музеи, гаражи. Однажды Андропов, между прочим, сказал: снова получил письмо от иерархов Православной Церкви. Думаю, надо вернуть им

Даниловский храм. Реплики лидера всегда расценивались у большевиков как «указания» генерального секретаря. Вскоре состоялось решение политбюро о «передаче (не возвращении! — Д.В.) Даниловского монастыря в пользование Московской патриархии»⁷⁵.

Подобными шагами генсек поддерживал среди советской интеллигенции, зарубежных журналистов репутацию «просвещенного консерватора» или «либерального чекиста». Но никто об Андропове не говорил как о реформаторе. В ряде своих выступлений и действий генеральный секретарь дал ясно понять: он за «продуманное совершенствование» системы управления народным хозяйством, экономикой, однако не видит никакой необходимости в политических реформах. Ибо сегодня в основных чертах развитого социализма, говорил Андропов, «мир узнает ленинские мечты, воплощаемые в живую действительность»⁷⁶. В ленинской политике, по мысли генсека, ничего не нужно менять, ее можно только совершенствовать. Но это — глубоко разрушительная мысль.

Здесь генезис грядущего поражения. Ведь еще Фридрих Ницше заметил: боязнь перемен — «та узкая дверь, через которую всего охотнее заблуждение пробирается к истине»⁷⁷

Незадолго до отлета Андропова из Крыма состояние его резко ухудшилось. Как полагает академик Е. Чазов, лечивший на протяжении ряда лет главных руководителей страны, начиная с Брежнева, причиной того стала небольшая прогулка в парке. Легко одетый больной, устав, присел отдохнуть на гранитной скамейке в тени деревьев и не заметил переохлаждения организма. Скоро Андропов почувствовал сильный озноб. «Когда рано утром вместе с нашим известным хирургом В.Д. Федоровым мы осмотрели Андропова, то увидели распространяющуюся флегмону, которая требовала оперативного вмешательства... Операция прошла успешно, но силы организма были настолько подорваны, что послеоперационная рана не заживала... Состояние постепенно ухудшалось, нарастала слабость, он опять перестал ходить, но рана так и не заживала... Андропов начал понимать, что ему не выйти из этого состояния...»⁷⁸

Академик Чазов, видимо, прав: генсек «начал понимать, что ему не выйти из этого состояния». Но Андропов не написал ничего в политбюро, чтобы его освободили от

колоссального груза ответственности. Не в большевистских это было традициях. Андропов в сложившемся положении, когда уже не мог ездить в Кремль, бывать на заседаниях высшего партийного синклита, стал использовать своеобразную форму руководства. Он подсказывал идеи своим помощникам, референтам, а те готовили аналитические записки для политбюро. Особенно много делали его помощники А.А. Александров, В. В. Шарапов.

Эти послания, подписанные Андроповым, обязательно обсуждались на политбюро, по ним принимались постановления, которые включались в планы работы ЦК. Некоторые записки переадресовывались всей партии.

Создавалось впечатление, что генсек на посту, работает, руководит гигантским государственным и партийным кораблем. Да и сами члены политбюро не очень много знали о реальном состоянии своего лидера. Регулярно у Андропова бывали только Устинов, Чебриков, иногда Черненко и Громыко. Даже «наверху» создавали впечатление, что «генсек поправляется», на очередном пленуме «сам будет делать доклад», а на торжественном заседании, посвященном очередной годовщине Октябрьской революции, «обязательно будет».

А тем временем из Кушцевской клиники, где больному генсеку оборудовали целый отсек для лечения и работы, шли за п и с к и Андропова. Он и раньше, будучи председателем КГБ, нередко собственноручно писал Брежневу аналитические письма, которые затем перепечатывались и передавались лично генеральному секретарю. Например, 8 января 1976 года Андропов написал «дорогому Леониду Ильичу» записку на 18-ти страницах. Брежнев распечатался на документе и сразу же «законсервировал» ее в «Особую папку». Теперь Андропов отправлял из больницы записки своим «соратникам» по политбюро. В августе 1983 года, когда он еще появлялся в Кремле, члены высшего партийного синклита обсуждали его жесткую записку о «своракетах» необходимость инициирования более активного антиракетного движения в Европе. По его рекомендации был принят специальный календарный план работы по противодействию американским военным планам⁷⁹.

Через несколько дней в политбюро поступает новая записка, теперь уже о ракетной ситуации на Востоке. Андропов предлагает попытаться привлечь к антиракетному

делу и Китай. На этой основе, полагает автор записки, можно оздоровить советско-китайские отношения⁸⁰. И вновь составляется «календарный план» мер и шагов по инициированию антиамериканских, антимилиитаристских действий.

Едва обосновавшись в Крыму после прилета туда в сентябре, Андропов одобряет подготовленную помощниками записку для политбюро о долговременной программе мелиорации земель⁸¹. Генсек, весьма дилетантски, поверхностно знавший тонкости промышленного и сельскохозяйственного производства (столько лет занимался только «чекистской» деятельностью), доверяет помощникам, экспертам, готовящим для него предложения по различным специальным вопросам.

Почти в это же время он подписывает очередную записку о положении на Ближнем Востоке и нашей более осмотрительной политике в этом регионе⁸². Речь идет не о попытках нормализации ситуации в этом взрывоопасном районе, а о стремлении избежать прямого участия в возможном военном конфликте. Мысль Андропова от глобальных проблем ракетного противостояния с Соединенными Штатами возвращается к домашним, хозяйственным проблемам, затем вновь к вопросам международным, но уже локального значения.

Я упоминал раньше о записке Андропова от 12 октября 1983 года об осторожных попытках кое-что изменить (далеко не существенное) в предстоящих выборах (без выбора!) в высшие государственные органы власти страны. При обсуждении записки особенно активными были Черненко и Горбачев. Черненко, председательствующий на заседании, как настоящий высокопоставленный чиновник, увидел, пожалуй, главное лишь в том, что в течение года с жалобами в приемной ЦК КПСС побывало 15 тысяч человек, а в Президиуме Верховного Совета — более 20 тысяч. Значит, на местах плохо работают... Предложил образовать еще одну комиссию (председателем Комиссии законодательных предположений Верховного Совета был назначен Горбачев) для проработки предложений Андропова. Все, как всегда, загонялось в обычное прокрустово ложе бюрократических схем и привычек.

Горбачев поддержал мнение, высказанное в записке генсека, о необходимости корректировки «должностного

принципа» при выдвижении кандидатов в депутаты, принятии неотложных мер по активизации работы Советов⁸³.

При чтении документов складывалось впечатление, что «соратники» Андропова «добросовестно, целиком и полностью» одобряли его предложения, но благовидно спускали их вниз по знакомой до боли бюрократической лестнице (новые планы, новые комиссии, новые заседания, новые заклинания о необходимости «углубления», «улучшения», «совершенствования» работы и т.д.).

Подшли главные традиционные торжества в стране: очередная годовщина ленинской революции. Иностранные корреспонденты вечером 6 ноября и утром 7 ноября передавали в свои столицы: несмотря на недавние объяснения Леонида Замятина из ЦК о «легком простудном заболевании Андропова», он отсутствовал на всех важнейших ритуальных церемониях коммунистической системы. И они не ошибались: положение генсека, несмотря на все принимаемые лечебные меры, консультации, особые препараты, привлечение новых и новых специалистов, не улучшалось. Однако сразу же после октябрьских торжеств в политбюро поступила новая бумага от генсека «О проведении эксперимента по расширению самостоятельности и ответственности предприятий»⁸⁴. Генсек из элитной больницы слал послание за посланием в Кремль, на Старую площадь в ЦК, пытаясь как бы последними усилиями мысли и воли нацелить закостеневшие в бюрократизме и догматизме структуры на решение актуальных проблем государства и общества.

Нельзя не отдать должное мужеству смертельно больного человека, тщетно пытающегося вызвать свежий ветер для корпуса корабля, попавшего в исторический мертвый штиль. Однако судно было столь велико и монументально, что слабые дуновения осторожных административных призывов не могли радикально изменить положение. В больничной палате лихорадочно работал мозг человека, пытавшегося из последних сил что-то поправить к лучшему в стране, ничего при этом кардинально не пересматривая... Парадоксально, но это так.

Как писали советологи В. Соловьев и Е. Клепикова: «Остается только гадать, как бы сложилась судьба России и мира, если бы Андропову было отпущено не 15 месяцев, а в два-три раза больше — по крайней мере, несколько лет на посту официального руководителя империи»⁸⁵.

Думаю, не стоит гадать. Андропов мог только замедлять, затормозить крушение политической системы. Вдохнуть ей новую жизнь старыми способами — это началось вернуться в прошлое, чего Андропов тоже не хотел. Но он не был способен и на радикальные реформы. Их время наступило только после его ухода с политической сцены.

Последние два месяца Андропов не поднимался. Его, беспомощного, перекладывали в случае необходимости с больничной кровати на диван, пока меняли белье. Больной физически совсем сдал, однако по-прежнему много читал. Ум оставался совершенно ясным. Жена у него тоже болела, и Юрий Владимирович просил его соединять каждый день с Т.Ф. Андроповой, даже писал ей стихи.

В конце ноября 1983 года помощники генсека вместе с МИД и Министерством обороны подготовили один из последних крупных докладов за подписью Андропова — Заявление о последствиях размещения американских ракет в Европе и ответных мерах СССР. Записка очень жесткая и бескомпромиссная — как одно из последних свидетельств уходящей классовой эпохи с ее одномерным мышлением. А Андропов по-прежнему просил давать ему читать документы, книги, шифротелеграммы, которые он сам уже не мог держать в руках.

Человек часто умирает тихо и печально, как гаснет свеча. Так медленно и неумолимо угасал пятый (по порядку) «вождь» СССР. Его уже не трогала усилившаяся суета врачей, мелькание белых халатов, лица новых специалистов, пытавшихся остановить неумолимый процесс угасания.

Где-то там, за стенами больничной палаты, в Кремле и на Старой площади его коллеги продолжали заседать, рассматривать его «руководящие» записки, решая, назначать или награждать, штамповать бесчисленные постановления. Жизнь, однако, текла по своему руслу, все меньше завися от этих решений.

После 1 сентября 1983 года его уже больше никогда не было на заседаниях «ленинской» коллегии: ни 6, ни 13, ни 15, ни 20 или 27 октября; не появился он там и 3, 10, 17, 24 ноября; почти привычно совещались старцы без генсека 1, 8, 22, 26 декабря. Андропов на этом синклите больше никогда не появится.

Так в жизни бывает: самые «незаменимые», «нужные»,

«великие» и не очень, самые титулованные уходят в песок «того света», как все смертные. Кончина своей неизбежностью и необратимостью равняет всех.

Андропов не мог самостоятельно передвигаться и немудимо приближался к невидимой и роковой черте, отделяющей земное бытие от небытия. Однако у внимательных людей, каковыми являются писатели, журналисты, дипломаты, могло сложиться впечатление, что Андропов по-прежнему работает в своем кабинете.

В определенном смысле он действительно работал. Думал. Как это ни парадоксально звучит, состояние безнадежной болезни у сильных людей может создавать обстановку пиришества мысли. Есть много свидетельств, что Андропов умирал, думая. Его пометы на записках, диктовки писем, стихи жене свидетельствуют о ясности интеллектуальной деятельности генсека до конца его дней. Если бы он не был скован, как и все мы тогда, прокрустовым ложем марксистских схем, его можно было бы назвать философом. Платон говорил: «Философы должны быть правителями, а правители — философами». Замечательная мысль, которая, однако, оставляет свой след только в хрестоматиях.

Ни один советский высший руководитель не был экономистом или настоящим политиком в лучшем смысле этого слова. Все были партократами, невольно претендовавшими на универсальное знание во многих областях жизни. Андропов, возможно, больше других был склонен к философским размышлениям, но... в одном, заданном большевизмом ракурсе.

Пресса сообщила, что 9 декабря 1983 года состоялось внеочередное совещание секретарей ЦК БКП, ВСРП, КПВ, СЕПГ, КП Кубы, НРПЛ, ПОРП, КПСС и КПЧ по международным и идеологическим вопросам. Обсуждались Заявления Андропова от 28 сентября и 24 ноября о противодействии и ответных мерах в связи с размещением американских евrorакет. Советские руководители сказали приехавшим «друзьям», что Андропов «несколько приболел», но активно продолжает руководить работой Центрального Комитета партии. Секретарям «братских партий» рекомендовалось (но звучала рекомендация как инструкция) усилить связи с антивоенным движением, активнее противодействовать «американским провокационным действиям». Предлагалось полнее «использовать для

этого мероприятия»: Чрезвычайную сессию Всемирного Совета Мира в январе 1984 года, Международную конференцию за безъядерную Европу, Встречу европейской общности «За безопасность и сотрудничество» в апреле 1984 года в Брюсселе, XIV конгресс Международного союза студентов в том же апреле, IV Международный конгресс движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» в июне того же года в Хельсинки и другие подобные форумы⁸⁶.

На заседании политбюро 22 декабря, за полтора месяца до смерти генерального секретаря, был одобрен текст выступления Андропова на предстоящем пленуме ЦК партии. Выступление было направлено членам ЦК. В начале речи говорилось:

«Дорогие товарищи!

К большому сожалению, в силу временных причин мне не удастся присутствовать на заседании пленума... Я много думал над нашими планами, готовился выступать...» В речи генсека утверждается, что «начали осуществляться некоторые меры по совершенствованию нашего хозяйствования, по укреплению государственной, трудовой и плановой дисциплины... Это только начало, и нельзя потерять набранный темп, общий положительный настрой на дела».

В тексте речи много старых «программных» мотивов со ссылками на Ленина о «соревновании и самостоятельности масс», руководстве «ленинскими принципами в работе», необходимости «повышения производительности труда» и других подобных штампов⁸⁷. Составители речей генсека не могли вырваться за рамки традиционных заклинаний. Эта произнесенная «автором» речь, пожалуй, наиболее ортодоксальная за время пребывания Андропова на высшем в партии и государстве посту.

Через три дня «соратники» генсека соглашались с его предложениями по повышению партийного статуса Воронникова, Соломенцева, которых переведут на очередном пленуме из кандидатов в члены политбюро, введут в его состав председателя КГБ Чебрикова в качестве кандидата в члены, в сан секретаря ЦК возведут Лигачева⁸⁸.

Смертельно больной Андропов ежедневно после мучительных медицинских процедур по-прежнему пробегал глазами документы. Но теперь уже не сотни страниц, как обычно, а десятки. Ракетной теме было суждено сопро-

вождать Андропова все 15 месяцев его правления. Ему докладывали, что на 1 января 1984 года американцы развернули на территории ФРГ 9 «Першингов-2», а в Великобритании поставлены на боевое дежурство 16 крылатых ракет. Но, как и обещал генсек публично, ответ был быстрым: к 25 декабря на территории ГДР и ЧССР заняли боевые позиции две бригады ракет повышенной дальности (30 пусковых установок)⁸⁹.

Не знаю, задумывался ли Андропов над тем, что вся затея СССР с ракетами средней дальности была бессмысленной и чрезвычайно дорогостоящей. На советскую попытку добиться преимущества в Европе последовал чрезвычайно энергичный ответ американцев, вызвавший, в свою очередь, немедленный «ответ» Москвы. Спираль гонки вооружений резко взметнулась вверх. Экономика СССР, надрываясь, все больше милитаризовалась. Придет время, и все эти ракеты вывезут и уничтожат, но никто и никогда в руководстве не скажет, во сколько миллиардов рублей обошлась советскому народу их очередная бездумная «историческая акция». Конечно, она будет расценена как «победа советской внешней политики».

Андропов мог быть доволен «ответными мерами», если такое чувство могло прийти в его состоянии; на Западе могли оценить, что советский руководитель умеет подкреплять свои слова делами...

Приехавший в середине января в больницу Черненко увидел, как болезнь до неузнаваемости изменила человека. На лице Андропова явственно лежала печать близкой кончины. Задыхающийся от эмфиземы легких, находящийся в едва ли лучшем состоянии Черненко, перебирая подрагивающими пальцами бумаги, докладывал генсеку: в Кремле введен новый комплекс для проведения пленумов ЦК. Объект имеет специальные сооружения, инженерное обеспечение, защиту, автоматическое управление... Большой старец, исполнявший по капризу исторического случая роль партийного принца, сразу же предложил за эту работу наградить орденами 300 человек, нескольким десяткам людей дать Государственные премии, а Боголюбову, заведующему общим отделом ЦК, — Ленинскую премию⁹⁰. Безучастно слушавший Андропов едва заметным движением головы давал понять, что согласен.

...Смерть всегда приходит не вовремя. Андропов мог думать, что самая загадочная и неопределенная часть жизни

человека — его будущее. Каким он останется в памяти людей? Что будут говорить о нем? Заслонит ли историкам долгая «чекистская деятельность» его короткую, отчаянную попытку прервать губительную стагнацию отечества?

...Размышления вновь прервал голос усердного чиновника, проводившего вместо него уже несколько месяцев заседания таинственного для всех политбюро... Посольство США обратилось с просьбой разрешить спецрейс американского самолета для доставки посла Хартмана из Москвы в Стокгольм... В прошлом году американцы сорвали наш спецрейс в Нью-Йорк... Считаем, что нужно не давать Вашингтону согласия на этот пролет...⁹¹

Голос уплыл куда-то и вновь возвращался...

...Пришло письмо из МОТ (Международной организации труда), в котором просят объяснить, говорил Черненко, почему в СССР не существует права выхода крестьян из колхозов. Мы одобрили такой ответ, что по колхозному уставу на основании личного заявления каждый крестьянин у нас может вступить в колхоз или выйти из него... Например, в 1982 году из колхозов выбыло 450 тысяч человек и принято туда 617 тысяч...⁹²

Черненко продолжал перебирать бумаги. Вам надо подписать ответы на письма Грюдо, Кастро, Цеденбала, одобрить поздравление с днем рождения Чаушеску 26 января 1984 года...⁹³

Гигантская страна не чувствовала перебоев в «ленинском» руководстве. Шестеренки отлаженной бюрократической машины продолжали медленно, но безостановочно вращаться, не останавливаясь ни на минуту. В высшем партийном руководстве уже почти привыкли, что их лидер общается с ними только посланиями.

Пользуясь немощью генсека, Черненко получил одобрение Андропова на принятие постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О материальном обеспечении первых секретарей крайкомов, обкомов партии и председателей исполкомов краевых и областных Советов». Устанавливались очень высокие пенсии, сохранялось специальное медицинское обеспечение, автотранспорт, дачи и т.д.⁹⁴

Черненко, как главный партийный чиновник, всегда особо заботился о партократии, создании особого слоя преданнейших режиму людей. Андропов, пытавшийся в

начале своей генсековской карьеры повести борьбу с элитаризмом, избранностью, теперь уже не мог противиться Черненко. Он устало прикрыл глаза в знак согласия...

Последняя в жизни Андропова записка была обсуждена членами партийного ареопага за две недели до его смерти. Генсек подводил итоги работы высшего руководства за 1983 год. Отмечая усиление «коллективности в руководстве» и улучшение «контроля за выполнением принимаемых решений», Андропов предлагал разгрузить политбюро от второстепенных вопросов, передавая их для решения в секретариат и отделы ЦК. Так же когда-то советовал Ленин освободиться от «вермишели» мелких дел.. По-прежнему, сетовал генсек, не все ладно с подбором кадров...⁹⁵

Все вроде верно, но одновременно создается впечатление, что проигрывается старая-старая заезженная партийная пластинка 20—50-х годов... Прежние рецепты, ортодоксальные решения, испытанные методы должны были, по мысли Андропова, помочь вывести страну из глубокого застоя. Генсек хотел, чтобы обойма старых способов вновь заработала через усиление требований к общественной, государственной и личной дисциплине, создание в стране атмосферы «борьбы за порядок». Несмотря на симпатии и поддержку «линии» Андропова со стороны миллионов людей, она могла дать лишь какое-то временное, частичное улучшение положения дел в стране.

Где-то в конце января приехал к Андропову Устинов — человек, к которому генсек испытывал особую близость. Министр обороны долго рассказывал об оборонных делах, а затем перешел к положению в Афганистане. Старый оборонщик, которого политбюро сделало маршалом, все еще верил, что 40-я армия добьется стабилизации ситуации в соседней горной стране. В конце беседы Устинов показал для одобрения длинный-длинный список военнослужащих для награждения орденами. Андропов пробежал часть документа, почему-то цепляясь взглядом лишь за фамилии, рядом с которыми стояло — «посмертно». рядовой Арсентьев Виктор Анатольевич... сержант Бондаренко Виталий Владимирович... ст. лейтенант Гусев Михаил Петрович... капитан Музыка Александр Владленович...

Андропов не стал дальше читать, тем более что в конце наградного указа стояло факсимиле Андропова, а ниже

· подпись секретаря Президиума Верховного Совета Ментешашвили...

Уже три года необъявленная война. Цинковые гробы.. Посмертно награжденные... Пережил ли раскаяние генсек за авантюру? Никто и никогда не узнает...

Почти все отведенные судьбой последние дни земной жизни Андропов, прикованный к больничной постели, работал. Хотя эта работа уже сводилась, в лучшем случае, к подписанию подготовленных документов или слабому жесту, выражающему согласие с предложениями помощников. Одно из последних писем, отправленных от имени Андропова, датированное 28 января 1984 года, адресовалось Рейгану. Составители речей и записок генсека подготовили письмо в весьма жестком духе, без выражения какой-либо надежды на улучшение отношений в ближайшем будущем после развертывания американских своракет «...Будем откровенны, г-н Президент, — говорилось в послании, — не получается делать вид, будто ничего не произошло... Опасно возросла напряженность»⁹⁶.

Этот документ, прежде чем одобрить, Андропову зачитали, и он согласился с его содержанием. А письмо к председателю ЦК Компартии Японии К. Миямото, скрепленное также факсимиле генсека 8 февраля 1984 года, за сутки до своей смерти, Андропов физически не мог ни услышать, ни прочитать, ни одобрить. Больной потерял сознание еще раньше. Но могучая, отлаженная, проверенная, живучая, циничная бюрократическая партийная машина не подала и виду, что генсек находится в коме. Письмо Миямото от бессознательного Андропова ушло в Токио. По существу, с «того света» на «свет этот».

Да и в день кончины генерального секретаря, последовавшей после полудня 9 февраля, политбюро привычно заседало. Обсуждали вопрос о весеннем севе, о соцсоревновании, работе Комитета партийного контроля, использовании космического пространства в мирных целях, о дополнительной помощи Афганистану, активизации советско-ливийских отношений и другие бесчисленные вопросы⁹⁷.

...Андропов умирает, а политбюро заседает «Дело» превьше всего. Хотя «соратники» чувствовали, что развязка близка. Не случайно на этом заседании приняли решение об отсрочке визита Г. А. Алиева в Дамаск. Партийная коллегия уже мысленно готовилась к самой главной,

первой задаче после смерти Андропова — избранию нового генсека. Поэтому в это время — никаких командировок...

Последние несколько дней до кончины Андропов не приходил в сознание. Разум уже был украден смертью, а сердце обреченно продолжало биться...

Ветер времени несет нас всех в своих струях в одном направлении. Одни задерживаются в этом потоке дольше, другие — меньше. Но все в конце концов оседают в долине небытия, где ветер уже не влечет в грядущее, ведь теперь человек погружается в вечность. Такова судьба всех: генсеки не пользуются исключениями.

В рабочих бумагах генсека сохранились наброски стихотворения, принадлежащего перу Андропова:

Мы бренны в этом мире под луной.

Жизнь только миг. Небытие — навеки.

Кружится во Вселенной шар земной,

Живут и исчезают человеки...

Таким был Юрий Владимирович Андропов, человек сильного, волевого, но одномерного интеллекта. В этом утверждении нет противоречия. Он мыслил глубоко и масштабно, но обреченно шел до конца по узкой и тесной тропе ортодоксального ленинизма.

Человек конечен в бесконечности бытия.

„Вожда“ ШЕСТОЙ: **КОНСТАНТИН
ЧЕРЧЕНКО**

*Все приходит у нас слишком поздно.
И мы слишком долго находимся в переходном
состоянии, в каком-то междуцарствии.*

Н. Бердяев

В будущем — неясном, смутном, туманном — всегда есть вызов настоящему. Это может понять только истинный лидер, проницательный деятель, большой мыслитель.

До XX съезда КПСС советские люди смотрели на будущее из классовой бойницы: у самого горизонта лазоревая полоса обетованной коммунистической земли, а в пространстве от прицела до алеющего рая — неисчислимый сонм врагов. «Капиталистическое окружение». Двухцветный мир лишь подчеркивал наши «совершенство», «истинность», «историческую правоту». Иллюзорное будущее давало предписания ленинско-сталинскому настоящему. Мир был прост и понятен, как серп и молот на красном стяге. Будущее казалось не вызовом, а только целью. Высокой. Конечной. Близкой. Ведь и Ленин, а затем и Хрущев называли точные сроки и даты «пришествия» земного рая.

После XX съезда появились в большевистском мирозерцании новые акценты, «уточняющие» историческую схему большевизма. «Добрый» Ленин, в свете «неожиданно» выявившихся «злодейств» Сталина, стал еще более гениальным, абсолютно безгрешным провидцем. Разумеется, утверждалось, что злодейства Сталина не имели никакого отношения к системе, строю, ленинской идеологии. На великую цель появившаяся аномалия, естественно, не повлияла. Так учили нас, так наставляли и мы. Но пришло время, и все большее число людей стали понимать, что эти большевистские «правды» есть бытие боль-

шого, универсального Зла, выражающегося в тотальной Лжи. Именно на этой основе в железобетонной, с колючей проволокой системе, построенной двумя первыми вождями, стал углубляться кризис, расширяя многочисленные трещины в монолите. Хрущев был увлечен борьбой. Не со сталинизмом, а с «культом», и эти трещины ему казались эфемерными. Брежнев их не замечал. Андропов их увидел, но не смог зацементировать. Пришедший Черненко оказался не в состоянии ни увидеть, ни понять, ни что-либо сделать. Как это ни парадоксально звучит, именно он, помимо своей воли, стал предтечей грядущих перемен. Шестой «вождь» КПСС и СССР, совсем не оставивший заметного следа в советской истории, тем не менее стал знаком ее судьбы. С приходом Черненко даже скрытым сталинистам, ортодоксальным ленинцам, приверженцам классовых догм стало ясно — система на излете. Если она уже не в состоянии даже избрать хоть в какой-то степени приемлемого лидера... Ниже падать уже было некуда. Смутно, не явно, многие стали ожидать грядущих перемен.

Не чувствовал этого, однако, новый генеральный секретарь. Для него не существовало вызова из будущего. Потому что Черненко был весь, целиком, из прошлого. Вся его бывшая энергия, прилежность, скромные знания и ограниченное воображение ушли, были потрачены на бесподобную чиновничью карьеру. Когда он наконец взобрался, взгромоздился, вопреки всякой логике и возможностям, на самую высокую, самую главную вершину власти, у него уже совсем не осталось сил. Ни физических, ни духовных. Черненко действительно стал мрачным знаком судьбы системы, утратившей будущее.

Черненко продвигался, порою почти полз к следующей ступени иерархической лестницы ленинской партии, находясь в услужении у пятого «вождя». Когда ему шел семьдесят третий год, он наконец, обессиленный, сел в кресло генерального секретаря партии — высшую должность в советском государстве. Черненко оказался самым старым из всех советских лидеров, когда-либо получавших этот пост. Большой старец, скрытный и осторожный, с посредственным умом, торопливой и невнятной речью, получил жезл высшего коммунистического правителя. Таковой оказалась инерция протекционистского длинного толчка,

который сообщил ему Брежнев, начиная еще с «молдавских времен».

Заключительный акт «оформления» в генсеки прошел так же, как у Андропова, как произойдет и у последнего «вождя» — Горбачева.

Черненко был готов и намеревался сесть в это кресло сразу после смерти Брежнева. Однако негласный, но очевидный альянс чекистов и военных помешал ему это сделать. Сейчас другая ситуация: для Устинова Черненко уже более подходящая кандидатура, чем Романов или Гришин. Шеф КГБ Чебриков еще слишком маловлиятелен, чтобы заключать с ним такой же союз, как с Андроповым. Поэтому главного «силового» препятствия перед Черненко в этот момент не оказалось.

Другое важное преимущество: со второго сентября 1983 года Черненко вел заседания политбюро, замещая умирающего Андропова. А это очень много значило. Около полугода Черненко держал рычаги высшей власти непосредственно в своих руках. Все уже как бы привыкли, что именно этот невзрачный, сутулый, седой человек, задыхаясь, открывал очередное заседание высшей партийной коллегии, определяя накануне, что обсуждать, а что отложить, что отдать в отделы без рассмотрения, предрешая при этом высшие кадровые назначения, как и принятие тех или иных постановлений. По партийной традиции потенциально первому лицу после умершего вождя обычно поручается возглавлять комиссию по похоронам. Черненко знал, что ему сейчас, после смерти Андропова, помешать некому. Большинство стариков — за него.

В 11 часов 10 февраля 1984 года в зале заседаний политбюро в Кремле собрался партийный синклит. Накануне прошли, как обычно в таких случаях, неофициальные встречи некоторых членов политбюро, и главная среди них — Черненко с Тихоновым. Ведь они были друзьями...

За длинным столом заседаний двадцать человек: члены политбюро, кандидаты в члены, секретари ЦК. Черненко, поднимаясь из-за председательского места во главе стола, произносит только две фразы:

— Товарищи, вчера мы собрались с вами и рассмотрели основные организационные меры, связанные с похоронами Ю.В. Андропова. Сейчас нам нужно решить еще один вопрос, который мы не решили вчера.

После этих слов Черненко демонстративно переходит к середине общего стола, на свое обычное место, пока он не замещал генсека. Хотя председательствующий знал, что все предрешено, он предпочел поиграть в «демократию». Дальше все пошло по традиционному сценарию, который сдва ли кто составлял, но который держали в голове все решающая роль принадлежит первому выступающему тому, кто предложит кандидатуру. Председательствующий знает, кому дать выступить п е р в ы м... А затем вступает в силу «закон единства»: нужно только поддерживать, стараясь найти новые эпитеты предложенной кандидатуре Любой, кто предложит другое лицо, — «раскольник».

Все девятнадцать «неприкасаемых» молча смотрят на Черненко.

Черненко: Сегодня у нас один вопрос — это вопрос о Генеральном секретаре ЦК КПСС. Какие будут предложения? Прошу товарищей высказаться.

Председатель Совета Министров уже поднял руку..

Тихонов: Товарищи, все мы переживаем горестные минуты. Юрий Владимирович не так долго выполнял обязанности Генерального секретаря. Но все мы знаем, какую большую творческую работу он провел.. Наша партия располагает большим количеством хорошо подготовленных кадров. Я считаю, что в Политбюро ЦК у нас также имеются достойные товарищи. Поэтому я вношу предложение рекомендовать очередному Пленуму ЦК КПСС избрать Генеральным секретарем ЦК т. Черненко Константина Устиновича. Я думаю, что все мы *едины* (курсив наш. — Д.В.) в том, что действительно Константин Устинович Черненко достойная кандидатура на пост Генерального секретаря ЦК КПСС... Тов. Черненко К.У. уже давно занимается вопросами работы Политбюро и Секретариата ЦК. Он помогал Юрию Владимировичу Андропову, замещал его во время болезни и отпуска...

Громыко: Я поддерживаю предложение, высказанное Н.А Тихоновым, о том, чтобы рекомендовать Пленуму ЦК избрать Генеральным секретарем тов. Черненко Константина Устиновича... Мы должны смотреть дальше, имея в виду, что перед Центральным Комитетом партии, всеми нашими организациями стоят очень большие задачи..

«...Смотреть дальше...», а предлагается большой старец, который с трудом добирается до председательского стола

Устинов: ...Черненко был как бы вторым лицом в ЦК в отсутствие Леонида Ильича, а в последнее время — в отсутствие Юрия Владимировича Андропова. Он проводил заседания Политбюро, Секретариата и приобрел очень большой опыт в этом деле...

(Вот, оказывается, что важно для руководства великой страной — обладать опытом проведения заседаний...)

Гришин: ...У нас в партии существует преемственность в передаче руководящих постов, и это очень хорошо. Константин Устинович работал вместе с Л.И. Брежневым, заменял его неоднократно, в последнее время он работал вместе с Юрием Владимировичем Андроповым и также заменял его...

Горбачев: Обстановка требует того, чтобы наша партия и прежде всего ее руководящие органы — Политбюро, Секретариат — были сплочены как никогда... Заседания Политбюро и Секретариата, которые он (Черненко. — *Д.В.*) ведет в последнее время, проходят в духе единства, в духе учета мнений всех товарищей... Единодушие, с которым мы сегодня говорим о кандидатуре Генерального секретаря, называя все однозначно кандидатуру Константина Устиновича, свидетельствует о том, что у нас в Политбюро действительно существует в этом отношении полное единство...

Горбачев в своем выступлении особо подчеркивал необходимость «сохранения принципа преемственности», возможно, понимая, что старец протянет недолго и следующим вождем будет именно он... Но, разумеется, так думает автор книги.

Выступили почти все. Не «успели» лишь лица из «второго эшелона»: И.В.Капитонов, К.В.Русаков и Н.И.Рыжков. После выступления В.М.Чебрикова — шефа КГБ, в котором он, в частности, отметил «исключительные заслуги Черненко в деле укрепления органов Комитета государственной безопасности», за длинным столом раздались голоса: «все ясно», «кандидатура одна», «давайте примем решение».

Заклучил «дискуссию», проведенную в духе мертвящего ленинского «единства», сам Черненко:

— Товарищи, все высказались (не все. — *Д.В.*) и наме

тили кандидатуру на пост Генерального секретаря, продемонстрировали единодушное мнение о том, чтобы рекомендовать мою кандидатуру на этот пост...

Дальше, как всегда, следовали благодарности и заверения в том, что новый генсек будет исходить из необходимости «коллективности руководства» и «единства»¹

Читая этот протокол, меченный датой 10 февраля 1984 года, поражаешься одному. Большинство членов политбюро хорошо знали, не могли не знать, что человек, которого они собрались рекомендовать на высший пост, глубоко посредственная личность, малообразованная, без широкого государственного мышления, очень скудно наделенная природой интеллектуальными способностями. Кроме прилежности партийного чиновника, исключительной услужливости перед генсеками, бумажной педантичности, хорошего знания всех бюрократических пружин и правил, Черненко не обладал более ничем, что необходимо лидеру ленинской партии и государства.

Полное отсутствие демократических традиций в руководстве, пресс большевистских стереотипов, вроде пресловутого «единства», отсутствие гласности, монополизм власти одной политической силы предопределяли одномерность мышления и решений.

Выступая на траурном митинге во время похорон Андропова, Черненко с большим трудом смог зачитать небольшую надгробную речь.

Слушатели с трудом улавливали смысл произносимого: оратор «проглатывал» слова, неоднократно кашлял, останавливался, вытирал платком губы и лоб. С трудом новый генсек смог едва-едва приподнять руку, прощаясь со своим предшественником у могилы.

К мавзолею он поднялся с помощью недавно сооруженного специального подъемника в Сенатской башне Кремля, а спускался вниз при поддержке двух охранников... Как сообщали на Западе, Дэвид Оуэн, лидер британской социал-демократии, будучи врачом, профессионально определил: у Черненко — эмфизема легких. Как увидим дальше, он не ошибся.

Избрание Черненко, по рекомендации политбюро, на пленуме ЦК, открывшемся в Свердловском зале Кремля в 11 часов 13 февраля 1984 года, было еще одним выражением эрозии и заката ленинской системы.

Будущий помощник Горбачева А.С.Черняев, присутствовавший на этом пленуме, весьма колоритно передал его атмосферу.

«...Свердловский зал был уже почти полон... Провинциальная элита уже вся здесь. И все как обычно: целовались в засос, громко, через ряды приветствовали друг друга, делились «новостями» о снеге, о видах на урожай, словом, шел «партийный толк» между своими, чувствующими себя хозяевами жизни. В этой разноголосице я не услышал ни разу имени Андропова или разговора о его смерти...

Где-то без двадцати одиннадцать зал смолк. Началось ожидание. С каждой минутой напряжение росло, атмосфера будто наполнялась электричеством... Напряжение достигло кульминации. Все взоры в сторону левой двери за сценой, где выход в президиум: кто первый?!

Ровно в 11 в проеме двери показалась голова Черненко. За ним Тихонов, Громько, Устинов. Горбачев и др.

Зал отреагировал молчанием...»²

А вот что писал позже помощник нескольких генсеков, в том числе и Черненко, А.М.Александров-Агентов:

«...я не раз задавал себе вопрос: как же все-таки получилось, что на высшем руководящем посту огромного государства оказался этот слабый и физически, и во многих других отношениях человек, не имевший для этого ни достаточной эрудиции, ни опыта настоящей государственной работы, ни знания экономики? Ведь не могли же этого не видеть избравшие его коллеги, да и сам Константин Устинович, если уж на то пошло?»³.

Действительно, почему? Как могло это произойти? Среди целого ряда глубинных причин исторического и социального порядка назову и такую: большевизм за семь десятилетий коренным образом изменил людей и их руководителей. Разрыв между политикой и моралью оказался столь глубоким, что никто из «соратников» Константина Устиновича не испытывал ни тогда, ни позже угрызений, мук совести. Удобные объяснения типа: «Иначе нельзя было. Традиции. Партийные нормы. Единство...» кажутся наивными или фальшивыми.

Долгие годы правления ленинцев деформировали мораль в соответствии с главным критерием первого вождя: нравственно все то, что служит делу коммунизма. В данном случае никто (никто!) не оказался способным про-

явить мужество. Ни сам Черненко, ни его коллеги, которые позже (все без исключения) стали говорить о его никчемности.

Великий Гегель в своей «Философии религии» написал: «Мужество выше скорбного терпения, ибо мужество, пусть оно окажется побежденным, предвидит эту возможность...»⁴ Все мы были лишены тогда этого интеллектуального мужества, предпочитая говорить об аномалиях, ущербности системы вполголоса. Предпочитали «скорбное терпение»...

Это не было парадоксом: никто не хотел видеть канцеляриста лидером партии и страны. Но никто (!) не возразил, не возмутился, не предложил публично иного решения. И не мог предложить. Ибо система, созданная Лениным и «усовершенствованная» Сталиным, продолжала работать. Невидимые шестеренки политического механизма продолжали вращаться с тупой неумолимостью.

Черненко — не случайность. Это закономерный плод бюрократического всевластия и вырождения большевизма.

Черненко не был в состоянии повести страну и партию в будущее. Его «пришествие» стало знаком углубления общего кризиса общества, признаком полного отсутствия у партии позитивных программ, симптомом неизбежности грядущих потрясений. Не будучи авгуром, можно было сказать: черная птица грядущей беды для коммунизма появилась над Кремлем.

Новый генсек ничего не разрушал и не созидал. Он не имел ни явных врагов, ни больших политических друзей. Черненко не призвал страну поднимать новую «целину» или демонтировать систему тотальной слежки. Генсек был классическим бюрократом с посредственным мышлением.

Но посредственности опасны именно тем, что они политически неуязвимы. Перед своими «соратниками» Но не перед историей.

Печать безвременья

Из всех «главных» лидеров СССР за всю ее историю Черненко К.У. меньше всех находился на высшем пике власти, всего 13 месяцев. Это были месяцы тусклого безвременья. Обществом овладело чувство апатии, полити

ческого равнодушия, какого-то смутного ожидания, а порой и нескрываемого интеллектуального смятения.

Внешне почти ничего не изменилось. Награждали «победителей» соцсоревнования, стояли на улицах длинные очереди около полупустых магазинов, проводились многотрудные и многочасовые собрания партийных активов; переполненные электрички из ближнего и дальнего Подмосковья везли в столицу граждан «развитого социалистического общества», надеявшихся хоть что-то купить там; милицией наглухо перекрывалось движение на улицах, когда длинные черные «членовозы» (лимузины высшего руководства) после рабочего дня отвозили «неприкасаемых» в загородные подмосковные шикарные особняки... Пульс страны бился вяло и как-то обреченно.

По-прежнему страна вела необъявленную и непонятную людям войну в Афганистане. После замученного Тараки пришел к власти его убийца Амин, которого, в свою очередь, советские спецназовцы расстреляли в его собственном дворце. К слову, с тем и другим еще до ввода советских войск мне довелось встречаться в бывшей королевской резиденции после «апрельской революции». Посадили в Кабуле послушного и говорливого Кармаля, сменили его потом еще одним ставленником КГБ — Наджибуллой... Но все эти перетасовки ничего не изменили и изменить не могли. СССР застрял в грязной войне, принимая ежедневно цинковые гробы со своими солдатами из соседней горной страны...

В «социалистическом лагере» все как бы затихло в ожидании. «Солидарность» в Польше продолжала глухо сопротивляться; у Берлинской стены не прекратили убивать смельчаков, пытавшихся ее преодолеть; «диссиденты» не только из СССР, но и из Чехословакии, Венгрии, Болгарии все громче заявляли о себе, требовали свободы и соблюдения прав человека; советские самолеты везли кубинских солдат в Анголу и Эфиопию для спасения обанкротившихся марксистских режимов. Северная Корея, все более дистанцировавшаяся от Москвы, тем не менее продолжала требовать от нее новых поставок оружия и боевой техники. Китай как бы выжидал, не отказываясь от своих «трех условий». Все попытки советской дипломатии улучшить прохладные отношения со «средним государством» наталкивались на вежливые и в то же время

жесткие отказы. СССР хотел «остаться» во Вьетнаме, но тот нуждался лишь в его технической помощи, а не в политических советах. В Африке и арабском мире, где возникли с помощью СССР режимы «социалистической ориентации», росли военные арсеналы. Туда ехали все новые сотни и тысячи советских военных советников. А тощая экономика этих стран неумолимо впадала в полную дистрофию...

В Вашингтоне и столицах стран НАТО все больше понимали: СССР надломился под тяжестью гонки вооружений и кризиса директивной экономики и не хотели ни в чем уступать «империи зла». Если Андропова еще пытались вытянуть из Москвы для встречи с Рейганом, Колем, некоторыми другими лидерами западного мира, то Черненко уже приглашали очень немногие. Все понимали: это совершенно временная, очень временная и переходная фигура.

В «коммунистическом и рабочем движении» тоже ничего не менялось. В штаб-квартиры марксистских партий шли из Москвы «рекомендации» — как усилить борьбу с ракетными планами США, «еврокоммунизмом», идеологическими диверсиями империализма. Все сохранилось и продолжалось в духе традиций. По-прежнему лидеры и функционеры этих партий тянулись в Москву на отдых, за инструкциями, а главное — за деньгами. В СССР в течение года приезжали не менее 2—2,5 тысячи руководителей разного уровня из «братских компартий». В международном отделе ЦК, с его почти двадцатью секторами, прикидывали, как лучше распределить многомиллионный валютный бюджет «для помощи братским партиям». И распределяли. Миллионы долларов, фунтов, марок, франков, как в ленинские времена. Только теперь опыта и конспирации в этом деле было больше... Везли народные деньги на Запад и Восток, конечно, представители КГБ. Не было ни одного провала в доставке.

Лидеры всегда фокусируют на себе повышенное внимание. От наблюдательных визитеров не могло укрыться, что задыхающийся новый шестой лидер с трудом общается по заготовленной помощниками бумажке, отвечает на вопросы крайне односложно и элементарно. Как писала парижская «Русская мысль» в марте 1984 года: у Чернен-

ко «самой примечательной чертой является отсутствие всякой примечательности»⁵.

Сутулый покашливающий человек с короткой шеей в отличие от Андропова фактически не пытался ничего серьезного изменять. Ему было трудно не только ходить, но и думать. Он привык работать с документами по накатанной колее решений, контроля, отчетов, директив.

Конечно, Черненко начал свою работу с заседания политбюро, которое полностью «одобрило» решения февральского пленума ЦК КПСС (где он был избран генсеком) и рекомендовало для руководства всей партии его «тронную речь».

Выступая на первом, «своем», заседании политбюро, Черненко особо педалировал на то, что «решения февральского пленума получили полную поддержку в партии, стране, братских странах и коммунистическом движении». Черненко в своей речи добросовестно повторил андроповские сюжеты о необходимости «рассматривать на политбюро только крупные вопросы», о важности «улучшения управления сельским хозяйством и промышленностью», о налаживании «контроля исполнения», «повышения дисциплинированности людей», об уменьшении «потока бумагооборота...» и т.д.⁶.

Бюрократическая пластинка партийной власти продолжала вращаться медленно, но неотвратно. Постановления, решения, сползающие с властного конвейера, уже жили сами по себе, а жизнь текла сама по себе... В кабинете генсека сидел человек, который бесконечно верил в силу бумаги, директивного управления, своевременно принятого решения.

На заседании политбюро, о котором мы говорили выше и которое состоялось 23 февраля 1984 года, Черненко произвел перераспределение обязанностей его членов. Себе он взял традиционные вопросы генсеков: организацию работы коллегии, оборону страны и безопасность, основные вопросы внутренней и внешней политики, расстановку основных кадров партии и государства, а также «повесил» на себя отдел внешнеполитической пропаганды и любимые детища — общий отдел и Управление делами ЦК (по сути, специальную личную канцелярию и общее «хозяйство» ЦК). При этом Черненко заявил, что, «разу-

меется, круг вопросов, которыми мне предстоит заниматься, значительно шире».

Горбачеву, ставшему «человеком номер два», он выделил работу секретариата ЦК и все сельскохозяйственные вопросы. Правда, Тихонов неожиданно заявил: «У меня есть некоторое сомнение в предложенном распределении обязанностей секретарей ЦК. Выходит, что М.С.Горбачев, руководя работой секретариата, будет одновременно вести все вопросы развития сельского хозяйства. Я ничего не имею против Михаила Сергеевича, но не получится ли здесь определенного перекоса?»

Черненко успокоил Тихонова, не без оснований видевшего в передаче Горбачеву организации работы секретариата усиление позиций самого молодого члена политбюро. Но в конце заседания генсек еще поднагрузил Горбачева, передав ему руководство комиссией по Польше⁷

Политические взгляды Черненко были крайне консервативны. Не раз в узком кругу он весьма благожелательно отзывался о Сталине, о том времени, «когда партийная директива была законом». Но он, конечно, не мог пойти дальше Брежнева в полуреабилитации Сталина. Ни сил, ни времени, ни ума у него на это не было. Однако одно «дело» он все же «провернул». Ближайший сподвижник Сталина, «человек № 2», В.М. Молотов был, как известно, отлучен Хрущевым от власти и прозябал на нищенскую пенсию в подмосковной Жуковке. Мне довелось видеть в архивах немало подписей Молотова под «расстрельными» списками. Сталиным давались ему конкретные поручения по кровавой чистке⁸. Как свидетельствуют люди, встречавшиеся с ним в последние годы его жизни, Молотов ни в чем не раскаивался.

К каждому очередному съезду Молотов писал письма с просьбой его реабилитировать и восстановить в партии. Регулярно получал вежливые отказы. Даже Брежнев не решился на фактическую реабилитацию этого человека. Прислал Вячеслав Михайлович Молотов письмо и Черненко. Тот, запросив бумаги из архива, с любопытством взирал на большевистские дела бывшего соратника Ленина, Сталина, Берии, Жданова, других вождей ушедшего времени. Долго листал сборник Молотова «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов»

На очередном заседании политбюро («за повесткой дня») предложил восстановить Молотова в КПСС. Возражений не последовало. Объявил сталинскому соратнику об этом сам генсек, лично. Молотов умер 8 ноября 1986 года, в возрасте 96 лет, будучи вновь членом «ленинской партии».

Может быть, у Черненко это был один из очень немногих поступков, решение по которому он принял сам...

Очень скоро новый генсек дал всем понять: никаких крупных новаций в работу высшего органа партийной и государственной власти вносить он не собирается и не будет. А если что и будет, то скорее как возврат к брежневскому безмятежному, сонному бытию. Я писал в очерке об Андропове, что тот решился однажды (исходя, конечно, в этом случае не из идеологических соображений, а из материальных) заморозить на два года строительство памятников, в том числе и Ленину. Однако уже 5 апреля 1984 года, с согласия Черненко и по настоянию многочисленных ленинских ортодоксов, ЦК КПСС и Совет Министров СССР принимают новое постановление: «Продолжить в 1984—1985 годах сооружение памятников Ленину в населенных пунктах согласно приложению». На основании этого решения были осчастливлены многие десятки городов: Красновишерск, Малая Вишера, Чудово, Ковылкино, Ханты-Мансийск, Волжский, Бийск, Сызрань, Воркута, Белебей, Мичуринск, Анапа, Дудинка, Находка, Нефтекамск, Северодвинск и многие, многие другие⁹

Монументальное идеологическое безумие было продолжено. Каменные, чугунные, бетонные, бронзовые идолы вождя вновь стали расти по городам и весям неоглядной державы.

А может быть, Черненко был большим ленинцем, чем все остальные его «соратники»? Если посмотреть на традиционный для члена политбюро сборник «Избранные речи и статьи», срочно переизданный в 1984 году, то действительно почти половина опубликованных статей и речей — на ленинскую тему. Несмотря на различие заголовков, все они предельно апологетичны, тусклы, однообразны. Одни названия говорят о глубоко бюрократическом мышлении Черненко: «Руководящая роль В.И. Ленина и КПСС в разработке основополагающих документов государственного строительства»; «Некоторые вопросы ле-

нинского стиля в работе КПСС»; «XXV съезд КПСС о дальнейшем развитии ленинского стиля в партийной работе»; «За ленинский стиль в партийной работе»; «Возрастание руководящей роли КПСС в условиях развитого социализма и ленинский стиль работы»...¹⁰

Пожалуй, хватит. От долгого чтения такой «теории» может сделаться дурно: возрастание роли партии, ленинский стиль в работе, ленинские идеи в работе партийного и государственного аппарата — любимые темы официальных советских партийных историков. Черненко был органической частью этого «стиля», его воплощением и личностным выражением его ущербности.

Те статьи, которые высшие партийные деятели подписывали, те речи, которые они произносили, всегда готовили их помощники и референты. Но одного нельзя оспорить — эти люди, пожалуй, верили тому, что писалось и говорилось от их имени. В одной из совершенно пустых, бессодержательных статей Черненко, которую, разумеется, писали другие, например, утверждалось, что «чудовищную ложь и нелепость распространяют наши враги, пытающиеся представить социализм как общество, якобы подавляющее инициативу, права и свободы людей. Ни в одной капиталистической стране не может быть и речи о каком-либо участии трудящихся в управлении делами общества. А в советской стране народовластие лежит в самой основе политической системы социализма...»¹¹.

Едва ли Черненко задумывался о том, что за всю историю советского государства ни один его высший руководитель, начиная с Ленина и кончая им самим, не избирался всем народом? Могут сказать: они же были «вождями партии». Но в СССР, где существовала монополия на власть одной политической силы — Коммунистической партии, высшая партийная власть означала и высшую государственную. С хрущевского правления эту «спефику» выражали «избранием» первого партийного лица на высший государственный пост.

Однако заведомая неправда, приведенная из статьи Черненко, лишь крохотная капля из океана лжи, на которой базируется ленинизм. Генсек даже не задумывается, что его огромная власть абсолютно нелегитимна, незаконна, что, утверждая заведомую неправду о «социалистической демократии, как высшем типе», о «рабочем, под-

линном хозяине социалистического предприятия», о том, что «марксизм-ленинизм — единственно верное учение» и другие подобные постулаты, он тем самым укреплял духовный тоталитаризм. Черненко, который всю жизнь «просидел на идеологии», не смел, не мог и не хотел даже подумать, что он, как и многие из нас, был жрецом Лжи, являющейся универсальным Злом.

Самое парадоксальное в феномене социалистического общества заключается в том, что, даже будучи честными субъективно, многие, очень многие люди становятся пленниками, жертвами ложной системы. Все мы, по крайней мере абсолютное большинство, десятилетиями верили в «исторические преимущества социализма», спасительную роль диктатуры пролетариата, в «полное отсутствие прав и свобод у трудящихся капиталистических стран», неизбежность гибели капитализма и «торжество коммунистических идеалов» на всей планете.

Мораль, в основе которой лежат только коллективные интересы, превращает личность в статистическую единицу, нечто подсобное и второстепенное. Правдой, истиной считалось то, что согласовывалось с марксистско-ленинскими постулатами, партийными решениями, классовыми интересами.

Вторгаясь в Венгрию, Чехословакию, Афганистан, мы тут же объявляли, что исполняли «интернациональный долг»; утверждая о преимуществах плановой системы хозяйства, десятилетиями закупали зерно у тех, кто не имел этих «преимуществ»; имея в архивах политбюро секретные протоколы к пакту Молотова—Риббентропа, зная истинную картину уничтожения тысяч поляков, говорили, что этих документов не существует...

Знал ли об этих особенностях марксистско-ленинской идеологии новый (но старый по возрасту) генсек? Едва ли.

Мы все выросли со смещенными понятиями, как люди идеологической веры. Интересно писал об этом польский мыслитель Лешек Колаковский в статье «Тоталитаризм и ложь». В тоталитарном обществе, утверждает философ, ложь исполняет особую функцию. Для людей «спускают сверху версии, которые, конечно, могут быть отменены на следующий же день. Нет никакого надежного критерия правды, кроме того, что объявляется правдой в каждый

данный момент. Так, ложь и на самом деле становится правдой, или, по крайней мере, исчезает различие между правдой и ложью в обычном смысле этих слов. Это великий триумф социализма в сфере познания: поскольку ему удастся упразднить самое понятие правды, его нельзя уже обвинить во лжи»¹².

Когда в 1955 году началась реабилитация осужденных, руководство страны, страшась последствий — в обществе могут узнать, как много было расстреляно людей, — решило поступить так. КГБ совместно с прокуратурой издали Указания для лагерей (№ 108сс): лица, расстрелянные по решению внесудебных органов, должны фигурировать в сообщениях родственникам как умершие. Дату смерти в этом случае указывать в пределах 10 лет с момента ареста, а причины смерти указывать вымышленные...

Это лишь один пример из бесчисленных в тоталитарном обществе, когда ложь официально выдавалась за правду.

Почему я все это говорю в очерке о К.У.Черненко? Неужели он больше других способствовал «триумфам» Лжи? Разве ложь не использовалась раньше?

Конечно, использовалась. Конечно, сознанием людей манипулировали. Конечно, ложь очень часто выдавалась за правду. Однако я утверждаю, что к моменту короткого правления Черненко кризис общества достиг той фазы, когда ложью уже нельзя было залатать прорехи в экономике, образе и уровне жизни, реальных правах человека. Мифы, на которых покоились многие ленинские постулаты, начали рушиться. Люди устали от лжи, обещаний светлого будущего то в этой, то в следующей, то в более дальней пятилетке. Если в Андропове увидели человека, который хотя бы попытался что-то сделать, то с Черненко даже не связывали никаких надежд. Многие понимали, что наступила полоса тусклого безвременья; в обществе стали расти апатия, пассивность, неверие, разочарование в том, чему верили долгие годы.

Черненко в иные дни поручал помощникам связать его по телефону с одним секретарем ЦК республики, затем — с другим, а потом с несколькими обкомами по очереди. Перед ним лежали заготовленные вопросы:

1. Как идет выполнение решений последнего пленума ЦК?

2. Как посевная? По плану все идет?

3. У вас серьезное отставание со сдачей мяса. Что думаете делать?

Плохо представляя реальную картину в экономике, генсек пытался вначале «подстегнуть» партийные комитеты, высказать какие-то общие советы и пожелания. Но в ответ секретари не только подобострастно докладывали о положении дел в области, крае, республике, но и просили технику, деньги, ускорения решений по тому или иному местному вопросу. Черненко в этом случае стремился быстрее завершить разговор, советуя «написать в соответствующий отдел ЦК». После двух-трех попыток телефонного «хождения» на «места» генсек больше не стал усложнять себе жизнь.

Как писал после крушения КПСС бывший главный редактор «Правды», до конца своих дней оставшийся правоверным коммунистом: «Черненко начисто был отрешен от земных дел», ибо плохо знал «экономику, не говоря уже о науке, технике, культуре»¹³.

«Отрешенность» Черненко от этих дел объясняется и тем, что, говоря словами Герцена, он был сильно «охлажден летами». Большому семидесятилетнему старцу впору было заниматься внуками и писать чиновничьи мемуары, а не руководить великим государством.

Следуя шаблонным правилам, Черненко не раз напоминал секретарям ЦК о необходимости «награждения трудящихся» в связи с какими-либо датами, завершением строительства объекта, итогами года. Впрочем, на «местах» уже привыкли и в условиях длительной стагнации находить новые и новые «успехи в социалистическом строительстве». Политбюро этим усилиям, естественно, помогало. Так, 1 марта 1984 года Черненко сам рассмотрел и поддержал на политбюро постановление «О распределении орденов и медалей для награждения работников земледелия по итогам работы за 1983 год». Решили: выделить РСФСР — 8500 «знаков», Украинской ССР — 3500, Белорусской — 1150¹⁴. И так всем «сестрам по серьгам».

Черненко унаследовал от Брежнева личную страсть к наградам, почестям, успев за короткое время стать трижды Героем Социалистического Труда. Проживи генсек дольше, кто-нибудь обязательно предложил бы увенчать его Золотой Звездой Героя за «пограничные дела» (когда-то Черненко служил на границе).

Казенщина и бюрократизм пропитали все, в том числе и нравственное воздаяние за образцовый труд. Ордена «распределяли». А генсеки их получали в зависимости от желания.

Черненко в своих нечастых выступлениях, речах на заседаниях политбюро еще по инерции изредка упоминал Андропова, но совсем уже «игнорировал» память Брежнева, которому в решающей мере обязан своим стремительным продвижением. Покойный генсек любил угодничество, лесть, прилежание. Всеми этими качествами в полной мере обладал Черненко. Став заведующим общим отделом, Константин Устинович фактически превратился в начальника личной канцелярии Брежнева. Смог постепенно завоевать безграничное доверие генсека, был за просто вхож в его семью, выполнял многие домашние поручения близких Леонида Ильича. И добился-таки своего! После XXV съезда партии, в «безупречной» технической организации которого была большая заслуга Черненко, Брежнев на пленуме после съезда в марте 1976 года предложил избрать усердного организатора партийного форума секретарем ЦК КПСС и удостоить его звания Героя Социалистического Труда. Предложение, естественно, принимается. Черненко вошел наконец в обойму самых высокопоставленных людей партии и страны. Свершилось! Его давняя мечта и тайное желание реализовались!

Канцелярист ЦК стал одним из его руководителей. А без Брежнева это было бы невозможно. Судите сами. Вся партийная карьера — всегда на вторых ролях. Не участвовал в войне, проработав все эти годы в тылу, проучившись в школе парторганизаторов. Не имел серьезного образования: диплом Кишиневского пединститута достался ему легко — ведь он был партийным, идеологическим начальником не только для этого вуза в Молдавии... Никогда не был инициатором крупных партийных начинаний. Его в народе, пока не стал генсеком, мало кто знал.

И тем не менее, несмотря на эти «минусы» в биографии, Черненко буквально врывается в святая святых ЦК, становится секретарем, откуда рукой подать до политбюро... Пожалуй, за всю советскую историю нельзя найти столь яркого примера, когда к высшей власти приходили бы люди, главным «достоинством» которых была близость к высшему вождю. Великая страна, великий народ в

результате более чем полувекового эксперимента коммунистов оказались полностью отстраненными от права непосредственно избирать своих руководителей. Захваченная большевиками власть в октябре 1917 года стала монополией одной политической силы. Но высших руководителей партии, которые автоматически становились и хозяевами государства, избирал из своей среды самый узкий клан большевистских функционеров. После смерти очередного старца-генсека миллионам советских людей ничего не оставалось, как лишь ждать сообщения по радио и в газетах: кто будет следующим «выдающимся ленинцем». Каждый новый «вождь» обрекался на прижизненную славу, почитание, обладание всеми мыслимыми добродетелями.

Вырождение системы стало находить свое выражение не только в углубляющемся кризисе экономики, архаизме политического строя, циничном контроле над духовной сферой, но и в приходе на самые высшие посты людей, с которыми общество абсолютно не могло связывать каких-либо надежд. Главой партии и государства, Верховным Главнокомандующим едва ли не самых мощных вооруженных сил в мире стал усердный чиновник с тусклым интеллектом, биографией канцеляриста и полным отсутствием серьезных планов, как выводить страну из кризиса. То было безвременье. Люди с самого прихода этого человека к высшему кормилу власти стали вполголоса спрашивать друг друга: как долго продлится это время «торжественных похорон»? Нет, не только лидеров, земля им пухом, а похорон великой страны и великого народа...

На всех главных документах Центрального Комитета и его политбюро стояла подпись генерального секретаря, скрепленная красной печатью ЦК. Черненко едва ли знал, что то было историческое клише безвременья...

Чиновник партии

Став генсеком, Черненко через несколько дней подписал документ, направленный в партийные комитеты и политорганы. В этой директиве говорилось, какие документы следует принимать в ЦК: четко указывалась ширина полей бумаги, максимальное количество строк на листе и не более пяти страниц по объему... Было это где-то в марте 1984 года. Тогда меня еще не изгнали из Полит-

управления. Помню, офицеры молча читали цэковскую инструкцию, так же молча расписывались об «ознакомлении» и молча уходили.

Все понимали: где-то там, на самом верху, удобно усеяся столоначальник, истый чиновник в душе, канцелярист по призванию, по хватке. Перед страной море проблем, а здесь — какой ширины должны быть поля очередной партийной бумажки..

Но это была не редкая ласточка. Как пишет одно из главных лиц «мозгового бункера» Горбачева Г.Х.Шахназаров, «при Черненко было принято постановление, согласно которому в аппарате ЦК могли работать только коммунисты, избравшиеся ранее секретарями партийных комитетов районных, городских и выше... Формирование аппарата целиком ставилось на бюрократическо-элитарную основу, доступ в него получали одни чиновники»¹⁵ Инженерам, дипломатам, финансистам другим специалистам доступ в «штаб своей партии» был плотно закрыт канцелярской методологией Черненко. Заняв пост генсека, он остался в душе рутинным чиновником партии, все знавшим о том, как рождаются директивы, где хранятся партийные печати и факсимиле членов политбюро, как одним документом можно изменить кадровую ситуацию что в первую очередь доложить шефу, а что во вторую..

Кто мог знать, что сибирский паренек, родившийся 11 сентября 1911 года в простой крестьянской семье в деревне Большая Тесь Новоселовского района Красноярского края, станет на короткое, очень короткое время первым человеком в России

До призыва в армию на военную службу Черненко окончил трехлетнюю школу крестьянской молодежи, где впервые узнал о содержании речи Ленина на III съезде РКСМ, составе политбюро ВКП(б), сути классовой борьбы с кулаками и диктатуре пролетариата, неизбежности мировой пролетарской революции, коммунистическом Интернационале молодежи и еще кое о чем. Элементарная начальная грамотность плюс «политическая сознательность» комсомольского пропагандиста были замечены. Он стал заведующим отделом пропаганды и агитации Новоселовского райкома комсомола В 1929—1930 годах Константин Черненко грудился в райкоме комсомола, обретая опыт идеологической работы в массах

Затем — два годы службы в пограничных войсках где Черненко вступил в ВКП(б) и был избран секретар парторганизации 49-го погранотряда, дислоцированного в Талды-Курганской области.

Вероятно, эта малозаметная строка так бы и осталась никому не известной, закончи Черненко свой трудовой путь в должности начальника канцелярии секретариата Президиума Верховного Совета СССР. Но он, как оказалось, вопреки всякой логике стал первым лицом в партии и государстве. В биографии в этом случае должны быть героические страницы, если и не связанные напрямую с войной, то хотя бы с армией. Сталин, Хрущев, Брежнев в войне нашли свою славу. Один стал, как известно, единственным за советское время генералиссимусом, а второй и третий — двухзвездными генералами. А после войны Брежнев «сподобился» и маршальского звания, когда стал генсеком. Даже Андропов, не бывавший на фронте, как выяснилось в результате тщательных поисков, «формировал в Карелии партизанские отряды»...

Ничего невозможного в партийных биографиях советских вождей не может быть. И у Черненко в биографии нашлись «героические строки». В Казахстане (именно там служил в погранвойсках Черненко), как писал литератор Н. Фетисов, состоялось «боевое крещение» будущего генсека. Писатель приступил к подготовке книги о службе молодого воина на заставах Хоргос и Нарынкол — «Шесть героических суток». Фетисов все пытался уточнить детали о конкретном участии Черненко в ликвидации банды Бскмуратова, о бое в ущелье Чебортал, жизни погранотряда. Даже письмо об этом писал генсеку, вопрошая Константина Устиновича: «Интересным развлечением пограничников заставы Нарынкол было любоваться игрой любимцев пограничников — козла, собаки и kota. Помните ли это?»¹⁶

Нам неизвестно, ответил ли Черненко писателю о «козле» и других животных на заставе. Думаю, что если бы шестой лидер СССР побыл в своей должности не 13 месяцев, а раза в три-четыре больше, то вполне могла бы появиться книга, что-нибудь наподобие «Малой земли» Брежнева, а сам Черненко стал бы Героем Советского Союза. Впрочем, «Песня пограничников» все же успела родиться и была посвящена «ветерану Краснознаменного

Панфиловского отряда товарищу Черненко Константину Устиновичу». Правда, я не помню, чтобы ее исполняли на телевидении или по радио. Возможно, причина заключается лишь в крайне примитивном качестве вирш. Вот один из четырех куплетов:

Сгушались тучи над границею, чернея...

Бандитам путь в страну Пемуров преградил.

В бой вел нас Константин Устинович Черненко.

Парторг всегда был в жарком деле впереди¹⁷.

Тут, ясное дело, только на сюжете со «страной Пемуров» трудно высечь героическую искру. Зато после долгих поисков нашлись более серьезные эпизоды из жизни генсека.

Кто-то из дотошных исследователей жизни генсека (таких у каждого «вождя» было немало) раскопал фронт-овую газету «В бой за Родину» за 29 сентября 1942 года. Там была обнаружена заметка в два десятка строк за подписью красноармейца И. Казакова. Информация небольшая, поэтому я приведу ее полностью.

«В связи с 25-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции на наш фронт приехала делегация трудящихся Красноярского края. Делегацию возглавляет секретарь Красноярского крайкома ВКП(б) по агитации и пропаганде тов. К.У. Черненко.

Рабочие, колхозники, интеллигенция Красноярского края прислали письмо воинам нашего фронта, в котором рассказывается о героической работе в тылу — на заводах, в колхозах, совхозах. Делегация привезла нашим фронтовикам 59 вагонов различных подарков. В числе подарков — мясные и кондитерские изделия, масло, табак, мед, водка, теплые вещи и т.д.

В ближайшие дни делегаты выезжают в части»¹⁸

Об этом примечательном факте из биографии Черненко много сообщали разные газеты спустя сорок лет после события, но книгу написать не успели. Как и о том, что в 1943, 1944, 1945 годах, до окончания войны, Константин Устинович учился в Москве в высшей школе парторганизаторов. На фронт он не просился. Деятельность этого тридцатилетнего человека в годы войны была оценена лишь медалью за доблестный труд, первой пока наградой. Они посыплются на него позже, когда он будет немощным старцем.

Чтобы закончить былинные сюжеты героического прославления генерального секретаря, напомним о еще одной попытке создать легенду. Вскоре после того как состоялась коронация генсека, в ЦК поступил из Красноярского края (родина Черненко) пакет с рукописью пьесы «Человеком ставится, человеком славится». Главный герой сценария, конечно, Константин Устинович, проявивший свои необыкновенные качества руководителя еще в Сибири¹⁹. Пьесу, как и песню, не успели или не сочли приличным (из-за качества) сделать продукцией массового искусства. Фамилии авторов этих произведений, по понятным причинам, не привожу. Пьеса примерно такого же уровня, что и песня о Черненко... Но людей на этот труд благословили партийные комитеты.

Затем три года Черненко трудился в Пензе секретарем по идеологии, а с 1948 года до 1956-го, целых восемь лет, Черненко заведовал отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии Молдавии. Это были для него решающие годы. Здесь республиканский идеолог летом 1950 года познакомился с Л.И. Брежневым, новым первым секретарем ЦК КП(б) республики. Друг другу они понравились. Даже очень. Взаимная симпатия оказалась долгой и устойчивой — до конца жизни.

С помощью Брежнева Черненко совершил выдающуюся, уникальную партийную карьеру, начав с основания иерархической пирамиды до самой ее головокружительной вершины.

Главные, основные годы, когда Черненко сформировался как почти идеальный партийный чиновник, приходятся на работу в Центральном Комитете. Всего пробыл Черненко в этом «штабе», как любили в докладах говорить члены политбюро и секретари ЦК, целую четверть века. Из них почти 18 лет заведующим общим отделом Центрального Комитета; с 1976 года — секретарь ЦК, затем кандидат в члены политбюро и член политбюро, то есть Константин Устинович четыре года являлся полным членом высшей партийной коллегии.

Именно при Черненко роль общего отдела в аппарате ЦК стала особенно заметной, влиятельной, элитной. Среди более чем двадцати отделов ЦК общий отдел всегда исполнял роль главной канцелярии партии, был создателем, хранителем и толкователем ее документов и тайн. Состо-

ял отдел из шести секторов общей численностью около 150 человек. Если другие сектора, а их повторю, было всего в ЦК более 200, имели конкретные, содержательные наименования (например, сектор Украины и Молдавии, сектор газет, сектор философских наук, сектор драматических театров, сектор атомной энергетики, сектор органов госбезопасности, сектор США и Канады, сектор экономики и т.д. в составе соответствующих отделов), то в общем отделе сектора были номерные.

По старой партийной традиции этот отдел был хранителем всех главных тайн и секретов партии, совершенно закрытого архива политбюро. Впрочем, давайте полистаем запись беседы заведующего общим отделом секретаря ЦК Черненко с руководителями секторов «своего» отдела в июне 1976 года.

В кабинете Черненко — ведущие работники отдела Боголюбов К.М. (человек, который в 1982 году сменит шефа на этом посту), Аветисян С.П., Антипов А.И., Егоров М.А., Ермолаева К.Г. и еще около десятка человек. Держа перед собой бумажки (Черненко практически никогда без подготовленного текста не выступал, хотя и проработал добрую половину своей жизни пропагандистом), заведующий своей невнятной скороговоркой, делая к месту и не к месту паузы, поглядывая на листочки, говорил: «...следует ввести или освежить в памяти уже существующие порядки, которые в последнее время почему-то стали запросто нарушаться... А в наших делах, в делах общих отделов — это недопустимое явление...». Далее Черненко сославшись на Брежнева, произнес нечто очень важное раскрывающее глубинную суть работы общего отдела.

«...Мы никогда не должны забывать о том, что общие отделы (а значит, и работники общих отделов) являются преемниками *особых отделов и особых секторов партийных комитетов* (курсив наш. — Д.В.). Помня это, надо иметь в виду, что изменилось только название отделов, но существо особых задач и особых приемов в работе не изменилось. Наоборот, эти особые черты подхода к решению вопросов в работе общих отделов стали более обязательными, более масштабными и более сложными»²⁰

Общий отдел (читай «особый») контролировал всю информацию, поступающую и исходящую из ЦК, скрупулезно следил с помощью «особых приемов», как выразился

Черненко, за использованием документов, работой над ними, чтобы с основного пульта управления, по словам зав. отделом, «всеми материалами в любое время мы могли давать справки секретарям ЦК, членам политбюро и товарищам, кому полагается выдавать эти справки»²¹.

Подразделение Черненко в ЦК, по сути, контролировало всю документальную сторону управленческой деятельности «штаба», зорко стерегло чекистскую стерильность материалов в смысле их поступления только тому, «кому положено». Впрочем, Черненко на этом же совещании, о котором мы говорили выше, заявил: «...одно из важнейших требований, отличающих общие отделы, состоит в конспиративности работы... Я уже говорил, что конспиративность можно обеспечить только тем, что мы будем не расширять, а сужать число людей, работающих с тем или иным секретным документом... добиваться 100-процентного исключения всевозможных лазеек, способствующих утечке информации...»²².

Как чиновник самого высшего разряда, Черненко долго наставляет подчиненных о необходимости особой бдительности в сохранении «печатей и факсимиле секретарей ЦК». Заведующий общим отделом и будущий генсек не только дает «методологические» установки по конспирации, секретности, бдительности, но и формулирует конкретные правила. Например, «печати и факсимиле должны храниться в отдельных сейфах. Сейфы должны иметь два замка. Ключи от этих замков должны находиться у разных лиц...». На многих страницах указаний Черненко следуют советы, как хранить «особо важные документы», с «чьего разрешения должны вскрываться пакеты», как сберегать «ролики после микрофильмирования», каким образом вести «строгий учет всех копировальных и иных аппаратов...»²³. Перед нами типичный чиновник секретного отдела.

С трудом верится, что скоро этот дотошный чиновник станет первым лицом в партии и государстве.

Но, конечно, главные его указания, как и подобает руководителю общего (особого) отдела, касаются конкретных политических вопросов. «Я обращаюсь к товарищам, — продолжает инструктировать будущий генсек, — еще раз по вопросу голосования. Никто и никогда без особых на то указаний не должен давать справки о том, кто и

как голосовал... * Голосование и другие документы, к которым имеют отношение секретари ЦК КПСС, члены политбюро, кандидаты в члены политбюро, являются абсолютной тайной...»²⁴

Черненко в своем бюрократическом инструктаже способен подниматься до патетических обобщений: «...мы с вами представляем прежде всего аппарат Политбюро и Секретариата ЦК... А это само по себе означает, что мы, работники общих отделов, являемся самыми близкими, самыми доверительными к ним людьми...»²⁵.

Разумеется, стенограмма этого инструктажа зафиксирована с грифом «совершенно секретно», а все ведущие работники были обязаны поставить свою подпись на специальном листе в подтверждение того, что они ознакомлены с «указаниями секретаря Центрального Комитета».

Черненко лелеял большевистские традиции сверхсекретности и закрытости «штаба» партии, и не только его. Он не забыл, что когда в 1956 году его затребовал из Кишинева в ЦК Брежнев, то после назначения ему предложили подписать типовое «Обязательство», какое были должны скрепить своим автографом все сотрудники ЦК. В «Обязательстве» указывалось:

«Я, нижеподписавшийся Черненко Константин Устинович, состоя на работе в аппарате ЦК КПСС или будучи уволенным, настоящим обязуюсь хранить в строжайшем секрете все сведения и данные о работе, ни под каким видом их не разглашать и ни с кем не делиться ими.

Мне известно, что за нарушение данного мной обязательства я несу ответственность по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 года.

Так же обязуюсь сообщать Управлению делами ЦК ВКП(б) обо всех изменениях в сведениях, указанных в моей последней анкете, и в частности о родственниках и знакомых, связанных с иностранцами или выехавших за границу.

8 сентября 1956 г.

К. Черненко»²⁶

Подобные большевистские традиции людьми типа Черненко сохранялись и «обогащались...». Неукоснительно.

Общий отдел стал не только главным хранителем доку-

---

* Многие документы, принимаемые политбюро и секретариатом, решались заочным голосованием на специальных листах.

ментальной ауры партии, но и превратился, в силу особо близких отношений заведующего с генсеком, в его личную канцелярию. При поддержке Брежнева в аппаратах и других партийных комитетах роль общих отделов резко возросла. Это признал и сам генсек, выступая 19 мая 1976 года на V Всесоюзном совещании заведующих общими отделами партии. Брежнев, при общем радостном оживлении и последовавших аплодисментах зала, заявил: «...раньше были не отделы, а сектора, по 2—3 человека. А теперь — отделы, да какие! Вот как выросли! Это очень хорошо!»²⁷.

Рост бюрократического аппарата, хранившего тайные (и не очень) бумаги, печати, ключи, руководство партии оценивало как показатель прогресса, развития, совершенствования! Внутренняя жизнь ЦК всегда была особой тайной. Как, впрочем, и других партийных «штабов». Помельче. Сотни тысяч людей: секретари, заведующие, заместители заведующих, руководители секторов, инспектора, инструктора, бесчисленное число работников партийных здравниц, партийных больниц, поликлиник, столовых, пошивочных мастерских, библиотек, архивов, музеев, автобаз, гостевых домов... составляли своеобразную касту в обществе, которая, хотя бы немного, хотя бы в частностях (а иногда и весьма существенных), имела свои привилегии. Черненко был идеальным выразителем интересов партийного чиновничества, партийной бюрократии, не раз ставившим и решавшим вопросы улучшения денежного, медицинского, квартирного обеспечения многочисленных работников аппарата.

Когда генсеку осталось жить менее двух месяцев, он поручает помощникам подготовить записку в политбюро «О создании базы для организованного отдыха партийных работников в центре и на местах»²⁸. Будущему генсеку оказалось мало повышения значимости общего отдела в центре, он добился усиления веса таких отделов в регионах. По его инициативе стали регулярно проходить региональные совещания работников «бумажного» ведомства. Так, в июле 1978 года, добавив к своему секретарскому титулу еще более почетный — кандидат в члены политбюро, — Черненко провел совещание у себя на родине, в Красноярске. Съехались в красивый город на Енисее работники общих отделов Сибири и Дальнего Востока из 21

края и области. Черненко, лично сюда пожаловавший, в докладе сказал (он очень любил итоговые цифры), что на всех зональных совещаниях работников общих отделов в партии «выступило 330 человек»²⁹. Это звучало так же значимо, как если бы Сибирь получила в 1978 году на миллион тонн стали или зерна больше...

Бюрократическое мышление, бюрократические категории, бюрократические критерии властвовали в общественном сознании. Но если бы такие общесоюзные и зональные совещания проводили только общие отделы! Их проводили также отделы: организационно-партийной работы, пропаганды, науки, культуры, тяжелой промышленности и энергетики, машиностроения, сельскохозяйственного машиностроения, сельского хозяйства и пищевой промышленности, химической промышленности, оборонной промышленности и все другие многочисленные отделы ЦК. Гигантская бюрократическая машина, освященная ленинскими лозунгами и решениями Центрального Комитета, медленно, но неуклонно двигала своими бумажными шестернями, изрыгая все новые планы, новые обращения, пространные резолюции, высокие указания, ценный «обобщенный опыт», обязательные «критические замечания», бесчисленные доклады, отчеты, сведения об оргвыводах...

Бюрократизация системы, сцементированной догматизмом, выдавалась за подлинный демократизм, совершенствование всего механизма управления. Но, конечно, «высшей ленинской школой руководства и управления строительством коммунизма, — писал К.У Черненко (точнее, его референты и помощники), — являются съезды КПСС, пленумы ЦК партии, деятельность Секретариата и Политбюро ЦК КПСС»³⁰.

Люди, выросшие в этой среде, каждодневно сталкиваясь с фактами социального дуализма — одно на словах, другое на практике, одно в лозунгах, другое в действительности, — привыкали к этому стилю мышления, образу жизни и бюрократическим канонам.

Черненко работал много и самозабвенно. Он любил канцелярию, все ее порядки, шелест «особых» бумаг и мерцание компьютеров. Обладая скромными интеллектуальными возможностями, он их компенсировал прилежанием и верноподданническим усердием. Почти все время,

иногда и в воскресенье, проводил на работе, в отделе. Его семья — жена Анна Дмитриевна, дочери Елена и Вера, сын Владимир — не часто видела отца дома, в быту довольно ровного и спокойного человека.

Жизнь человека многострунна. Это детский смех и солнечные пятна на лице матери, увлечения и разочарования, друзья и недруги, открытия и тупики. Жизнь — это сотворение, пульсация мысли, ожидание и надежды. Мы часто, особенно в молодости, думаем, что она, жизнь, — бесконечна, бездонна, беспредельна. Но и в старости она прелестна своей успокоенностью, склонностью к пиршеству воспоминаний и философствованию. Меня всегда занимала мысль: неужели старцы типа Брежнева находили духовное отдохновение в лестях, наградах, холуйстве, вельможных наслаждениях? Мог ли что-нибудь вспомнить Черненко «для души», кроме совещаний, «Особых папок», факсимиле секретарей, тайных докладов, сенсационных шифровок? Никто и никогда этого не скажет доподлинно. Человеческий «космос» исчезает, как только его обладатель уходит в мир иной.

По своему положению Черненко очень, очень много знал... Но никогда, ни в одном своем выступлении он не отошел от напечатанной строки и не поразил слушателей каким-то потрясающим личным наблюдением, лирической сентенцией, обращением к арсеналу мудрецов...

Нет. Это был Большой Жрец неумолимой, мощной, отлаженной, постоянно работающей бюрократической машины. Черненко стал гигантом по должности, но остался карликом духа.

Черненко был не только чиновник, но и «особист». В его кабинете находилась аппаратура, с помощью которой можно было прослушивать разговоры самых высоких сановников на Старой площади, в том числе и располагавшихся на пятом этаже основного здания ЦК. Этот этаж — обиталище основных членов политбюро: генсека, партийного инквизитора Суслова, других самых влиятельных бонз режима. Черненко знал об аппарате ЦК, заведующих отделами, секретарях ЦК, членах и кандидатах политбюро больше других. Поэтому при кадровых перестановках Брежнев советовался прежде всего с ним: его поражало знание заведующего общим отделом самых личных и даже

интимных деталей жизни и быта высоких партийных руководителей.

В конце «правления» Брежнева Черненко просто отдавал распоряжения от имени генсека: организационные, идеологические, кадровые, финансовые, касающиеся аппарата ЦК. Блюститель партийных тайн усовершенствовал бюрократическую машину большевистского «штаба» до самых высоких кондиций. С его участием была осуществлена компьютеризация аппарата и налажен особый контроль за информацией, заложенной в технические системы. По инициативе Черненко и под его «общим руководством» между Кремлем, где проходили заседания Политбюро, и Старой площадью, где размещался аппарат Центрального Комитета, создали подземный канал пневматической почты, доставлявшей необходимые бумаги туда-обратно за считанные мгновения. Конечно, Черненко, доложив Брежневу об этом бюрократическом шедевре, удостоился Государственной премии.

У каждого человека — свое пространство души. У Черненко оно очерчено инструкциями общего отдела ЦК...

Черненко любил бумаги. Во время многолетнего заведования общим отделом он довел почти до совершенства канцелярскую работу в ЦК, ее организацию, учет, конспирацию. Глядя на своих партийных начальников, обязательно выпускавших по пухлому тому речей и статей (которые почти никто и нигде не читал, думаю, даже «авторы»), тоже болел «творческими муками». В его фонде есть несколько вариантов названий книг (написанных, конечно, другими) — «Некоторые вопросы ленинского аппарата», «Вопросы творческого развития стиля в работе партийного и государственного аппарата», «Ленинский стиль в работе аппарата» и другие подобные изыски³¹. Читать эти материалы невозможно, сворачивает скулы от скуки. Как писала парижская «Русская мысль», надо было иметь очень много сил, «чтобы прочитать его загаженные мертвечиной книги и статьи, исследовать его речи и его политические маневры и открыть ту эволюцию, которую незаметно для окружающих проделывал апостол партийной власти...»³².

Справедливости ради скажем, что «труды» его друзей и соратников, написанные также помощниками и референ-

тами, не выделялись особо по сравнению с «творчеством» Черненко в лучшую сторону.

Усилиями Черненко, как одного из ярких выразителей бюрократической сути системы, государство и партия оказались в плену не только догм, но и бумаг. Похоже, это стал понимать и сам новый генсек. Выступая на политбюро вскоре после своего избрания, Черненко признал, что в партии и стране «растет поток переписки, бумагооборота (курсив мой. — Д.В.), который буквально захлестывает центральные органы. Разве это нормально? Несомненно, нам следует навести порядок в этом деле»³³.

Но «порядок» и «в этом деле», и в других наводить было трудно. Директивная экономика, достаточно эффективная в чрезвычайных ситуациях войны, террора, диктатуры, уже не могла «прибавить». Страна усиленно проедала, продавая Западу, природные ресурсы. В течение 1984 года, в то время когда во главе партии и государства стоял К.У.Черненко, правительство закупило около 46 миллионов тонн зерна и зернопродуктов, около 500 тысяч тонн мяса и мясопродуктов, свыше 1 миллиона тонн масла животного и растительного и других продовольственных товаров на общую сумму 8 млрд. рублей в свободно конвертируемой валюте.

Колоссальные валютные средства были направлены на закупку проката черных металлов и стальных труб, химической продукции, промышленных товаров народного потребления. Почти 60 процентов, докладывал в политбюро Б.И.Гостев, заместитель заведующего экономическим отделом ЦК КПСС, использованных средств в свободно конвертируемой валюте ушло на импорт продовольствия, черных металлов, химическую продукцию и промтовары широкого спроса. И это при том, что у нас покупались только нефть, газ, древесина, некоторое другое сырье...

Данная справка, подготовленная думающим экономистом Б.И.Гостевым, является, по сути, приговором эффективности социалистической экономики.

А то, что приобретали за рубежом, если говорить об оборудовании, использовалось исключительно плохо. По состоянию на 1 января 1985 года не было введено 506 закупленных комплектов оборудования, у половины которых уже истекли сроки гарантии. Большинство предприятий, созданных на базе импортного оборудования, в силу

ряда внутренних причин по многу лет не могут выйти на проектную мощность. Например, на Братском лесопромышленном комплексе по производству вискозной целлюлозы в течение 10 лет не в состоянии наладить работу на импортном оборудовании.

Но руководители, зная качество отечественного, советского оборудования, добиваются новых и новых закупок импортного. Если в 1983 году в Госплан СССР поступило 725 заявок на импорт оборудования, то в 1984 году — уже 924 заявки. Большая часть доставленного оборудования подолгу, иногда годами, лежала без движения.

Однако предложения экономического отдела ЦК сводятся, в свете столь удручающей картины, к «усилению контроля за выполнением постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 декабря 1983 года, повышению ответственности кадров за обоснованность закупок за границей...»³⁴.

Люди из экономического отдела в итоге, не имея возможности сказать всего о причинах углубления экономических деформаций, лишь следовали той порочной политической методологии, которая сложилась в КПСС давно.

Подобные справки о кричащем неблагополучии в промышленности, сельском хозяйстве, финансах, строительстве, других сферах жизни доходили до Черненко часто. Он их иногда бегло просматривал (генсек чрезвычайно слабо разбирался в экономических, хозяйственных, финансовых вопросах), ставил односложные резолюции: «Т. Долгих, ознакомьтесь и подготовьте предложения»; «Отдел тяж. пром. Учесь в работе»; «Романову Г.В. для принятия мер» и т.д.

Главный чиновник партии и государства считал, что его генсековской резолюции достаточно, чтобы кардинально повлиять на положение дел, изменить ситуацию, добиться улучшения состояния отрасли. Бюрократическое мышление не было способно осознать генетическую неэффективность внеэкономических механизмов системы, историческую обреченность командного управления гигантским комплексом. Но даже если бы и осознавало, оно, это мышление, было не в состоянии решить: что же делать? Что предпринять? Поэтому мысль «вождя» текла по привычному желобку — поступать так, как делали всегда. Когда услужливые помощники докладывали Черненко, допус-

тим, предложения о повестке дня очередного заседания политбюро, он тут же соглашался, оставляя на документе свою визу. Например, считалось необходимым обсудить «жизненно важный» вопрос: «О плане организационно-пропагандистских мероприятий по реализации решений апрельского (1984 г.) Пленума ЦК КПСС, положений и выводов, содержащихся в речи Генерального секретаря ЦК КПСС т. Черненко»³⁵. Генсек, конечно, соглашался с постановкой на политбюро этого «ключевого» вопроса.

В этой бюрократической, догматической заданности выражался политический и исторический тупик. Бесперспективность такого образа мыслей и действий проявлялась в неспособности осознать ущербность тотального администрирования. Упомянутая записка Б.И.Гостева о фактической катастрофе (что значит закупать ежегодно на многие сотни тонн золота около 46 млн. тонн зерна (!) при собственном гигантском агропромышленном комплексе, который, кстати, несколько лет курировал Горбачев) не рассматривалась на заседании политбюро, а вот такой, например, вопрос, что подарить членам корейской делегации во время ее визита, — голосовался. И Черненко, и его «соратники», кстати, согласились, что Ким Ир Сёну следует презентовать златоустовскую шашку с позолотой, вазу фарфоровую «Буревестник», погребец с набором советских винно-водочных изделий. Ну а О Дин У, Кан Сен Ену и другим членам делегации — ружья, часы не в золоте, а в ямше, тоже погребцы и т.д.³⁶. Такой вопрос, как подарки гостям ЦК, оказался важнее, чем «анатомический» анализ крушения советской экономики...

В этих вопросах, связанных с рассмотрением формальных, протокольных, часто очень мелких вопросов, генсек чувствовал себя неизмеримо более уверенно, чем при обсуждении проблем социальных, экономических, финансовых. В последних случаях он не ввязывался в обсуждение, а лишь оглашал «заготовки» помощников. Черненко оживлялся лишь во время долгих, монотонных заседаний, когда члены политбюро зачитывали подготовленные их аппаратом выступления по идеологическим вопросам. Мне, к слову, самому не раз приходилось, проходя службу в Главном политуправлении советской армии и флота, готовить такие краткие тексты для члена политбюро

Д.Ф.Устинова. Я обычно в смятении думал: так кто же руководит нами?

Так вот, когда рассматривались идеологические вопросы, у Черненко возрастала активность. При обсуждении так называемых «Призывов ЦК КПСС» к какому-либо советскому празднику генсек вносил свои личные поправки, корректировки в лозунги, которые давным-давно не затрагивали ни умы, ни сердца миллионов людей великого народа.

«Да здравствует марксизм-ленинизм, вечно живое революционное интернациональное учение! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

«Да здравствует КПСС! Непокколебимое единство партии и народа, верность заветам великого Ленина — залог всех наших побед!»

И подобные призывы-«откровения» на нескольких страницах, которые после утверждения на политбюро тиражировались сотнями газет, материализовались во множестве лозунгов, но на них никто не обращал внимания...

Генсек верил, что марксистско-ленинская идеология, как духовная униформа для всех советских людей, способна дать новое дыхание стагнирующему обществу.

Всесоюзный чиновник в тоге генерального секретаря не видел противоречия в том, что «залогом всех наших побед» мы твердо располагали, как и «вечно живым» учением, а вот фантастически огромную часть национального достояния отдавали за рубеж, лишь бы как-то прокормить народ...

Черненко не усматривал в этих антиномиях трагического парадокса, не понимал, не видел глубины приближающегося тотального кризиса. Ум чиновника был не в состоянии оценить надвигающуюся опасность.

Человека нельзя лишить того, чем он не обладает... Так же, как человек вправе думать, что не существует того, чего он не знает.

**Фаворит
Брежнев**

Люди любят покровителей. Даже те, кто не подозревает об этом, не прочь укрыться в тени авторитета Бога, Мифа, Идеи.

фа, Идеи.

Советская история унаследовала многое из жизни Российской империи: мессианство, отсутствие демократичес-

ких традиций, господство самодержавного мышления, ставку на военную силу, неуважение к свободе. Но политический фаворитизм, как распространенное явление российского династического бытия, в советской действительности просматривался с трудом. Большевистские главные вожди боялись фаворитов, предпочитали быть на верхушке власти в одиночестве, удерживая своих «соратников» и соперников на почтительном расстоянии.

В качестве «фаворитов» у лидеров РСДРП—РКП(б)—ВКП(б)—КПСС были явления, политические институты, процессы, но не конкретные люди. Ленин, допустим, видел до революции своими фаворитами «профессиональных революционеров», а после октябрьского переворота — «чекистов»; Сталин, став «Лениным сегодня», сохранил свою неизбывную любовь и фаворитизм к всемогущему НКВД; Хрущев попытался сделать своими «фаворитами» реформы. Но он не знал, что в России иногда удаются революции, а реформы почти никогда. Андропов, многолетний шеф государственной безопасности, имел, естественно, склонность к «кагэбизации» всего СССР. Чека как фаворит Ленина оказалась самой живучей.

Мелькнувший на советском политическом небосклоне и почти не замеченный историей Черненко питал пристрастие, даже любовь, к могущественному «Документу» — символу бюрократической универсальности. Наконец, любимец Запада и отторгнутый в немалой мере собственным народом Горбачев видел своих фаворитов в лице «гласности» и «перестройки». Достоянные фавориты. Однако он, нанеся страшный удар по коммунизму, остался фактически правоверным социалистом.

А что же Брежнев? Нет, не упомянув его выше, я не забыл этого человека, который дольше всех после Сталина управлял гигантской страной. Пожалуй, он был единственным из высших советских вождей, кто имел персонифицированного фаворита. В «классическом» выражении. Это знало все высшее руководство. При всей закрытости жизни партийного Клана ведали об этом и многие советские люди. Хорошо известно было и за границе, кто являлся фаворитом Брежнева.

Вы это тоже знаете: Константин Устинович Черненко.

Познакомились Брежнев и Черненко в июле 1950 года в Кишиневе, где уже два года Константин Устинович ра-

ботал заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК республики, а Леонид Ильич приехал, чтобы «избираться» первым секретарем, фактически советским губернатором Молдавии. Их отношения были не дружбой, а, скорее, деловыми контактами благожелательного патрона с одним из своих подбострастных подчиненных. Но у Брежнева что-то осталось в душе и памяти об этом среднего роста, сутуловатом человеке с невнятным говорком. Черненко никогда шефу не возражал, был строго пунктуален, всегда к стати приносил нужную справку, делал вовремя нужное предложение, исправно поставлял Брежневу тексты многочисленных речей, выступлений, статей «первого» для республиканской газеты. Конечно, писал их не Черненко; он никогда так и не научился складно «лепить» фразы ни устно, ни письменно.

Готовили речи для Брежнева его инструктора, а Черненко лично передавал их «первому». Услужливость и какая-то особая исполнительская «нужность» в этом заведующем отделом сохранилась в памяти у Брежнева. Тем более что, когда он уже уехал в Москву, Черненко регулярно напоминал о себе подбострастными поздравительными письмами и телеграммами по случаю праздников, дней рождения, награждения и т.д.

Когда Брежнев после непродолжительной работы в ЦК (был секретарем и кандидатом в члены сталинского Президиума), Главпуре, Казахстане вновь оказывается в 1956 году в Москве и вновь — секретарем и кандидатом в члены Президиума, он тут же вскоре использует свое влияние для перевода Черненко в Москву, чего тот страстно желал. Это было мечтой Черненко. Столица! В том же году республиканский пропагандист Черненко К.У. назначается заведующим сектором отдела пропаганды. Должность не очень крупная, если иметь в виду, что в аппарате ЦК, как я уже сказал, насчитывалось более 200 секторов. Но отсюда можно было попасть (если повезет) сразу первым секретарем обкома или крайкома, заместителем министра. Но Черненко никуда не собирался «прыгать». Рядом, хотя и на много этажей партийной иерархии выше, находился его благодетель. Черненко осторожно, ненавязчиво напоминал о себе Брежневу и здесь. Несколько раз спрашивал разрешения встретиться с Леонидом Ильичом и приходил к нему в кабинет с воспоминаниями о

солнечном Кишиневе (где Брежнев, любитель «пожить», еще был относительно молод), по-прежнему исправно подправлял густобрового секретаря ЦК. Для sentimentalного Брежнева Черненко стал чем-то вроде доброго, благожелательного «земляка», близкого «однопольчанина».

- Поэтому, как только Брежнев в 1960 году занимает пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, он вскоре «выхлопывает» к себе из ЦК Черненко начальником секретариата, на сугубо канцелярскую должность. По характеру работы они почти каждый день встречаются. Брежневу по-прежнему нравится пунктуальность Черненко в работе с бумагами, письмами, проектами указов. Человек в канцелярии наконец нашел себя, почувствовал свое призвание. Какой он идеолог, «теоретик» с весьма «легким», мягко говоря, образованием! На ниве пропаганды и агитации Черненко никогда не выдвинул ни одной заметной идеи, даже местной новации, не предложил хоть чуть-чуть оригинальной формы или метода идеологической работы. Этот человек, исполнительный по своему характеру, всегда был на вторых ролях. А в качестве начальника секретариата быстро проявил себя как вездливый канцелярист, любящий учет, порядок, четкую организацию в бесчисленных бумагах, письмах, жалобах. Уже в это время Черненко часто оказывает Брежневу услуги личного плана, что еще больше сближает давних «сослуживцев». Конечно, в дружбе не должно быть благодетелей. Но это, по большому счету, и было не дружбой, а взаимной, долгой привязанностью начальника и подчиненного.

Черненко, работая в секретариате Президиума Верховного Совета СССР, по долгу службы постепенно неплохо разобрался в хитросплетениях государственной машины с партийным двигателем. Ему часто приходилось иметь дело с крупными чиновниками Совета Министров, Госплана, творческих организаций, сотрудниками КГБ, МВД, Министерства обороны, руководящими функционерами из провинции. Незаметно из него вырос опытный, тертый, ловкий чиновник при высоком должностном лице. Черненко ни разу не «подставил» своего патрона, не вызвал его гнев опрометчивым поступком. Он оказался стабильно нужным своему начальнику человеком.

Брежнев очень любил лесть; Черненко на нее не ску-

пился. К этому мы еще вернемся. Брежнев никогда не перегружал себя работой. Его начальник канцелярии то и дело напоминал шефу: вы так много трудитесь, поберегите себя. Брежнев любил «кадровые» новости не только самого верхнего уровня. Черненко постоянно был в курсе. Начальник канцелярии всегда вовремя подсказывал шефу, чтобы «не забыли» приближающегося юбилея известного, заметного человека, не обошли его высокой наградой или званием. В течение пяти лет Черненко работал начальником секретариата Президиума Верховного Совета СССР и стал «гроссмейстером» своего дела.

Кто мог бы подумать, что человек в сером костюме, с неизменной папкой с бумагами в руках появляющийся в приемных высоких руководителей, — будущий «вождь» партии и государства!

Естественно, что, когда после смещения Хрущева в октябре 1964 года Брежнев становится первым секретарем (с апреля 1966 года должность стала вновь именоваться, как в ленинские времена, генеральный секретарь), он тут же, в начале 1965 года, забирает к себе Черненко. Благо теперь для этого уже никого просить было не надо.

Чиновник поднимается на новую высокую ступень, он утверждается на политбюро заведующим общим отделом ЦК КПСС. На этом посту он пробудет почти 18 лет! — столько же, сколько Брежнев будет стоять во главе партии и государства. Даже став, по инициативе Брежнева, в 1976 году секретарем ЦК, в 1977 году кандидатом в члены политбюро, а в 1978 году членом политбюро, Черненко продолжает руководить общим отделом ЦК. Более того, «поднявшись» в феврале 1984 года, после кончины Андропова, став генеральным секретарем, Черненко оставил за собой «курирование» этого отдела! Превратившись в политического лидера одного из самых могущественных государств мира, человек в душе не мог отойти от партийной канцелярии, которую по-настоящему любил!

Почему Брежневу был необходим Черненко? В чем тайна их взаимной привязанности? Был ли «незаменимым» заведующий общим отделом?

Как мы уже писали раньше, наиболее близкие отношения связывали Брежнева с Андроповым, Устиновым и Громько. Но все же эти отношения были продолжением партийной и государственной работы. Со временем, осо-

бенно когда на пленуме, после XXV съезда КПСС³⁷, Брежнев предложил избрать Черненко секретарем ЦК, их отношения вступили в новую, более доверительную фазу. Черненко стал не только близким человеком, обслуживающим «вождя» политически и документально, но и лицом, которое постепенно начало исполнять за генсека всю черную, рутинную работу. Это анализ большой почты, лично адресованной Брежневу; выработка предварительных решений; рассмотрение материалов и подготовка вопросов к заседаниям политбюро; предложения по высшим кадровым перестановкам в партии и стране. «Вождь», обремененный к этому времени многочисленными проблемами со здоровьем, не только тяготился, но и не имел желания ежедневно рассматривать сотню-полторы документов. Черненко, работая с высшими документами, вначале осторожно советовал, какое принять решение по тому или иному вопросу, а позже, последние три-четыре года жизни Брежнева, нередко от его имени вершил большие дела. Черненко стал тенью «вождя», его головой и правой рукой, особенно после того, когда по предложению генсека заведующего общего отдела в течение двух лет поднимают, как на лифте, от секретаря ЦК, кандидата в члены политбюро до полноправного членства в этой высшей партийной коллегии.

Я могу точно и достоверно сказать, что ни с одним из членов политбюро или секретарей ЦК Брежнев не встречался так часто, как с Черненко. Фактически каждый день. Иногда по нескольку раз в течение суток. На этом фоне Горбачев, Гришин, Романов, Пономарев, другие «соратники» выглядели как очень редкие гости четвертого «вождя».

В рабочих записях Брежнева практически каждый день лаконичные пометы: «говорил с Черненко», «говорил с Черненко — подписал протоколы ПБ», «принимал и наговорился с Черненко», «надо рассказать Черненко», «говорил с Черненко затем с Громько Андроповым Устиновым», «Много раз говорил с Черненко», «Собрал Мишу Витусю Викт. Петр. Рябенко по их вопросу. Сказал о этом вопросе Андропову и Черненко», «уехал в Завидово был Черненко», «беседовал с Черненко», «Был в Завидово с Черненко», «разговоры с Черненко», «принимал Черненко — сума»... (орфография и пунктуация не изменены).

Продолжать можно бесконечно. Черненко он вспоминает, упоминает в своих записях чаще, чем всех членов политбюро, вместе взятых! Для генсека этот кашляющий, задыхающийся, невнятно бормочущий человек стал просто незаменимым. Например, только Черненко мог разбираться в безграмотных записках-ребусах, сочиняемых генсеком:

«Справки по Азербайджану.

К.У.

Положи в дело до после съездовского периода

Л. Брежнев».

Черненко стал как бы «начальником личного штаба» и самым близким советником генерального секретаря. Многие решения, особенно текущего характера, исходили прямо от Черненко, но от имени генсека. Заведующий общим отделом приобрел необычайное влияние в ЦК: его побаивались, ему льстили; старые члены политбюро шли к нему за «советом», в душе презирая задыхающуюся старую развалину, влезшую в душу генсека.

Стало обычным, когда накануне какого-то совещания, «мероприятия» в присутствии своих соратников генсек фамильярно обращался к Черненко: «Костя!» или без него — «Скажите Константину», «Я поговорю с Костей»... Все замолкали, усматривая в этом панибратстве дальнейшее укрепление позиций фаворита.

Вскоре после того как Черненко стал секретарем ЦК, он проводил очередное Всесоюзное совещание заведующих общими отделами. Вечером 19 мая 1976 года, в последний день работы «особых» канцеляристов, Черненко вошел в зал заседаний вместе с Брежневым. Все, естественно, вскочили и устроили долгую, бурную овацию: вождь осчастливил их своим присутствием! Все понимали, что это стало возможным только благодаря влиянию Черненко.

Ничего особого, конечно, Брежнев в своей речи сказать не мог, да и не это было целью явления генсека канцеляристам. Брежнев хотел новой наркотической дозы похвал и славословия. А Черненко фактом присутствия генерального секретаря на совещании резко повышал свой престиж (к промышленникам, аграриям, химикам генсек обычно неохотно ходит, посылает туда других чле-

нов коллегии), а также постарался продемонстрировать свою особую преданность и любовь к Брежневу. Замысел полностью удался.

Брежнев в своей короткой речи отметил, что именно общие отделы организуют анализ корреспонденции и писем граждан, поступающих в ЦК, обкомы, крайкомы. Ведь в день ЦК получает, например, 1700—1800 писем (генсек не сказал, что большинство этих посланий — горькие жалобы людей на бесквартирье, засилье местных чиновников, тяготы быта и т.д.). К слову, жалоба — специфическое российское, советское явление, закрепляющее человека согбенным перед властями, покорным в ожидании милости...

Некоторые моменты речи Брежнева заслуживают того, чтобы их воспроизвести.

«...На прошлом совещании я дал вам указания, или, вернее, советы...» Брежнев уже говорит о себе так, как все вокруг говорили о нем: «Я дал вам указания».

«...Сейчас в стране два важных события, о которых говорят: установка бюста Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда у меня на родине, а также присвоение мне звания Маршала Советского Союза...»³⁸ Генсек уже полностью потерял контроль за приличием, готов вещать исключительно и только о себе, зная, что эта его любимая тема будет тут же рьяно подхвачена.

Черненко поднялся из-за стола президиума и в тон Брежневу под бурные аплодисменты зала произнес:

— Я думал, Вы придете в форме маршала. Раз нет, то я покажу всем присутствующим Ваш портрет в парадной маршальской форме...

За председательским столом появляется большой, в рост человека портрет генсека в золоте маршальских погон и блеске бесчисленных орденов. Зал взрывается новым шквалом аплодисментов, словно страна взобралась на вершину коммунизма...

Черненко продолжает: у нас сегодня большой праздник... Мы счастливы поздравить Вас со званием маршала... После Вашей речи мы обрели второе дыхание... Мы начинаем каждый день с мысли о Ваших указаниях и требованиях... Ваше выступление одухотворяет нас... Спасибо за мое выдвижение секретарем ЦК и присвоение звания Героя Социалистического Труда...³⁹

Новый спазм аплодисментов и вскакиваний... Брежнев получил то, что хотел: очередную дозу славословия, лести, кликушеского подобоострастия. Непревзойденным мастером подачи духовного наркотика, утоляющего тщеславие генсека, и был Константин Устинович Черненко. При своих выездах «на места» он первым делом передавал местным руководителям «привет от дорогого Леонида Ильича Брежнева», подчеркивая этим свою особую близость к первому лицу в партии и государстве.

Где только можно Черненко прославлял Брежнева. Конечно, это становилось тут же известно Леониду Ильичу. Даже в скучнейшей и пустой статье о ленинском стиле работы, которую Черненко подписал, он более десятка раз упоминает своего патрона к месту и не к месту⁴⁰. Этим как бы задавалась партийная норма обязательного славословия первого лица в публичных выступлениях. Чем больше мы говорили о своих «вождях» в превосходной степени, тем больше унижали свое достоинство. Это стало очевидным и понятным, к сожалению, лишь после ухода этих «вождей».

Генсек отвечал Черненко своей искренней любовью, щедрыми наградами, продвижением по партийной лестнице на самый верх, полным доверием в любых делах. Дело дошло до того, что когда Брежнев отсутствовал на заседаниях политбюро, то по настоянию генсека в кресле председательствующего сидел член политбюро Черненко... Именно он вел заседания. Все видели аномалию этого положения, но неписанный партийный этикет и воля «первого» лица диктовали послушное поведение каждому члену синклита.

В фонде Брежнева, в качестве служебных бумаг, сохранилось немало личных записок генсека своему фавориту.

Накануне избрания Брежнева Председателем Президиума Верховного Совета СССР Черненко в очередной раз чувствует ухудшение своего состояния. Эмфизема легких преследовала его все последние годы жизни. Заведующий общим отделом пишет записку генсеку, что все документы на предстоящую сессию проверил. Все в порядке. Но, к сожалению, несколько дней должен по настоянию врачей провести в постели. Очень переживает, что не будет на сессии во время исторического решения — избрания Леонида Ильича на столь высокий пост...

Брежнев диктует ответ:

«Дорогой Костя!

Твою записку получил. Спасибо. Однако огорчен, что ты приболел. Хочу сказать тебе, что приболеть может каждый. Важно, особенно в данном случае, самым строжайшим образом выдержать режим, который тебе предпишут т. Чазов и лечащие врачи.

Ты пишешь, что «ничего, это пройдет через день-два, и я выйду на работу». Не обижайся, но я даже рассмеялся. Думаю, какой прыткий: температура почти 40, а он сходил, видимо, в туалет, вышел оттуда, и температура стала 36,5. Так не бывает, Костя.

Дела идут хорошо, большое спасибо. Все налажено. И поэтому я от души желаю тебе доброго здоровья, а когда поправишься, там видно будет (поедем в Завидово).

С чувством глубокого уважения

14 июня 1977 года.

Л. Брежнев»⁴¹.

Брежнева, конечно, «единогласно» избрали на сессии Верховного Совета Председателем Президиума. Фактически генсек стал и главой государства. Подобострастное поздравление Черненко — тут как тут. Было подготовлено заранее. Генсек отвечает любимцу. Правда, при перепечатке рукописного текста в брежневскую записку вносятся стенографисткой знаки препинания (генсек же ими не пользовался)...

«Дорогой Костя!

С большим волнением я прочел твое поздравление в связи с избранием меня на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Твои слова в этом поздравлении не могли не тронуть моего сердца, не взволновать меня. Это письмо еще раз показало, насколько крепки дружба и отношения между нами.

Заседание сессии Верховного Совета прошло хорошо, я бы сказал, великолепно. Бесконечные аплодисменты. Особенно бурно было встречено выступление Михаила Андреевича Сулова. После него я выступил с благодарностью и обещал, как солдат, оправдать доверие нашей любимой Родины и нашей великой партии, сделать все, чтобы укрепился мир на земле и развивалось доброе сотрудничество между народами. Мой ответ был принят депутатами очень тепло.

Считай, что ты был среди нас. Остальные дела идут

нормально. Ты не волнуйся. Ну, еще раз говорю: не торопись, в этом необходимости никакой нет. На ближайшее время ты все сделал.

Обнимаю тебя, крепко целую, желаю выздоровления.
16 июня 1977 года.

Л. Брежнев»⁴².

Форма обращения, содержание записок генсека красноречиво говорят о сложившемся теперь характере отношений между этими людьми, которые сам Брежнев определяет как «крепкую дружбу». Впрочем, записки свидетельствуют не только об отношениях генсека к своему фавориту, но и дополнительно раскрывают чрезвычайно тщеславную, однако ценящую человеческое тепло натуру Брежнева.

Долгое время в высших кругах никто не воспринимал Черненко всерьез: обычный партийный функционер, может, более прилежный, пунктуальный, дотошный, чем большинство ему подобных. Никто от него никогда не слышал каких-то откровений, философских рассуждений или тем более интеллектуальной ереси. Заведующий общим отделом всегда молчал; затем как член политбюро тоже отмалчивался, когда обсуждались экономические, бюджетные, технические, военные, хозяйственные вопросы. Но неизменно в числе первых поддерживал Брежнева, пока тот еще мог что-то предлагать.

Иногда говорят: Брежнев готовил себе смену в лице Черненко. Не знаю, не уверен. Думаю, генсек понимал, что и так поднял партийного чиновника на огромную высоту. Ну а почему он оставлял его за себя (точнее, предлагал в свое отсутствие вести заседания Черненко), причем всегда? Думаю, дело в том, что Брежнев был абсолютно уверен в преданности своего фаворита, полной его предсказуемости, лояльности, способности последовательно провести «брежневскую» линию. Ведь он был тем же генсеком.

Что касается «наследства», то имеется ряд свидетельств, которые говорят о том, что Брежнев, во-первых, совсем не собирался оставлять свой пост даже по болезни. А во-вторых, Брежнев не скрывал, что очень ценит ум и опыт Андропова. В Черненко любил преданность и усердие, а в Андропове мышление и политическую основательность.

Как писал в своей книге Рой Медведев, когда А. Бовин однажды был у Андропова, раздался звонок по правительственной связи. «Говорил Брежнев. «Кто сейчас ведет Политбюро?» — неожиданно спросил Леонид Ильич. «Сейчас ведет заседания Черненко», — ответил Андропов. «Для чего же мы тебя избрали секретарем ЦК? — сказал Брежнев. — Теперь уж ты должен вести все эти заседания».

Повернувшись к Бовину, своему ученику и другу, Андропов сделал неопределенный жест, выразивший явное удовлетворение»⁴³.

Просто нужно констатировать другое: Черненко, поднявшись на большую высоту и оказавшись у самого подножия высшего поста партийного трона, мог, естественно, подумать: а почему не я? Столь необычная карьера в течение нескольких лет — от канцеляриста до человека, попавшего в первую шестерку самых влиятельных партийных вождей, — не могла не внушить и самому Черненко завышенные оценки собственных возможностей.

Удивляет другое. Находясь в окружении стариков, будучи глубоко больным и таким же старым, Черненко хотел еще больше власти, страстно желал высшего поста. Не удалось сесть в кресло генсека сразу после смерти Брежнева, постарался сохранить положение «второго» лица, не оставив, однако, затаенных надежд стать «первым». Думаю, такие люди, для которых власть — это и призвание, и отдохновение, и высшая ценность, не способны понять, что есть еще «кое-что» исключительно важное, кроме иерархии должностей...

Даже когда возвышение стало реальностью, Черненко, задыхаясь, согласился, даже не пытаясь отказаться, ответить свою кандидатуру, взвесить свои физические и интеллектуальные возможности. Он думал тогда не о народе, не о стране и даже не о партии, а лишь о себе. Именно о себе.

Не всякому дано понять, что в подобной ситуации честный отказ может поднять человека значительно выше, чем самый престижный пост. Но таковы уж политики, особенно с большевистской «косточкой». Ленин, болея более двух лет, не сделал ни одного серьезного движения, чтобы уйти с поста. Сталин на XIX партийном съезде лу-

каво высказал такое намерение, но с единственной целью: проверить, как поведут себя члены ЦК...

Способность отказаться, честно оценить свои возможности, подумать о людях, а не только о себе, — признак как благородства, так и государственной мудрости. Ни того, ни другого у Черненко не оказалось в минуту выбора.

После смерти Брежнева с необычайно пышными похоронами о нем, тем не менее, как-то сразу замолчали. Не только в печати, на радио, телевидении, но и в узком кругу, в политбюро. Брежнев уже оказался никому не нужен, в том числе и память о нем... Никто не вспоминал об ушедшем генсеке-маршале... Не стал исключением и Черненко, полностью обязанный своей карьерой Брежневу.

Как пишет А.М. Александров-Агентов, помощник Черненко по международным вопросам, новый генеральный, не скрывая своей неприязни к умершему Андропову, остался в душе «брежневцем». Став генсеком, вспоминал помощник, Черненко в узком кругу, касаясь порядка деятельности при Андропове, с определенным раздражением заявил нам, сотрудникам своего секретариата:

— Работать будем по-брежневски, как при Леониде Ильиче.

Но продолжать говорить, а тем более «славить» Брежнева новый генсек не мог. И здесь дело не в моральной нечистоплотности человека, — в большевистской традиции. Вождь должен быть один. Всегда. Живой — один, и мертвый тоже один. Пока были на посту Хрущев, Брежнев, Андропов, их славили, соревнуясь в выискивании превосходных эпитетов.

После смерти было просто «не положено» о них вспоминать. Для почитания служб был новый первый «вождь». А все остальные, умерев, исполняли лишь одну неблагодарную функцию — принимали на свой счет, «брали» на себя сразу выявлявшиеся «вдруг» крупные просчеты, ошибки, упущения, а то и, как у Сталина, — преступления. Это был политический «клапан» перекачки «издержек» функционирования системы на конкретного, теперь уже мертвого, человека. Большевистские вожди все были обречены на негативные воспоминания не только потому, что они были архитекторами ущербной системы. Главная причина в том, что сами большевики умели всегда любить только одного вождя, а не народ.

Любопытные свидетельства об отношении Брежнева и Черненко содержатся в воспоминаниях В.Т. Медведева, начальника личной охраны Брежнева. Нам всем теперь известно, сколь огромное место в жизни Брежнева занимала охота. К концу жизни, кроме знаков славы, наградений, словесных триумфов, охотничьи похождения стали едва ли не основным способом душевного отдохновения «вождя».

Генсек любил приглашать в Завидово как знатных гостей, бывавших у него (Тито, Кекконен, Киссинджер, Ральф Кастро), так и своих соратников. Естественно, часто приглашался и Черненко, который охоту не любил, но отказать не мог...

«...Каждый понимал приглашение на охоту как знак близости, даже особого доверия. Болея, дряхлея, люди не могли отказаться от благорасположения Генерального, а уж открывать свою немощь и вовсе не хотели.

— Позвони Косте, завтра поедем, — говорил Брежнев и называл час выезда.

Я звонил Черненко. К телефону подходила жена:

— Владимир Тимофеевич, вы знаете, Константин Устинович очень плохо себя чувствует. Вы как-то скажите Леониду Ильичу...

Брал трубку он сам.

— Да, Володя. Чувствую себя неважно.

— Давайте я доложу, что к вам должен приехать врач и вы не сможете...

— Нет-нет...

Черненко, тяжело, неизлечимо болевший бронхиальной астмой, поднимался с постели и ехал...

На вышке сидеть холодно, сыро. Каждый раз Константин Устинович простужался и, вернувшись, укладывался в постель с температурой⁴⁴.

Расположение патрона для Черненко значило неизмеримо больше, чем все остальное, даже собственное здоровье.

Фаворит Брежнева. У Черненко не было абсолютно никаких шансов возглавить партию и страну. В нормальной обстановке. Но Черненко счастливо познакомился с человеком, которому довелось почти два десятилетия занимать главный кабинет страны в Кремле. Когда же Черненко, как верно писал профессор И. Земцов, в финале

своей жизни и сам добрался до этого кабинета, то это был уже опустошенный, разбитый, надломленный человек. Такие не вкусят славы и уйдут с исторической сцены почти без следа⁴⁵.

Фаворит Брежнева... О нем, как и о патроне, быстро забыли. Правда, вначале недолго рассказывали еще о них анекдоты. Вот такой, например: Брежнев умер. Но в действительности он умер уже давно, только Черненко ему не сказал об этом...

Однако и Брежнев, и Черненко — исторические персонажи нашей с вами драмы. А она, как известно, историей ставится не только в исполнении гениев и героев...

Каждый рано или поздно бывает распят на кресте собственной судьбы. Патрон и фаворит не стали исключением.

Тринадцать месяцев Да, именно столько, тринадцать месяцев, Черненко Константин Устинович пробыл на высшем коммунистическом посту. Меньше всех из семи первых руководителей СССР за всю его историю. Он не совершил ни одного драматического поворота в политике партии и государства. Даже не пытался. По-прежнему люди ехали «за колбасой» в Москву; ни шатко ни валко работала промышленность; текли реками нефть и газ за рубежи отечества (валюту тут же проедали); везли, как и раньше, цинковые гробы из Афганистана; продолжалась идеологическая «перебранка» с коварным империализмом; лишь монстр домашнего милитаризма «в основном» выполнял намеченные планы.

Черненко не засиживался теперь допоздна в кабинете, но количество бумаг, проходивших через его генсекровский стол, было большим. Неизмеримо большим, чем у его предшественников. Черненко очень любил подержать бумагу в руках, взглянуть на подпись должностного лица, гриф секретности, исполнителей и... тут же короткой резолюцией переслать ее ближайшим исполнителям: «рассмотреть и подготовить предложения», «изучить на комиссии», «ознакомиться»... Сам решения он принимал очень редко. Очень.

Бесшумное священнодействие с высшими документами партии и государства создавало устойчивую иллюзию: стоит вот написать наискосок в углу бумаги или на услуж-

ливо приколотом листке с готовым проектом резолюции свою неброскую подпись, и дело изменится к лучшему. «Действительное» станет «социалистическое соревнование», меньше будет пьянства, сговорчивее станут моджахеды в Афганистане. По его же старому предложению, высказанному Брежневу в начале восьмидесятых, за ходом исполнения почти священной резолюции генсека бдительно следили секретариат, общий отдел, множество опытных функционеров аппарата. Но... следить было почти незачем. Резолюции являлись неконкретными и мало обязывающими: «рассмотреть», «изучить», «обсудить», «направить в Совмин», «подготовить к рассмотрению на Секретариате». В конечном счете все зависело от того, приняло ли политбюро решение по этому вопросу.

Сил у Черненко на более глубокое рассмотрение неиссякаемого потока бумаг, которые он любил, просто не было. А во многих делах он просто ничего не смыслил: финансы, экономика, военное дело, научно-технический прогресс, культура. Его помощник А.М. Александров-Агентов записал по этому поводу: «Будучи не в состоянии справиться со свалившейся на него на новом посту горой работы в самых различных направлениях, Черненко, подобно больному Брежневу, передоверил подготовку, а во многом и решение крупных проблем узкому кругу наиболее близких ему людей в руководстве — тем же Устинову, Громыко, Тихонову, а также Гришину»⁴⁶.

В начале восьмидесятых уже сложилось положение, что решения, директивы министерств, правительства, Госплана мало что значили без постановления политбюро. Все старались протащить через этот высший, постоянно действующий партийный орган свои наболевшие вопросы: будь то строительство нового причала или получение дополнительного кредита, поставка «специмущества» в Никарагуа или гастроли балета в Лондоне. Ежемесячно через политбюро проходили многие сотни вопросов, а тысячи не могли туда попасть. Колоссальное бюрократическое чудовище своими бумажными челюстями медленно пережевывало бесчисленные проблемы великой страны.

Созданная Лениным система приближалась к своему историческому завершению. Обещанное картавым вождем вселенское счастье «людей труда» было столь же далеко, как и в слякотном октябре 1917 года. Бюрократия,

всесильная, могущественная, не только выпестовала страну, которой боялись во всем мире, но и исподволь подтачивала ее «революционные» устои. Черненко идеально подходил для этой роли.

Очень многое в жизни партии и страны зависело от того, какие вопросы рассматриваются на заседаниях политбюро. Не случайно, что окончательное решение, что включить в повестку дня, зависело именно от генерального секретаря. Конечно, Черненко помогали помощники, референты, общий отдел, секретари ЦК, некоторые наиболее близкие члены политбюро. Черненко, вынужденный много времени тратить на врачей, как-то неожиданно с особым интересом стал относиться к вопросам внешнеполитической деятельности страны, хотя раньше он наблюдал эту сферу только со стороны.

Так уж сложилось, что первого чиновника партии редко, очень редко посылали за границу. Что там делать заведующему общим (особым) отделом ЦК? Соцстраны — не в счет. Как между собой говорили советские чиновники: «Курица не птица, Монголия не заграница». Правда, Брежнев дважды брал Черненко с собой в заграничные поездки: на Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 г.) и на переговоры в Вене по вопросам разоружения (1979 г.). Черненко, конечно, там был совершенно не нужен, но поездки ему понравились. Шумная, блестящая толпа дипломатов, правительственные приемы, встречи с крупными мировыми величинами...

Осталась некая неутоленная страсть общения с послами, главами делегаций крупных стран, министрами, президентами капиталистических держав.

Став генсеком, Черненко получил сразу же несколько предложений посетить некоторые страны, в том числе и «престижные». Вашингтон, например, как и в отношении Андропова, вел зондаж о возможности встречи Черненко с американским президентом.

На зондирующее письмо Рейгана в марте 1984 года было подготовлено ответное от имени Черненко, где говорилось, что новый советский лидер придает «большое значение нашей переписке» и своим посланием не ставит «перед собой цели заниматься упреками». В словах «пока обнадеживающих признаков улучшения отношений не вид-

во» делался прозрачный намек на то, что без американских уступок по евроракетам и военному космосу было бы нелогично ожидать чего-то позитивного, нового⁴⁷.

Генсек, внимательно прочитав проект ответа, подготовленный МИДом и международным отделом ЦК, как обычно, «рваными» буквами подписал: «К. Черненко», согласившись, что сейчас лучше всего заморозить советско-американские отношения в том состоянии, какие они есть. А главное — Москва хотела «насолить» Рейгану в год президентских выборов в Америке.

Некоторые предложения о своих визитах Черненко даже принял, как, например, от канцлера Коля, сказав, правда, Геншеру: «О конкретном сроке придется, видимо, подумать несколько позже с учетом всех обстоятельств и складывающейся обстановки». Но приглашавшие знали: «складывающаяся обстановка» — суть быстро ухудшающееся здоровье самого старого (при избрании) генерального секретаря ЦК КПСС.

Но Черненко «компенсировал» свою вынужденную политическую оседлость довольно бурной деятельностью по приему крупных зарубежных лидеров, известных международных общественных деятелей, послов.

В качестве лидера страны Черненко в самом начале своей генсекской карьеры встретился не с кем-нибудь, а с самой Маргарет Тэтчер. Встреча состоялась 14 февраля 1984 года в присутствии А.А. Громько и министра иностранных дел Великобритании Дж. Хау.

Для Черненко (так же делали всегда и для Брежнева) отпечатали очень крупными буквами на нескольких листах бумаги текст его «беседы». Едва поздоровавшись и предложив сесть высокой гостье, новый генсек уткнулся в шпиргалки и задыхающейся скороговоркой зачитал «заготовку». Тэтчер холодно, но с известным любопытством смотрела на невзрачного, седого, явно больного человека, который почему-то стал первым лицом в этой гигантской и мощной стране. Переводчик едва поспевал переводить бесконечно общие фразы, которые советская дипломатия вудно повторяла уже долгие годы: «...Мы сторонники активного и серьезного политического диалога, нас не надо убеждать в его целесообразности. Но диалог должен вестись на равных, а не с «позиции силы». И он должен быть

Тэтчер, возможно, думала: а что может сказать этот человек, когда закончится текст?

А он ничего и не сказал. Перелистнул последнюю страницу и, убедившись, что текст *весь* зачитан, наконец посмотрел в лицо умной собеседнице. Ее и не надо было приглашать к разговору. Без всякого, разумеется, текста, выделив три группы проблем в англо-советских отношениях, «железная леди» с такой же железной логикой сформулировала некоторые направления возможной совместной деятельности по их разрешению.

Черненко молчал, вопросительно глядя на Громыко.

Наступила неловкая пауза, которую попытался заполнить Громыко в связи с готовившимся приездом его заместителя Г.М. Корниенко в Лондон.

Наконец отдышавшийся Черненко решил хоть что-то сказать и «от себя», а не от казенной бумаги: «...Наша краткая беседа может стать значимой, если дело между нами пойдет лучше». И вдруг неожиданно сказал: «Давайте дружить (выделено мной. — *Д.В.*) по всем линиям. У нас есть много резервов, контактов, возможностей для настоящих отношений дружбы между нашими народами, между правительствами...»⁴⁹ Переводчик даже поперхнулся.

Черненко говорил о «дружбе» с Тэтчер, как будто перед ним сидел Живков или Хонеккер! Лицо английского премьер-министра было бесстрастно. Тень пробежала по лицу Громыко, который заерзал в кресле, давая понять, что пора «беседу» заканчивать... Что еще может Черненко «наворочать», если он будет продолжать в том же духе?

У меня есть личное впечатление от беседы с Маргарет Тэтчер, с которой пришлось однажды в Москве встречаться в английском посольстве в 1992 году. Сидя с ней за одним столиком, я услышал немало любопытных и глубоких размышлений британского политика о нашей перестройке. В частности, она высказала некоторые критические замечания относительно того, что при создании свободного рынка в нашей стране в ряде случаев наблюдаются непоследовательность и слабая продуманность. Запомнилось ее образное выражение: «Столкнувшись с крупной проблемой, вы на нее смотрите, как на стену на пути своего движения. И чем дольше вы смотрите на пре-

нятельстве, не действуя, тем оно в ваших глазах становится все выше и выше...»

Беседуя в течение часа с этой выдающейся женщиной, я еще раз убедился, что глубина и масштабность мышления человека в огромной степени зависят не только от особенностей интеллекта, но и от органического ощущения свободы как естественной данности.

Сравнивая сегодня интеллект этого блестящего политика с «замшелым», догматическим умом Черненко, вновь испытываю некую неловкость. Деградация системы выразилась и в деградации ее руководителей.

Примерно по этой схеме прошли и другие встречи Черненко: весной 1984 года — с президентом Финляндии М. Койвисто, тогда же — с министром иностранных дел Италии Андреотти, министром иностранных дел ФРГ Г.Д. Геншером, генеральным секретарем ЦК Компартии Греции Х. Флоракисом; летом — с лидерами соцстран Живковым, Кадаром, Гусаком, Родригесом, Чаушеску, Ле Зуаном, Хонеккером. Кстати, через месяц, в августе, руководитель ГДР Э. Хонеккер совершил, по его просьбе, «закрытый визит» в Москву⁵⁰, во время которого обсуждались вопросы внутригерманских отношений и углубления двустороннего экономического сотрудничества. Разумеется, в протоколах политбюро обязательно отмечено: «Итоги беседы Генерального секретаря с таким-то одобрень».

Хотя что одобрять? Например, беседа с министром иностранных дел ФРГ Г.Д. Геншером 22 мая 1984 года, Черненко в течение 15 минут сбивчиво читал заготовку, выслушал немецкого дипломата и сразу дал понять — пора «беседу» закруглять: «Если взять в целом Ваши переговоры с А.А. Громько и нашу с Вами беседу, то обмен мнениями получился обстоятельным. Теперь, наверное, обеим сторонам будет полезно поразмыслить над тем, что было сказано»⁵¹.

Попытки Геншера «разговорить» генсека окончились, естественно, неудачей: Черненко нечего было сказать кроме того, что он пробормотал по своим бумажкам.

За свое короткое «генсекство» Черненко смог провести на удивление немало встреч с зарубежными деятелями. Ему нравилось мелькать на экранах телеприемников и в заголовках газет. Едва ли он думал, смею догадываться, об истинном значении этих «встреч». На них Черненко не

поднял ни одной крупной международной проблемы, не добился прорыва ни в одной из областей, не заставил мир говорить о некоей новой «инициативе Советов». Большой и быстро стареющий человек, полностью износивший себя, как старый мундир, в чиновничьем рвении был способен лишь «озвучить» в беседах 3—4 страницы мидовского (одобренного в соответствующих отделах ЦК) текста, выслушать ответный спич и после этого, сказав две-три дежурные фразы, заглянув опять-таки в «материал для беседы», немощно пожать руку «собеседнику». Таковы были «беседы» без бесед.

При всем этом Черненко требовал, чтобы ему докладывали «отклики» о его беседах, встречах, выступлениях, решениях. Соответствующим сотрудникам, обычно в КГБ, приходилось нередко изрядно попотеть, чтобы найти нечто позитивное в этих откликах. Выручала печать соцстран, собственная пресса. Черненко, проживший большую часть своей партийной карьеры (особенно в ЦК) как бы за кулисами, жадно читал обзоры о собственной персоне. Воспитанный на почитании высших руководителей, Черненко теперь сам откровенно ждал сладких излияний в свой адрес.

Как верно заметил один из бывших капэзэсовских руководителей В.А. Медведев, «в течение десятилетий в стране складывалась психология почитания вождей. Она так и не была искоренена в результате критики культуры личности Сталина. Да, пожалуй, подобная цель и не преследовалась»⁵².

Лидер советского безвременья давал только однообразную пищу для пересудов на Западе: когда в Кремле появится следующий генсек?

Политбюро, следуя коминтерновским традициям с времен Ленина, по-прежнему пыталось укрепить своих зарубежных союзников и сторонников. По просьбе кровавого Менгисту Москва согласилась, например, развернуть в Эфиопии шесть новых военных училищ, с тем чтобы на следующий год решить «проблему Эритреи»⁵³. А «кровавым» я назвал лидера из Аддис-Абебы не только потому, что сам многое знал, бывая там в составе делегаций для «оказания политической помощи», встречаясь с Менгисту. Однажды столкнулся с фактом, который еще раз заставил горько задуматься: кто же наши «союзники»? И кто мы?

На протяжении ряда недель мне однажды пришлось готовить в Москве, «натаскивать» нового политического «комиссара» эфиопской армии. Это был член Временного военно-административного совета, один из лидеров эфиопской «революции» Асрат Десту. Он много говорил о желании Менгисту Хайле Мариама построить социализм в своей бесподобно нищей стране и «утвердить там демократию». На мой вопрос:

— Почему в Аддис-Абебе, да и в других городах не прекращают греметь выстрелы расстрелов?

Десту убежденно сказал:

— Мы поступаем, как Ленин: без красного террора социализм не построить. Слишком много врагов...

Черненко, принимая Менгисту в конце марта 1984 года, поддержал рвение диктатора в его стремлении силой заставить «эфиопскую революцию»...

Генералы и офицеры Главпура по очереди показывали, рассказывали, читали лекции (одному!) Асрат Десту, этому тощему, с блестящими глазами человеку, как с помощью политических средств повысить боеготовность «революционной» армии, укрепить морально-психологическую устойчивость войск. Так, впрочем, мы делали и с иными военными функционерами из других армий так называемых «развивающихся» стран. Наконец эфиоп уехал в Аддис-Абебу. Через пару недель читаю «шифровку» от наших советников из Эфиопии: во время заседания Революционного Совета прямо за столом возникла перепалка с перестрелкой. «Наш» комиссар Асрат Десту и еще несколько других офицеров были убиты на этом «заседании».

Я отвлекся. Но когда-нибудь, возможно, напишу, если судьба будет ко мне благосклонна и даст мне возможность еще пожить в этом земном мире, о том, что я видел и знал, будучи начальником управления специальной пропаганды («психологической войны»), а затем и заместителем начальника Главного политуправления Советской Армии. В составе делегаций и лично встречался с Ф. Кастро, Н.М. Тараки, Б. Кармалем, Ю. Цеденбалом, М. Каддафи, Мухаммедом, Ким Ир Сенем, М. Менгисту, Я. Кадаром, Н. Чаушеску, В. Ярузельским, М. Тласом и многими, многими другими лидерами и руководителями «социалистического и третьего мира». Тогда, именно тогда, у меня окрепло убеждение, что мы в историческом тупике. Страны,

которые мы всячески пытались поставить на рельсы «социалистической ориентации», быстро становились вооруженными до зубов, но еще больше опускались в яму нищеты без каких-либо надежд из нее выбраться.

Члены политбюро ЦК КПСС, видимо, так не думали.

То и дело оказывалась безвозмездная срочная экономическая помощь Никарагуа (хлеб, нефть, оружие) на сотни миллионов долларов⁵⁴, как и другим «революционным» странам. Черненко ставил свою подпись под подобными документами, ни разу не возразив. Такая же помощь, преимущественно «специмуществом» (так именовалось для маскировки оружие и военная техника), шла в НДРЙ, Анголу, Мозамбик, Судан, Ливан, Ливию, Сирию, Вьетнам, Лаос, Камбоджу, многие другие страны. Генеральный секретарь был просто человеком, кто регулярно ставил высшую подпись, прежде чем нефть, хлеб, оборудование, медикаменты, «специмущество» сталкивались в бездонную «черную дыру» старой коминтерновской политики.

По-прежнему в международных политических делах, комдвижении Москва пыталась дирижировать. Так, 11—12 июля 1984 года в Москве состоялось очередное совещание секретарей ЦК БКП, ВСРП, КПВ, СЕПГ, КП Кубы, НРЛП, МНРП, ПОРП, РКП, КПСС и КПЧ⁵⁵. На совещании все обсуждали, как наставить побольше «палок» в американские «ракетные колеса», как использовать европейские и мировые общественные форумы для «продвижения» собственных планов.

При Черненко все осталось, как было раньше: жесткая ортодоксия, что касается идеологических вопросов, укрепление социалистического содружества во главе с СССР, международного коммунистического движения, стран «социалистической ориентации» и, конечно, конфронтационный курс по отношению к США и НАТО. Шестой лидер КПСС и СССР был не в состоянии внести в советскую внешнюю политику нечто такое, что могло сохранить на ней хоть какой-то отпечаток личного «творчества», мысли, интереса.

Пожалуй, Черненко проявил не столько интерес, сколько любопытство к приезду в СССР Ким Ир Сена.

Черненко помнит, как еще зимой 1984 года северокорейский лидер заявил, что хотел бы воспользоваться давним предложением посетить Советский Союз. Москва, естественно, поддержала это желание. Отношения с

КНДР, исповедующей идеи «чучхе», уже давненько стали своеобразными. Когда Черненко принесли план визита, он неожиданно затребовал у шестого сектора общего отдела материалы по корейской войне. Человек, которого, кроме партийных дел, кадровых передвижений и канцелярской бюрократии, ничего, казалось, не интересовало, с любопытством листал документы о той далекой, односторонне известной в СССР войне.

Черненко узнал, например, что Ким Ир Сен впервые поставил вопрос перед Москвой о «военном объединении» Северной и Южной Кореи 19 января 1950 года. Северокорейский вождь говорил, что «сам он начать наступление не может потому, что он коммунист, человек дисциплинированный и указания товарища Сталина для него являются законом»⁵⁶. Сталин, пару недель подумав, дал согласие, запросив, между делом, за обещанное оружие, боевую технику (все было поставлено в избытке) и за советников несколько тонн золота, серебра, десятки тонн моноцитового концентрата. Черненко, бывший в годы корейской войны заведующим отделом пропаганды и агитации в Молдавии, ничего, конечно, об этом не знал. С проснувшимся любопытством генсек переворачивал листы тридцатилетней давности.

Ким Ир Сен приезжал из Пхеньяна специальным поездом. На Ярославском вокзале 23 мая 1984 года его встречали Тихонов, Громыко, Устинов. Для восточного диктатора все «приподняли»: почетный караул, обед, резиденция. В Екатерининском зале Кремля шли переговоры. Черненко привычно читал текст. Крупные буквы. Рубленные фразы. Ему сказали, что Ким будет напирать на «милитаризацию» Южной Кореи и станет просить оружие, оружие, еще оружие. Всякое...

Черненко, прочитав свою часть «беседы», вынужден был почти час слушать «великого вождя», говорившего действительно о том, что от него ждали. Генсек еще не знает, что незадолго до своей смерти, в феврале 1985 года он подпишет приглашение сыну Ким Ир Сена — Ким Чен Иру — «любимому руководителю» — посетить Советский Союз⁵⁷. Спецслужбы сообщили, что «сам» вождь сильно болен и хорошо бы «установить нормальные связи» с его преемником. Ким Чен Ир проигнорировал приглашение Черненко, а сам «великий вождь» прожил еще почти десять лет...

Черненко, однако, пообещал дать новое оружие: авиационное, радиотехническое, средства ПВО. Ким Ир Сен был удовлетворен обещаниями генсека.

Когда в августе 1985 года мне довелось побывать в Пхеньяне в составе делегации, возглавляемой Маршалом Советского Союза В.И.Петровым, корейцы не раз ссылались на обещания Черненко. К слову, в группе был еще один будущий маршал — генерал армии Д.Т. Язов.

Все встречи, переговоры с высшими лидерами страны вращались вокруг одной темы — вооружений. Ким Ир Сен, плотный человек небольшого роста (а на всех скульптурах, картинах — он гигант в окружении бесчисленных масс низкорослых людей), несколько раз ссылался на Черненко, Устинова, которые обещали помочь модернизировать северокорейскую армию. Говоря об опасности со стороны США и южнокорейской армии, Ким Ир Сен подчеркнул, что «если на нас нападут, то на юге поднимется мощное партизанское движение». Но нам тогда нужно перебросить туда отряды специального назначения. Постройте нам вертолетный завод: нам нужно 500 вертолетов для этой цели. Дайте новые самолеты, зенитные ракеты, радиотехнические средства...

Слушая, думал: неужели лидеров в Пхеньяне ничему не научила страшная война в 1950—1953 годах, стоившая стране многих сотен тысяч жизней? Что-то запредельное, иррациональное, мистическое слышалось в поклонении молоху военной силы... Глядя на страшную бедность корейцев, но при этом на их высокую организованность и фанатичную веру в своего вождя, думалось: здесь находится самая близкая модель казарменного коммунизма. Они по-прежнему чтят Сталина, как никого другого в СССР, счастливы (и, видимо, искренне), что у них есть свой земной бог...

А в России после Сталина земных богов больше не было. Черненко являлся лишь пародией на «вождя».

Генсек практически никуда не ездил. Ему было трудно, да он и не слыл мастером соблюдать старую большевистскую традицию «общения с народом». А вот штурвал политбюро не выпускал из рук. Лишь когда 16 июля 1984 года он ушел в отпуск, то 19 числа этого месяца за председательское место впервые сел М.С. Горбачев, возможно, чувствуя, что скоро обоснуется здесь надолго. Но уже в середине августа Черненко вновь у «пульта управления».

Он никак не хотел надолго покидать свой пост. Возможно, боялся «хрущевского варианта».

За короткий исторический миг, что пробыл на вершине властного холма Черненко, политбюро все же коснулось нескольких серьезных вопросов. Именно коснулось. Один из них — атомная энергетика. Специалисты, приглашенные на заседание, доложили, что с 1976 года мощность АЭС в стране возросла в 4,5 раза и достигла 20 миллионов киловатт. Поражало воображение то, что в этот момент шло строительство еще более 20 атомных станций общей мощностью 85 миллионов киловатт!

Ученые и специалисты в своих докладах к заседанию политбюро привлекали внимание высших руководителей партии и страны к тому, что имеются серьезные просчеты в проектировании АЭС, особенно это касается ядерной, радиационной и пожарной безопасности. То были пророческие, серьезные сигналы, однако плохо услышанные.

Заключал обсуждение генеральный секретарь. Листы с заготовленным для него текстом тряслись в его руках. Он с трудом, путая, называл цифры, произносил незнакомые ему технические термины, задыхался, несколько раз доставал баллончик из кармана и, прикрыв его ладонью, «пшикал» в рот. Участники заседания молча глядели в свои блокноты... Немного отходил и продолжал озвучивать совершенно непонятный для него текст. Больше напирал на то, что на «одной площадке, где строится АЭС, количество монтажников превышает нередко 10 тысяч человек, а за рубежом в 2—3 раза меньше».

Не поднимая головы, осуждал «штурмовщину», «слабую исполнительскую дисциплину», «отсутствие порядка» в атомной энергетике. Эти заклинания были привычными, дежурными, которые, как гладкие морские камушки, передвигаются туда-обратно во время морских приливов и отливов. О реальной безопасности АЭС Черненко, поскольку ему об этом не написали, естественно, ничего не сказал.

В постановлении, принятом политбюро, министры Величко В.М., Майорец А.И., Шкабардня М.С. «обязывались устранить серьезные недостатки в производстве оборудования, контроля, надежности, увеличении ресурсов работы техники, хранении и регенерации ядерного топлива»⁵⁸.

Казенное решение инициировало и казенное к нему от-

ношение. Ядерная опасность, напомнившая вскоре о себе смертельным дыханием Чернобыля, не была прочувствована высшими руководителями ни на рациональном, ни на эмоциональном уровнях. Нафаршированная ядерными объектами страна, ее руководители далеко не адекватно реагировали на грозные вызовы, рожденные проникновением человека в тайны физического бытия.

Больной, буквально разваливающийся Черненко все еще пытался появляться на людях и даже выступать на некоторых форумах. Летом 1984 года я сам видел, как «выступает» генсек. В Большом Кремлевском дворце проходило Всеармейское совещание комсомольских работников. Мне «по положению» заместителя начальника Главного политического управления армии довелось сидеть в президиуме совещания. После докладов, отчетов молодежных армейских работников к трибуне с трудом спустился Черненко. Пятнадцатиминутную речь произнес так, что было совершенно трудно понять ее смысл. Через каждые две-три минуты замолкал, вытирал лоб, манипулировал баллончиком, доставая из кармана, направлял его в рот, задышался...

Все сидели подавленные, низко опустив головы. Я видел почти умирающего на людях человека, «выступающего» с трибуны. После речи генсека сразу же объявили перерыв и предложили пройти в Георгиевский зал для фотографирования с генеральным секретарем. Эти 100—120 метров Черненко шел минут двадцать, поминутно оставаясь. Со всех сторон ему что-то говорили сопровождавшие, с целью создать впечатление, будто он оставаясь не из-за немощи, а для разговора, беседы. Иногда генсек мучительно улыбался, поворачивая голову то вправо, то влево, с трудом, видимо, соображая, куда его ведут, зачем все это, что ему говорят люди в военных мундирах...

В октябре 1984 года он еще раз рискнул, по-моему, в последний раз выступить с публичной речью. Здесь его подвигла на заключительное «самоожжение» сама идея Всесоюзного совещания. В Москву были вызваны представители народных контролеров, которых, как заявил сам Черненко, в стране 10 миллионов! Поистине ленинская идея всеобщего, тотального контроля достигла уродливого апогея в своей материализации. Контролировали все и всех, а страна жила все хуже и хуже, подтверждая

*Делегаты партийной конференции погранотряда. Второй справа, в верхнем ряду — К.У. Черненко. Казахстан. 1932 г.
В родном погранотряде 47 лет спустя.*

Пограничник Константин Черненко.

Первый прием нового генсека в Кремле. 1984 г.

Поздравления после вручения третьей золотой медали «Серп и Молот». 1984 г.

Во время праздничной демонстрации трудящихся 1 мая 1984 г.

В одном президиуме с действующим генсеком и двумя будущими лидерами КПСС. Сессия Верховного Совета СССР. 1981 г.

С женой Анной Дмитриевной перед избирательным участком. 1984 г.

На заводе «Серп и молот»: беседа с рабочими; вручение сувенира. 1984 г.

ТЕНЬ БРЕЖНЕВА

*Во время осмотра картинной галереи Айвазовского в Феодосии.
1979 г.*

Партбилет номер один — Ильичу. 1973 г.

В президиуме XIX съезда ВЛКСМ. Май 1982 г. В почетном карауле у гроба благодетеля. Ноябрь 1982 г.

*Переговоры с президентом Мадагаскара Дидье Рациракой. 1984 г.
Во время встречи с Фиделем Кастро. 1984 г.*

С Маргарет Тэтчер. 1984 г.

Визит в СССР короля Испании Хуана Карлоса I. 1984 г.

*Дружеская встреча с Густавом Гусаком.
В Кремле с Франсуа Миттераном. 1984 г.*

Возвращение из отпуска. 1984 г.

В индийском посольстве в Москве в связи с трауром по погибшей Индире Ганди. 1984 г.

Вручение удостоверения об избрании депутатом Верховного Совета РСФСР. 28 февраля 1985 г.

Похороны. 13 марта 1985 г.

глубокую историческую ошибочность ленинского тезиса: «Учет и контроль — вот г л а в н а я экономическая задача»⁵⁹.

Не в производстве, не в использовании в нем достижений научно-технического прогресса, не во внедрении новых прогрессивных технологий, а именно в контроле с ленинских времен большевики видели «ключ» решения всех экономических проблем. Такой подход абсурден. Но ведь и Горбачев, став генсеком, начал с «государственной присмки», то есть введения еще одного дополнительного слоя в бесчисленную и без того армию контролеров.

«Надо, — заявил Черненко на совещании, — чтобы народным контролером сознавал себя каждый — заметьте, каждый — советский человек, чтобы он мыслил и действовал сообразно этой высокой гражданской должности»⁶⁰. Каждый — контролер...

Отбирательный, делительный, контрольный социальные рефлекс, без которых трудно представить советскую действительность, советский менталитет руководителей. Черненко в эти реалии не внес ничего нового: он просто продолжал созданное и накопленное большевиками. Возможно, идеи о «народном контроле» с особой силой выражали мироощущение генерального секретаря. Ведь эта личность была целиком в т о р и ч н о й. Он старался повторять, подражать, копировать, следовать во всем опыту своих предшественников. Например, ему понравился способ общения с коллегами: постановка перед ними проблем, обращение к ним с бесчисленными аналитическими записками, как это делал, в основном вынужденно, Андропов. Черненко также, особенно со второй половины своего правления, стал озадачивать «соратников» бесконечными записками, которые непрерывно готовили ему помощники, референты, отделы ЦК. Правда, по глубине, уровню анализа они замстно уступали подобным же документам его предшественника.

За подписью генсека члены партийной коллегии получили записку о необходимости награждения активных участников Великой Отечественной войны; затем еще записку о важности ускорения научно-технического прогресса и совершенствования управления экономикой. Тут же помощники подготовили от имени Черненко очередную записку о вопросах кадровой политики; потом о подготовке очередного, XXVII съезда КПСС, который генсек хотел

именовать «съездом реалистов и новаторов»⁶¹. Были и еще записки... Целый калейдоскоп.

Их затем обсуждали на заседаниях политбюро, «целиком и полностью одобряли», поручали соответствующим отделам (часто в этих отделах они и готовились) их материальную реализацию. Вязкая рутина традиционных партийных методов создавала видимость попыток эффективного управления гигантской системой. Принимались планы, постановления, программы, выделялись новые ассигнования, а продуктивность производства снижалась, сокращался валовой продукт, стагнация экономики была на грани перехода к тяжелому кризису.

Генеральный секретарь к девяти часам утра (если не оказывался в руках врачей) с удовольствием поднимался в лифте в свой кабинет, коротко выслушивал помощников о предстоящем расписании на день и подвигал к себе высокую стопку бумаг. Это было его любимое занятие — читать деловые, политические, разведывательные бумаги, послания, донесения, отчеты. В день он рассматривал теперь лишь по 50—60 документов.

...Вот проект ответа канцлеру Колю о его просьбе помиловать главного военного национального преступника Гесса.

Ответ в Бонн через совпосла. «Сообщите. Вопрос рассмотрен. Советская сторона по-прежнему не видит никаких оснований для освобождения Гесса»⁶².

Черненко с явным удовольствием ставит подпись на ответе Колю. Вообще, как он говорил недавно группе ветеранов, «надо не давать забывать на Западе, что мы победители...».

...А вот Громько, Чебриков и Рекунков пишут, что Сахаров обратился за разрешением для выезда в Италию на лечение. Бдительные авторы записки напоминают: еще раньше было принято решение не разрешать, а Боннер, его жена, была там в 75, 77, 79-м годах. Грозят голодовкой? Ну и что? Кормить искусственно... Предупредить жену Сахарова, что если она не прекратит своих провокационных действий, то против нее будет возбуждено дело по статье 190¹ УК РСФСР (порочение советского строя)...⁶³

Черненко, конечно, «за». Что-что, а защищать страну от «отщепенцев» он будет неуклонно.

...А вот интересное донесение. В Москву, по разрешению властей, вернулась С.И. Аллилуева вместе со своей дочерью Ольгой (Линой Петерс) 13 лет... Желает восстановить гражданство, работать, заниматься переводами. Готова выступить в печати, перед журналистами... Говорит, «после всего, что мною сделано, вряд ли стоит быть назойливой»⁶⁴.

Черненко повертел бумагу, подумал, решил — обсудим на политбюро, как быть с блудной дочерью Сталина дальше.

...Бумаги, бумаги. Росчерк его пера — и многое можно решить. Если не в судьбе мира, страны, то в судьбах отдельных людей — это точно. Открыв следующую папочку, Черненко задумался. В американском суде одного из штатов возбужден иск против СССР на сумму 650 млн. долларов владельцами облигаций займов бывшего царского правительства...⁶⁵ Целых 650 миллионов! Конечно, для нас их суд — чепуха. Но как среагировать? Пусть юристы подумают о форме безусловного отказа.

...Опять Н.А. Щелоков. Ведь решили его, по предложению Андропова, разжаловать, исключить из партии, лишить звания Героя Социалистического Труда, орденов⁶⁶. А он опять обращается с личным письмом. Да, конечно, он хорошо его знал, даже, пожалуй, был близок к Щелокову. Но зачем передали ему это письмо? Канцелярия не доглядела: такие неприятные вопросы решаются на более низком уровне, тем более что постановление ЦК уже есть...

А вот скучная записка Щербицкого В.В. и Ляшко А.П. о том, как поднять производство зерна на Украине...⁶⁷ Тут же предложения, как отметить 50-летие стахановского движения...⁶⁸ Записка отдела внешнеполитической информации с предложениями «по усилению разоблачения нарушений прав человека в капиталистических странах...»⁶⁹. Еще одна записка: нужно создать научно-технический совет при мавзолее В.И. Ленина⁷⁰. Генсек что-то помнит: ему однажды показывали в шестом секторе, когда был заведующим общим отделом, несколько папок о больших исследованиях, проводившихся раньше Институтом мозга с «серым веществом» вождя. Помнит по этим документам, что в 1925 году даже было предложение вывезти мозг Ленина в Германию для исследований. Слава Богу, что политбюро пресекло эту попытку. Тогда и была

поставлена задача обосновать, материально обосновать гениальность Ленина...⁷¹

Поэтому создать «научно-технический совет» при мавзолее нужно. Вообще не следует жалеть ни сил, ни средств для пропаганды ленинизма, его вдохновляющего примера.

Возможно, что именно так думал генсек, ставя свои разрешающие, одобряющие, поддерживающие, запрещающие резолюции. Черненко, несмотря на старческие недуги, очень нравилось, когда к нему шли все нити управления, когда именно ему докладывалась самая главная информация, когда только он, подписав документ, решение, постановление, приводил в движение огромные материальные силы, тысячи людей, устремления многих организаций. Вершина власти!

Черненко ревниво следил, чтобы молодой, энергичный Горбачев не слишком «показывался». Старался больше загружать его рутинной работой, меньше посылать «на люди». Думаю, где-то в тайниках сознания у большого старца копилась зависть и неприязнь к Михаилу Сергеевичу, здоровому, крепкому, деятельному. Хотя и старался спрятать их поглубже. Но, как писал Жан-Жак Руссо: «Иногда удар не попадает в цель, но намеренье не может промахнуться»⁷². А оно, это «намеренье», было элементарным: подольше удержаться на вершине, не подпуская близко туда молодых и энергичных...

Черненко едва ли думал, что на этом властном холме он пробудет всего тринадцать месяцев... Суетился. Душевно. Беспокоился, когда несколько дней не мог поехать в Кремль или на Старую площадь. Тревожился не о «деле», туманно огромном и расплывчатом. Беспокоился о себе: а ну как соберутся и отрешат по болезни от власти... Он хотел, очень хотел быть Первым руководителем. Долго. Но не знал, что подлинными признаками величия всегда выступают неспешная мудрость и способность сохранять глубокое спокойствие в пульсирующей сумятице мира. У Черненко не было ни того, ни другого.

Он суетился. В душе. Ведь еще несколько лет назад только в канцелярском сне он мог представить, что на его партийной печати будут отлиты красными четкими буквами слова «Генеральный секретарь»...

**Канун
перестройки**

У Киплинга есть мудрые строки, суть которых в том, что сила продолжающейся ночи уже сломлена, хотя никакой рассвет не грозит ей ранее часа, назначенного рассвету.

Если с Андроповым народ, и особенно интеллигенция, связывал какие-то надежды на благие перемены в обществе, то черненкоовское безвременье дышало безысходностью, духовной тоской и всеобщим равнодушием. Да, равнодушием к Черненко, КПСС, «марксизму-ленинизму», «мудрой политике ЦК». Однако наиболее пронизательные люди чувствовали, «что сила продолжающейся ночи уже сломлена». Были слышны едва уловимые подземные толчки. Сила «продолжающейся ночи» сломлена самими большевиками, их политикой, догматическим однодумством, преклонением перед милитаристским молохом. Как в марте, когда еще крепок снежный наст на российских полях, но краснозобые снегири, садясь на стылые суцья берез, своими яркими манишками напоминают всем — весна близка.

Черненкоовское «генсекство» — год безвременья и смутных, неясных ожиданий чего-то нового, неопределенного, другого, которое притаилось где-то здесь, недалеко... Даже генерал армии А.А. Епишев, мой непосредственный начальник, ортодоксальный коммунист, но весьма умный человек, однажды летом 1984 года неожиданно сказал мне:

— Время какое-то липкое и застывшее. Не знаю что, но что-то должно произойти...

В его словах слышались тревога и смятение. Позже я узнал, что накануне он был на приеме у генерального секретаря.

Возможно, это было выражением устойчивого разочарования генералитета, связывавшего немалые надежды с Андроповым и откровенно обескураженного приходом Черненко. Так же вероятно, что генералы чувствовали ослабление хватки после андроповских намерений «навести порядок». Если о Брежнев, Андропове в узком кругу генералы могли раньше что-то говорить, то я никогда не слышал в личных разговорах даже упоминания имени нового лидера. Все в душе понимали, что самой заметной особенностью этого человека было отсутствие у него каких-либо особенностей. Канцелярский призрак.

Как ни скучно это занятие, я внимательно перечитал все, что принадлежало перу Черненко за последние тринадцать месяцев его жизни. Конечно, надо понимать так, что «перо-то» черненковское, но водили им другие руки. Более умные. И вот что бросилось в глаза.

Некоторые из основных идей, взятых на вооружение Горбачевым в начале «перестройки», просматриваются уже у Черненко. Но только «просматриваются». Молодое окружение генерального секретаря, и прежде всего его помощники доктор философских наук В.А. Печенев, В. Прибытков, некоторые другие работники аппарата, пытались внести хоть какую-то свежую струю в монотонность ортодоксальных речей и заявлений Черненко. Вот, в частности, три будущие «горбачевские» идеи, озвученные еще шестым лидером КПСС и СССР.

На апрельском пленуме ЦК (1984 г.), который сам Черненко считал «главным» в своей генсекской биографии, провозглашалось, что нужно «лучше использовать те резервы активизации масс, которые заложены в дальнейшем совершенствовании социалистической демократии, всей политической системы общества»⁷³. Именно идея «совершенствования социалистической демократии» была ведущей у Горбачева, с помощью которой он смог «расшевелить» партию и общество. Черненко лишь формально провозгласил эту мысль, как обычный антуражный большевистский лозунг, и никогда больше не возвращался к нему. Но появление таких установок в речи генсека свидетельствует, что «нечто» уже витало в духовной атмосфере, однако Черненко не был способен почувствовать какие-то глубинные подвижки в общественном умонастроении, уставшем от догматизма и марксистской ортодоксальности.

Мы помним, как Горбачев наивно верил, что стоит обновить кадры партии и «дело пойдет». Его выстрадавший пленум «О перестройке и кадровой политике партии», как и следовало ожидать, мало что дал. Седьмой генсек тогда не понимал, что без изменения системы никакие кадровые перетряски демократического общества не создадут. Но ведь, придя на пост генсека, Черненко так же, на том же «ключевом» апрельском пленуме подхватил старый ленинский мотив о кадрах. Помните, Ленин полагал, что стоит в «руководящие кадры» выдвинуть больше рабочих и крестьян и государственная машина заработает. Чер-

Черненко, произнося «программную» речь, заявил, что все «в решающей степени зависит от кадров. Кадры — действительно золотой фонд партии и государства... В работе с кадрами, как нигде, важна четкая, продуманная система. Здесь недопустимы ни частая сменяемость, ни какое бы то ни было окостенение кадрового состава»⁷⁴. Свой кадровый тезис Черненко подтвердил очередной запиской партийному синклиту — «О некоторых вопросах современной кадровой политики»⁷⁵. В документе есть лишь одна мысль, которая могла принадлежать самому генсеку: он рекомендовал практиковать передвижение кадров не только по вертикали, но и по горизонтали. Это «освежает, я по себе знаю...» — утверждал генсек.

Вновь дежурный лозунг, который, однако, помог через два года Горбачеву повести хотя бы словесное наступление на периферийную номенклатуру. Для Черненко борьба за «золотой фонд» была привычным заклинанием, позой, традиционным антуражем. Но в близком окружении, как это часто бывает, глубже понимали ситуацию, чем сам лидер. Черненко был способен лишь действовать в рамках привычных стереотипов, традиционных «ленинских норм» и неписаных правил функционирования партийного аппарата.

Назовем еще идею, которая на первых порах у Горбачева была ключевой, но... не новой. В своей «тронной речи» 13 февраля 1984 года Черненко, по обыкновению торопливо проглатывая слова, заявил, что начата напряженная работа, направленная на то, чтобы «придать мощное ускорение развитию народного хозяйства»⁷⁶.

К этой идее Черненко, по настоянию своих помощников, вернулся еще только раз в июле 1984 года, когда он направил своим коллегам очередную записку о необходимости ускорения научно-технического прогресса⁷⁷. Едва ли он придавал ей большее значение, чем просто необходимому лозунгу.

Правда, и в этом случае генсек больше не обращался к идее «мощного ускорения», которая, надо признать, на первых порах перестройки, в «горбачевское» время, захватила воображение многих людей. Склад ума советских граждан, воспитанных большевиками в течение десятилетий, был весьма восприимчив к призывам достижения чего-то гигантского, неповторимого, необычного, пионер-

ского, «самого-самого». Советские люди, что ни говори, были люди в е р ы. Но веры большевистской, ленинской.

Как видим, канун перестройки, совпавший с «правлением» Черненко, это не только временное понятие. Самые первые токи, движения, ощущения, предчувствия грядущих перемен появились именно в 1984 году. Но благодаря не Черненко, а той атмосфере, где уже рождались некоторые идеи перестройки.

В декабре 1984 года в Москве проходила научно-практическая конференция «Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии». В докладе М.С. Горбачева и в приветствии К.У. Черненко педалировалась мысль о «совершенствовании» созданного. Михаил Сергеевич, следуя неписаному железному правилу, цитировал генсека: «Принципиальной основой стратегической линии партии... служат выдвинутые К.У. Черненко теоретические установки (какие? — *Д.В.*) и положения относительно достигнутого уровня социальной зрелости советского общества»⁷⁸. Тут же Горбачев говорил, что «перед лицом глубоких перемен» партия всегда «обращается к народу». Термин «совершенствование» социализма, предполагающий «глубокие перемены», со временем будет заменен седьмым лидером на знаменитый термин «перестройка».

Разговоры (именно разговоры) о «совершенствовании», возможно, появились и потому, что убогое, бесцветное, бесперспективное, мертвящее партийное «правление» при Черненко стало особо рельефно зримым, очевидным. Фигура самого Черненко, старого человека с отечными маленькими глазами, с невнятной торопливой речью, вызывала жалость и недоумение у людей. У многих, возможно, и у самого Горбачева возникала мысль: доколе так будет? «Совершенствование» социализма действительно необходимо. Но как, когда?

Стагнация системы, грозящая перерасти в деградацию, побуждала наиболее проникательных людей к действию, выглядевшему нередко как протест, неприятие существующих реальностей в СССР. Увеличился поток (кому удавалось) уезжающих из страны, все чаще артисты, спортсмены, дипломаты, туристы просили политического убежища за рубежом. Возросло количество антисоветских листовок, антипартийных надписей, «подрывной» литературы, изымаемой на таможнях. Председатель Комитета

государственной безопасности В.М. Чебриков докладывал, что выявлены еще «1325 авторов, которыми распространено 7537 анонимных документов антисоветского, националистического и политически вредного содержания, а также učinено 628 надписей». Чебриков пишет, что из установленных КГБ 1223 авторов 89 коммунисты.

Председатель КГБ докладывает, что «на Украине, в республиках Прибалтики, Закавказья обезврежена деятельность 17 нелегальных националистических группировок. Пресечены 75 попыток националистических элементов совершить экстремистские действия, враждебная деятельность 11 лиц, спровоцировавших групповые антиобщественные акции в Тбилиси, и ряда инспираторов эмиграционных настроений среди лиц немецкой национальности. Привлечено к уголовной ответственности 13 инспираторов враждебных проявлений в Литве, Латвии и Эстонии...»⁷⁹.

Еще задолго до кровавых событий в Алма-Ате, Сумгаите, Тбилиси, Баку, Вильнюсе в Москву стали поступать тревожные сигналы национального брожения в ряде республик Союза. Но Черненко был просто не готов к такому повороту событий. Как был не готов и ко многому другому.

Все больше людей чувствовало, что страна подошла к внешне невидимому рубежу, за которым возможны желанные перемены. Уже очень немногих могли ввести в заблуждение публикуемые (и непубликуемые) списки награжденных за «успехи» в социалистическом соревновании и социалистическом строительстве. Награждались по решению ЦК: издательство «Правда», Сочинский порт, г. Таллин, г. Архангельск, Мелеузовский химический завод, Союз писателей СССР... можно перечислять до бесконечности. Чем хуже шли дела в стране, тем щедрее на награды, чины, звания становилось партийное руководство, в том числе самим себе. Маразматические властители утрачивали элементарный контроль над своими тщеславными слабостями.

Как писал замечательный русский писатель Константин Паустовский в одной из своих ранних работ, «во времена расцвета страна рождает певцов и героев. Во времена упадка — пыль и много начальства». Сказано словно о «правлении» Черненко.

В середине сентября 1984 года после двухмесячного от-

пуска появился в Кремле Черненко, совсем не посвежевший от ласкового южного солнца и соленого бриза Черноморья. Свое появление он ознаменовал (конечно, по инициативе «соратников») очередным награждением себя высшим отличием страны. Политбюро решило 23 сентября объявить стране в главной информационной телепрограмме «Время», а 24-го, в день рождения генсека, — и в печати, что «за выдающиеся заслуги в партийной и государственной деятельности по разработке и осуществлению ленинской внутренней и внешней политики, развитию экономики и культуры, укреплению обороноспособности СССР, большой личный вклад...» и т.д. наградить Черненко Константина Устиновича орденом Ленина и Золотой Звездой «Серп и Молот»⁸⁰.

Захотелось больному лидеру получить ко дню рождения (последнему при жизни), своему семидесятитрехлетию, третье звание «Героя» — тут же получил...

Ни у кого в стране ничего, кроме недоумения и горечи, этот акт очередного «осчастливливания» вождя, «пира во время чумы», естественно, не вызвал. На почве вязкой общественной апатии, равнодушия все чаще проклевывались ростки глухого недовольства, пассивного протеста, интеллектуального смятения.

Глубокая аморальность советских лидеров выражалась в показной скромности и фактической неразборчивости в отношении собственного вознаграждения. Как писал мудрый Гегель: совесть — это «процесс внутреннего определения добра»⁸¹. Ни Черненко, ни его соратники не были способны к этому «определению». В феврале 1982 года политбюро одобрило присуждение ленинских и государственных премий за «Историю внешней политики СССР, 1917—1980 гг.» в двух томах, как и за многотомник по международным конференциям периода Второй мировой войны. В числе лауреатов, удостоенных Ленинской премии, — Константин Устинович Черненко, ничего не смысливший ни в историографии вопроса, не сделавший абсолютно никакого научного вклада в создание трудов. Но иметь ленинское лауреатство считалось очень престижным...

Несмотря на «большой личный вклад» шестого лидера СССР во внутреннюю и внешнюю политику страны, кризисные явления в экономике, народном хозяйстве стали еще более глубокими. Вот только одна сфера, которая ин-

тегрально характеризует состояние экономики государства. В 1984 году Советским Союзом закуплено на Западе 45,5 миллиона тонн зерна и зернопродуктов, 484 тысячи тонн мяса и мясопродуктов, свыше одного миллиона тонн масла животного и растительного, других продовольственных товаров на свободно конвертируемую валюту. Страна для этого отправила за рубеж более 300 тонн золота, огромные валютные суммы, вырученные за продажу газа, нефти, леса, другого сырья. Государство, потенциально чрезвычайно богатое, проедало природные ресурсы, будучи совершенно не в состоянии прокормить свой народ. Все усиливалась тенденция перехода предприятий на импортное оборудование, которое, однако, использовалось из рук вон плохо. Собственное станкостроение все более отставало. В 1984 году из 272 предприятий и объектов, сооружаемых на импортном оборудовании, большинство не выполнило плановых заданий. На 1 января 1985 года остались не введенными в эксплуатацию 506 комплектов импортного оборудования. Однако поток заявок на закупку зарубежной технологии продолжал расти⁸².

Бесхозяйственность, игнорирование экономической целесообразности, затыкание бесчисленных «дыр» за счет проедания национальных ресурсов все отчетливее обозначали контуры приближающегося тотального кризиса общества. Хотя официальная статистика, манипулируя показателями, утверждала, что общий объем промышленного производства увеличился на 4,2 процента при годовом плане 3,8 процента. Производительность труда, по официально, возросла в промышленности на 3,9 процента. Естественно, считалось, что возросли и реальные доходы на душу населения на 3,3 процента.

Благополучным показателям уже мало кто верил: сплошные «дефициты», пустые полки магазинов, скрытая спекуляция, приписки, поездки в столицу «за колбасой» превратились в явление советской жизни.

Черненко к концу 1984 года стал приезжать в Кремль или на Старую площадь не каждый день. Но если и приезжал, то был в своем кабинете максимум 2—3 часа. Он задыхался. Легочная и сердечная недостаточность усугублялись хроническим гепатитом печени. Человек умирал на глазах своих соратников. Однако в дни заседаний политбюро Черненко собирал тающие силы и приезжал на за-

седание: ему очень не хотелось даже временно уступить поста, столь нелепо и неожиданно ему доставшегося.

У Черненко еще хватило сил прибыть на большой прием 7 ноября 1984 года, посвященный очередной годовщине Октябрьской революции и проходивший в банкетном зале Кремлевского Дворца съездов. Блестящая толпа «высшего света» — дипломаты, министры, деятели искусства, передовики производства, генералитет слушали совершенно невнятную речь генсека. Его глаза, по-видимому, перескакивали через строчки текста, потому что в притихшем огромном зале была слышна форменная абра-кадабра. Стоявшая рядом со мной жена, увидев, как я изменился в лице, испуганно прошептала:

— Тебе плохо?

— Мне стыдно. За всех нас, за страну...

Появления на политбюро, которые Черненко, похоже, ставил своей целью, давались ему все труднее и труднее. Так, 3 января 1985 года он с трудом смог собраться и приехать в Кремль на заседание. Были довольно быстро рассмотрены 14 вопросов повестки дня. Все видели ужасное состояние генсека и старались ускорить принятие решений без обсуждения. Набор вопросов был обычным: об очередной сессии Верховного Совета СССР, директивах бесед Громыко с Шульцем в Женеве, об итогах визита Горбачева в Англию (одобрили), согласились со снижением розничных цен на автомобили «Запорожец» и «Нива» (впервые в советской истории наметилось заговаривание этими машинами) и, наконец, рассмотрели записку общего отдела «Об итогах работы политбюро в 1984 году»⁸³.

Еще месяц назад Черненко поручил своему бывшему заместителю К.М. Боголюбову «подытожить» год его «генсекства». Старый канцелярист потрудился на славу. На 28 страницах была написана хвалебная ода правлению старца. В документе 27 раз упоминается генеральный секретарь, фактически на каждой странице «указания», «выступления», «выводы», «записки», «беседы», «речи» товарища Черненко... Панегирик-некролог умирающему лидеру получился впечатляющий. Как того и желал больной. Обсуждение итогов работы политбюро за 1984 год сегодня выглядит символичным: на заседании, где присутствовал шестой лидер КПСС и СССР, подвели итоги его правления... Как полагалось, итоги в основном канцеляр-

ские, бумажные. В душе генсек до конца жизни остался заведующим общим (как он подчеркивал, «особым») отделом. Судите сами.

Итоги работы выражаются такими «впечатляющими» цифрами: в 1984 году состоялось 48 заседаний политбюро и 42 — секретариата ЦК. Принято 3760 постановлений политбюро, из них — 529 на заседаниях и 3231 — голосованием заочно. Секретариат ЦК принял 5452 постановления, в том числе на заседаниях — 980, голосованием заочно — 4472. Работали Комиссии по проекту Программы партии, топливно-энергетическому комплексу, Продовольственной программе, реформе общеобразовательной школы, по Польше, Китаю, Афганистану, внешнеполитической пропаганде, товарам народного потребления и другие. В «Итогах» дается высокая оценка «миролюбивой советской внешней политике» и результатам бесед товарища Черненко с руководителями братских социалистических государств, развивающихся и капиталистических стран. Политбюро продолжало укрепление руководящего состава партийных органов и утвердило 28 новых первых секретарей обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, назначило 12 новых союзных министров...

В ЦК поступило за год 255 тысяч экземпляров всякого рода служебной корреспонденции. Количество писем, полученных в Центральном Комитете, достигло более 600 тысяч. Только генеральному секретарю и другим членам высшего руководства доложено более 9 тысяч писем...⁸⁴

Огромный отчет с массой цифровых выкладок, перемежаемых славословиями в адрес генерального секретаря... Однако в записке практически отсутствует глубокий анализ роли политбюро в преодолении кризисных явлений в обществе, слабой общественной активности населения, продолжающейся бюрократизации государственных структур, последствий подмены партийными комитетами советских органов власти и других вопросов.

Записка общего отдела, подготовленная по указанию Черненко, еще раз подтвердила, что шестой лидер оказался полностью неспособным на внесение в жизнь хотя бы некоторых реальных реформаторских идей. С другой стороны, историческая пауза безвременья лишь усилила ожидание необходимости кардинальных перемен в обществе. В той ленинской системе, где людям уровня Черненко становится возможным возглавлять партию и государ-

ство, эти перемены могли быть начаты т о л ь к о с в е р х у. Осталось ждать, придет ли на смену профессиональному партийному чиновнику человек, который услышит призыв своей судьбы в инициировании выстраданных перемен. Когда начнется долгожданная Реформация?

Страна чувствовала безвременье. Общественное умонастроение было таково, что все ждали крупных перемен. Но в такой стране, как СССР, они могли начаться только со сменой первого лица. Все смутно понимали, что общество подошло к тому незримому рубежу, когда должен начаться перелом, изменения, крупные перемены. Это как перед наступлением весны в средней полосе России. Март. Может заметелить, пойти обильный снег. Но все знают, что это ненадолго: на часы, максимум на сутки-двое до нового веселого натиска весны...

Весьма колоритно передал атмосферу перед уходом Черненко наблюдательный работник ЦК А.С. Черняев, ставший вскоре помощником М.С. Горбачева.

«...О Черненко. Из дневника. Москва полна анекдотами и смехом, а западная печать жуткими карикатурами и статейками по поводу его болезни. И все обсуждают, кто потом: Горбачев, Гришин, Громыко, Романов... Ходит даже «вариант» (от русских всего можно ожидать), что Черненко уже мертв. Поэтому и остановили матч Карпов—Каспаров в Колонном зале Дома Союзов, чтобы освободить место «для прощания с телом». Обильно цитируют Громыко, Зимянина, других с восхвалением выдающихся заслуг, вклада и качеств Генерального секретаря, которые, отмечает «Express», будут забыты раньше, чем выгорят свечи у гроба. Видимо, поэтому дважды показали Черненко по ТВ: при голосовании якобы на избирательном участке и при вручении ему удостоверения депутата Верховного Совета РСФСР. В последнем случае он даже пытался что-то говорить. Зрелище убийственное и постыдное»⁸⁵.

Проницательные люди давно поняли, что они скоро могут стать свидетелями обрыва к о н с е р в а т и в н о й традиции, возродившейся с приходом Брежнева на Олимп власти. Один из признаков этого акта заключался в том, что власть, ее официальная идеология уже почти не говорили о «достижениях» сегодняшнего дня, а просто прославляли режим и настойчиво переносили ожидаемые блага и свершения в неопределенное, туманное будущее.

В начале 1985 года в Софии должно было состояться заседание Политического консультативного комитета Организации Варшавского Договора. На заседании политбюро, состоявшемся 9 января 1985 года, Черненко предоставил Чазову слово. Тот без обиняков заявил: «Константин Устинович не сможет возглавить делегацию СССР. Выезд генерального секретаря куда-либо нежелателен и, более того, просто невозможен...»

Решили: сообщить в Софию, что «Константин Устинович в настоящее время нездоров» и выехать на ПКК не может⁸⁶.

Затягли и соцстраны, выжидая, чем закончится очередная агония очередного советского вождя.

Двадцатилетняя зима консерватизма и «стабильности», похоже, приближалась к концу. Все чувствовали близкий приход оттепели, провозвестника долгожданной весны. В такие моменты люди особенно рельефно видят губительный, зияющий разрыв между провозглашаемыми режимом постулатами и реальной действительностью. А это означает все большее осознание неизбежности грядущих перемен. Но какими они будут — ответить никто не мог.

Черненко, посетивший в последний раз свой «генсекровский» кабинет 7 февраля 1985 года, вскоре прочно и до конца своих дней перебазировался в лечебный корпус для самых высоких сановников страны.

Мобилизовав всю свою волю, Черненко приехал в Кремль. В последний раз. Словно чувствовал, что, как только он не сможет этого делать, и власть, и жизнь выскользнут из его ослабевших рук.

Оглядев длинный стол, где уже сидели его соратники, генеральный секретарь, собравшись с силами, зачитал свою последнюю крохотную речь.

— Этот отрезок времени прошел у нас по-боевому... Я на некоторое время как-то вышел из боевого строя, но старался внимательно читать все документы и по наиболее важным вопросам принимать решения. Скажу прямо, что прошедший период времени выявил необходимость еще раз посмотреть наши боевые ряды, выявить, на что способен каждый товарищ. Думаю, что нам следует продолжать в таком же духе нашу работу, не выдумывая каких-то новых форм...

Закашлявшись, Черненко не стал читать продолжение, а, собравшись с силами, поздравил Г.В. Романова с днем

рождения... Приступили после этого к обсуждению двух записок генсека: о координации работы с братскими странами и о кадровой работе. Проекты постановлений уже были готовы. Черненко оставалось набраться сил выслушать хвалебные слова о «своевременности и глубокой аналитичности записок»⁸⁷.

Закончив заседание и едва поднявшись, Черненко с трудом, держась за спинку кресла, чуть слышно произнес:

— Желаю всем товарищам больших успехов...

Шестой «вождь» фактически прощался со своими соратниками. Было 7 февраля 1985 года.

Многое в жизни не столь ужасно, сколь неотвратимо.

Судьбе было угодно обрушить на разваливающегося человека все мыслимые болезни: к легочной и сердечной недостаточности прибавилась пневмония, когда он лечился в Кисловодске; цирроз печени, усилились дистрофические изменения в других органах и тканях. Целый сонм врачей, возглавляемых академиком Чазовым, пытался продлить агонию шестого лидера СССР.

Один из кремлевских старцев, А.А. Громько, вскоре напишет: «За три дня до кончины, почувствовав себя плохо, он (Черненко) позвонил мне:

— Андрей Андреевич, чувствую себя плохо... Вот и думаю, не следует ли мне самому подать в отставку? Советуюсь с тобой...

Замолчал, ожидая ответа. Мой ответ был кратким, но определенным:

— Не будет ли это форсированием событий, не отвечающим объективному положению? Ведь, сколько я знаю, врачи не настроены так пессимистично.

— Значит, не спешить?

— Да, спешить не надо, — ответил я.

Мне показалось, что он определенно доволен моей реакцией.

— Что же, из этого и буду исходить...

На этой фразе мы и закончили телефонный разговор»⁸⁸.

Но Черненко торопила смерть.

Генсек уже почти ничего не соображал, а от его имени нет-нет да и поступали в политбюро «бумаги»⁸⁹.

Его факсимиле и печать по-прежнему скрепляют протоколы политбюро, которые он уже никогда не прочитает. Генсек как бы присутствует в Кремле, хотя его душа вот-вот отлетит от бренного тела. Энергичный Горбачев

уверенно хозяйничает за председательским пультом: решают строить новые метрополитены в Челябинске, Омске, Красноярске; принимают постановление об увеличении выпуска обуви; намечают меры, направленные на сохранение палестинского движения сопротивления от раскола («важный фактор против израильской агрессии»); решают, как «распорядиться» принимаемым отработанным ядерным топливом (в частности, из Австрии и ряда других стран)...⁹⁰

За три-четыре дня до кончины Черненко его посетили М.С. Горбачев и Е.К. Лигачев. Рассказывая затем 7 марта своим коллегам об этом посещении, Горбачев сообщил: проговорили около часа. Черненко якобы сказал, что надо сохранить достигнутое в промышленности, уберечь поголовье скота. Черненко согласился с предлагаемой датой очередного съезда — 3 декабря 1985 года. Будучи буквально на смертном одре, утвердил замену Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР Яснова (отправить его на пенсию), решили вопросы в отношении Бодюла, Непорожного...

Горбачев в заключение буднично заметил: «Надоело ему в больнице... Передавал привет».

Незаменимость вождя у большевиков приняла гротескные формы. Брежнев, Андропов, Черненко, уже прощаясь с жизнью и будучи не в состоянии делать что-то рациональное, должны были решать кадровые перестановки, определять даты форумов, уточнять повестки дня каких-то совещаний.

Даже великое таинство, смерть, наследники Ленина не хотели принимать во внимание. Земная суета до последних минут, до последнего вздоха... А вокруг умирающего генсека все еще суетились, пытаясь представить «дееспособность» власти. Вся страна запомнила, как еще один старец, Гришин, не отказавшийся, скорее всего, от самых честолобивых надежд, вытащил полумертвого, едва стоявшего на ногах Черненко из койки к избирательной урне, принесенной к нему в больничную палату. Призрак дрожащей рукой едва-едва смог поднять и опустить бюллетень...

Что мог думать Черненко в последние минуты бытия, пока его не покинуло сознание и смерть не похитила и эту жизнь?

В истории было разное.

Когда в 1793 году голову Людовика XVI, короля Франции, положили на плаху и она через минуту скатилась в корзину гильотины, Луи Капет, подняв окровавленную голову, вдруг спросил палача:

— Нет ли вестей о Лаперузе? (Уже пять лет как экспедиция Лаперуза исчезла бесследно...)

Наверняка Константин Устинович в свои последние минуты думал не о Продовольственной или Энергетической программе... Но это вечная тайна истории.

Когда генсек находился уже почти в коме, последним документом, скрепленным помощниками его факсимиле, был ответ в Токио на письмо Миямото вечером 9 марта 1985 года⁹¹. Фактически это был ответ с «того света». Ведь получил Миямото письмо несколько дней спустя.

Игра исторического случая или особый мистический знак: последнее письмо уже потерявшего сознание Андропова с его факсимиле (сам уже подписать был не в состоянии) ушло 8 февраля 1984 года в Токио руководителю компартии Миямото... У Черненко последнее в этой земной жизни письмо было тоже адресовано Миямото... Переступая невидимую черту, отделяющую земное бытие от небытия, пятый и шестой «вожди» последние импульсы угасающей жизни направили на Восток, одному и тому же человеку...

В полдень 10 марта 1985 года шестой лидер КПСС и СССР потерял сознание, а в 19 часов 20 минут у него остановилось сердце. Смерть, которую все давно предвидели, никого, кроме близких, не взволновала и не огорчила. Старцы из политбюро уходили один за другим. Анна Дмитриевна, жена генсека, и трое его детей скорбели о муже и отце. Они не могли не понимать, что неожиданная карьера резко сократила земную жизнь человека, призвание которого было совсем в другом.

Умер в январе 1982 года «серый кардинал» ЦК Суслов, в декабре 1984 года — Устинов. Черненко, ставший высшим руководителем страны в наиболее преклонном возрасте за всю историю СССР, не оставил после себя ничего памятного, кроме образа нелепого, случайного, исчерпавшего себя человека. Но нет, он не был случайным: такова была «воля» деградирующей системы. Смерть отобрала у шестого «вождя» жизнь, которая уже едва ли могла пригодиться власти, той, что всю жизнь укреплял Черненко. Возможно, это было наиболее достойным завер-

шением необычной карьеры Большого Чиновника? Может быть, прав Н.А. Бердяев, сказавший однажды: «Смерть есть знак, указующий на существование высшего смысла жизни»⁹².

Люди устали от высоких похорон. За три года страна «простилась» с тремя генеральными секретарями. С Черненко действовали «сноровисто» и быстро. События развивались даже стремительно. Менее чем через сутки после смерти Черненко страна уже имела следующего, седьмого «вождя» КПСС (а вскоре, естественно, он стал и первым лицом государства).

Ничего не оставил после себя Черненко: ни сенсационных рабочих записей, ни каких-то личных заметок или воспоминаний, ни завещания. Когда вызвали мастера, чтобы вскрыть личный цифровой сейф, то после небольшой возни с кодами была распахнута стальная дверца. Последовала немая сцена. Все были поражены: кроме тонюсенькой папочки с документами весь сейф был забит пачками с деньгами...⁹³ В ящиках письменного стола генсека тоже были деньги, деньги. Откуда они и зачем вождю такие огромные суммы? О происхождении их можно только догадываться и предполагать. Да и не хотелось бы развивать эту тему, зная, что Черненко, будучи генсеком и ранее заведующим общим отделом, мог контролировать бюджет ЦК и его расходы.

На другой день утром политбюро уже заседало; не приехал пока лишь из Киева Щербицкий. Горбачев дал в начале заседания слово академику Чазову. Это невольно выглядело так: смотрите, мол, друзья, хватит, козыря «преemptивностью», утверждать геронтократию. Страна, вместо того чтобы скорбеть, смеется... После медицинского сообщения Горбачев добавил лишь несколько фраз: «Болезнь у него действительно была тяжелая. Мы сами это видели. Врачи, конечно, старались помочь больному, но болезнь была настолько тяжелой, что терапевтические меры, предпринимавшиеся врачами, не привели к положительному результату. Очень тяжело сознавать, что среди нас нет Константина Устиновича...»

Тут же Горбачев перешел к главному вопросу: «О Генеральном секретаре ЦК КПСС...»⁹⁴ Ни сам Горбачев, ни его сотоварищи не хотели откладывать дела «оформления» передачи власти новому лицу. Все уже знали — кому.

Предложив Горбачеву возглавить Комиссию по похоронам, члены политбюро тем самым, по традиции, предрешили: очередным лидером партии и страны будет самый молодой член партийной коллегии.

Горбачев, как само собой разумеющееся: «Похороним Черненко на Красной площади». Там, возле мраморного могильника Ленина, уже лежали три генеральных секретаря. Черненко оказался четвертым и, вероятно, последним «вождем». Хрущеву не нашлось места. Историческая площадь столицы великого народа была превращена большевиками в кладбище...

В книге А.С. Грачева «Кремлевская хроника» хорошо сказано: «...не только империи, но и социальные системы, подобно динозаврам, вымирают, если не успевают адаптироваться к переменам, происходящим на земном шаре»⁹⁵. Похороны Черненко — симптом скорых похорон и системы, которой он так преданно, по-чиновничьи, служил. По предложению В.М. Чебрикова, председателя Комитета государственной безопасности, могилу Черненко решили разместить рядом с «красным конником», С.М. Буденным.

Соратники спешили перевернуть страницу, связанную с Черненко. У всех в душе, по себе помню, были смутные ожидания и даже какой-то страх. Да, страх: жеужели какой-нибудь Гришин вновь поведет страну в никуда? Все устали от безвременья. Ведь история — это не просто годы, связанные цепью событий. История — это Библия Вечности, которую пишут сами люди. Они уже оставили на скрижалях советской истории имена шести руководителей, шести «вождей», которые столько обещали...

Кто будет седьмым? Мы, читая эту книгу, это уже давно знаем. Тогда же для нас эта недолгая неведомость была мучительной. Что было за кулисами событий? Люди тревожились: будут ли наконец перемены к лучшему? Будут ли?

Естественные, но наивные вечные ожидания.

Дело в том, что прошлое не менее совершенно (для своего времени), чем будет XXI век для своего столетия...

Будущее, только мы этого не знаем, всегда дает предписания нашему настоящему.

„Вожь“ СЕДЬМОЙ: **МИХАИЛ**

ГОРБАЧЕВ

*Ничто в истории не осуществляется
по прямой линии, мирным нарастанием,
без раздвоения и жертв, без зла,
сопровождающего добро, без тени света.*

Н. Бердяев

Все беды России в том, что она никак не может вступить в прочный альянс со Свободой. Горбачев, седьмой «вождь», попытался это сделать.

О Горбачеве писать трудно. По нескольким причинам.

Прежде всего — он наш современник; его воля и мысль вплетены в повседневье, он часть нас самих, сегодняшних. Писать о нем — это писать о его современниках, о самих себе. Горбачев среди нас и часто своими сегодняшними выступлениями и заявлениями входит в противоречие с тем, что делал в свой «звездный час». Ведь он считает, что «его время» еще не прошло.

Во-вторых, о нем так много написано! Только Ленин из всех советских лидеров (и то лишь в СССР) не уступает Горбачеву по количеству написанного о нем. Даже Сталин, крупнейший тиран XX века, удостоился меньшего издательского интереса. Что касается зарубежных публикаций, здесь седьмой советский «вождь» — абсолютный чемпион. Работая в библиотеке американского конгресса, я обнаружил более двухсот пятидесяти (!) достаточно крупных работ (книг) о Горбачеве. Правда, большинство публикаций поверхностны, с «грибной», короткой жизнью.

В-третьих, Горбачев, как и Ленин, «рубежный» лидер. Ленин получил то, к чему стремился: власть. Горбачев получил то, чего совершенно не хотел: крах социалистической системы. Но и первый лидер, и седьмой «вождь» своими судьбами рельефно очерчивают начало и конец тоталитарной системы.

Особняком стоят книги, написанные о Горбачеве его ближайшими помощниками. Большинство принадлежат

перу тех, кто остался верен бывшему генсеку до конца. Среди них я бы отметил прежде всего книгу Г.К.Шахназарова «Цена свободы», весьма глубокую, спокойную, аналитическую работу. Любопытны и интересны книги А.С.Черняева, А.С.Грачева, А.М.Александрова-Агентова, В.А.Медведева. Любопытна книга В.Т.Медведева, генерала-охранника первого и последнего президента СССР, посвященная в основном закулисной жизни хозяев Кремля. Особняком стоит в этой обойме книга помощника Горбачева В.Болдина, вышедшая в Америке, а недавно и в России. Она является резким диссонансом всему, что написано о Горбачеве «верными» помощниками. Похоже, рукой автора водила глубокая, до неприличия, неприязнь к генсеку. Из-под пера Болдина вышел портрет Горбачева как человека самовлюбленного, эгоцентричного, подозрительного ко всем, падкого на лесть заграницы.

Помощник генсека В.И.Болдин, попросту изменивший Горбачеву в августе 1991 года, изливший на «хозяина» много темных чернил в своей книге, почему-то особо ополчился на его жену. С большим критицизмом относясь к «кухонным» наветам, похожим на сплетни, замечу, однако, одно место из книги Болдина, которое звучит как серьезное обвинение Горбачеву.

«...Раиса Максимовна, — пишет автор книги «Крушение пьедестала», — на протяжении многих лет правила не только домашним хозяйством, но и всем балом перестройки. Она участвовала в формировании политики, где это, разумеется, было возможно, и в расстановке кадров. Но главное, она формировала характер генсека-президента, помогала ему искать путь в бурном море политических течений в надежде привести государственный корабль к намеченным целям. И это можно оценивать по-разному: и как желание разделить ответственность, и как вмешательство в компетенцию президента, может, с его согласия, но ограничивающее его свободу действий и власти»¹.

Конечно, как помощник генсека, Болдин действительно много знал о положении в правящей верхушке, но не сыграл ли и с ним злую шутку советский менталитет, когда мы о женах вождей, по сути, никогда ничего не знали. А здесь активная общественная, политическая деятельность жены лидера так бросалась в глаза каждому... Впрочем, очень многие люди в деятельности Раисы Максимовны на всесоюзном и международном поприще расценили с помощью

телевидения как явный «перебор» и выраженные элементы тщеславия. Ведь и Хрущева Нина Петровна занималась богоугодными делами, и Ельцина Наина Иосифовна тоже ими занята, но это никому резко не бросалось и не бросается в глаза.

Некоторые штрихи к силуэту Горбачева не политика, а человека добавляют размышления его жены Раисы Максимовны в книге «Я надеюсь». Ближайшее окружение последнего генсека, таким образом, «описало» Горбачева «со всех сторон».

Конечно, не имеют ни исторической, ни научной ценности такие грязные книжонки о Горбачеве, как опус Б. Олейника «Князь тьмы» или Л. Великодного «Энциклопедия горбачевизма». Каждому свое.

Горбачев после Ленина самый заметный деятель в истории России XX века, с чьим именем связываются столь кардинальные и необратимые перемены. Его главная историческая заслуга заключается в том, что он почувствовал глубинную необходимость перемен и решился, став первым лицом в партии и государстве, инициировать их.

Нет, у Горбачева не было никакого «плана», что бы сегодня ни писали его биографы, никакой «стратегии», кроме официальной ленинской «линии» ЦК, решений съезда, программных установок КПСС. И это естественно. Ни кто не мог на его месте открыто приступить к демонтажу коммунистической системы. И он не хотел и не собирался этого делать. Но кто-то должен был его начать! И это невольно сделал Горбачев — лидер переходного периода, исповедовавший начатые перемены как процесс «совершенствования», «улучшения», «ускорения», наконец, «перестройки» коммунистической системы.

Горбачев никогда, даже после августа 1991 года, не ставил вопроса о ликвидации советской социалистической системы: он хотел лишь ее «улучшения». Но как можно «улучшить» тоталитарное общество? Как можно «улучшить» монополию одной политической силы? Как можно вдохнуть новую жизнь в директивную экономику, полностью исчерпавшую себя? На эти вопросы нет удовлетворительного ответа. Не было их и у седьмого «вождя».

Седьмой «вождь» хотел «все» перестроить, не затрагивая при этом социалистического фундамента с господством государственной собственности, с «авангардной» ролью КПСС в обществе, ведущей ролью рабочего класса,

сохранением коммунистических идеалов как цели движения. Нетрудно увидеть, что задача эта в принципе невыполнима. Все «перестроить» и сохранить основы, заложенные Лениным, невозможно. Коммунистическая система неререформируема. Она или есть, или ее нет. Этого не мог или не хотел понять (ведь он генсек КПСС!) Горбачев.

Спустя десятилетие после начала «перестройки», когда и сам термин уже почти предан забвению, а коммунисты — проклятию, все рельефнее предстает крупная историческая роль Горбачева в судьбах России, да и всего мира.

Конечно, для оценки огромной роли Горбачева в российской истории (и не только в ней) не имеет весомого значения то, что он говорит с е г о д н я. И то, что эти заявления часто совсем не согласуются с прошлыми, времен его «правления». Хотя, конечно, это печально; в историческом Горбачеве сегодня слышны мотивы обиды, политического раздражения и вновь — жажда власти. Он не может понять, что нельзя «в одну и ту же реку войти дважды». Горбачев останется в истории зачинателем одной из самых великих в XX веке Реформаций, но его время ушло...

Прежде всего, Горбачев стал пионером либеральных перемен, начатых, правда, без кардинальных замыслов и ясных целей, в рамках желанного полного сохранения марксистско-ленинских основ в обществе и государстве. Горбачев н а ч а л процесс назревших демократических перемен, которые, однако, все больше и больше выходили из-под его контроля. Его имя навсегда стало символом самых драматических реформ в XX веке.

Далее. Конечным внутренним результатом «перестройки», помимо воли и желания Инициатора, стало тотальное крушение коммунистической системы. Но при этом не Горбачев ее разрушил. Нет. Он своими действиями *не мешал* ее саморазрушению, самораспаду. События, начало которым положил последний генеральный секретарь, стали развиваться по своим внутренним объективным законам, полностью игнорируя директивное мышление их инициаторов на Старой площади.

Наконец, внешним результатом реформистских деяний Горбачева стало существенное изменение характера международных отношений. Отодвинулась далеко вглубь угро-

за глобального ядерного конфликта и самоуничтожения человечества. Стали реальными многие планетарные категории, позволившие людям осознать, что есть некие общие великие ценности, достигнуть и сохранить которые можно только сообща. Пожалуй, никто не сделал в XX веке так много, как Горбачев, для устранения глобальной военной угрозы для человеческой цивилизации.

Разумеется, полную оценку исторической роли Горбачева человечество сможет сделать только где-то за порогом XXI века, когда годы «перестройки» отодвинутся от сегодняшней суеты в глубину истории. Однако уже сейчас можно сказать, что «правление» Горбачева не только стало источником эпохальных перемен позитивного характера, но и явилось катализатором резкого обострения многих противоречий и конфликтов, наложивших мрачную печать на их конкретные проявления. Об этом мы скажем в своем очерке о седьмом «вожде».

Горбачев был и еще долго останется в сознании своих соотечественников трагической фигурой, которую одни будут боготворить, а другие ненавидеть, одни видеть в нем великого реформатора, а другие — коварного разрушителя. В этом очерке автор книги, опираясь на документы КПСС, свидетельства очевидцев, личное восприятие человека, с которым я знаком, попытается написать еще один портрет генсека к тысяче уже имеющихся. Повторю: в отличие от абсолютного большинства из них это — строго документированный «силуэт» в большевистской галерее вождей, отражающий один из самых драматических этапов истории великого народа.

Когда я писал и завершил эту книгу портретов большевистских вождей, стало известно, что в Германии вышли мемуары Горбачева. Я незнаком с содержанием книги, хотя знаю некоторых людей, которые помогали ему ее готовить. Однако, прочитав фактически все им ранее произнесенное (а это десятки томов, если собрать вместе!), а также написанное с помощью сонма помощников, я заранее знаю, что он сказал в книге воспоминаний. Не думаю, что годы безвластия могли кардинально изменить Горбачева. Исторически самая уязвимая черта этого выдающегося человека — он быстро забывает свои главные промахи и ошибки или умышленно говорит об этом глухо и скупно. Другие «виновны», по его мнению, значительно больше.

Что ж, эта слабость присуща почти всем политическим

деятелям. Здесь Горбачев не является исключением. Когда философ Юм начинал писать свою краткую автобиографию, он заметил: «Очень трудно долго говорить о себе без тщеславия». А Горбачев говорит о себе уже долго...

В будущем, думаю, профиль этого политического деятеля, совсем неприметного большую часть его жизни в масштабах даже КПСС и страны, можно будет высветить более рельефно. Наиболее точный политический портрет пишется тогда, когда есть значительная по времени историческая ретроспектива. Ее пока нет. Однако уже сегодня, мне кажется, можно было бы провести одну историческую параллель. Такие параллели иногда позволяют схватить нечто существенное, непреходящее. Эту «параллель», впрочем, еще раньше заметили и на Западе.

В российской истории есть крупный государственный деятель, судьба которого во многом схожа с судьбой Горбачева. Это император России Александр II.

У Александра II был весьма консервативный, даже реакционный предшественник, его отец Николай I. Так же можно расценить и предтечу Горбачева Черненко, хотя это слишком мимолетная фигура, более сравнимая с тенью Брежнева.

И Александр II, и Горбачев — явные либералы для своего времени. И тот и другой начали далеко идущие реформы: если император, вопреки воле многих своих сановников, освободил российских крестьян, то генсек дал духовную свободу всему обществу.

Александр II был воспитан поэтом Жуковским, мудрым политиком Сперанским, историком К.И. Арсеньевым. Он впитал в себя все лучшее из европейской культуры, как и непреложные самодержавные правила дома Романовых. Горбачев — воспитанник большевистского «дома», где главная роль принадлежала не выдающимся мыслителям и даже не юристам Московского университета, где он учился, а его партийным начальникам в Ставрополье: В.Мураховскому, Ф.Кулакову, Л.Ефремову. Однако, несмотря на традиционность (для каждого) воспитательного воздействия, и тот и другой где-то подсознательно лелеяли идеи назревших перемен.

Когда Александр II в 1855 году вступил на престол, мятежный Герцен, разбудивший «колокол» российской совети, обратился из Лондона к 35-летнему императору: «...Государь, дайте свободу русскому слову. Уму нашему

тесно, мысль наша отравляет нашу грудь от недостатка простора, она стонет в цензурных колодках. Дайте нам вольную речь... Нам есть что сказать миру и своим. Дайте землю крестьянам — она и так им принадлежит»².

Роль Герцена в СССР спустя более чем столетие исполнили великие А.Солженицын и А.Сахаров. Горбачев давно слышал их голос, но совсем не внимал ему. Став генсеком, он почувствовал, однако, что без «вольной речи» даже частичное улучшение марксистской системы неосуществимо. Ну а в отношении крестьян он, Горбачев, был советским «профессором». Даже через два с лишним года после начала перестройки убежденно утверждал, что «коллективизация означала коренное изменение всего уклада жизни основной массы населения страны на социалистических основах»³. Император Александр II освободил крестьян от крепостничества, а большевики через семь десятилетий после этого вновь возродили сословие, теперь советских, крепостных. Горбачев оценил этот факт в 1987 году как создание «социалистических основ»...

Александр II имел постоянно глухую оппозицию со стороны как помещиков, государственной бюрократии, так и революционных радикалов. Его не достал выстрел Каракозова, но бомба, брошенная у Екатерининского канала в коляску возвращавшегося из Михайловского дворца к себе императора, поразила царя-реформатора и освободителя.

Горбачев, к счастью, избежал этой участи, но его «низложили» те, кого он возвышал: янаевы, баклановы, болдины. Хотя именно Горбачев открыл шлюзы свободы. И если Александр II был цельной натурой, то Горбачев все время маневрировал, пытаясь сохранить добрые отношения как с партийным ортодоксом Е.К. Лигачевым, так и с вольнодумцем А.Н. Яковлевым.

Возможно, историческая параллель между двумя крупными деятелями российской истории выглядит не совсем корректно. Однако полезно, желая осмыслить настоящее и пытаясь приподнять полог над туманным грядущим, поискать аналогии в прошлом.

Александр II, осуществив самую крупную реформу России в XIX веке, получил в результате смятенное дворянство и нищее, но «свободное» крестьянство. И те и другие считали себя обманутыми. Горбачев, открыв спасительные клапаны свободы и гласности, в конечном счете тоже

не снискал благодарных аплодисментов своих соотечественников.

Такова судьба всех крупных реформаторов: Александра II, Сперанского, Столыпина... Ведь революции «удаются» чаще, чем реформы...

Последний ленинец

В советской истории никогда еще так быстро не «рождались» генеральные секретари. Черненко скончался 10 марта в 19 часов 20 минут. Не прошло и суток, а в 18 часов 11 марта, за два дня до похорон шестого «вождя», на внеочередном пленуме ЦК КПСС был избран с огромной поспешностью новый генсек. Этому предшествовало заседание политбюро ЦК, открывшееся в 14 часов 11 марта.

Горбачев уже несколько месяцев фактически полностью исполнял обязанности генсека, готовил и рассматривал вопросы, поступающие в политбюро; определял, что нужно обсудить на высшей коллегии, а что «спустить» на секретариат и в отделы. Все нити управления партией и государством уже были у него в руках. Он, вероятно, не хотел, чтобы какой-нибудь новый «Черненко» в лице Гришина или Романова вклинился между ним и высшим постом*. Этого же не хотели Громько, Алиев, Соломенцев, Чебриков. Щербицкий был еще в США. Если говорить по большому счету — этого не хотел никто. И особенно те, кем управляли Кремль и Старая площадь. Весь вечер 10 марта в Кремле и на Старой площади шли узкие «консультации». Определенные шансы имел сравнительно молодой, но бездарный Романов, как и опытный, но из племени стариков, Гришин. Однако еще до заседания политбюро пленуму стало ясно, что абсолютное большинство однозначно склоняется выдвинуть самого молодого члена партийного синклита — Михаила Сергеевича Горбачева.

Особенно активную «предварительную» работу в этом отношении провел А.А. Громько, весьма консервативный, но умный политик. «Главный» дипломат страны чувствовал, что динамизм «партийной линии» может придать только новый, молодой, «без комплексов» человек.

---

* К слову, вскоре после «коронации» нового генсека эти двое будут отправлены «на пенсию».

Допускаю вполне, что было даже оговорено: Громько получит на заседании политбюро слово первым. Это моя версия. От этого может зависеть все последующее. Едва ли кто решится после первого предложения нарушить «единство» и выдвинуть вторую кандидатуру.

Откроет и будет вести, как и все другие заседания в феврале и марте, Горбачев. Есть вещи, как-то: беседы, разговоры, которые проходят между двумя политиками, без свидетелей, и их трудно точно воспроизвести, документально доказать или опровергнуть. Но, полагаю, Горбачев мог справедливо считать, что он был уже раз обойден, когда старик Н.А. Тихонов предложил на пост генсека другого старика и своего друга — К.У.Черненко. С точки зрения истории и реальных возможностей Горбачев в феврале 1984 года имел неизмеримо больше позитивных оснований претендовать на пост генсека, чем кто-либо другой. Поэтому, в соответствии с неписаными правилами коммунистического партийного соперничества, Горбачев вполне мог иметь предварительную встречу с Громько. Я убежден, хотя и не могу подтвердить документально, что такая встреча была.

Раиса Максимовна, супруга Горбачева, в своей книге «Я надеюсь» вспоминает, что в день смерти Черненко Михаил Сергеевич приехал за город, на дачу, очень поздно. Вышли на улицу; по-мартовски было еще студено. Помолчав, супруг сказал: «Завтра — пленум. Может стать вопрос о том, чтобы я возглавил партию». «Для меня такой разговор был неожиданностью, — пишет Раиса Максимовна. — В какой-то степени — потрясением»⁴. Едва ли Горбачев стал бы делать предположения, если бы для этого не было весомых оснований в виде предварительных «бесед».

Дальнейший ход заседания политбюро подтверждает мою гипотезу. После сообщения и ухода Чазова, доложившего обстоятельства болезни и смерти Черненко, Горбачев заявил: «Нам необходимо прежде всего решить вопрос о Генеральном секретаре ЦК КПСС. Прошу товарищей высказаться по этому вопросу».

Кремлевские тайны власти не только загадочны, но порой и весьма прозрачны. Еще не остыло тело лежащего в морге незадачливого Черненко, а его коллеги спешат определить преемника. Словно пытаясь быстрее исправить свою ошибку годичной давности. Как только Громько произнес первые две-три фразы своей явно подготовлен-

ной речи, всем стало ясно, кто будет седьмым «вождем» КПСС, а значит, и СССР.

Громыко: ...Скажу прямо. Когда думаешь о кандидатуре на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, то, конечно, думаешь о Михаиле Сергеевиче Горбачеве. Это был бы, на мой взгляд, абсолютно правильный выбор...

Далее Громыко сформулировал три положения, которые, по его мнению, характеризуют Горбачева. Коротко, это энергия, партийность, опыт.

Затем первый оратор заявил: «Когда заглядываешь в будущее, а я не скрою, что многим из нас уже трудно туда заглядывать, мы должны ясно ощущать перспективу. А она состоит в том, что мы не имеем права допустить никакого нарушения нашего единства. Мы не имеем права дать миру заметить хоть какую-либо щель в наших отношениях..»⁵

Последние фразы прозвучали предупреждающе: кто решится не согласиться с его предложением (только ли его?), тот рискует получить ярлык «раскольника» единства. Таковых в политбюро просто не могло быть: давно бы уже устранили...

Громыко, видимо, по старости, уже забыл, что 10 февраля 1984 года, когда он поддержал Н.А.Тихонова с его предложением избрать Черненко, то тоже говорил о необходимости «заглядывать в будущее», только чуть-чуть другими словами: «Мы должны смотреть дальше...»⁶

Дело было сделано. Выступившие после Громыко Тихонов, Гришин, Соломенцев, Кунаев, Алиев, Романов, Воротников, Пономарев, Чебриков, Долгих, Кузнецов, Шеварднадзе, Демичев, Зимянин, Капитонов, Лигачев, Рыжков, Русаков — все поддержали Громыко. Оставалось искать эпитеты, которые не смог использовать Громыко. И искали. И находили. Судите сами. Приведу лишь по одной-две фразы из выступлений коллег Горбачева. Это будет коллективным портретом нового генсека...

Тихонов: «...Это первый из секретарей, который хорошо разбирается в экономике» (?! Первый? — Д.В.) Знаменательное невольное признание.

Гришин: «Мы предрешили этот вопрос, договорившись вчера утвердить Михаила Сергеевича председателем комиссии по похоронам».

Соломенцев: «Михаила Сергеевича отличают неукроти-

мая энергия, стремление активно вмешиваться в события».

Кувнаев: Как бы здесь ни развернулось обсуждение, коммунисты Казахстана будут голосовать за Михаила Сергеевича Горбачева. (Интересное и редкое заявление: Алмата «устала» от старцев.)

Алиев: Михаил Сергеевич — прост, скромн, доступен.

Романов: В своей работе Михаил Сергеевич очень требователен. (Как раз «не очень». Но Романов, кстати, вскоре будет удален по настоянию Горбачева из политбюро.)

Воротников: Мне пришлось встретиться сегодня с большим числом представителей областных партийных организаций России, и все товарищи высказываются за то, чтобы избрать т. Горбачева.

Пономарев: За последние три года мы потеряли трех генеральных секретарей... Но сила нашей партии в том, что мы идем вперед, что мы сплочены, что никакие потери не могут поколебать единства...

Чебриков: ...Чекисты поручили мне назвать кандидатуру тов. Горбачева М.С. на пост Генерального секретаря.. А голос чекистов... это и голос народа. (Вот так — представители интересов народа и их голоса — чекисты...)

Долгих: У него за плечами не только большой опыт, но и будущее.

Кузнецов: Он очень доступен, умеет быстро вникать в существо вопросов.

Шеварднадзе: Выдвижения Горбачева — такого решения ждет сегодня вся наша страна и вся наша партия. (Шеварднадзе прав: все так и было.)

Демичев: Уверен, что мы делаем сегодня совершенно правильный выбор... у него есть чувство нового.

Зимянин: Он отличается тем, что постоянно пополняет свои знания.

Капитонов: У него острый, аналитический ум.

Лигачев: У него в запасе еще очень много интеллектуальных и физических сил. (Что верно, то верно.)

Рыжков: Мы видим, как на наших глазах он растет как политический деятель...

Русаков: Это человек с большой буквы⁷.

Думаю, коллеги Горбачева, сами того не подозревая, написали обстоятельный портрет кандидата в генсеки. Но

использовались, естественно, лишь яркие, светлые цвета фломастеров. Темные отсутствовали. Правда, с одним уточнением: в правила политической игры не входило упоминать здесь негативные черты характера, интеллекта, воли и чувств человека. А они, как и у каждого, были. Некоторые из них мы назовем в нашем очерке. Возможно, эти негативные черты сохранились и сейчас, хотя увидеть их теперь значительно труднее: частное лицо их реже демонстрирует. Политический портрет, написанный коллективным «художником»; имя которому — члены политбюро, получился сусальным. Хотя и без нимба.

Горбачев сидел на председательском месте и, думаю, переживал самые сложные чувства в душе. Ведь через час, максимум два — он лидер, вождь, глава самой мощной коммунистической партии в мире и фактически первое лицо одного из двух самых могучих государств планеты. Не часто приходится при жизни выслушивать подобные панегирики: что он — само совершенство!

Одна «маленькая» деталь: из девятнадцати выступающих только один (!) вскользь упомянул, вспомнил о Черненко... Как будто того никогда и не было. А ведь прошло менее суток со дня его кончины...

Любая власть порочна. Но большевистская — особенно. Даже ради формальных приличий ни у кого не нашлось теплого слова для несчастного больного старца, довольно неожиданно и нелепо оказавшегося (по их же воле!) на высшем посту.

Горбачев сидел, склонив голову, и что-то набрасывал себе в блокноте. Елей, фимиами текли не останавливаясь. Все славили его, когда он был еще только на пороге превращения в седьмого «вождя».

Выступил каждый. Нужно было заключать и сразу же идти в зал заседаний пленума, где собирались со всей страны члены ЦК... Зал уже гудел в нетерпении и ожидании: что «принесут» вожди?

Горбачев волновался, о чем откровенно сказал в своем выступлении на политбюро: «...я воспринимаю все ваши слова с чувством огромного волнения и переживания».

Без пяти минут генсек в своей речи несколько раз повторил одно и то же слово — «потенциал». В «нашей партии заключен огромный творческий потенциал»; в «коллективной работе — потенциал»; «коллективистский потенциал должен работать еще активнее» и т.д.

Речь Михаила Сергеевича на политбюро была довольно бессвязной, сумбурной, хотя главные атрибуты заклинания в подобных случаях присутствовали: о единстве, коллективности руководства, готовности «оправдать доверие» и т.д. Однако там была одна мысль, которая является стержневой для понимания многих последующих шагов Горбачева. Он заявил: «Нам не нужно менять политику. Она верная, правильная, подлинно ленинская политика. Нам надо набирать темпы, двигаться вперед, выявлять недостатки и преодолевать их, ясно видеть наше светлое будущее»⁸.

В начале руководящего пути мы видим установку на достижение «светлого будущего» с помощью ленинской верной политики. В этом отношении Горбачев был таким же, как все мы. Помню, когда к 1984 году я закончил двухтомник о Сталине, то все там написал так, как, видимо, сделал бы и сейчас. За исключением сюжетов о Ленине и октябрьском перевороте. Создателя советского государства мы все считали богом, не понимая, что именно он был духовным отцом Сталина и сталинизма, предтечей всех бед России в XX веке. Критическое отношение к Ленину пришло у нас позже всего. У меня, например, «ленинская крепость» пала в душе последней.

Не знаю, пала ли она сегодня у Михаила Сергеевича, но еще в 1991 году он верил Ленину. Возможно, его стремление соединить, синтезировать либеральные реформы с Лениным и предопределило те неудачи, которых не мог избежать последний генеральный секретарь.

Ленинцем его, как и многих из нас, сделала сама жизнь. Но генсека особенно: с самой молодости он находился в тесных «объятиях» родной партии. Именно она и сделала Горбачева первым лицом в государстве, главным, но и, видимо, последним «руководящим» ленинцем.

Детство, юность, молодость Горбачева прошли в Ставрополье, на его родине — в станице Привольной. Как рассказывал сам Михаил Сергеевич, «родители мои, и родители моих родителей — крестьяне...

Отец Сергей Андреевич и мать Мария Пантелеевна тоже трудились на земле — сначала в своем крестьянском хозяйстве, затем в ТОЗе*, позже в колхозе и МТС»⁹.

---

* Товарищеское по совместной обработке земли. Форма сельскохозяйственной производственной кооперации в СССР в первые годы Советской власти. — *Прим. ред.*

Учился будущий генсек в школе всегда хорошо, как и в Московском университете, куда поступил в 1950 году. Во время учебы в школе, в летние каникулы, помогал отцу в поле, работал помощником комбайнера. Восемнадцатилетним получил, как тогда говорили за «доблестный труд», орден Трудового Красного Знамени. Вероятно, это одна из лучших страниц жизни молодого Михаила Горбачева. И в школе, и в университете был замечен в прилежании, «политической сознательности», которая тогда ценилась превыше всего. Это и выдвинуло его в плеяду школьных и студенческих комсомольских вожakov. Горбачев всегда был «правильным» комсомольцем, а затем и образцовым членом партии, в которую он вступил очень рано, в 18 лет.

Возможно, на формирование мировоззрения сельского паренька оказала влияние сложная история родного края. Рассказы деда, отца о «рассказывании», которое прошло здесь в годы Гражданской войны, о коллективизации, проведенной под зловещий аккомпанемент массовых репрессий, немецко-фашистская оккупация, которую пережил одиннадцатилетний Миша, как и депортация северокавказских народов сталинским режимом, наложили свой глубокий отпечаток на мироощущение юноши. Может быть, знание всех классовых драм и трагедий Северного Кавказа и Ставрополя способствовали, под влиянием школы и комсомола, «идейной прочности» понятливого паренька. И дед, и отец были колхозными активистами, что не могло не отразиться на коммунистической цельности юного Горбачева.

Горбачев любит рассказывать о своей семье. Однажды на заседании политбюро, когда обсуждался его доклад на торжественном заседании, посвященном 70-летию Октября, он вспоминал. «Я спрашивал свою бабушку Василису Лукьяновну:

— Как там, бабушка, колхозы создавали? — Она очень любила меня, потому что единственный внук. Она говорит:

— Люди так говорили: вот черт-те гопило, что он там затеял?

Я говорю:

— У нас с колхозами как шло?

— Да как, — говорит, — всю ночь твой дед гарнизует, гарнизует (организует. — Д.В.), а наутро все разбились..

Вот такая борьба шла. Через все семьи. Это великая была борьба, гигантская»¹⁰

Прошлое лепило настоящего, нынешнего Горбачева.

Вернувшись из Москвы с дипломом, полученным на юридическом факультете университета, Горбачев делает важный выбор: он решает идти не по тропе полученной профессии, а отдает себя комсомольской работе, этому важному и необходимому предполью партийной карьеры. С ним теперь была уже спутница жизни — Раиса, на которой он женился осенью пятьдесят третьего. Жена защитила кандидатскую диссертацию о жизни колхозного крестьянства, стала доцентом, преподавала марксистскую философию более 20 лет. В Ставрополе у молодой четы родилась дочь Ирина. Время идет, и вот уже в семье дочери, муж которой хирург, родились две девочки, внучки Горбачевых, Ксения и Анастасия.

Партийная карьера молодого 24-летнего Горбачева была прямой и ровной, без зигзагов: заведующий отделом в горкоме комсомола, первый секретарь горкома ВЛКСМ, заведующий отделом теперь уже крайкома комсомола, а потом еще выше — второй секретарь крайкома, а в 1960 году уже первый молодежный секретарь края. Пройдены, и быстро, все ступени начальной лестницы. По обыкновению отсюда нужно было переходить уже на партийную работу. В крайкоме партии так и думали. В 1962 году Горбачев становится заведующим отделом краевого комитета партии. В тридцать лет это очень неплохой разбег в партийной карьере. У него сложились хорошие отношения с первым секретарем крайкома Кулаковым, а когда тот пошел на повышение в Москву, в ЦК, такие же добрые связи установились и с новым «первым» — краевым руководителем Ефремовым. Молодой Горбачев, и это сохранилось на всю жизнь, умел не «ссориться», превращать сослуживцев в друзей. Был всегда очень доверчив, что сыграло с ним, когда Горбачев окажется на самой вершине, злую шутку.

Люди постарше знают, что первый секретарь обкома, крайкома партии это человек с огромной властью и влиянием в регионе. Царский губернатор не мог даже близко с ним сравниться: секретарь посматривал только на Москву и Кремль. Главным толкователем партийного устава и законов страны был всегда «первый». Здесь, на месте, в провинции, в его руках все: кадры, суд, военкомат, хозяйственные и советские органы.

Ко множеству льгот, которые уже были у «первых» лиц

обкомов, крайкомов республик, в 1987 году ввели еще одну. Они могли теперь при выходе на пенсию получать квартиры в Москве, осуществлять их бесплатный ремонт и т.д.¹¹. Только после активного наступления молодой демократии на привилегии партocrats в 1990 году эта льгота была упразднена.

Горбачев активен в исполнении партийных директив, его ценит Ефремов. И вот важная ступень — в 1966 году он первый секретарь горкома партии в Ставрополе, а уже через два года — второй секретарь краевого комитета партии. По сути, это «кандидатская» должность в обихоу самых престижных и высоких в стране. Как только Ефремова вновь вызывают для работы в Москву, он, не колеблясь, рекомендует вместо себя Горбачева.

Это был весьма ответственный момент в карьере молодого руководителя. Дело в том, что Москва очень часто на должности первых и вторых секретарей в регионы отправляла людей из своего огромного «питомника» — аппарата ЦК. Нередки были случаи, когда просто инструктор отдела, чаще инспектор, зав. сектором или заместитель заведующего отделом направлялись в край, область на должность первого секретаря. Такова была кадровая линия Центрального Комитета.

Во-первых, на местах оказывались люди, прошедшие аппаратную, идеологическую «школу» ЦК. Это очень ценилось. А во-вторых, само чиновничество партийного аппарата постоянно нуждалось в приливе свежей крови, притоке новых людей. Довольно часто ЦК практиковал переброску людей по «горизонтали»: из одной области в другую. «Местных» выдвигали на роль «первых» лиц редко.

Но у Горбачева были важные козыри. Прежде всего — безупречная биография, блестящая «анкета». Будучи секретарем горкома, он заочно закончил еще и второй вуз — сельскохозяйственный институт. Благо в такой должности это было несложно: трудно представить в советской системе, чтобы у «первого лица» в краевом городе какой-нибудь доцент мог дотошно принимать экзамены или зачеты... Во всяком случае, Москва (а решать о «первом лице» в крае должно только политбюро) видела дополнительный серьезный козырь: два диплома о высшем образовании. Ну и, наконец, очень пригодились рекомендации Кулакова и Ефремова. Горбачева «рекомендуют» (что означало согласие на открытое избрание) на пост первого секретаря

Ставропольского крайкома партии. Это уже очень высокая номенклатура в партийной иерархии.

Первый секретарь — всегда «депутатская» должность. На очередных выборах (благо они были «без выбора») это лицо почти автоматически становится депутатом Верховного Совета СССР, на очередном съезде партии часто избирается в Центральный Комитет КПСС...

Молодой Горбачев, фактически не работая ни одного дня по дипломной специальности, становится профессиональным партийным работником (продолжение ленинской линии «профессиональных революционеров»). Когда новый руководитель занял кабинет «первого», ему было только 35 лет! Хорошая позиция для дальнейшей карьеры! Важно только, чтобы заметили в Москве. Для этого нужно прилежно выполнять все государственные планы (огромный сельскохозяйственный край, дающий стране очень много зерна) ну и при случае поближе лично познакомиться со старцами из политбюро. А это вполне возможно: на минеральные воды в Кисловодск частенько приезжают лечиться больные партийные патриархи. Кстати, именно здесь Горбачев ближе познакомился и с Суловым, и с Косыгиным, и с Андроповым.

Это пространное биографическое отступление автор сделал для того, чтобы показать: Горбачев имел прочную платформу, чтобы стать правоверным ленинцем. Блестящая коммунистическая карьера не только «воспитывала», но и обязывала его быть ленинцем.

Я прочитал весь огромный объем того, что написано и сказано Горбачевым. Чтение довольно скучное, ибо все это официальные материалы, подготовленные многими людьми. Но есть в них и личностные моменты, позволяющие судить о человеке. Думаю, Горбачев не был фанатиком Ленина и его идей. Заметил, что кое-когда у него даже проскальзывали критические, хотя и косвенные, мотивы в отношении Ленина. Тем не менее Горбачев в Ленина верил всегда. По сути, его «перестройка» явилась призывом «вернуться к подлинному Ленину», которого «исказила» сталинская диктатура. Возможно, здесь и кроются причины многих неудач горбачевской Реформации.

По себе знаю, что такое Ленин. Я в него тоже очень долго верил. Но уже после 1985 года, той освежительной струи, ворвавшейся в нашу жизнь вместе с Горбачевым, началась в душе неумолимая, необратимая эрозия лени-

низма и самого облика «основателя». Не только множество новых ленинских документов, десятилетиями скрываемых в партийных архивах, настраивали сознание на критический лад, но прежде всего сам крах большевистского эксперимента. Когда пришло осознание того, что в Ленине и ленинизме заложены истоки многих бед России в XX веке, то это состояние было сродни духовному очищению. Осталась лишь непреходящая горечь: столько лет и столько людей большевистская система держала в догматических объятиях ленинизма. Только тогда я понял, почему Ленина не могли принять Мартов, Дан, Плеханов, Аксельрод. Ленин, по сути, был врагом социал-демократии, которая и сейчас имеет исторические шансы. Он был и остался навсегда б о л ь ш е в и к о м. Как и его последователи.

У Горбачева, перечитывая его речи (правда, очень похожие одна на другую), я не заметил переоценки ленинского наследия. В Ленине генсек видел главные аргументы своей исторической правоты. По-моему, подчеркну еще раз, именно здесь лежит генезис, источник незавершенности, ограниченности, даже известной двусмысленности всего огромного дела, начатого после 1985 года великим реформатором XX века.

Возможно, Горбачев и не мог поступать иначе, особенно на первых порах. Через месяц с небольшим на «своем» первом пленуме 23 апреля 1985 года, когда рассматривался вопрос о созыве очередного, XXVII съезда КПСС, Горбачев с самого начала в докладе сделал основную методологическую и мировоззренческую заповедь:

«...Вся жизнь, весь ход истории убедительно подтверждают великую правоту ленинского учения. Оно было и остается для нас руководством к действию, источником вдохновения, верным компасом в определении стратегии и тактики движения вперед...»¹²

А.А. Громько в своих воспоминаниях (в которых, пожалуй, автор больше умолчал о том, что знал, чем сказал), апологетически оценивая Горбачева, проводит параллель между «апрельскими тезисами» Ленина и «апрельскими» установками Горбачева на пленуме¹³.

«Апрельские мотивы» у Горбачева, в частности, выразились и в том, что он начал свой доклад на пленуме с клятв в верности ленинскому курсу и закончил ленинской цитатой о необходимости выработки «правильной и точной тактики и стратегии рабочего класса»¹⁴. Но именно

здесь крылись все самые опасные рифы курса генсека-реформатора. Ленинская главная ставка на рабочий класс (разве это не социальный расизм?), монополию одной партии (разве это не глубинный антидемократизм?), директивную экономику (разве это не отрицание тысячелетнего опыта человечества?), вера в правоту только одной идеологии (разве это не светская «религия»?) и многое, многое другое постоянно сыпали песок в подшипники горбачевского локомотива перестройки.

Спустя почти три года после начала нового, перестроечного курса Горбачев о Ленине и ленинизме думал все так же апологетически. Очень характерно в этом отношении обсуждение на политбюро 15 октября 1987 года проекта доклада на торжественном заседании, посвященном 70-летию Октября. Почти четыре часа члены ареопага рассматривали текст предстоящего выступления генсека.

Весьма характерна пространная реплика, «вставленная» генсеком в ход обсуждения и касавшаяся фактически оценки роли Ленина в судьбе России.

Отвечая на замечания Б.Н. Ельцина по докладу, Горбачев длинно и долго говорил, но суть его выступления следующая.

«...Одну проблему я хочу снять сразу. Я считаю это своим личным достижением в этом докладе... Октябрь вобрал в себя все прогрессивное, что было в нашей истории (более ошибочное заключение трудно представить! — Д.В.)... Здесь проявилась гениальность Ленина и то, что его соратники стоят на порядок ниже него. В этом кругу можно сказать: ведь до приезда Ленина в Петроград — и Сталин, и все те другие, кто был в России, уже подготовились к тому, что, как хорошо теперь — будет легальная оппозиция. И они будут в оппозиции...

А Ленин появился и с ходу сказал: «Да здравствует социалистическая революция!» Потому что он разглядел особый характер Февраля... Именно Ленин увидел возможность перерастания Февраля в Октябрь... Эта прозорливость — это то, что отличает гений от нас с вами»¹⁵.

Что верно, то верно: только Ленин увидел возможность подобрать власть, валявшуюся в октябре 1917 года на мостовых Петрограда. Но все дело в том, что была использована именно та возможность для России, которая оказалась трагической, роковой, зловещей. Октябрьский переворот большевиков стал возможен благодаря редчайшему

стечению обстоятельств, которые действительно разглядел Ленин. Именно отсюда начались все беды России в XX веке...

И еще упомянем один фрагмент из многочисленных реплик, «вставок», которые делал Горбачев при обсуждении доклада к 70-летию прихода большевиков к власти: «Октябрь и перестройка: революция продолжается». Перебив в ходе обсуждения В.В. Щербицкого, что он обычно делал в беседах, обсуждениях, генсек еще раз дал оценку Ленину, теперь уже в перестройке.

«...Вы знаете, мне очень хотелось связать историю и современность. Мы хотели не просто искусственно это сделать, а действительно перекинуть мост от Ленина, связать ленинские идеи, ленинские подходы к событиям тех лет с делами сегодняшних наших дней. Ведь та диалектика, с которой решал вопросы Ленин, — это ключ и к решению нынешних задач...»¹⁶

Вот так: ленинская диалектика и подходы — «ключ к решению нынешних задач». Хотя уже тогда было ясно, что ленинская методология классового подхода, директивного управления, господства одной партии, признание только общественной собственности, вера в коминтерновские ценности показали свою историческую несостоятельность. Но Горбачев не просто по «инерции» преклонялся перед Лениным, он верил в жизнеспособность его методологии.

Горбачев оказался единственным из всех генеральных секретарей КПСС, который совершил паломничество в большевистскую Мекку — село Шушенское, где Ленин в конце прошлого века находился в ссылке. «Мемориал произвел на меня сильное впечатление», — рассказывал Михаил Сергеевич о своей поездке в одно из исторических ленинских мест¹⁷.

Когда уже безумие установки множества новых памятников, строительства музеев, чем характеризовалась подготовка к 100-летию первого вождя, постепенно прошло, Горбачев поддержал идею Управления делами ЦК КПСС о создании квартиры-музея В.И. Ленина в Женеве. Для этого нужно было купить дом 3 по улице Плантагоре¹⁸. Брежневская традиция «массированного» увековечения вождя была поддержана и продолжена Горбачевым. При Горбачеве активизировалась работа по подготовке нового, 70-томного шестого (!) издания сочинений Ленина. Пер-

вое было — 20 томов (26 книг). Каждое последующее возрасало на десяток томов... Неисчерпаемый кладезь. Сколькo здесъ «ключей»...

Конечно, почти все мы были тогда «проленинскими». Но суть в том, что у Горбачева в вопросе об отношении к Ленину, несмотря на исторический крах его «подходов» и одномерность его «ключей», практически никакой эволюции не просматривается вплоть до 1991 года — момента быстрого крушения КПСС.

Партия устами Горбачева повторяла ошибку Хрущева на XX съезде, который, по сути, утверждал: вот разоблачим, «спихнем» Сталина с пьедестала, вернемся к Ленину, и все пойдет «как надо». Немногие тогда понимали: дело не в Сталине, а в системе, идеологии, ленинской архитектуре в целом.

Так теперь и именно Горбачев, критикуя застойные явления (кстати, к кризису общества и привела народ и государство ленинская КПСС), полагает, что «диалектика Ленина» — это «ключ к решению нынешних задач». Еще раз скажу, что данный глубоко ошибочный тезис, который Горбачев, КПСС, политбюро, по сути, до конца существования системы хотели реализовать на практике, predetermined неудачу многих перестроечных планов генсека.

Все генсеки КПСС по своему положению были а в г у р а м и, жрецами, которые в Древнем Риме толковали волю богов по полету и крикам птиц. Села птица на дворец — знак... Издал клеток орел — знак... Кружится ворон над жертвенником — знак. Так и генсеки-авгуры были главными толкователями Ленина. Хотя Горбачев, еще раз подчеркну, не являлся слепым фанатиком ленинизма, он искренне восхищался Лениным, при том, что советские люди уже давно почувствовали в своей душе, по крайней мере, равнодушие к этому человеку. Тогда, правда, никто из нас и предположить не мог, что Ленин, как та зловеца птица, принес России самые большие беды, от которых не можем избавиться и сейчас.

Когда из Академии общественных наук при ЦК КПСС в 1988 году Горбачеву пришло разгромное письмо о пьесе М. Шатрова «Дальше... дальше... дальше!», генсек придал ему немалое значение. Авторы «анализа» пьесы категорически не согласны с идеей трактовки «случайности» Октября, как недовольны и «ущербным» обликом Ленина. Горбачев предлагает ученым академии активнее включиться

через прессу для защиты большевистского вождя. А сам во время встречи с руководителями средств массовой информации, идеологических учреждений и творческих союзов 8 января 1988 года заявил: «Драматург посадил на одну скамью 23 человека (в том числе четырех белогвардейских генералов) — Керенского, Ленина, Бухарина, Троцкого, Зиновьева и Сталина, и между ними идет то, что я не назвал бы дискуссией. Это, скорее, на какую-то склоку похоже. При этом рецензент пишет, что перед судом истории все равны. И оказывается, Ленин тоже судится, он кается перед судом Истории. За что кается?»¹⁹

Горбачев даже не допускает мысли, что Ленину есть в чем «каяться». А грехов у него больше, чем у любого из семи «вождей». Земной бог, по Горбачеву, совершенен, и даже его преступления должны считаться благодеяниями... И слово «склока» — одно из любимых у «раннего» Ленина.

В 120-ю годовщину рождения Ленина Горбачев делает доклад «Слово о Ленине», в котором утверждает, что отворачиваться от Ленина — это значит «подрубать корень общества и государства, опустошая умы и сердца поколений»²⁰.

Преступный Брестский мир, когда Ленин отдал половину европейской части России лишь для того, чтобы сохранить свою власть, Горбачев, например, считает гениальным примером ленинской политики «крутых поворотов». В чем «крутой поворот»? Непобежденная Россия благодаря Ленину признала себя побежденной! Полурухнувшей Германии Ленин дал шанс продержаться еще несколько месяцев... А бездарно отданные пространства европейской России вернули благодаря не Ленину, а усилиями союзников, которых вождь Октября цинично предал в 1917 году...

Горбачев был и остался в плену ленинских догм, его якобинства и антинародной политики. Михаил Геллер, весьма проницательный парижский историк, в этой приверженности «седьмого генсека» к Ленину и ленинизму видит путь, который объективно вел к гибели советскую систему²¹. Трудно с этим не согласиться.

Исторически парадоксально, но это так: правоверный и, вероятно, последний «ленинец» (если говорить о главных вождях России) прямым путем вел страну к «деленинизации».

Для последнего генсека, по нашему мнению, не имел

большого значения ленинский катехизис (руководители СССР традиционно плохо знали ленинские «труды»), но суть взглядов советского «основателя» была ему близка по духу, по убеждениям. Здесь Горбачев почти не эволюционировал. Когда генсека КПСС и президента СССР демократы вызволили из фюрерского заточения, Горбачев на первой же встрече с журналистами заявил: он верит по-прежнему в идеалы социализма и готов совершенствоваться и дальше коммунистическую партию...

Горбачев даже про себя не мог повторить ставший крылатым девиз: «Карфаген должен быть разрушен». Генсек (пока еще — генсек...) хотел перестроить коммунистический «Карфаген», хотя все уже видели: это занятие бесплодное, пока «город» зиждется на ленинской платформе.

Феномен перестройки

Мы уже упоминали раньше, как Раиса Максимовна узнала от мужа 10 марта, в день смерти К.У.Черненко, о том, что ему, Михаилу Сергеевичу, может быть, придется «возглавить партию». На этой же прогулке, как вспоминает Раиса Максимовна, супруг размышлял вслух: «Столько лет работал на Ставрополье. Седьмой год работы здесь, в Москве. А реализовать что-либо крупное, масштабное, назревшее — невозможно. Как будто стена. А жизнь требует, и давно. Нет, — услышала я, — т а к д а л ь ш е ж и т ь н е л ь з я».

Так я впервые услышала эти слова. Сегодня их повторили миллионы людей, вокруг них возникли целые легенды. В ту ночь, пожалуй, и начался новый этап, круто изменившийся и нашу, и мою жизнь»²².

Звучит довольно провидчески, даже с элементом мистицизма. Хочу сказать, однако, что в народе уже давно говорили о том, «что так жить нельзя». Более того, диссидентское движение, выразившее в годы стагнации совесть великого народа, Солженицын, Сахаров, десятки и сотни мужественных людей всеми своими деяниями, словом, протестами, книгами заявляли: «По-человечески при коммунистическом режиме жить нельзя». Об этом я говорю к тому, что Горбачев не был мессией. Как умный человек он не мог не чувствовать общественных умонастроений, выражавшихся сутью: «Т а к ж и т ь н е л ь з я». Протест родился не у Горбачева, а в народе, и родился давно.

Но особенностью этих слов было то, что произнес их

человек, который завтра, 11 марта 1985 года, станет лидером, вождем этого государства, получив фантастически огромную власть. При всем нравственном величии большинства диссидентов, узников совести, они не обладали никакой властью... Кроме моральной. А Горбачев получал эту власть, и формула «Так жить нельзя» обретала смысл реальной надежды.

Добавлю, что даже в кругу, к которому принадлежал Горбачев, были люди, которые задумывались над тем, как жить дальше. Ведь так жить нельзя...

Наблюдения приводят к выводу: тоталитарная система столь стабильно консервативна, что заметные перемены принципиального характера в ней может осуществить (или начать их) лишь первое лицо. Или группа лиц из «руководящих кругов». Примеры рядом: Хрущев, вопреки многим, смог нанести благодаря своему мужеству страшный удар по личной диктатуре тирана-вождя, правившего страной три десятилетия. И наоборот, Брежнев, обладавший не меньшей властью, смог «погасить», приостановить, замедлить процесс десталинизации.

Горбачев, беседуя с супругой 10 марта 1985 года, прав в том, что до того он действительно ничего крупного, масштабного в своей жизни не сделал. Более того, став «первым» лицом в Ставропольском крае, кроме как своей должностью, ничем и не запомнился. Мне довелось быть гостем и делегатом нескольких съездов КПСС, но я не помню ни одного выступления Горбачева на них, в памяти не осталось, были ли заметные крупные газетные публикации красного секретаря, какие-то инициативы, которыми пытался обычно как-то выделиться многие местные «вожди» (Федирко, Медунов, Бондаренко, Ларионов, другие). Горбачев в Ставрополье был просто незаметен и для страны, и для партии. Незаметен!

Оказавшись с 1978 года в Москве, Горбачев возглавляет в ЦК область сельскохозяйственного производства, а затем и претенциозную «Продовольственную программу СССР». Как и следовало ожидать, она блистательно провалилась. Директивами таких проблем не решить. Судьбе было угодно почти во все годы, пока Горбачев работал секретарем ЦК по сельскому хозяйству и до начала «генсекства», фиксировать едва ли не самые низкие послевоенные урожаи зерна в СССР. В эти годы, как, впрочем, и раньше, и после 1985 года, страна закупала в огромных количест-

вах зерно за рубежом. Не думаю, что Горбачев внес нечто принципиально новое в аграрную политику КПСС. То, что сделал Сталин вместе с ВКП(б) в 1929—1933 годах, до сих пор «расхлебать» не может никто*.

...В конце 1979 года готовился очередной пленум ЦК. Естественно, там должны были быть отражены и вопросы состояния и развития народного хозяйства. Доклад Брежневца (проект) разослали членам политбюро для высказывания возможных замечаний и пожеланий. У М.С. Горбачева они оказались традиционными (как у всех других членов политбюро): «...Со свойственной Леониду Ильичу глубиной, масштабностью и конкретностью в выступлении рассматривается широкий круг актуальных проблем экономического и социального прогресса страны. С ленинской принципиальностью поставлены вопросы стиля и методов работы партийных кадров и государственного аппарата, развития их инициативы и повышения ответственности за порученное дело». Так писали все, так должен был писать и Горбачев. А пожелания, связанные с сельским хозяйством, свелись... к предложению «увязать» эти вопросы с «решениями июльского (1978 г.) пленума ЦК КПСС»²³.

Ни Горбачев, никто другой были не в состоянии вывести сельское хозяйство из того глубочайшего кризиса, в который его завели большевики еще десятилетия назад. А если и предпринимались попытки, то они были заранее обречены на провал.

В январе 1989 года политбюро ЦК собралось, чтобы обсудить вопросы подготовки к пленуму по аграрной политике.

Генсек, как специалист по этому вопросу, говорил много. «Мы подошли к решающему этапу по подготовке и формированию позиций и решений, с которыми должны выйти на пленум. Перестройка на селе опирается в кадры (создается впечатление, что коммунистические руководители все 70 лет настойчиво решали «кадровые проблемы», но так и не смогли с ними справиться. Дело-то «упирает-

---

* Период насильственной сплошной коллективизации крестьянских хозяйств, когда под флагом «раскулачивания» более миллиона семей земледельцев были подвергнуты жесточайшим репрессиям. Плоды коллективизации, которая привела, по сути, к «раскрестьянию» крестьян, мы пожинаем до сих пор. — *Прим. ред.*

ся» не в кадры. — Д.В.). Оклад первого секретаря сельского райкома на уровне оклада управляющего отделением совхоза... Кто же пойдет в райком?»²⁴

Если бы так много зависело от окладов партийных чиновников, то мы давно бы уже не покупали десятками миллионов тонн зерно, а продавали бы его всему миру...

Горбачев был обречен заниматься вопросом, которые в полной мере в этой системе не способен был решить никто. Он добросовестно подписывал бумаги, письма, рекомендации, но они ничего не могли изменить. Вроде его записки в политбюро 9 февраля 1982 года «О подготовке техники к весенним полевым работам 1982 года»²⁵. Чиновничья бумага, констатирующая, например, что из 128 тысяч тракторов типа К-700 — 34 тысячи не отремонтированы. Это больше похоже на некую страховку: ведь я предупреждал, бил тревогу...

Трудно за что-то зацепиться мыслью, чтобы припомнить личностное выражение Горбачева как руководителя-новатора. Как и в Ставрополье, он был незаметен. Точнее, выделялся среди других членов политбюро своей относительной молодостью. Но скажем честно: такова была система. Выделяться, кроме как генсеку, не позволено было никому... Абсолютно никому.

Став генеральным секретарем, Горбачев поначалу вел себя так, как поступали предыдущие генсеки, которых он лично знал и работал под их руководством: Брежнев, Андропов, Черненко. Однако, если присмотреться пристальнее, вел себя «так», но и не совсем так.

Уже через два дня после похорон Черненко, 15 марта 1985 года, Горбачев приглашает к себе в кабинет на совещание секретарей ЦК Романова Г.В., Долгих В.И., Пономарева Б.Н., Зимянина М.В., Лигачева Е.К., Русакова К.В., Рыжкова Н.И., а также зав. общим отделом Боголюбова К.М. и управляющего делами ЦК Кручину Н.Е.

Горбачев проинформировал секретарей о встречах, которые были у него в траурные дни с руководителями зарубежных делегаций, приехавших на похороны. В конце совещания (мы еще его коснемся) Горбачев неожиданно заговорил о том новом, что он хотел бы ввести, относительно своей роли как генерального секретаря. Приведу несколько фрагментов из стенограммы, которую вел Боголюбов.

«...Возник вопрос, — сказал Горбачев, — стоит ли раз-

рабатывать план мероприятий в связи с разъяснением моего выступления на мартовском пленуме ЦК. Я думаю, что такие планы мероприятий и сейчас, и в будущем вообще разрабатывать не нужно. Выступление опубликовано, до партийных организаций оно дошло, и сами товарищи на местах знают, что нужно в связи с этим делать...»

Все переглянулись. Раньше любое выступление генсека на пленуме ЦК — событие. Комитеты партии «вокруг» него «накручивали» самые разные «мероприятия» по «разъяснению», «пропаганде», «реализации указаний» и т.д.

Но Горбачев пошел дальше. «...Мне сегодня звонил Виктор Васильевич Гришин. Он сказал, что в Москве намечается провести партийный актив в связи с реализацией решений прошедшего пленума ЦК, указаний и выводов Генерального секретаря. Мне кажется, что «указания и выводы Генерального секретаря» упоминать в повестках дня наших пленумов не следует...»

Все это было внове. Участники совещания строчили в своих блокнотах, конспектируя необычные «указания» нового генсека... Но и это было не все.

«...Сегодня также мне позвонил Зия Нуриевич Нуриев. Он едет в Эстонскую ССР вручать республике переходящее Красное знамя и просит разрешения передать участникам торжественного заседания мой привет. Я ему сказал, что такой привет передавать не надо и вообще... с этим пора кончать...»²⁶

Слышать все это было непривычно. Ведь то, от чего Горбачев добровольно отказывался, было традиционной, ритуальной частью повышения роли генсека, его особого положения на вершине иерархической лестницы КПСС. Но Горбачев понимал, что эти достаточно мелкие, но со значением вопросы тут же будут замечены на всех уровнях партии как добрый знак возможных перемен.

Чтение стенограммы, на которую я ссылался выше, вместе с тем наглядно свидетельствует, как много еще тогда было в Горбачеве партийного провинциализма и просто невысокой культуры. Некоторые его выражения, фразы, утверждения весьма плоски. Речь идет об оценках Горбачевым своих зарубежных собеседников, с которыми он встречался 12—14 марта.

Не буду голословным, приведу лишь отдельные фразы, которыми он информировал секретарей о своих беседах.

— Когда дело дошло до Чаушеску, то он стал вилять... Пришлось ему достаточно решительно ответить, что мы все едины в вопросе подписания протокола о продлении Варшавского Договора... Чаушеску проглотил эти слова и промолчал.

— Президент Франции Миттеран выглядел больным, ему трудно было говорить... Мы прямо ему заявили, что Советский Союз и Франция стояли у истоков разрядки... и необходимость в таком сотрудничестве еще больше возрастает.

— Очень рвался к нам на беседу канцлер ФРГ Коль... Его беспокоит сложившееся положение, когда ФРГ активно обходят и Англия, и Франция, и Италия... стремясь налаживать сотрудничество с Советским Союзом. Нам пришлось в прямой форме высказать Колью...

— Трудным был разговор с премьер-министром Японии Я.Накасонэ. Он начал беседу с территориальных претензий к Советскому Союзу. Мы самым решительным образом отвели эти домогательства и показали, куда постепенно дрейфует японское руководство...

— Самой продолжительной (почти два часа) была наша беседа с вице-президентом США Бушем и государственным секретарем Шульцем. Общее впечатление, которое произвела на нас американская делегация, скажу прямо, довольно среднее. Не очень это серьезная команда... Когда я затрагивал вопросы, которые выходили за рамки текста, имевшегося у Буша, он терялся...

— О беседе с президентом Пакистана Зия уль-Хаком. Это изворотливый политик... Пришлось в прямой форме сказать Зия уль-Хаку, что поскольку мы соседние государства, то следует и вести себя по-соседски... Мы указали президенту Пакистана... Я прямо сказал Зия уль-Хаку... В целом мы довольно серьезно нажали на Зия-уль-Хака, и вышел он с беседы явно расстроенным...²⁷

Пожалуй, довольно. Генсек как бы красуется перед секретарями ЦК, какой он «решительный» и «прямой», «указывает» президентам, хотя содержание его бесед (есть стенограммы) в основном носило довольно общий, часто протокольный характер. Но меня всегда удивляла способность Горбачева на хлесткие, часто непечатные выражения. Об этом мне рассказывали люди, близко знавшие генсека. Впрочем, его помощник А.С.Черняев прямо пишет

об этом в своей книге. Обсуждая мою записку, вспоминает Черняев, Горбачев «сильно при этом ругался матом»²⁸.

Впрочем, уничижительные оценки своих партнеров, соперников (заочные, разумеется) долго были стилем Горбачева. Так «выходили» из нового генсека глубокий провинциализм и партийная безапелляционность. Вот, например, как генсек оценивал американского президента после Рейкьявика.

«...В лице Рейгана нам пришлось вести борьбу в Рейкьявике не только с классовым противником, но и с таким его представителем, который характеризуется чрезвычайным примитивизмом, пещерным обликом и интеллектуальной немощью...»²⁹

Даже историку писать такое неловко, а ведь это говорил коллегам Горбачев о своем недавнем собеседнике... Партнере по переговорам. Все это, повторимся, от общего недостатка культуры, провинциализма, избытка «партийности» и ленинской непримиримости в оценке «классовых врагов». Со временем Горбачев со многими из этих «сорняков» справится. Но... не совсем.

И все же это частности. Горбачев замахнулся на нечто большее: он решил попытаться «вылечить» ленинскую систему. В его арсенале постепенно и последовательно появились три термина, которые стали фирменным знаком «правления» седьмого генсека: у с к о р е н и е, г л а с н о с т ь, п е р е с т р о й к а.

Горбачев, став 11 марта 1985 года генсеком, ничего конкретно «не замышлял», хотя и полагал, что «как жили раньше, так дальше жить нельзя». Идеи «что-то» улучшить, изменить, от чего-то освободиться приходили к Горбачеву постепенно, хотя и довольно быстро. Многие горбачевские выражения становились крылатыми, близкими людям. Это как на Эльбрусе: можно сбросить с вершины снежок и вызвать обвал.

Горбачев почти каждый день удивлял своих коллег. Ну, прежде всего, он стал часто встречаться с очень многими людьми: министрами, послами, писателями, секретарями обкомов, редакторами газет и журналов. Возможно, что кое-кто думал: «оботрется», «дыхание перехватило от высоты нового поста», «хочет таким образом быстрее утвердить себя», знаем мы этих «народников». Но Горбачев не унимался и продолжал удивлять своим «необычным» поведением членов политбюро и секретарей ЦК.

Менее чем через месяц на политбюро, 4 апреля 1985 года, обсуждалось: «О повестке дня и порядке проведения апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС», который договорились провести 23 апреля. Горбачев для себя, видимо, решил, что сделает этот пленум исходным, рубежным, переломным, хотя вроде выносимый на него вопрос был сугубо внутривнутрипартийный, даже технический: «О созыве очередного XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением». Быстро, что нужно, решили, благо, как всегда, аппарат все подготовил заранее. Члены коллегии уже задвигали креслами, стали складывать свои бумажки в папки, как вдруг Горбачев остановил их:

— Прошу задержаться товарищей на несколько минут. Мне хотелось бы поделиться мнениями с членами политбюро вот по какому вопросу. Неожиданно большой резонанс в стране получила высказанная на мартовском пленуме ЦК мысль о необходимости последовательной борьбы с парадностью, чванством, славословием и подхалимством...

Горбачев, не выжидая, решил нанести осторожный, но точный удар по предыдущим генсекам, благо их было за что осуждать. Здесь новый генсек ничего не выдумал: все лидеры (кроме Сталина) в значительной мере упрочивали свое положение критикой и разоблачениями своих предшественников. Действовали так, словно внимали мыслям русского поэта А.Н. Майкова: «Чем ночь темней, тем ярче звезды». И не опасно, и традиционно-привычно. Но Горбачев осторожен. Но похвально настойчив. Он решил этот удар нанести зачитанием письма старого коммуниста В.А. Завьялова из Ленинграда.

Члены политбюро настороженно подняли головы. Генсек около десяти минут зачитывал большое письмо в ЦК КПСС. Приведу лишь некоторые его фрагменты.

«...В свое время Сталин дал добро на славословие. Я имею в виду избрание почетных президиумов, написание приветственных писем в ЦК по случаю каких-либо событий или дней рождений важных персон, хвалебные речи в адрес Генерального секретаря, сочинение рапортов на его имя о трудовых подвигах и т.п. ...Парадность не способствует делу...

Исторический опыт учит, что за парадной шумихой руководители теряют ориентировку и чувство меры. Народ считает, что 19 «Золотых Звезд» Л.И.Брежнева и третья

«Золотая Звезда» К.У. Черненко не только подмочили их собственный авторитет, но и рикошетом ударили по членам Политбюро... Неужели его члены считают, что Генеральных секретарей, да и их самих, можно награждать как угодно и сколько угодно?»³⁰

Горбачев еще долго читал справедливые сентенции старого коммуниста, возмущавшегося кастовостью, неприкасаемостью высшего руководства. Отложив письмо в сторону, генсек наконец сказал: давайте укреплять авторитет партии, но не будем перегибать с «авторитетом вождей». Помолчав, добавил в том смысле, что везде нужна мера.

Все поняли, что Горбачев отмежевался и от Черненко, и от Брежнева, хотя сам еще недавно привычно вел свою «партию» в общем хоре славословия первого «вождя». Менее четырех месяцев назад, 10 декабря 1984 года, в своем докладе о совершенствовании развитого социализма Горбачев начал с панегирика своему беспомощному шефу: «В приветствии Генерального секретаря ЦК КПСС Константина Устиновича Черненко участникам конференции высказаны глубокие и принципиальные положения по узловым проблемам совершенствования развитого социализма, сформулированы главные задачи идеологического фронта, вытекающие из решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, с учетом текущего момента и широкой исторической перспективы. Мы должны неукоснительно руководствоваться этими положениями и выводами»³¹.

Однако сегодня Горбачев не хотел связывать себя с прошлым, компрометирующим и ЦК, и его самого. В нем жила и искала выход идея п е р е м е н, идея о ч и щ е н и я, идея у л у ч ш е н и я социализма. Именно социализма!

Решения по письму ленинградца принимать не стали, но генсек устно подытожил: можно сохранить традицию написания приветственных писем в адрес ЦК по торжественным случаям (только без упоминания генерального секретаря) и почетный президиум в составе политбюро стоило бы по-прежнему избирать... Но в целом надо придерживаться «ленинской скромности, не допускать ни персхлестов, ни любого рода восхвалений»³².

Шаг за шагом, часто не очень заметным, Горбачев пытался настойчиво освободиться сам от рутинных и постыдных партийных вериг. Хотел освободить и других. Генсек все больше задумывался о крупном, радикальном, карди-

нальном, которое необходимо осуществить, чтобы изменить жизнь к лучшему. Не знаю, понимал ли он тогда, что система, которая оказалась в его руках, функционировала более или менее эффективно только в условиях чрезвычайных — войны, общенационального кризиса, революций. В обычных же — на каждом шагу выказывала свою косность, ущербность, даже несостоятельность. Как изменить эту систему, сделать ее более эффективной, гибкой, привлекательной? При этом, естественно, он не ищет демократической альтернативы всевластию КПСС (Горбачев об этом говорит почти все годы перестройки). Ни в коем случае. Его помощники Александров, Черняев, Фролов, Шахназаров вооружали в то время генсека обзорами, справками, книгами, переводами из западных газет и журналов не только с материалами о нем, но и с размышлениями, как могут развиваться дальше события в СССР под эгидой нового руководителя. Большинство в 1985 году сходились на мысли, что «железобетонная система» способна только на косметический ремонт. Горбачев, мол, подходит для этой цели. Не более.

Известный еретик Милован Джилас писал: «Тот факт, что на высшую партийную должность Горбачева выдвинул Громыко, столп консерватизма и советского экспансионизма, может в каком-то смысле свидетельствовать о том, что Горбачев — человек, который скорее будет идти протоптанными дорогами, чем бросаться на поиски новых, неизведанных путей... Существующие в Советском Союзе условия еще не позволяют руководителю действовать смело и самостоятельно...

Горбачев не является настолько решительной и творческой личностью, чтобы предпринять радикальные изменения»³³.

Горбачев думал совсем иначе, чем Джилас. Он желал и стремился к крупным переменам. История теперь это точно знает. Я полагаю, последний генеральный секретарь ЦК КПСС понимал, что СССР приблизился к историческому перекрестку, от которого веером расходятся три пути: радикальных реформ, либерального развития и консервативной реставрации. Судя по речам и действиям, Горбачев однозначно отбрасывал консервативный выбор. Три предшествующих ему генсека, по сути, шли этой дорогой и привели страну к глубокому кризису.

Радикальные реформы — это разрушение «социалисти-

ческих основ»: обращение к частной собственности, свободному рынку, политическому плюрализму, ликвидация монополии одной идеологии.

Думаю, Горбачев страшился даже анализировать такой вариант. На пленуме ЦК (23 апреля 1985 г.), который вся печать КПСС дружно, по инерции стала называть историческим, в действительности ничего принципиально исторически нового не было сказано. Все те же унылые, привычные разговоры «о ленинской традиции», «преимуществах нового строя», «углублении социалистической демократии», «социалистическом образе жизни», об «успехах дела социализма и коммунизма», которые зависят от партии...»³⁴.

Лозунг у с к о р е н и е — действительно был относительно новым. Но этот пропагандистский призыв является малосодержательным. Что значит добиться «социально-экономического прогресса» без кардинальных изменений в общественных и политических структурах? Это все тот же старый экстенсивный путь развития, увеличение темпов, подстегиваемых «дисциплиной», «соревнованием», «правильным партийным руководством». Старый бег к «количеству» не смог кардинально что-либо изменить. Сталин называл это понятнее: «Пятилетку в четыре года».

Наконец, есть еще один путь перемен: ли б е р а л ь н о е развитие. Думаю, что Горбачев и раньше, да, по всей видимости, и теперь является сторонником этой политической и социально-экономической методологии. Здесь, если внимательно прочесть «позднего» генсека, уживаются план и рынок, государственные и частные предприятия, централизация и децентрализация. По сути, путь либерализации системы — это попытка создать модель, которая бы включала в себя, скажем упрощенно так: лучшие социалистические и капиталистические элементы. Согласится или не согласится со мной уважаемый Михаил Сергеевич, но его шаги, особенно на «первом»... втором этапах (ох, сколько он их намечал!) свидетельствовали о намерениях сохранить социалистическую экономику, которая по своему принципу была бы с м е ш а н н о й. Исторический опыт показывает (Югославия, Китай), что такая модель способна давать некоторые временные позитивные результаты, но порождает много новых сложных проблем, которые не могут быть успешно решены. Конечно, более понятна и, видимо, перспективнее — социально-демократическая мо-

дель развития, о которой в последние годы тоже говорил Михаил Сергеевич.

Сегодня многие, в том числе и я, порой и в этой книге, критикуют Горбачева за отсутствие эффективной «стратегии» перестройки. А кто предложил в те годы другой, более рациональный путь? Кто в партийном руководстве выдвинул, сформулировал более эффективную стратегию перестройки? Кто предложил иную методологию мышления и действий? Пожалуй, никто. За порогом XXI века нам еще яснее и рельефнее будут видны «ошибки» Горбачева. Но он-то не имел столько времени для их осмысления! Реформатор не созерцал, а действовал! Генсек часто должен был действовать немедленно, в этот день и даже минуту. Лучший способ избежать «облыжных» обвинений — уметь мысленно ставить себя на место человека, которого критикуешь, да еще и «погрузиться» в «то» время. Нельзя забывать, что ему, возможно, как «первому» лицу в партии и государстве, изменять себя было еще труднее, чем нам, грешным. Как Горбачев однажды заявил своим коллегам: «Идет огромная перестройка, перестройка нас самих. Мы — не боги...»³⁵ Хотя, по правде, раньше всегда генсек в СССР был земным богом...

Слов нет, Горбачев имел просчеты. И крупные. Особенно в национальном вопросе. Но я не знаю ни одного политика в истории, который обходился бы без них. Обратитесь к Ленину — мы все считали гением. А теперь доподлинно выясняется, что именно «основатель» заложил генетические корни всех наших главных исторических неудач в XX веке...

Горбачев действовал «по ситуации». Ему не у кого было учиться. Наиболее рельефная его слабость — нерешительность, половинчатость предпринимаемых шагов. Многим позитивным усилиям как бы подрезались «жилы», и им так и не суждено было завершиться. Двойственность Горбачева не только от избранной либеральной, смешанной линии движения, но и от мучительного процесса освобождения от цепких стереотипов, которыми нас всех «наградил» большевистская ментальность. Без этого трудно понять феномен перестройки — процесса попыток внесения качественных изменений в социалистическую систему.

Все дело в том, что эти изменения люди пытались осу-

идеивить, еще являясь носителями многих старых стереотипов. Вот один пример: переоценка Сталина.

В октябре 1987 года при обсуждении на политбюро проекта доклада на торжественном заседании, посвященном 70-летию Октября, зашла речь о Сталине. Все были за то, чтобы дать ему критическую оценку, но с разными оговорками. Высказал свое мнение и Горбачев:

«...Доклад не получался, пока не родилась мысль выделить 20-е и 30-е годы после Ленина, тогда выявилась *большая, огромная заслуга* (курсив наш. — Д.В.) Сталина... Тогда Сталин и нашел свое место. А ведь это был решающий этап: решался вопрос, куда пойдет страна»³⁶.

Трудно поверить, что так говорил Горбачев спустя более чем три десятилетия после XX съезда... «Заслуга» в дальнейшем «бетонировании» системы, в которой не оставалось места человеку, но был гигантский резервуар для «массы».

Или вот еще фрагмент из его выступления на политбюро 4 апреля 1985 года: «...не секрет, когда Хрущев довел критику действий Сталина до невероятных размеров, это принесло только ущерб, после которого мы до сих пор в какой-то мере не можем собрать черепки»³⁷.

В своем докладе о 70-летию Октября, произнесенном 2 ноября 1987 года в Кремлевском Дворце съездов, Горбачев трижды упомянул Сталина и получил в ответ бурные аплодисменты, когда произнес: «В достижении победы сыграли свою роль огромная политическая воля, целеустремленность и настойчивость, умение организовать и дисциплинировать людей, проявленные в годы войны И.В. Сталиным...»³⁸

Человек, по вине которого накануне войны были разгромлены военные кадры, заключен позорный договор о «дружбе» с Гитлером, не позволивший привести в нужный момент войска в боевую готовность, оказывается, явился чуть ли не спасителем Отечества. А как забыть те 26,5 миллиона жертв в войне, большая часть которых рождена прямыми преступлениями и просчетами Сталина?

У Горбачева в сознании долго оставалось какое-то двойственное отношение к Сталину: изверг, но ведь «защитил» социализм.

Когда встал вопрос о разрешении С.И. Аллилуевой вновь покинуть страну, после ее импульсивного возвращения, решили, что неплохо бы с ней побеседовать. Может,

дочь Сталина передумает. Но Горбачев отказался встречаться с Аллилуевой:

— Если встречаться мне, то потребуется оценивать Сталина, Сталинград и т.д. Я сам из такой семьи. Дяде подорвали здоровье.

Пять детей у матери из беднейшей семьи. Я медаль получил за сочинение «Сталин — наша слава боевая, Сталин — нашей юности полет!».

Может, поэтому целесообразнее встречу поручить тов. Соломенцеву М.С.?³⁹

Сталинская мифология уходила из сознания Горбачева с большим трудом.

Так менялся Горбачев: в некоторых вопросах весьма медленно и почти всегда — противоречиво. Если ему было так трудно изменить себя, то можно представить, как сложно было изменить общество.

Вы не забыли о моем упоминании, как бурно рукоплескал зал, когда Горбачев произнес имя кровавого диктатора? Мы все тогда по капле выдавливали из себя рабов. Кстати, моя двухтомная книга о Сталине, написанная к 1984 году, до 1988 года не могла увидеть света... Не было соответствующих указаний и разрешений...

А то, что в брошюре с докладом Горбачева значится, что после его хвалебных слов в адрес Сталина были «продолжительные аплодисменты», не верьте. Я был на этом заседании. Даже редакторам стенограммы заседания было стыдно, и опустили на ступень ниже они шумную, бурную овацию зала. Мы были роботами... Тогда я еще раз подумал, как трудно мне будет опубликовать свою книгу о Сталине...

По сути, процесс перестройки под руководством КПСС — это попытка трансформировать косную, догматичную, бюрократическую, директивную систему в направлении некоего либерализма. Но по замыслу ее архитектора слом коммунистических устоев совсем не предполагался. Поэтому столь ограниченны ее результаты, которые послужили, однако, важнейшими предпосылками для последующих демократических преобразований и перемен. Горбачев, видимо, не мог сделать больше, чем он сделал. Как и никто другой. Главное в его свершениях — расширение каналов поступления в общественное сознание различной истинной информации, что повышаст возмож-

ность людей обсуждать и контролировать многие процессы, ранее бывшие закрытыми. Гласность...

Когда-то М.М.Сперанский, ближайший советник Александра I, и сам император выдвигали идею расширения гласности судопроизводства и государственной воли. Горбачев начал этот процесс, развитие которого затем уже не зависело от его решений. Фактически гласность взорвала изнутри систему, основанную на классовой лжи. Это — главное. Возможно, самое главное в подвиге Горбачева. Да, подвиге!

Генсек не сидел на теоретической вершине, обдумывая сущность, формы и методы перестройки. Жизнь ежеминутно, каждодневно диктовала ему свои условия. Он должен был отвечать на эти вызовы. Игнорировать их он не мог. Тем более что с самого начала у него появилась оппозиция. Вначале незаметная, просто настороженная, затем более сильная и очевидная. Уже в феврале 1986 года Горбачев вынужден констатировать: «Уже и после апрельского пленума (1985 г.) пошел новый клан людей, которые занимаются словоблудием, вместо того чтобы дело двигать... Опять появляются приспособленцы...»⁴⁰ Горбачев недоволен, что многие руководители начавшиеся перемены подерживают лишь на словах.

Что решает высшая партийная коллегия после прихода Горбачева в кабинет генсека? Те же вопросы, что и при Брежневе, Андропове, Черненко. Почти те же...

Вот лишь несколько из множества вопросов, по которым под руководством генсека приняты «соответствующие решения» на политбюро:

— О праздничной демонстрации 1 мая 1985 г. (4 апреля 1985 г.).

— О подготовке и ходе весеннего сева (11 апреля 1985 г.).

— О техническом перевооружении Горьковского автозавода (6 мая 1985 г.).

— Об усилении требовательности в расходовании хлеба (6 мая 1985 г.).

— Об обеспечении сандинистской армии (Никарагуа) обмундированием, питанием и оружием (6 мая 1985 г.).

— Об итогах совещания секретарей ЦК братских партий членов СЭВ (23 мая 1985 г.).

— О розничных ценах на фруктовые соки и хлебопекарные дрожжи (1 августа 1985 г.).

— О плане экономического и социального развития СССР на 1986 год и на XII пятилетку (29 августа 1985 г.) ..

«Суперправительство» по-прежнему рассматривает сотни, многие сотни вопросов.

Например, в 1985 году, когда «короновался» Горбачев, политбюро приняло 4112 постановлений, что по сравнению с предыдущим годом больше на 9,3 процента! Количество совместных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР увеличилось с 228 в 1984 году до 241 в году 1985-м... Плюс к этому 5512 постановлений, которые принял секретариат ЦК КПСС...⁴¹

Где тут думать о «стратегии» перестройки? Если политбюро не может себя «перестроить», то как же изменить страну? Разве не ясно, что уж если и заниматься севом, косилками, хлебом, дрожжами, соками, транспортом, столовыми и т.д. и т.п., то это должно делать, по крайней мере, правительство? А в последующем, по мере децентрализации — другие органы, другие структуры, другие организации, государственные и частные.

На заседании политбюро в июне 1986 года долго обсуждают, кого избрать в состав нового руководства Союза писателей на их предстоящем съезде. Точнее, кого поддерживать и как это сделать? Рассматривают кандидатуры Бондарева, Залыгина, Распутина.

Горбачев: Конечно, избрание Маркова было бы лучшим вариантом. А как расценивается кандидатура т. Бондарева?

Громыко: Это крупный писатель.

Соломенцев: Он придерживается правильной линии.

Горбачев: Если т. Марков не пройдет, то можно пойти на Залыгина. Но он в годах, силенки маловато. Наверное, все-таки крен нужно держать на т. Бондарева.

Затем генсек спрашивает: «Филипп Денисович, какое Ваше мнение?»

Бобков (зам. председателя Комитета госбезопасности СССР): Если распространятся сведения об ориентации на т. Бондарева, то его могут не избрать, так что этот факт преждевременно огласке не предавать.

Горбачев: Давайте договоримся в первую очередь ориентироваться на то, чтобы т. Марков был избран председателем, а т. Бондарев секретарем. Нужно использовать для этого возможности нашего влияния...⁴²

На этом же заседании обсуждали, нужно ли решение по-

литбюро по разрешению операции по пересадке сердца... Хватило ума решение не принимать, а вдруг операция пройдет неудачно.

Вот таким было политбюро через год после начала перестройки. Таким (почти) оно останется и до 1990 года...

Все, конечно, не случайно. Политбюро без власти и а д в с е м и в с е м и — уже не политбюро. Именно этот главный вопрос, который вроде бы и должна затронуть горбачевская перестройка, никто рассматривать и не собирался.

Новый генсек справедливо хочет развязать инициативу масс, понимая, что верхушечные реформы дадут косметические результаты. Но люди, отученные за семь десятилетий от самостоятельности, предприимчивости, не знают, как, кроме обличений рутинных порядков или поддержки решений верхов, проявить себя. Фундамент, каркас здания — ленинский; основные элементы никто пока и не думает менять. Все большому количеству людей становится ясно, что коммунистическая система не реформируема. Она или есть, или ее нет. Но столь радикальные выводы, призывы, заявления вольнодумцев тут же получают отпор. Как заявил генеральный секретарь в своей красноречивой статье «Социалистическая идея и революционная перестройка», появившейся в конце 1989 года: те, кто считает, «что прошлый путь якобы полностью опрокинул выбор Октября, предлагают капитализацию общества». Мы этот путь, заявляет Горбачев, «отвергаем»⁴³.

Что же тогда понимает под перестройкой ее главный архитектор? Он отвечает: «Перестройка — это решительное преодоление застойных процессов и слом механизма торможения, создание надежного и эффективного механизма ускорения социально-экономического развития общества, придание ему большего динамизма»⁴⁴.

Все эти «механизмы» торможения и ускорения ни в философском, ни в практическом отношениях не отвечают на главный вопрос: какова цель перестройки? Думаю, Горбачев это чувствовал и формулирует в разное время все новые и новые дефиниции. Вот еще одна из них: «Перестройка — это целостный революционный процесс, осуществляемый демократическими методами, народом и для народа, по отношению к которому партия выступает как политический авангард»⁴⁵.

Цель вроде бы теперь и обозначена — «для народа». Но что для него? Просто «революционный процесс»? Это

уже было. Революцией все сыты по горло. О народе и революции так много наговорили и Ленин, и Сталин, что сразу возникают подозрения: опять чрезвычайщина? Ведь революция — это всегда экстремальность.

Партия, политбюро и ее генеральный секретарь не хотят сказать очевидного: перестройка тогда станет подлинной, когда она будет нацелена на переход тоталитарного, бюрократического общества к обществу цивилизованному, демократическому. Без социализма. Но и без капитализма. Другими словами, создание качественно нового политического, экономического, социального и духовного образования в стране. Некий продукт конвергенции, которую мы так долго отрицали. Но к этому КПСС не готова. Это для нее — самоубийство. Большевики никогда не пойдут в Каноссу — на покаяние*. Их цель — «продолжать» дело Октября. Ведь Горбачев сказал: «Перестройка продолжает дело революции»⁴⁶. Естественно, что революции не февральской 1917 года, а октябрьской...

Горбачеву, стронувшему с места камень, который безуспешно пытался вкатить на гору Сизиф, было страшно трудно. Вдохнувшие первый глоток свободы люди уже не могли молчать. Язвы, которые десятилетиями камуфлировались, сразу же обнажились. Старая система стала трещать по всем швам, но ясности, что же должно возникнуть на ее месте, не было.

Сама атмосфера, климат перестройки оказались чрезвычайно конфликтными. Страна полыхала многотысячными митингами. ЦК выпускает постановления, подобные тому, что родилось 8 сентября 1989 года, где констатируется: исчезли из свободной продажи мыло, стиральные порошки, школьные тетради, лезвия для бритвы, зубная паста, электрические утюги, чайники, обувь и т.д. и т.п.⁴⁷ Следом идет постановление о «Серьезных недостатках в обеспечении лекарственными средствами населения»⁴⁸ Ну и, конечно, очередное постановление ЦК «О повышении ответственности руководителей-коммунистов за обес-

---

* В замке Каносса (Северная Италия) в январе 1077 года в ходе борьбы за верховную власть оглученный от церкви и низложенный император «Священной Римской империи» Генрих IV униженно вымаливал прощение у своего прогивника — Папы Римского Григория VII. В переносном значении «идти в Каноссу» — согласиться на унижительную капитуляцию, признать поражение — *Прим. ред*

печение населения продовольствием»⁴⁹. Страна сплошных дефицитов, очередей, черного рынка. Только Москва кое-как снабжается, но сюда за товарами едут сотни тысяч людей...

Большевики всегда гордились отсутствием в стране безработицы, забывая, что при крепостном строе ее тоже не было... Но в республиках Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа 10,4 процента трудоспособного населения «не занято в общественном хозяйстве»⁵⁰. Аппарат ЦК завален письмами. И преимущественно — жалобами. В 1989 году — 485 214 писем. У советских людей осталась одна отдушина — жаловаться, просить заступничества у ЦК... Уже в 1990 году не единичны случаи самороспуска партийных организаций вузов, учреждений. Из партии выходят тысячи людей, выражая тем самым протест против единовластия партии и методов ее руководства. Идеологический иммунитет членов КПСС быстро падает, идет девальвация «основополагающих ценностей» марксизма-ленинизма.

Брожение в стране нарастает. Уже трудно публично защищать Ленина, ленинизм, «классовую линию». Маятник перестройки все заметнее идет вправо. Ни политбюро, ни Горбачев не знают, как замедлить этот ход. Еще никто не знает, что через 5—6 лет этот маятник «постперестройки» так же неумолимо двинется влево. Это не внове. После социальных «приливов» в истории всегда следуют «отливы». После 1991 года завышенные ожидания, дезинтеграция великой страны, социальное расслоение, рост преступности, неумение воспользоваться свободой начнут быстро пополнять резервуар народного недовольства. В воздухе появятся флюиды большевистского термидора. Но все это еще только будет в эпоху «после Горбачева».

А пока вождь перестройки борется, отчаянно борется в желании создать социалистическое общество с демократическим, человеческим лицом...

Вопреки провозглашенным целям, горбачевские реформы ускорили процесс саморазрушения тоталитарной системы. К достижениям перестройки — огромным, историческим! — естественно, следует отнести фактическое устранение угрозы мировой ядерной войны. Это еще не оценено в полной мере и сейчас. А достижение историческое, эпохальное.

Феномен перестройки, который не был до конца понят ее творцами (и исполнителями) во всей исторической глубине, явился промежуточным, но важным условием выхода страны на рельсы, ведущие в демократическое, цивилизованное, процветающее общество.

А пока... пока Горбачев ежедневно решал многие десятки дел, пытаясь запустить главный мотор перестройки — «демократизацию общества». Но, как говорил генсек, при решающей роли его «авангардной силы» — КПСС. Эта «добавка» сразу же обессиливала двигатель, который на таких условиях никак не хотел «запускаться»...

Парадокс Горбачева

Выше я рассказывал, как Горбачев 4 апреля 1985 года на заседании политбюро, используя письма коммунистов, повел атаки на нескрутность бывших руководителей: лесть, славословие, угодничество, процветавшие в высшей партийной среде. Генсек понимал, что не только получит самую широкую поддержку коммунистов, но и окажется теперь в эпицентре самого пристального внимания всех: и почитателей, и недоброжелателей, и руководителей, и людей из «масс».

Да, Горбачев не стал вешать на свою грудь ордена, воспротивился, чтобы в повестках дня собраний ссылались на его «указания», запретил коллегам передавать на местах дежурные «приветы» от него. Помню по себе, что это было сразу замечено всеми. И одобрено тоже всеми.

Но вот наступает осень первого «горбачевского», 1985 года. Захожу в Дом политической книги и вижу на стенде, на самом видном месте, книгу Горбачева...

Не устоял новый генсек от тщеславного соблазна и, как и его предшественники, сразу же стал «писателем». Черненко, например, на очень короткий срок очутившись в кресле генсека, тут же переиздал свои нудные «Избранные речи и статьи», даже успел их напечатать в Германской Демократической Республике... На другие страны времени не хватило.

Печатались все члены политбюро. Толстые кирпичи казенных фолиантов с речами и докладами лежали во множестве магазинов без всякого движения. Я не знаю ни одного человека, кто когда-нибудь купил хоть одну книгу «неприкасаемого». Горбачев об этом тоже, наверное, знал. Председатель Госкомиздата М.Ф.Ненашев докладывал в

ЖК, что 166 наименований книг и брошюр Л.И. Брежнева количеством в несколько миллионов мертвым грузом осели в магазинах. Лежат без спроса в огромном количестве книги Андропова, Гришина, Кулакова, Пельше, Пономарева, Романова, Суслова, Тихонова, Устинова, Черненко... «В книготорговой сети, — говорится в докладной, — находится также свыше 700 тысяч портретов Брежнева, 130 тысяч — Андропова, 170 тысяч — Черненко...» Реализованы только книги по коллективной разнарядке в общественных библиотеки.

Горбачев наложил резолюцию на докладной Ненашева: «Ознакомьтесь только членам ПБ (вкруговую). 06.08.86»⁵¹. Фраза звучит как трезвое предостережение: смотрите, читатель полностью игнорирует бюрократическое, секретарское творчество. Но, оценивая вполне справедливо унылое и безликое «творчество» своих коллег, Горбачев по отношению к себе воспользовался другим нравственным «аршином». Не устоял новый генсек перед услужливыми добротами... Мол, к съезду нужно...

Уже в 1985 году с необыкновенной скоростью была подготовлена и выпущена в декабре книга «М.С. Горбачев. Избранные речи и статьи». Прекрасная бумага, 420 страниц «секретарского» текста. Поскольку Горбачев и раньше, в Ставрополе, и будучи семь лет в Москве почти не печатался в центральной прессе, в «избранное» подмели все, даже то, что не заслуживает политического внимания, тем более прошедшее через газеты. Читая оглавление «труда», складывается впечатление, что это «банкетная» книга: «выступление в Варшаве на приеме 26 апреля 1985 г., выступление на приеме в Кремле 9 мая 1985 г., речь на обеде в честь Р. Ганди 21 мая 1985 г., речь на завтраке в честь В. Брандта 27 мая 1985 г., речь на обеде в честь Б. Краксы 29 мая 1985 г., речь на обеде в честь Г. Гусака 31 мая 1985 г., речь на обеде в честь Ле Зуана 28 июня 1985 г., речь на обеде в честь Ж. Батмунха 29 августа 1985 г., речь на обеде в Елисейском дворце 2 октября 1985 г., речь на обеде в Большом Кремлевском дворце в честь М. Каддафи 12 октября 1985 г...»⁵².

Осуждая на словах привилегии, славословие, тщеславие, Горбачев не удержался и невольно стал «увекочивать» себя. Потом тома реформатора пойдут один за другим. Успело выйти несколько фолиантов, большая часть текста которых довольно малоинтересна и для современ-

ников, и для истории, как и все подобные книги, ибо в них нет личного момента — писали их помощники и референты. Хотя справедливости ради следует сказать, что идеи о перестройке, бескровной «революции», новом мышлении важны для понимания процесса, начатого Горбачевым.

Скажу еще вот о чем. Возможно, это неизвестно читателям, кроме архивистов. В шестом секторе общего отдела ЦК вскоре после того, как Горбачев был избран генсеком, стали тщательно перепечатывать, систематизировать, переплетать все, что говорит Горбачев: речи, указания, распоряжения, статьи, подготовленные от его имени, доклады, записки. В красивых сафьяновых переплетах, с золотым тиснением целых 39 томов... Да, в два с лишним раза больше, чем у Сталина. Хотя все это «собрание сочинений» не издано (и возможно, и не предназначалось для этого), не покидает ощущение, что при жизни закладывался литературный памятник. В двух экземплярах. Пока.

Еще раз повторю, что я долго был горячим поклонником Горбачева, да и сейчас весьма высоко оцениваю его роль в истории, но никак не мог понять: зачем генсеку спешка со своим «увековечением»? Ни один генсек с такой скоростью не избирался и не издавался. Почти все сказанное в 1985-м в том же году вышло отдельной книгой! А как же его установка о том, что «необходимо строго придерживаться... ленинской скромности, не допускать ни перехлестов, ни любого рода восхвалений»?⁵³

Человек слаб. Соблазны бывают столь обворожительны, пленительны, сладкоголосы, что устоять перед ними нелегко. Даже такой выдающейся личности, как Горбачев. Но в этой слабости кроется парадокс Горбачева: это человек большого ума, но слабого характера. Без уяснения данного личного парадокса трудно понять эту историческую личность. Личностный парадокс вторичен. Но он виден и в сущностном парадоксе.

Такое бывало уже в истории у королей и полководцев, у президентов и министров. Специфика подобной «конструкции» связи интеллекта и воли часто находит свое выражение в смелых планах и слабой их реализации; ясном понимании необратимости процесса и желании еще «подождать», авось, все уладится; принятии важных решений и их обесценивании, амортизации половинчатыми, запаздывающими практическими шагами.

Все это имеет относительную роль в основном парадоксе Горбачева: начав перестройку под лозунгом «обновления» социализма, он пришел спустя шесть лет к самой его ликвидации. Помимо своей воли и желания. Это сипностный парадокс Горбачева. Он не учел, что «преимущества» советской системы в ее «железобетонности», рутинности, косности, консервативности. Как только опоры начали рушиться в результате гласности, относительной демократизации общества, — социалистическая система стала рассыпаться.

Горбачев понимал, не мог не понимать, что социализм в СССР обречен, но ему не хватило характера, воли согласиться с этим естественным выбором истории. За год до полного крушения, в августе 1990 года, держа в Одесском военном округе речь перед военными, он вновь заявлял: смысл реформы «остается неизблемым: реализовать социалистическую идею»⁵⁴.

По сути, перестройка явилась не стратегией улучшения, обновления социализма, а, как справедливо писал Михаил Геллер, попыткой «оттянуть как можно дальше гибель советской системы»⁵⁵. Этот исторический парадокс — ортодоксальный коммунист объективно, помимо его намерений, выступает могильщиком ленинской системы — находит и личностное выражение.

Интеллект, чувства, воля Горбачева наложили неизгладимый отпечаток на процесс мучительных перемен, названных им перестройкой. Раньше, касаясь облика «вождей», мы тут же поспешно корректировали их значение «решающей ролью народных масс». Не хочу возвращаться к мудрым размышлениям Плеханова о роли народных масс и личностей в истории. Всеми понято, что важны и «массы», и «вожди». Но каждые в своем «срезе», своей функциональной исторической заданности, в свое время. «Массы» свершают то, что предписывают, указуют им «вожди» или избранные демократическим путем их представители. Чем более бюрократична, тоталитарна система, тем роль первого лица судьбоноснее. И наоборот. Горбачев был седьмым лидером в государстве, созданном Лениным, где никогда не существовало подлинных демократических институтов, где люди не знали по-настоящему, что такое права человека, где свобода не была главной духовной ценностью. Последний генсек оказался лидером

великого народа в самом начале его мучительного переходного пути к новому историческому состоянию.

Анализируя (и порой критикуя) деятельность Горбачева, его достижения и просчеты, замыслы и свершения, мы не должны забывать, лидером какого общества он был. Как должны также представлять, что Горбачев не был ни земным богом, ни мессией, ни пророком... Горбачев многое задумал, но значительно меньше осуществил; часто результаты поражали воображение своим диссонансом первоначальным замыслам. И это не только от стихийной игры обстоятельств и факторов, но и от известной дисгармонии между умом и характером, интеллектом и волей лидера.

Каждое утро Горбачев рассматривал массу документов. Как до него все другие генсеки. Важные и не очень, срочные и рутинные, сенсационные и, очевидно, формальные. Генеральный секретарь чувствовал, смею думать, глубокий внутренний дискомфорт, например, когда у него в руках оказывались бумаги из Кабула, как и доклады из Министерства обороны и КГБ. В горной стране шла кровавая гражданская война, в которой СССР поддерживал одну сторону. Конца ей не было видно, так же как не видно, въезжая, выхода из тоннеля Саланг, многокилометрового подземного прохода, «проткнувшего» одноименный хребет в Афганистане. Доклады Громько, Соколова, Чебрикова, несмотря на обязательные дозы казенного оптимизма, были малоутешительными. СССР находился в хитрой ловушке, из которой можно было освободиться, лишь прямо и изначально признав ошибкой всю «интернациональную миссию» в этой стране и выведя войска из Афганистана.

Вот в руках Горбачева (есть его виза) очередной проект Указа Верховного Совета СССР о награждении военнослужащих 40-й армии «За мужество и героизм при выполнении интернационального долга». Это действительно герои, которых заставили умирать за неправо дело. Почему-то глаза задерживаются в бесконечном списке прежде всего у тех фамилий, рядом с которыми стоит скорбное — «посмертно».

Орденом Ленина

капитана Беляцкого Леонида Николаевича
лейтенанта Нафикова Хамита Мугиновича

капитана Никулина Сергея Петровича
майора Смирнова Анатолия Леонидовича...

Орленом Красного Знамени

капитана Анисимова Сергея Владимировича
капитана Бабко Валерия Владимировича
капитана Галицкого Михаила Ивановича
мл. сержанта Гомелюка Анатолия Константиновича
подполковника Гусева Владимира Владимировича
рядового Ивашутина Валерия Альфредовича
мл. сержанта Журавлева Валерия Анатольевича
лейтенанта Земцова Александра Николаевича
лейтенанта Кожанова Мурата Узановича...⁵⁶

Список кажется бесконечным, как и сама война. Во имя чего? Зачем? Она уже тянется дольше, чем Великая Отечественная... Что делать? Во имя чего погибли эти люди? Как выпутаться из этой кровавой паутины? Горбачев, как мы теперь знаем, уже давно задумывался над этим вопросом. Для него было ясно: нужно быстрее вывести советские войска из Афганистана. Горбачев не участвовал в принятии рокового решения 25 декабря 1979 года о вводе войск в Афганистан — слишком незначителен был тогда его политический вес. Но почти тут же, 27 декабря, Горбачева ознакомили с выпиской из протокола политбюро № 177. Его не спросили, вводить ли советские войска в независимую и суверенную страну, но тут же «проинформировали», навязав роспись об ознакомлении с этим решением, означавшую фактически одобрение.

Известно, что Горбачев уже в 1986 году говорил о необходимости быстрее «развязать афганский узел». Говорил, а дело тянулось еще почти четыре года... Обладая огромной властью, он не решался пойти против консерваторов, Министерства обороны, КГБ...

Такова парадоксальная методология последнего генсека: приходя к верному решению, часто являясь в этом деле пионером, он не спешил реализовать задуманное и выношенное. Колебался, раздумывал, взвешивал, откладывал. Еще долго Горбачев с членами своего «партийного штаба» пытался что-то выиграть из безнадежно проигранной авантюры.

В год прихода Горбачева страна бросила в топку грязной войны около 3 миллиардов рублей. В 1986 году около

4 миллиардов, а в 1987 году — более 5,5 миллиарда. (В старых ценах.) В сутки эта грязная война обходилась СССР: в 1984 году — 4,3 миллиона рублей, в 1985-м — 7,2 миллиона, в 1986-м — 10,0 миллионов, в 1987 году — 14,7 миллиона рублей...⁵⁷ С декабря 1979-го по февраль 1989 года по горным дорогам Афганистана прошли 546 255 советских офицеров и солдат, из них 13 826 человек сложили там свои головы...⁵⁸

Фактически Горбачев уже к началу 1986 года для себя однозначно решил: войска надо выводить. Это мужественное, верное решение. Но без конца поручал «изучить вопрос», «доложить предложения», «подготовить условия для вывода», а между тем гибли люди, уходили миллиарды рублей, бессмысленно сжигаясь в топке войны, где не могло быть военной победы. Даже в ноябре 1987 года, когда прошло почти три года перестройки, Горбачев, в очередной раз встречаясь с просоветским лидером Афганистана Наджибуллой, говорил о многом, но лишь косвенно и мало о выводе войск. Ведь принципиальное решение уже было принято, и в Министерстве обороны СССР разрабатывался конкретный план вывода советских войск из Афганистана. А Горбачев в течение почти часа говорил о том, как действовал Ленин в кризисной ситуации, о «гибкости ленинской национальной политики», о предстоящих выборах президента Афганистана, о созыве Лоя Джирги в Кабуле... Советы генсека были немудреными: «...вы провели хорошую партийную конференцию. Теперь перед вами стоит задача — настойчиво осуществлять принятые решения, идти вперед. Что касается тех в НДПА, кто не верит в национальное примирение, то этим маловеерам надо давать хорошую пенсию или отправлять за границу». Уже посреди беседы Горбачев заторопился: «Вообще, т. Наджиб, сейчас начинается исключительно важный и ответственный этап. К сожалению, у нас нет возможности подробно обсудить все стоящие проблемы, т.к. у меня назначена встреча с тов. Яношем Кадаром...»⁵⁹

Когда Горбачев в апреле 1988 года полетел в Ташкент и встретился еще раз с Наджибуллой, политбюро уже 1 апреля утвердило план вывода советских войск из Афганистана, которых к этому времени там насчитывалось 109 тысяч человек, 513 самолетов и вертолетов, около 30 тысяч единиц боевой техники и автомобилей. Здесь наконец Горбачев был тверд: «Войска будут выведены к 15 февраля

1989 года. Начнем вывод 15 мая». Решение, которое созрело у Горбачева вскоре после того, как он стал генсеком, начало осуществляться лишь через... три года. Потребуется еще почти год, чтобы уйти из Афганистана.

Уже перед началом вывода советских войск в мае 1988 года Горбачев фактически защищал безнадежно ошибочную акцию политбюро в декабре 1979 года. Решая практические вопросы операции на заседании высшей партийной коллегии, Горбачев 18 апреля 1988 года заявил, что в специальном письме партии по этому вопросу «мы должны сказать, что наши люди не зря отдавали свои жизни...»⁶⁰.

Не зря... А тогда за что же отдавали? На этот вопрос не смог ответить Горбачев. На него уже ответила история.

Горбачеву явно не хватило здесь характера. Это человек, у которого воля, к сожалению, значительно слабее интеллекта. Иногда он долго ищет компромисс там, где таковой уже невозможен. Все знали, что Горбачев почти до «августовского» (1991 г.) путча до конца пытался сохранить одинаково добрые отношения и с консерватором Лигачевым, и с реформатором Яковлевым. Но это все равно что дружить одновременно с писателями Баклановым и Бондаревым и разделять взгляды обоих. Правда, когда вопрос обострялся до предела, у Горбачева хватало твердости «отрезать», «выдать» категорическое «да» или «нет». Вот один пример.

В марте 1989 года, когда советские войска уже были выведены из Афганистана, вдруг Шеварднадзе, поддавшись на уговоры Наджибуллы, поставил вопрос о необходимости поддержать шатающийся режим в Кабуле. Вопрос стоял о нанесении с территории СССР бомбовых авиационных ударов по скоплениям моджахедов около Джелалабата. Военные в лице маршала Язова вяло, нехотя, но поддерживали министра иностранных дел. И вот тут Горбачев яростно взорвался: «Никакого другого ответа Наджибулле, кроме абсолютного отказа от этих бомбо-штурмовых ударов!» — и тут же приказал направить соответствующую телеграмму в Кабул⁶¹.

Думаю, что подлинные причины и последствия этой войны еще подлежат глубокому анализу. Шеварднадзе после своей поездки в Кабул сказал: «Уходя из Афганистана, мы вынуждены признать, что оставляем эту страну в буквальном смысле слова в плачевном состоянии: разрушенные города, кишлаки, голодающая столица, почти полно-

стью парализованная экономика... Сотни тысяч людей погибли...»

Горбачев: «Важно, чтобы этот режим и все его кадры не были сметены дотла... Нам нельзя предстать перед миром в одних трусиках или даже без них... Пораженческая позиция недопустима...»⁶²

Но, что бы ни говорил президент, перед миром мы предстали как страна, потерпевшая крупное политическое поражение, и было не важно — в «трусиках или даже без них»...

Еще одной гранью парадоксальной жизненной методологии Горбачева является его увлеченность какой-то одной идеей, которая вдруг покажется ему панацеей, «ключом» к решению «очередной» важной задачи. Но он не просто увлекался сам, мог увлечь и других, обладая большим талантом убеждения людей, внушения им новой «мессианской идеи». Спустя год-два он мог больше никогда о ней и не вспомнить. Это, конечно, не только от характера личности, а больше от традиционного большевистского понимания роли руководителя в обществе.

Начали «ускорение» социально-экономического развития в обществе, тут же выяснилось, что количественные показатели производства (как у Сталина — «темпы») тут же приходят в непримиримое противоречие с качеством. Кто-то из очередных инициаторов и советчиков, имена которых обычно остаются неизвестными, порекомендовал генсеку резко ужесточить контроль за качеством продукции, «пропустить» ее через «государственный прием».

Идея страшно понравилась Горбачеву. Я однажды присутствовал на крупном совещании в ЦК, когда генеральный секретарь очень горячо и долго убеждал зал, что если решим с проблемой качества, то сделаем наконец «крупный рывок» вперед. А качество нельзя улучшить без усиления роли и количества «надсмотрщиков». Способ нашли, конечно, старый: вводили еще один огромный, многотысячный слой «независимых» государственных контролеров. Опять контролеров...

Приняли закон. С 1 января 1987 года на значительной части предприятий была введена так называемая «госприемка». В течение года более 15 процентов продукции не выдержало элементарного экзамена на качество. Но сразу усилилось недовольство директоров заводов и фабрик, «загудели» рабочие. Они трудились ведь так, как работала

вся система. Иначе не могли. Через два года «золотой ключ» к качеству был потихоньку «потерян». Горбачев больше публично не вспоминал об этой панацее.

Затем пришла очередь увлечения идеей перестройки государственных предприятий, имея в виду, как говорил Михаил Сергеевич, «сочетание планового начала и полного хозрасчета, самостоятельности и ответственности»⁶³. Горбачев полагал, что Закон о государственном предприятии откроет шлюзы для «использования непосредственной демократии». Но генсек не учел, что, сохраняя старую социалистическую базу, все верхушечные колебания надстроечных конструкций мало что изменят. «Самостоятельность» предприятий тут же была обуздана уже не планом, а государственным заказом... Бюрократия сразу же взяла реванш.

Горбачев, однако, уже был увлечен новой «демократической» идеей: выборность руководителей. Назрела «необходимость перемен, демократизации процесса формирования руководящих кадров предприятий на основе применения выборных начал»⁶⁴. По стране прокатилась волна смены многих директоров, управляющих, заведующих под влиянием резолюций и решений общих собраний и «советов трудовых коллективов». На освободившиеся места приходили их заместители, люди той же закваски и школы.

Прошло немного времени, и появились новые идеи, похожие на прежние, что естественно.

Возникла «спасительная» идея о необходимости совмещения должности первого секретаря (обкома, райкома) с постом председателя Совета народных депутатов соответствующего региона. Своеобразный гибрид партийной и государственной власти, но, естественно, под полной эгидой КПСС.

Мне довелось быть делегатом памятной XIX партийной конференции в июне 1988 года. В большом и по-своему интересном докладе Горбачева немало места было отведено обоснованию идеи: первый секретарь партийного комитета КПСС — он же председатель Совета народных депутатов. Здесь генсек также высказал убежденность о необходимости возвращения к «ленинским» съездам Советов, некоторые другие мысли о реформе политической системы в СССР. Многие его рассуждения выглядели убедительно и здраво.

А в отношении «синтеза» партийного и государственно-

го постов Горбачев был непреклонен. Он видел в этом легализацию, придание «законности» всевластию КПСС. На XIX партконференции он с такой страстью и самозабвенно отстаивал (и отстаивал!) эту порочную идею, которая, по сути, лишь продлевала агонизирующую власть партии, сохраняла на какое-то время ее политическую монополию. Сам генсек очень долго, дольше, чем кто-либо другой, стоял на позиции, что «КПСС — правящая партия»⁶⁵, а посему никак не соглашался на отмену 6-й статьи брежневской конституции, где о КПСС говорится как о «ядре» политической системы СССР. Считал это требование «преждевременным» и «поспешным».

Можно долго перечислять «странности» в позиции генсека. Это не только отставание его действий от решений или абсолютизация тех или иных административных мер, но и прежде всего вера в то, что только КПСС, только партия коммунистов способна осуществить эти перемены. Как это ни странно звучит на первый взгляд, здесь во многом Горбачев прав. Дело в том, что в стране была только одна мощная, формально «общественная», а фактически огосударствленная сила — КПСС. У нее был накоплен огромный организационный опыт и сохранялось большое влияние на миллионы людей. Игнорировать КПСС было невозможно. Но нельзя было ее и укреплять! Только постепенный демонтаж коммунистической партии, поддержка новых демократических формирований, утверждение политического плюрализма могли создать условия перехода в более цивилизованное состояние общества.

Говоря об этих «увлечениях» Горбачева, нельзя в них видеть только бездумное экспериментирование. Он был в ы н у ж д е н, о б я з а н искать новые конкретные рычаги инициирования назревших перемен, возможность управлять ими. Многое здесь оказалось ошибочным, поверхностно традиционным. Эти неудачи административного реформирования высшего руководства постепенно аккумулировали недовольство рядовых коммунистов, вызывали разочарование людей в лозунгах перестройки. Начался выход коммунистов из партии, явление абсолютно новое для КПСС. Если в 1988 году сдали свои партийные билеты 18 тысяч человек, то в 1989 году уже 136,6 тысячи. Причем больше половины вышедших из партии были рабочие⁶⁶.

Таким образом, личностный парадокс Горбачева зало-

жен, конечно, не только в антиномии его интеллекта и характера, но и кое в чем другом. Вероятно, более важным. Коммунист Горбачев своими неэффективными попытками укрепить систему в действительности способствовал тем самым ее саморазрушению. Первый коммунист — могильщик коммунистического монолита! Вопреки его воле. Это действительно исторический парадокс, отражающий, однако, сложнейшую диалектику глубинных перемен в СССР. Причем эти перемены выражались не в «ускорении» социально-экономического развития, не в «повышении авангардной роли» КПСС, не в усилении «хозяйственной самостоятельности» предприятий. По истечении трех-четырёх лет перестройки стало ясно, что никакого радикального перелома в экономике не наступило и фактическое состояние брежневской стагнации продолжилось и углубилось. СССР стал страной сплошных «дефицитов». Но шли очень глубокие перемены в общественных умонастроениях, в постепенном распаде мифов о КПСС, о «преимуществах социалистического строя», «демократизме» советской системы и т.д.

Духовный демонтаж с помощью потрясающего феномена гласности, действительно великого средства перемен, начался раньше, чем демонтаж материальный и организационный. Для проницательных людей скоро стало ясно, что «ускорение» — это реставрация большевистского призыва «пятилетку в четыре года», которая легализует низкое качество производства и совершенно не способствует утверждению деятельности в соответствии с объективными экономическими законами.

Горбачев не поставил под сомнение большевистский метод перенесения «земного рая» все дальше и дальше вглубь, к линии горизонта. Как писал известный западный экономист А. Каценелинбойген, принимаемые советской властью экономические меры не просто плохи, а они «попросту неадекватны кризисному состоянию экономики. Достаточно вспомнить жилищную проблему. Если еще недавно было обещано предоставить каждой советской семье квартиру к 1980 году, то теперь это обещание отнесено на 2000 год⁶⁷. А сколько других посулов в качестве вечного социального пряника использовалось коммунистическими властями? Горбачев не захотел ломать этот принцип. Если «ленинские идеалы социализма станут достоянием народа», заявлял он, то мы достигнем желаемых це-

лей⁶⁸. Обещания сохранились, только стали более туманными и неопределенными.

По существу, уже к началу 90-х годов стало совершенно очевидно, что экономическая часть реформ Горбачева оказалась полностью несостоятельной. Однако, думаю, и никто другой на его месте не добился бы иного результата. Нужно было не «ремонттировать» старую машину, а создавать новую. Но это ясно всем только теперь. Горбачев не был ни пророком, ни мессией. Он был либеральным коммунистическим руководителем, который медленно, мучительно, как и вся страна, изменялся.

Демократизация производства, удовлетворение огромного потребительского спроса, решение проблем качества оказались принципиально невозможными на платформе старых большевистских экономических отношений. Система, созданная Лениным, еще раз продемонстрировала, что она не подвержена радикальным демократическим реформам. Коммунистическая система или есть, или ее нет. Коммунизма с демократическим лицом, свободным рынком и политическим плюрализмом не существует. По сути, к концу горбачевского пятилетия система могла бы выразить, словами Ф.М. Достоевского, «административный восторг» по поводу своей живучести, устойчивости, сопротивляемости.

Парадокс Горбачева, говоря иначе, заключался в том, что он верил в возможность изменить то, что изменить было нельзя. Требовалась не перестройка, а по большому счету — «новостройка». Но реальный процесс в стране был другим.

Пленум ЦК КПСС 27—28 января 1987 года, обсудив доклад Горбачева «О перестройке кадровой политики партии», сформулировал в своем постановлении: «Конечная цель перестройки — обновление всех сторон жизни нашего общества, придание социализму самых современных форм общественной организации, наиболее полное раскрытие творческого потенциала социалистического строя»⁶⁹. Но этим «совершенствованием», «улучшением», «обновлением» социализма занимались долгие десятилетия все вожди и до Горбачева с одинаковым «успехом». Последний генсек отличается от них в самую лучшую сторону тем, что пытался сделать все возможное, чтобы соци-

ализм обрел человеческий облик. Задача благородная, но едва ли посильная кому-либо.

На этом пути он сделал главное — утвердил гласность как процесс ликвидации Лжи. Дело в том, что ленинская система, независимо от желания ее функционеров, вся построена на лжи, неправде, сокрытии, контроле за информацией, управлении состоянием общественного и индивидуального сознания. Как только правда о власти, многих мифах большевистской истории, «революционных переломах» советского пути (индустриализация, коллективизация, «большая чистка» и т.д.) стала быстро поступать в общественное сознание, то сразу затрещали устои строя, укреплявшиеся столько десятилетий. Правда и истина оказались оружием, против которого ленинская система была бессильна.

Горбачев, став генсеком, с самого начала повел фронтальное наступление на изъяны, пороки, язвы советского образа жизни. И в своем стремлении получил большую общественную поддержку. Его первый удар пришелся на пьянство и алкоголизм.

Это действительно давняя и острая проблема российского, а затем и советского общества. Партийные комитеты, поддерживавшие Горбачева, помогли собрать ошеломительные данные. В 1984 году, например, на улицах городов и сел страны было подобрано (именно так в справке — «подобрано») 9,3 миллиона пьяных. В 1984 году на душу населения потреблялось «чистого алкоголя» 8,3 литра. Это кроме самогона и других домашних алкогольных напитков. При этом в некоторых регионах употребление спиртного стало носить характер национального бедствия. На Камчатке потреблялось на душу населения 14 литров, а на Сахалине — почти 17 литров! Прогулы, преступность, деградация личности стали столь массовым явлением, что закрывать глаза на эти язвы стало уже невозможно.

4 апреля 1985 года состоялось заседание политбюро, на котором были обсуждены «Меры по преодолению пьянства и алкоголизма». Председатель комиссии по этому вопросу М.С. Соломенцев доложил «разработанные предложения». В основном — меры запретительного характера: повышение цен на вино-водочную продукцию и сокращение ее производства, усиление штрафных санкций, лишение граждан премий, путевок в дома отдыха, задержка с получением квартир и т.д. Додумались даже до такой ме-

ры, как запрет продажи спиртного людям моложе 21 года. Как всегда, создали и новую «общественную организацию» — Всесоюзное общество «Трезвость», с введением многих тысяч штатных работников...

Первый заместитель министра финансов СССР В.В. Деменцев, поддерживая общую тональность обсуждения на политбюро, осторожно заметил, что сокращение производства и продажи спиртного одновременно крупно сократит доходы государственного бюджета в 1984 году на 4 миллиарда рублей, в 1987-м — на 7,5, в 1988-м — на 11, в 1989-м — на 14 и в 1990 году — на 15—16 миллиардов рублей. Чем компенсировать доходы в государственный бюджет, как? Бюджет будет разбалансирован...

Генсек резко прервал заместителя министра: «В том, что вы сказали, ничего нового нет. Каждому из нас известно, что имеющиеся на руках деньги покрывать нечем. Но вы не предлагаете ничего другого, как спаивать народ. Так что докладывайте свои соображения короче, вы не в Минфине, а на заседании политбюро...»⁷⁰

Горбачев, утверждая себя в новой должности, демонстративно тверд, тем более «страна требует» — остановите пьянство.

Но уже через короткое время после принятия постановления стало ясно: запреты малодейственны. В городах выстроились колоссальные очереди за спиртным, сразу же появилась спекуляция водкой, широко развернулось самогонование. Огромное количество сахара (сотни тысяч тонн) стало проходить через аппараты самодельного изготовления водки. Сахар исчез из магазинов. Пришлось вводить на него карточки... Как во время войны.

Через три года Горбачев сдался. Новое «постановление» (октябрь 1988 г.) говорило уже о «перегибах», чрезмерном «администрировании», непозволительных «методах запрета» без учета общественного мнения и т.д.

Легковесная кавалерийская атака на пьянство не дала, естественно, положительного нравственного результата, серьезно усложнив со временем экономическую, социальную, да и психологическую ситуацию в стране.

Горбачев менялся вместе с обществом. Трудно, противоречиво, но эволюция была заметной. Особенно это можно проследить в сфере, которая традиционно в советском обществе всегда была на самом заднем плане. Речь — о правах человека.

Летом 1985 года Чебриков, Федорчук и Рекунков в преддверии XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве обратились к Горбачеву за разрешением на время международного праздника применить «превентивные меры» по отношению к неблагонадежным в политическом отношении лицам. КГБ и МВД предлагали 25 антисоветски настроенных граждан столицы «на период проведения фестиваля подвергнуть аресту в административном порядке».

Генсек, похоже, не задумываясь, наложил предельно лаконичную резолюцию: «За. Горбачев. 24. VI-85 г.»⁷¹.

Не знаю, знал ли о том Горбачев, но во время правления второго вождя методология сохранения «нравственного здоровья» советского общества была такой же. Только масштабы и методы более внушительные. Например, в феврале 1940 года Берия подобным образом предлагал «очистить» столицу (к слову, с ним в Кремле согласились).

«1. Арестовать и решением Особого совещания НКВД заключить в исправительно-трудовые лагеря сроком до 8 лет нелегально проживающих в Москве и области 5—7 тысяч человек уголовно-преступного элемента.

2. Решением Военной коллегии Верховного суда СССР расстрелять 300 человек профессиональных бандитов и грабителей, имеющих неоднократные судимости...

Народный комиссар внутренних дел

Л. Берия»⁷².

Конечно, с размахом второго вождя трудно сравняться. Но здесь, в 1985 году, приемы те же: без суда за «антисоветские настроения подвергнуть аресту».

Горбачев, как и все мы, был рожден ленинской системой, и «выскребать» большевизм из своей души и ему, и нам придется долго.

Генеральные секретари всегда опекали спецслужбы, органы безопасности и верили прежде всего им. В мае 1986 года в Москве состоялось Всесоюзное совещание руководящего состава КГБ. Генсек принял в нем участие, благословив «органы» на «эффективную» защиту государственной безопасности. Сохранилась фотография Горбачева в президиуме совещания в окружении главных жрецов всемогущего КГБ. Подпись на обороте В. Чебрикова: «Дорогому Михаилу Сергеевичу. На добрую память от верных и преданных Вам чекистов. 27—28 мая 1986 г. ».

Любовь — не знаю, но верность и преданность у всех генсексов и чекистов была взаимной.

Через год, когда Горбачев получил очередную регулярную записку от того же Чебрикова «О подрывных устремлениях противника в среду советской творческой интеллигенции», генсек был уже более сдержан и осмотрителен. В записке перечислялись фамилии многих известных советских писателей, которых настойчиво «обрабатывают» империалистические разведки. Чебриков сообщает, что «Рыбаков, Светов, Солоухин, Окуджава, Искандер, Можаяев, Рошин, Корнилов и другие находятся под пристальным вниманием спецслужб противника». Вновь упоминаются Солженицын, Копелев, Максимов, Аксенов как «вражеские элементы». Генсек реагирует вроде нейтрально: «Разослать членам политбюро ЦК КПСС, кандидатам в члены политбюро и секретарям ЦК КПСС. Т.т. Лигачеву Е.К. и Яковлеву А.Н. переговорить со мной. Горбачев. 16 июля 1986 г.»⁷³.

Сегодня известно, что уже тогда Горбачев не хотел полностью соглашаться с предложениями КГБ, а был намерен добиваться более гибкой работы с творческой интеллигенцией, чтобы влиять на нее в «нужном направлении». Вскоре Горбачев принимает смелое, важное решение: позвонить Сахарову в Горький и предложить тому вернуться к научной работе.

Хотя до возвращения Сахарова из ссылки, в чем решающая роль принадлежит Горбачеву, в августе 1985 года он со своими соратниками обсуждал вопрос: как поступить с просьбой Сахарова о разрешении на выезд его жены Боннер за границу для лечения.

Как тут ополчились мужчины из политбюро против свободолубивой дамы!

Чебриков заявил, что «Боннер влияет на Сахарова на все 100 процентов» и вообще все «поведение Сахарова складывается под влиянием Боннер». Горбачев в этом месте бросает реплику:

— Вот что такое сионизм.

А Н.И. Рыжков оказался терпимее:

— Я за то, чтобы отпустить Боннер за границу. Это гуманный шаг. Если она там останется, то, конечно, будет шум. Но и у нас появится возможность влияния на Сахарова⁷⁴.

Горбачев, однако, скоро смог понять, что, освободив

Сахарова из ссылки, режим выиграет неизмеримо больше, нежели если будет продолжать удерживать его в городе, закрытом для иностранцев.

На Западе, где стало известно о высоком звонке правдолюбцу, рейтинг Горбачева просто подпрыгнул вверх: «Такая доброта, щедрость души, гуманизм нового советского лидера». Все как-то сразу забыли, а почему он был сослан, на основании какого закона? Почему Горбачев не извинился перед Сахаровым за произвол властей? Как может генеральный секретарь возвращать одним своим звонком человека из ссылки?

Как-то все это осталось в стороне. А по большому счету царственный звонок, подтвердивший начало перелома отношения к диссидентам, одновременно подтвердил глубинное беззаконие системы. Однако именно с этого времени имидж Горбачева в глазах западной общественности стал быстро меняться. Не хватало только нимба.

После звонка было «продолжение». Президиум Верховного Совета СССР принимает указ о прекращении ссылки и помиловании его жены Боннер Е.Г. В ЦК, к генсеку, приглашают президента Академии наук СССР Г. Марчука, инструктируют его и посылают к Сахарову в Горький. В своем докладе после поездки в ЦК, подписанном 22 декабря 1986 года, Марчук, в частности, писал: «Существенным моментом в беседе была идея, которую поручил мне развить на встрече с Сахаровым Горбачев М.С., что он поверил в искренность письма Сахарова. Реакция на это оказалась самой сильной. Сахаров в течение длительного времени молчал, пытался что-то сказать, но не смог».

Я уже отмечал выше, что Горбачев умел убеждать людей. Сахаров, обложенный КГБ со всех сторон, с трудом мог допустить, что первый коммунист страны был способен поверить его честному письму. Сама эта возможность его поразила.

Марчук далее пишет: «Мое впечатление от двухчасовой беседы с Сахаровым следующее. Сахаров находится в состоянии шока и полной растерянности от телефонного разговора с Горбачевым М.С. Он явно не ожидал такого оборота дела и еще долго будет переосмысливать изменившуюся ситуацию. Понимая, что его письму к Горбачеву поверили, он оказался в новом и очень ответственном положении. Он начинает понимать, что ему предстоит в Москве борьба прежде всего со своей женой и антисоци-

альным (?! — Д.В.) окружением, и он просто устал от всего этого и хотел бы спокойной научной работы»⁷⁵.

История с Сахаровым свидетельствует не только о том, что Горбачев способен на обычное человеческое сострадание, может прислушаться к движениям своей души, но и о другом. Горбачев не уставая говорил о том, что «демократизм — не просто лозунг, а суть перестройки»⁷⁶. Он хотел, чтобы ему поверило все общество. Поверил же ему Сахаров?! В свою очередь, царственный жест в сторону опального академика, по мысли Горбачева, был способен повысить степень доверия к нему не только внутри страны, но и за рубежом. И генсек здесь не ошибся.

Летописцу проще фиксировать события и факты, пытаясь проникнуть в их суть. Горбачеву, как человеку, от которого многое зависело, приходилось с трудом, в муках освобождаться от того, что было им позже осуждено. Генсек почти до самого путча в августе 1991 года безоговорочно верил спецслужбам, в основе своей враждебно принявшим реформы, инициируемые Горбачевым. Говоря о гласности, демократии, правах человека, генсек продолжал читать донесения КГБ, которые, по сути, дезавуировали его демократические устремления. Еще в 1988 году генсек продолжал изучать донесения В. Чебрикова, председателя КГБ, «О итогах работы органов госбезопасности по розыску авторов анонимных материалов враждебного характера». Например, 21 марта 1988 года Горбачеву доносилось, что «увеличилось на 9,4 процента лиц, участвовавших в изготовлении и распространении этих материалов. Выявлены 1312 авторов листовок, писем и подписей антисоветского характера». Скрупулезно подсчитано, сколько из числа разысканных авторов являются рабочими, служащими, студентами, пенсионерами; сколько из них «профилактировано» и сколько лиц «привлечено к уголовной ответственности...»⁷⁷.

За кулисами перестройки продолжалась прежняя чехистская жизнь. И Горбачев знал об этом. Не только знал, но и принимал активное участие, как генсек, в руководстве этим ведомством. По-прежнему основной костяк кадров в КГБ утверждался в ЦК. Например, политбюро дало добро направлению в «органы» в течение 1986—1990 годов многих специалистов из самых различных сфер, министерств и ведомств. Особенно большое пополнение шло за счет Министерства высшего и среднего специального об-

разования, Министерства обороны, специализированных НИИ, КБ, военно-учебных заведений. Партия сама, непосредственно, растила кадры спецслужб.

За семь десятилетий господства большевиков страна привыкла к их фарисейству: когда говорили одно, думали другое, а делали третье. Поэтому любые демократические проявления нового лидера большей частью общества воспринимались как неожиданное откровение, государственная незаурядность, способность к мессианству. И нужно сказать, генсек во многом не обманывал ожиданий. Когда Генеральный прокурор СССР В.И. Терехин написал записку в ЦК с предложением сократить «использование» высшей меры наказания (отказаться от применения ее к женщинам, лицам 18—20 лет и т.д.), то Горбачев решительно поддержал его. На полях записки генсек откликнулся на поставленные вопросы так:

«Мы недавно решили вопрос о расширении практики помилования осужденных с заменой смертной казни лишением свободы на 20 лет. Это было сделано правильно. В записке тов. Терехина В.И. данный вопрос ставится шире: нужно ли нам сохранять в законодательстве много составов преступлений, за которые предусматривается смертная казнь? Обменяемся на политбюро.

Горбачев. 26. 05. 86»⁷⁸.

Горбачев прекрасно понимал, что главный враг перестройки — сама партия, но без нее сейчас нельзя ничего сделать, ведь именно партия и начала косметический ремонт системы. Тем не менее генсек никак не хотел «добровольно» отказаться от 6-й статьи Конституции СССР. Она начиналась так: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза»⁷⁹.

Политбюро несколько раз обсуждало вопрос: как сохранить статью? Все понимали, что это не удастся, но надеялись... Ведь от власти добровольно отказаться так трудно!

Горбачев 20 ноября 1989 года заявил: «Придется сражаться за пункт 6-й Конституции... Надо придерживаться тезиса — это не пожарный вопрос, это не чрезвычайка...»⁸⁰

Через пару недель генсек вновь предложил путь затягивания, откладывания в долгий ящик этого кардинального

вопроса. Мол, скажем на Втором съезде депутатов СССР: «Впереди съезд партии. Мы там обсудим и внесем предложение» (о 6-й статье. — Д.В.). Добавив при этом: «Партия держится не на 6-й статье, а на своей реальной политике и действиях...»⁸¹

Выдающийся политик отступал медленно, пытаясь зацепиться за любую мало-мальскую позицию для безнадежной обороны.

Подобные шаги и действия Горбачева говорят о том, что перед нами, возможно, один из последних коммунистических «романтиков», человек, поверивший в возможность построения социализма с человеческим лицом, возможность сохранения ленинской системы после ее «обновления». Зденек Мльнарж, один из видных авторов «пражской весны», учился вместе с Горбачевым в Московском университете. В его публикациях, появившихся, уже когда на мировом небосклоне ярко засияла звезда Горбачева, встречается мысль: новый советский лидер верил в то, что социализм можно освободить от деформаций, привнесенных в него Сталиным. Социализм можно сделать гуманным...

Такова еще одна парадоксальная грань Горбачева: будучи убежденным коммунистом, ленинцем, он верил в возможность максимальной демократизации ленинской системы. Но демократизации коммунистической. Даже когда была отменена печально известная 6-я статья Конституции СССР, Горбачев делал все возможное для сохранения господствующего влияния КПСС в обществе. Состоялось несколько заседаний политбюро, совещаний в ЦК, обсуждавших, как сохранить привычную роль КПСС в изменившихся условиях. Было принято специальное постановление «О некоторых мерах по правовому обеспечению жизнедеятельности партии». Многие общепартийные объекты оформили как партийную собственность: типографии, архивы, библиотеки, санатории. Глухо упомянули и о финансировании деятельности КПСС⁸². Думаю, именно к этой области относится загадочная проблема «денег партии», разобраться в которой оказались не в состоянии новые демократические власти. Партия без шума готовилась действовать в новых условиях. Убежден, что партии удалось найти «новую жизнь» очень крупным суммам денег здесь, в России, и за рубежом. И не напрасно. В 1995 году, например, когда демократические силы имеют считанное число

изданий, которые можно пересчитать по пальцам одной руки, у коммунистических организаций в России более 100 центральных и провинциальных газет...

Так КПСС готовилась жить в «демократическом обществе».

В своей программной статье «Социалистическая идея и революционная перестройка», появившейся в конце 1989 года, Горбачев признает, что «у нас обычно негативное отношение вызывал даже сам термин «демократический социализм», отождествлявшийся с выражением реформистской, оппортунистической линии в социалистическом движении». Однако Горбачев, российский Дон-Кихот Ставропольский, упрямо утверждает, что с помощью перестройки мы создаем «не только гуманный, но и демократический социализм»⁸³.

По сути, Горбачев признает, что является выразителем реформизма и оппортунизма в социалистическом движении. Для этого заявления на пороге 1990 года уже не нужно было много мужества.

Не знаю, убедился ли сегодня Михаил Сергеевич в том, что синтез демократии и коммунизма возможен только в речах, статьях, внешне красивых теоретических концепциях. Пока эта утопическая идея не реализована нигде. Коммунизм и демократия несовместимы. Одно время на российских съездах народных депутатов в начале 90-х годов возникла фракция «Коммунисты за демократию». Но скоро она тихо умерла. Коммунизм и демократию синтезировать оказалось невозможно. Не смог воплотить эту идею в жизнь и Горбачев. Однако желающих построить, создать вечный двигатель коммунистической идеи едва ли намного уменьшилось. Правда, сегодня уже мало осталось тех, кто для достижения «лучезарной» цели, говоря словами Маяковского, готовы «загнать клячу истории».

«Суть Горбачева как лидера, — говорится в журнале «Проблемы Восточной Европы», — формулируется достаточно просто или, если хотите, достаточно сложно: человек, убивший коммунизм, был верующим коммунистом»⁸⁴. Даже на XXVIII съезде КПСС, состоявшемся летом 1990 года, в программном заявлении «К гуманному, демократическому социализму», где есть немало новых, верных положений, был тезис, который все сразу обесценивал: «КПСС является партией социалистического выбора и коммунистической перспективы»⁸⁵. Со старым ле-

нинским коммунистическим хламом никак не могли расстаться. На этом съезде, к слову сказать, я был в проекте списка программной комиссии, но, когда перешли к голосованию по каждой кандидатуре, мою фамилию вычеркнуло ортодоксальное большинство.

Горбачев искренне хотел приближения демократии, но не ценой лишения ее «коммунистической перспективы».

Внешняя противоречивость и внутренняя гармония — мантия парадокса. Ею обладал Горбачев — любимец истории конца XX века.

Рок Чернобыля

Время безжалостно. Оно всегда наступает. Самые великие и неприступные цитадели рано или поздно рушатся под его безжалостным натиском. Это самый загадочный и неуязвимый феномен бытия. Диктатура времени абсолютна. Никто не в состоянии «выскочить» из своего времени и оказаться на баррикадах Парижской Коммуны или побывать на жилом космическом острове во Вселенной в конце XXI века...

Время делает свое «дело». Одно из них — самораспад СССР. Пишу об этом с болью, веря, что в какой-то новой форме, возможно, конфедерации, «Союз Советских Суверенных Республик» (так на Четвертом съезде народных депутатов страны М.С. Горбачев предложил именовать СССР) продолжал бы жить. Именно в другой форме, ведь все империи в истории человечества рано или поздно распались: римская, византийская, германская, австро-венгерская, британская, российская... История показала, что существует только один удовлетворительный способ сосуществования наций и народностей в составе одного государства, который счастливо «нащупали» отцы-основатели США, — в форме штатов (административно-географического деления), а не национальных образований.

Россия была в этом же ряду: русские цари придерживались губернского устройства государства (те же штаты!), что создавало дополнительную историческую устойчивость и малоконфликтность общества. Печальный опыт Югославии, распад Чехословакии, борьба ирландских католиков с протестантами в Ольстере, баскских сепаратистов в Испании, соперничество франкоязычного и англоязычного населения Канады — перечень можно продол-

жать долго — лишь подтверждает чрезвычайную чувствительность национальной материи и религиозного духа.

Главный разрушитель (как и создатель) СССР — Владимир Ульянов-Ленин, который вместе со своими соратниками-соучастниками в 1920 году начал ликвидировать самую прогрессивную форму административного деления государства — губернии, образовав вместо них национальные формирования. Пока СССР был унитарным государством, такое «новшество» не играло почти никакой роли. Но как только после 1985 года начался процесс реальной демократизации общества с ее главной судьбоносной составляющей — гласностью, произошел мощный взлет, даже взрыв национального духа.

Не все понимали тогда, что, борясь против коммунистического тоталитаризма, мы невольно боролись и против формы его существования — СССР. Система общественно-политическая и система национально-государственная были теснейшим образом связаны. Чем слабее становилась коммунистическая олигархия, тем беспомощнее, слабее выглядели и государственные скрепы СССР. Безмыслый и бездарный путч в августе 1991 года оказался последним толчком, который разрушил здание государственности. Сейчас архитекторы мятежа считают себя чуть ли не национальными «героями», не ведая (точнее, маскируясь неведением), что они оказались последними могильщиками Союза ССР.

Когда в мае 1991 года в Ново-Огареве началась работа по подготовке нового Союзного договора, было ясно, что в современных условиях это будет, скорее всего, уже не федерация, а фактически конфедерация. Возможно, то было бы историческим благом, историческим компромиссом. Мне довелось в то время, как советнику по военным вопросам, несколько раз вместе с Б. Н. Ельциным, другими его сотрудниками ездить к М. С. Горбачеву в Кремль для согласования наиболее сложных статей договора, в частности статуса бывших автономий. Татария, например, настаивала на своем праве подписать договор не как автономная, а как союзная республика. Однажды дискуссия, достаточно конструктивная, на которой кроме Горбачева и Ельцина присутствовали Хасбулатов, другие российские руководители, был там и я, — с российской стороны, и Шахназаров и Лукьянов, ряд других союзных деятелей, закончилась беседой, суть которой: надо спешить. Время в

данный момент не являлось союзником долгих согласований и «утрасок». Горбачев и Ельцин (я был и на некоторых других встречах) стремились подготовить такой договор, который бы сохранил Союз, хотя уже и не в унитарной, жесткой форме. Об этом я говорю с полной определенностью, ибо сейчас есть немало критиков, которые обвиняют то Горбачева, то Ельцина, то обоих вместе в развале Союза. Это не так: оба деятеля хотели, добивались сохранения Союза, возможно, в измененной форме⁸⁶.

В июле 1991 года Верховный Совет СССР «поддержал в основном проект Договора о Союзе суверенных государств»... А 2 августа президент СССР М.С. Горбачев, выступая по телевидению, заявил: «Договор открыт для подписания с 20 августа нынешнего года»⁸⁷. Оставалось сделать один шаг до сохранения Союза. Этим была бы реализована воля народа, выраженная на референдуме 17 марта того же года, — сохранить обновленный СССР... Президенту и нужно было бы сразу же заняться подписанием готового Союзного договора. Проект договора был согласован; непонятно, зачем откладывать его окончательное оформление? А он уехал отдыхать на юг, согласившись с датой подписания — 20 августа. То была грубая тактическая ошибка. Конечно, сейчас можно найти много оправдывающих причин...

А стратегическая ошибка заключалась в том, что, несмотря на собственные заявления: демократия — это суть перестройки, Горбачев не нашел общего языка с антикоммунистическими силами. «Я не вижу других путей, кроме демократии»⁸⁸, — заявил Горбачев и после путча. Однако и до драматических событий 19—21 августа выразителей отечественной демократии Горбачев держал на дистанции. Сегодня Михаил Сергеевич говорит: какие же это «демократы»?

Но мы никогда не жили и не будем жить в рафинированном, «стерильном» обществе. Какова страна, испохабленная коммунизмом, такова и демократия...

На проект договора шли атаки слева и справа. «Демократическая Россия» считала, что договор должен быть подписан сроком до одного года, в течение которого нужно провести выборы Учредительного собрания: оно-то и решит все вопросы власти и формирования нового Союза⁸⁹.

Не думаю, что это решение являлось лучшим. Новый

Союзный договор нужно было обязательно подписывать, и как можно быстрее, а затем, видимо, уже вести дело к Учредительному собранию, исходя из «нового» СССР, как из объективной данности. А может быть, после подписания обновленного договора Учредительного собрания и вовсе не потребовалось бы.

Другая сторона, и в частности Председатель Верховного Совета СССР А.И. Лукьянов, 20 августа 1991 года, когда уже начался путч, поставил под сомнение зрелость текста договора и предложил «дополнительное обсуждение на сессии Верховного Совета СССР, а затем, видимо, и на Съезде народных депутатов страны»⁹⁰. Если бы путч удался, а на это рассчитывал Лукьянов, нетрудно представить, каким бы стало это «обсуждение» проекта договора.

Консервативные силы не были согласны с самой сутью документа: «Договор о Союзе суверенных государств». Слово «социалистических» в результате долгой борьбы демократических сил дипломатично «выпало», с чем вынужден был согласиться 12 июля 1991 года и Верховный Совет СССР. Речь шла о кардинальном, историческом, эпохальном: СССР мог с о х р а н и т ь с я, но уже не как с о ц и а л и с т и ч е с к о е государство. А какое? По мнению демократов, это должно было решить новое Учредительное собрание, прежнее, как известно, большевики разогнали еще в начале 1918 года... Но демократическое, цивилизованное государство, во всяком случае.

В этом глубинная подоплека путча: руководство КПСС, КГБ, Министерства обороны, государственной бюрократии были абсолютно не готовы к новому историческому шагу. Как не были бы готовы н и к о г д а. Именно путч был последним ударом, который покончил со страной, где мы родились и выросли. От этого никуда не уйти. Как пишет А.С. Грачев, по мнению Горбачева, «два человека могли немедленно остановить путчистов, если бы того захотели: это Лукьянов и Ивашко — его заместитель в политбюро ЦК КПСС, однако не сделали этого»⁹¹.

На Пятом съезде народных депутатов СССР в своем выступлении 3 сентября 1991 года президент РСФСР Б.Н. Ельцин заявил: «Переворот сорвал подписание Союзного договора, но не смог уничтожить стремление республик построить новый Союз». Новый Союз будет как «свободное содружество суверенных государств» с единым экономическим пространством, едиными вооруженными

силами, при строгих гарантиях обеспечения прав человека на территории всей страны...»⁹² К слову, я, как сопредседатель парламентской фракции «Левый центр» и советник президента по военным вопросам (до 1993 г.), и в Верховном Совете, и где только мог защищал идею: единые вооруженные силы могут сохраниться в полной мере только в едином государстве. Как будто все с этим тогда соглашались...

После путча начался горестный самораспад СССР, в чем Украина сыграла особую роль. Одна из причин быстрой стихийной дезинтеграции СССР заключалась в том, что победа демократических сил в России вызвала глубокую тревогу в столицах других союзных республик, где влияние партийной номенклатуры было еще слишком сильным. Начался печальный парад обретения «независимости» республик. Разрыв экономических, духовных, семейных связей, раскол общей многовековой истории. Трагедия огромного масштаба...

Самое худшее, чего боялся Горбачев, свершилось. Союз рассыпался, самораспался.

Бессмысленно искать виновников. Почти все мы, желая порвать со старой регламентированной большевиками жизнью, помимо своей воли, вместе с коммунистической системой ослабили и государственное образование — Союз, который не устоял. Такова горькая цена освобождения...

Путч, строго говоря, не был неожиданным. О возможности военного переворота много говорили, писали. На Съезде народных депутатов звучали прозрачные намеки на необходимость «твердой руки». При выборах президента России в списках претендентов на посты первого и второго лица появились генералы. Ельцин, которому не нужны были дополнительные голоса (он тогда победил бы с кем угодно), пригласил на пост вице-президента полковника в надежде получить дополнительный рычаг влияния на армию. Но как окажется позднее, то будет роковой ошибкой Ельцина. Амбициозный, тщеславный полковник, весьма экономно наделенный природой интеллектуальными способностями, почувствовав вкус власти, захочет большего... Хотя в ликвидации путча он и сыграл весьма заметную роль. Тогда он был с Ельциным...

По мере обострения ситуации в СССР Горбачев, не имевший популярности среди военных, старался как-то за-

...хотя бы их лояльностью. Но так никогда глубоко не занялся военными вопросами. Накануне нового, 1989 года он заявил в узком кругу: «...При любых поворотах нам надо армию совершенствовать. Кстати, армия нужна и с точки зрения поддержания внутренней стабильности. Это инструмент, важный во всех отношениях...» Что верно, то верно.

Армия — последний аргумент во внутренних распрях. К нему прибегали в России много раз. К нему прибегли коммунисты и в августе 1991 года. За армию борются и сегодня (националисты, социал-патриоты, неофашисты), пока еще крупная незрелая демократия в России не пустила глубоких здоровых корней. Уже целый легион генералов «двинул» в политику. Ничего хорошего от этого ждать нельзя.

Но почему этот раздел назван «Роком Чернобыля»? Ведь он не имеет прямого отношения к краху СССР? И почему — «рок»?

Я уже писал раньше: не Горбачев уничтожил тоталитарную систему, нет. Но он всей своей деятельностью не мешал ее самораспаду, саморазрушению. Система была обречена. Она и без Горбачева бы распалась: через один-другой десяток лет. Стремительный прогресс передовых стран мирового сообщества лишь рельефнее подчеркивал: ленинское детище исчерпывало свои ресурсы. Оно могло конкурировать с другими передовыми странами в основном лишь в ракетно-ядерной области. Приближение самораспада системы (не СССР!) определялось множеством факторов. Назову лишь некоторые.

Безумная гонка вооружений, в которой мы, достигнув фантастической ценой стратегического паритета, окончательно «надорвались». Если более трети всех сил и ресурсов страны уходило на милитаристские нужды, это рано или поздно должно было кончиться крахом.

Стагнация экономики стала перманентным явлением, все полнее вскрывая крайне низкую ее эффективность в постиндустриальную эпоху.

Бюрократическое окостенение общества, сопровождаемое господством догматических мифов в общественном сознании, все больше превращало личность в одномерное существо.

Унитарный характер союза до поры до времени сдержи-

вал «пары национализма» под крышкой большевистского котла. Было ясно, что они, пары, когда-нибудь вырвутся.

Монополия одной политической силы, показавшей свою жесткую эффективность в годы войн и социальных потрясений, стала глубочайшим тормозом исторического развития страны.

Сложившаяся во имя «коллектива» и «общества» система нивелировала личность, лишив ее важнейших прав и свобод. За годы советской власти около 3 миллионов граждан СССР покинули страну (или были изгнаны), влекомые одним — свободой ..

Тяжелый удар системе нанесла бессмысленная авантюра в Афганистане, куда советские руководители ввели свои войска и на протяжении десятилетия участвовали в гражданской войне на одной из сторон. Эрозия несправедливости, неоправданных жертв и бессилия победить народ все больше разъедала систему.

В стране было много событий на первый взгляд регионального характера, но которые отложили неизгладимую печать на последние годы существования СССР. Таким печальным событием явилась самая крупная в мировой истории авария на атомной электростанции в Чернобыле. Трагедия тысяч людей, пострадавших от неумелого (небрежного, преступного, неосторожного?) обращения с плодами научно-технического прогресса стала роковым символом самораспада коммунистической системы. Это был ее исторический рок, как будто случайный, непреднамеренный, но отразивший в то же время глубокое пренебрежение властей судьбами и интересами своих сограждан.

Ядерных «сюжетов», провозвестников Чернобыля, в СССР были десятки. Но общественность о них мало что знала.

Советский Союз еще при Сталине втянулся в ядерную гонку, приняв вызов Запада. Когда 29 августа 1949 года в семь часов утра на Семипалатинском полигоне советские военные взорвали свою первую атомную бомбу, мало кто мог предположить, что к январю 1992 года страны — члены «ядерного клуба» взорвут уже 2053 атомных устройства. Причем по количеству испытаний США превзойдут всех (1093), а по мощности впереди окажется СССР. Именно советские создатели водородных устройств 30 октября 1961 года взорвут на Новой Земле бомбу в 50 мегатонн! Специально «в честь XXII съезда КПСС» было взо-

...мало изделие мощностью в 30 мегатонн... безумные рекорды.

Хрущев был чрезвычайно доволен и согласился на испытание еще более страшного чудовища в 100 мегатонн... Ученые, однако, отговорили Никиту Сергеевича, других политиков и военных проводить этот леденящий душу эксперимент.

Но еще раньше, 14 сентября 1954 года, под руководством маршала Г.К. Жукова на Тоцком полигоне в Оренбуржье (тогда Чкаловской области) прошло первое в истории, и, надеюсь, последнее, войсковое учение с реальным использованием ядерного оружия. В восьмидесятые годы я был депутатом Верховного Совета от Оренбургской области и не раз приезжал в с. Тоцкое. Первый раз — много раньше, когда участвовал в тех же местах в обычных учениях, где ранее была взорвана ядерная бомба. Обезображенная земля, потрескавшаяся, как старья асфальт, хранила в своей немоте чудовищный эксперимент 1954 года.

Население деревень Елцанка-2, Орловка, Ивановка, Маховка (всего 1633 семьи) выселялось из своих жилищ на 3—4 дня... Всего. А испытать действие смертоносного оружия должны были на себе 40 голов крупного скота (коровы, лошади, верблюды) и 300 овец. С самолета Ту-4 на высоте 9 тысяч метров была сброшена атомная бомба, которая взорвалась в 350 метрах над землей. Здесь уже было настроено для испытаний множество убежищ, блиндажей, окопов, домов, «заселенных» животными. Везде расставлена реальная боевая техника. Нужно было опробовать реальную бомбу, на реальных объектах, которые могут быть в реальной войне. После взрыва войска на танках и бронетранспортерах прошли через эпицентр взрыва...⁹³

Опыт сбрасывать бомбу чуть ли не в центре России, таким образом, уже появился. Лишь спустя почти сорок лет, при демократическом правительстве, сочли необходимым предусмотреть некоторые льготы пострадавшим от того зловещего памятного взрыва в оренбургской степи...

Через три года после Тоцких учений, в октябре 1957 года, в Челябинской области на комбинате № 187 по производству оружейного плутония произошел мощный взрыв, разрушивший 14-й бак — хранилище радиоактивных растворов. То был малый Чернобыль, правда, полностью скрытый тогда от народа и мира. Сильному загрязнению подверглись территории нового строящегося завода, ка-

зармы военно-строительных частей, лагерь заключенных, деревни Бердяниш, Салтыково, Голикаево и другие. Стронций-90 покрыл своим смертоносным «покрывалом» большие пространства.

И что же? Совет Министров, с согласия ЦК, постановил «в двухнедельный срок представить предложения о переселении до 1 марта 1958 года (!!!) жителей деревень Бердяниш, Салтыково, Голикаево, Кирпичики. После сильнейшего радиоактивного загрязнения предлагается «спланировать» отселение населения из пораженных деревень фактически в течение пяти месяцев!⁹⁴ Авария произошла 29 сентября 1957 года, в ЦК докладывают 7 октября, а Президиум (так тогда именовалось политбюро) рассматривает вопрос лишь 19 октября! Постановление президиума в высшей степени красноречиво и лаконично:

«Ограничиться мерами, принятыми Министерством среднего машиностроения по данному вопросу»⁹⁵. А меры, кроме выселения «до 1 марта 1958 года» (!), сводятся к выставлению дозиметрических постов, выделению единовременного денежного пособия трудоспособным переселенцам в размере 400 рублей и по 100 рублей на каждого нетрудоспособного, постройке щитовых домиков...

Постановление игнорирует, что полоса радиоактивного заражения проходит через многие населенные пункты: Юго-Конево, Багоряк, Камышлов и другие места. Отсутствии какой-либо гласности лишило население возможности узнать о размерах реальной опасности для людей, хотя заражено было, по явно заниженным данным, только сразу после взрыва свыше 20 тысяч квадратных километров.

Ядерный век в условиях отсутствия «ядерной» культуры. Большевики ведь давно приучили страну к тому, что жизнь человеческая — всего лишь статистическая единица.

В конце октября 1978 года министр судостроительной промышленности М.В. Егоров сообщает в ЦК: «Докладаю: 20 октября 1978 года в 23 часа 52 минуты в 18 милях северо-западнее о. Колгуев затонула на глубине 45 метров баржа с радиоактивными отходами с ремонтируемых атомных подводных лодок... Для выяснения несанкционированного затопления баржи создается специальная комиссия...»⁹⁶

«Санкционированно» топили, вероятно, в другом месте или хоронили на Новой Земле. Все знали об этом в секто-

ре среднего машиностроения отдела оборонной промышленности ЦК. Там занимались «Атомными делами». В стране ее руководители привыкли, что можно бросить атомную бомбу на поля России, окропить тысячи квадратных километров смертоносными радиоактивными выбросами военного комбината, затопить судно с отходами ядерного горючего в районе рыбных промыслов... Народ безмолвствовал, не зная реальной картины преступлений большевистского режима. А если бы и знал, то сделать ничего бы не смог. Но когда случилось новое, очередное «ядерное» происшествие, время уже существенно изменилось. Шел 1986 год. Перестройка. При всем желании скрыть масштабы крупнейшей ядерной катастрофы в мирной энергетике XX века не представилось возможным. Хотя попытки, причем и настоячивые, были.

Спустя год после занятия высшего поста в стране Горбачеву пришлось вынести серьезнейшее испытание. Возможно, что именно тогда он окончательно понял, что гласность, провозглашенная им, вещь обоюдоострая и любые попытки ее истолковать по-своему, по-старому, жестоко мстят. Чернобыльская катастрофа (как и продолжающееся участие в афганской войне) серьезно усугубила экономические и политические стороны кризиса страны и положение ее лидера-реформатора.

Так случилось, что 25—27 апреля 1986 года Министерство обороны проводило учебные сборы высшего командного и политического состава армии во Львове, на окружном полигоне. Все там шло, как обычно: доклад министра обороны, начальника Главного политуправления, выступления, показательные занятия, заслушивания...

В перерыве совещания 26 апреля я с группой генералов услышал от начальника Генштаба, что в Чернобыле, 130 километров севернее Киева, на атомной станции — авария. Сказано это было довольно спокойно. Никто не придал особого значения услышанному. Мало ли аварий происходило в нашей стране! Больших и маленьких! Никто не думал, что авария катастрофична. Однако министр обороны маршал Соколов улетел раньше намеченного в Москву. Через сутки, 27 апреля, улетали несколькими военными самолетами и другие участники совещания. Когда пролетали севернее Киева, вышел из пилотской кабины командир корабля и, наклонившись к иллюминатору, показал вниз и немного в сторону:

— Вон там — Чернобыль...

Мало кто думал, что это слово уже облетело весь мир и скоро станет символом ядерной беды.

В полдень 26 апреля первый заместитель министра энергетики СССР А.Н. Макухин прислал «Срочное донесение» на Старую площадь в ЦК КПСС. Бумаге, даже с таким грифом, не придали особого значения. Из общего отдела она пошла в сектор атомной энергетики, затем в секретариат и лишь во второй половине дня была доложена генеральному секретарю.

В донесении сообщалось:

«26.04.86 в 1 час 21 мин. при выводе энергоблока № 4 Чернобыльской АЭС в плановый ремонт после остановки реактора произошел взрыв в верхней части реакторного отделения».

Говорилось о разрушениях и пожаре. «В 3 часа 30 мин. возгорание было ликвидировано. Силами персонала АЭС принимаются меры по расхолаживанию активной зоны реактора».

По мнению 3-го Главного управления при Минздраве СССР, принятие специальных мер, в том числе эвакуация населения из города, не требуется...»⁹⁷

Уже вечером 26 апреля весь мир говорил о крупнейшей ядерной катастрофе в СССР. Москва молчала.

В течение всего дня 27 апреля средства массовой информации Востока и Запада сообщали о радиоактивных облаках, движущихся на запад, север, юг. От Кремля требовали разъяснений. Москва молчала.

Наконец 28 апреля в 11 часов дня, как обычно, собралось политбюро. СССР — такая страна, где ни одно крупное решение не могло быть принято без его одобрения, будь то гастроли Большого театра или крупные маневры, строительство моста или информация об аварии на атомной электростанции.

Кандидат в члены политбюро В.И. Долгих сбивчиво доложил о ситуации на станции: «Произошел взрыв... Уровень радиации в районе реактора — 1000 рентген... Население эвакуируется, из 25 тысяч в городе находится еще 5 тысяч... С вертолетов начали сыпать в кратер красную глину и свинец...»

Обсуждение неспециалистов, каковыми, естественно, являлись члены партийного ареопага, было дилетантским.

На берегу Енисея. 1986 г.

*На отдыхе с Ю.В. Андроповым в Кисловодске. 1976 г.
С А.Н. Косыгиным. 1972 г.*

1985 год положил начало поездкам М.С.Горбачева по стране, встречам с людьми. На фото сверху: Ленинград. Май 1985 г. Внизу: с земляками в Ставрополе. 1985 г.

*Посещение Чернобыльской АЭС. 1986 г.
В разрушенном землетрясением Спитаке. 1988 г.*

Первый президент СССР принимает присягу. 15 марта 1990 г.

Полемика с А.Д.Сахаровым. Второй съезд народных депутатов СССР. 1989 г.

С Маргарет Тэтчер в Кремле. 1987 г.

Встречи в Ватикане с Его Святейшеством Папой Иоанном Павлом II. 1989 г.

Подписание Договора между СССР и США о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Вашингтон. 8 декабря 1987 г.

*В президиуме XI съезда Социалистической единой партии Германии.
Справа — Эрих Хонеккер. 1986 г.*

*Встреча руководителей стран Варшавского Договора в Будапеште.
1986 г.*

*С президентом США Джорджем Бушем в Ново-Огареве. 1991 г.
Вручение ордена Ленина Фиделю Кастро в Кремле. 1986 г.*

Посадка дерева дружбы с премьер-министром Японии Тосики Кайфу. Токио. 1991 г.

После подписания Договора об окончательном урегулировании германского вопроса. Гост за объединенную Германию. Москва. 1990 г.

Выступление при вручении Нобелевской премии мира. Осло. 1991 г.

«Процесс пошел, товарищи»

Альтернативная демонстрация в Москве в 73-ю годовщину Октябрьской революции

Возвращение из «форосского плена» 22 августа 1991 г.

На внеочередной сессии Верховного Совета РСФСР 23 августа 1991 г. До конца президентства Горбачева осталось четыре месяца

«Жизнь продолжается, и народы, «освоив» обретенную свободу, найдут новые пути к объединению, к обновлению своей жизни. Верю и надеюсь». (Из мемуаров М.С.Горбачева «Жизнь и реформы»)

Почти все говорят о свинце, мешках с песком, температуре в реакторе. Наконец генсек спрашивает:

— Как поступить с информацией?

Долгих: Надо закончить локализацию очага радиации.

Горбачев: Надо быстрее дать сообщение, тянуть нельзя...

Лигачев: Информацию о случившемся не надо откладывать...

Яковлев: Чем скорее мы сообщим об этом, тем будет лучше...⁹⁸

Идут часы, закончилось заседание политбюро, а Москва все еще молчит...

Лишь поздно вечером 28 апреля по радио и ТВ проходит безобидное сообщение об аварии и принимаемых мерах.

Но весь мир гудит. Везде делают замеры воздуха на радиоактивность.

Западные журналисты обрывают телефоны советских официальных органов. По обыкновению, они, естественно, молчат. В дело включаются послы многих стран. Горбачеву докладывают: событие в Чернобыле захватило умы сотен миллионов людей. Это больше, чем гибель южнокорейского «Боинга»... Тогда была истерия возмущения, а сейчас волна огромной тревоги... Горбачев вызывает физиков-академиков, министра обороны, ядерных энергетиков, кагэбэшников: нужен комплексный подход к проблеме. Он понял — случай совсем не рядовой; это грозное предостережение научно-технического прогресса человечеству, планете, всей цивилизации. По-инному теперь предстает и тень угрозы ядерной войны.

Назавтра, утром 29 апреля 1986 года, Горбачев снова созывает внеочередное заседание политбюро. Генсек идет на него, теперь вооружившись советами специалистов. Открывая заседание, генсек кидает реплику:

— Может быть, мы менее строго реагируем, чем государства вокруг нас?

Не приходится сомневаться, что да, менее остро. Бросив в жертвенник Гражданской войны 13 миллионов россиян, в кровавое чистилище большого террора 21,5 миллиона, оставив на полях сражений и пепелищах войны 26,5 миллиона человек, опутав страну сетью ГУЛАГа с миллионами смертей в них, обезглавив десятки тысяч церквей, большевики могли гордиться: они изменили мироощущение оставшихся людей. Жертвенный социализм приучил людей

молча, сжав зубы, терпеть голод, трудовые мобилизации, ссылки целых народов, мириться с атомными учениями на сельской равнине...

Весь мир был в огромной тревоге Москва была сдержанна и почти спокойна.

Вновь докладывает на политбюро Долгих: «Свечение кратера уменьшилось... Заброс мешков с вертолетов продолжается. Работают здесь 360 человек плюс 160 добровольцев. Но есть факты отказа от этой работы...»

Горбачев выступает с конкретным рабочим предложением, которое ему подготовили помощники: «Надо создать Оперативную группу Политбюро (Рыжков — председатель, Лигачев, Воротников, Чебриков, Долгих, Соколов, Власов)».

Но генсека не меньше аварии тревожит вопрос:

— Как работать с населением и международной общественностью?

Помолчав, говорит:

— Чем честнее мы будем вести себя, тем лучше. Кое-где имеются панические настроения. Надо проинформировать: станция была поставлена на плановый ремонт, чтобы не падала тень на наше оборудование...

И вновь: как информировать общественность? Лишь А.Н. Яковлев и Г.А. Алиев определены: надо дать полную информацию зарубежным журналистам и своему народу.

Громько: Надо дать братским странам больше информации, а «определенную» информацию дать Вашингтону и Лондону. Разъяснить ситуацию совпослам.

Лигачев: Возможно, не следует делать пресс-конференцию?

Горбачев: Наверное, целесообразно сделать одну информацию о ходе работ по ликвидации аварии⁹⁹.

В конце концов на заседании политбюро утвердили сообщение «От Совета Министров СССР» величиной в 19 строк. Сообщение было спокойным. Словно речь шла об обычном пожаре на каком-нибудь складе: «...авария произошла в одном из помещений 4-го энергоблока и привела к разрушению части строительных конструкций здания реактора, его повреждению и некоторой утечке радиоактивных веществ. Три остальных энергоблока остановлены, исправны и находятся в эксплуатационном резерве. При аварии погибли два человека.

Приняты первоочередные меры по ликвидации аварии. В настоящее время радиационная обстановка на электростанции и прилегающей местности стабилизирована, пострадавшим оказывается необходимая медицинская помощь...» В тексте сообщения в социалистические и иные страны добавлялось: «Уровень загрязненности несколько превышает допустимые нормы, однако не в такой степени, чтобы требовалось принятие специальных мер для защиты населения»¹⁰⁰.

Теперь регулярно заседает Оперативная группа политбюро. Всех беспокоит вопрос: а как обстоит дело на остальных 18-ти станциях страны? Запад предлагает техническую, специальную и медицинскую помощь. В Москве к этому относятся очень сдержанно.

Уже почти сорок тысяч военнослужащих вокруг Чернобыля. Сооружаются дамбы. Под реактор пробивается тоннель... решено строить могильник для четвертого блока. Горбачев замечает по этому поводу: «Мы первыми построили АЭС и первыми создали могильник для АЭС...»¹⁰¹

Но один вопрос по-прежнему мучает политбюро. Его вновь выразил генсек 5 мая: «Как быть с внешним миром?» И тут же отвечает: «Спокойно и взвешенно давать информацию, но без самоуверенности».

Чернобыль стал не только символом огромной беды советского народа, но и школой для генсека. Проверкой на готовность справиться с критической ситуацией и истинную гласность. Если вначале Горбачев пытался делать многое сам: отдавал личные распоряжения, вызывал людей, пытался непосредственно влиять на события, в которых, естественно, дилетантски разбирался, то вскоре он изменил стиль управления. Создание Оперативной группы политбюро во главе с Н.И. Рыжковым, обладавшим большими полномочиями, освободило лидера от непосредственной ноши тяжелого несчастья.

Тем более что в глазах народа он все равно будет выглядеть главным виновником и главным спасителем. Вон Николай Иванович Рыжков спустя две недели после катастрофы на очередном заседании Оперативной группы начинает свою речь многозначительно:

«Главное заключается в том, что ликвидацией аварии занимаются непосредственно политбюро ЦК и Генеральный секретарь М.С. Горбачев, которые постоянно держит в руках этот вопрос»¹⁰².

Главное — организовать дело и тверже спрашивать с подчиненных, которые должны «крутиться», искать практические решения, выполнять волю высшего партийного органа и его генсека. Пусть даже они будут растеряны, встревожены, обескуражены. Руководителю надо сохранять спокойствие в этой сумятице мирских тревог. Михаил Сергеевич на заседании 5 мая подарил своим коллегам фразу, которая, сохранись КПСС, могла быть занесена в книгу афоризмов великих: «Паника — роскошь подчиненных, а не политбюро и правительства»¹⁰³.

Думаю, что вскоре после аварии генсек понял, сколь колоссальной силой является мировое общественное мнение. Горбачев долго старался выработать позицию: что сказать и что не сказать? Как сохранить репутацию страны и свое собственное при дозировании информации? Хотя на первом же заседании политбюро он заявил: «Надо быстрее дать сообщение, тянуть нельзя»¹⁰⁴, в последующем генсек неоднократно пытался «управлять» содержанием и объемом информации. Так 5 мая 1986 года он дает «методологическое» указание: «Более расширенную информацию давать на Украине по местным каналам. По союзным каналам — давать фактологическую (!) информацию. Может быть, расширить рамки информации на внешний мир. Противник задает нам вопросы, которые позволили бы оценить нас в целом, а одновременно — облить грязью»¹⁰⁵. Все же для него внешний мир — «противник», который, конечно, хочет «облить нас грязью».

Почти в это же время председатель Комиссии политбюро по Чернобылю Рыжков и председатель КГБ Чебриков направляют Горбачеву записку, в которой предлагают «не менять характера информации об аварии на Чернобыльской АЭС (особенно для правительств США, Англии, Канады и других капиталистических стран)»¹⁰⁶. Горбачев расписался на этом документе, видимо, соглашаясь с предложением. Впрочем, в своей книге о «новом мышлении» он напишет в специальной главе «Урок Чернобыля»: о трагедии «сказана вся правда... Думать, что мы можем ограничиться полумерами и ловчить, — недопустимо... Трусливая позиция — недостойная политика»¹⁰⁷.

Все мы долгие годы жили, поделив мир на друзей и врагов. Автор этой книги не был исключением. В примере с Горбачевым, личностью выдающейся, он лишь видит, как глубоко в классовые дебри ненависти и непримиримости

завели страну Ленин и его последователи. Активные попытки «капиталистического» мира помочь нам в общечеловеческой беде рассматривались с подозрением. Даже «вопросы», по мнению генсека, которые задаются советскому руководству, — не случайны, а затем, чтобы «облить грязью»... Большевики, начиная с Ленина, любили тайны. Может быть, Горбачев, став первым лицом великой страны, просто был согласен с французским кардиналом Ришелье: «Умение скрывать — наука королей...»

В июле 1986 года председатель Совета директоров компании «Оксидентал петролеум» А. Хаммер и профессор Калифорнийского университета Р. Гейл предложили провести в Лос-Анджелесе международную конференцию по рассмотрению последствий аварии на Чернобыльской АЭС и их преодолении. Естественно, Москва получила приглашение. И что же? Министр здравоохранения СССР С.П. Буренков и один из руководителей отдела науки ЦК В.А. Григорьев предложили политбюро отказаться от участия в конференции, посвященной в первую очередь советской беде...¹⁰⁸

Повторю, мы долго были подозрительными ко всему «не нашему», как и Горбачев. Уже спустя месяц после аварии Горбачев поделился со своими коллегами: «Трудящиеся пишут, что в Чернобыле была диверсия. Но это едва ли. Взрыв произошел в реакторе»¹⁰⁹. Если бы взрыв был наружным... Ведь в реактор «залезть» нельзя, фактически подытожил генсек. Но сомнения были и у него.

Чернобыль многое высветил в системе, которую Горбачев хотел перестроить. Косность, неповоротливость, ожидание распоряжений сверху, отсутствие точного расчета, неподготовленность к экстремальным ситуациям. Никаких превентивных мер на случай аварии не предусматривалось. Индивидуальных средств защиты в нужный момент не оказалось. «Гражданская оборона», внушительная по масштабам, выявила недостаточную подготовленность к экстремальным ситуациям. Как и следовало ожидать, семьи начальства эвакуировались первыми. Вновь просчеты руководителей пришлось латать героизмом простых людей, таких, как майор Л. Телятников, лейтенанты В. Правик, В. Кибенок, погибшие от смертельных доз радиации.

Многие отделы ЦК больше беспокоили другие дела, чем чернобыльская трагедия. Например, почти в это же время Северо-Осетинский обком ВЛКСМ потерял инст-

рукцию ЦК КПСС «Основные правила поведения советских граждан, выезжающих в социалистические страны». Несколько отделов ЦК занимались расследованием этого «дела», докладывали в политбюро...¹¹⁰

Иронию судьбы непросто разглядеть сразу, в упор. Нужна историческая дистанция.

Первое время аварию в Чернобыле многие восприняли достаточно легковесно, поверхностно. Например, председатель Госагропрома СССР В. Мураховский (старый друг Горбачева по Ставрополю, одно время даже был его «начальником») 8 мая 1986 года подает в политбюро записку «О состоянии и возможных мерах по устранению последствий в сельском хозяйстве на следе аварийного выброса Чернобыльской АЭС». В тот же день ее рассматривают в Кремле. Главный аграрий страны, в частности, пишет:

«...Опыт ликвидации последствий радиоактивного загрязнения на восточно-уральском радиоактивном следе, экспериментальные данные научно-исследовательских учреждений и мероприятия, проводимые в настоящее время в зоне выброса Чернобыльской АЭС, показывают, что потери сельскохозяйственной продукции можно свести к минимуму. При соответствующей переработке всю продукцию можно использовать на пищевые цели или на корм животным.

В настоящее время в связи с высоким содержанием радиоактивного йода практически все молоко в Гомельской области, а также в пяти районах Киевской, трех — Черниговской и двух районах Житомирской области нельзя потреблять в свежем виде. Поэтому молоко перерабатывается на масло или сыр...

При забое крупного рогатого скота и свиней установлено, что обмыв животных, а также удаление лимфатических узлов приводят к получению пригодного для употребления мяса...»¹¹¹

Спустя десятилетие после трагического дня 26 апреля 1986 года я с ужасом вижу, что в каждой десятой, может, цифра немного больше, семье моих знакомых поселилась злоеющая опухоль страшного недуга. В моей семье тоже. У меня. Экологическое бескультурье страны было усугублено решениями наших руководителей типа Мураховского («обмыв животных...») и его коллег по политбюро. Почему-то, читая эти страшные в политическом цинизме и невежестве документы, сознание тревожат строки давно сгнившей в эмиграции поэтессы Ирины Кнорринг:

И все покорнее и тише
 Мы в мире таем, словно дым,
 О непришедшем, о небывшем
 Уже все реже говорим...¹¹²

Возможно, в те драматические дни Горбачев разглядел, что большинство ведомств огромного государства — громоздких, объемных, «солидных» — оказались совсем неподготовленными к неожиданным испытаниям. Министерство здравоохранения, Гражданская оборона, Министерство энергетики и электрификации, местные власти — не знали, что делать. Ждали распоряжений из Москвы. Не все оказались готовы реализовать практические рекомендации ученых.

Служба оповещения около гигантского ядерного объекта фактически отсутствовала. Заместитель председателя союзного правительства Щербина на заседании политбюро рассказывал: «26 апреля в Чернобыле до вечера играли свадьбы...»¹¹³ Только армия оказалась на высоте, да потом еще строители уникального могильника.

Может быть, Чернобыль был толчком, приблизившим Горбачева к «новому мышлению»? Хотя уже до этого генсек проявлял глубокий реализм по отношению к ядерной проблеме. Например, не многие знают, что в апреле 1985 года Горбачев потребовал довести до сведения руководства КНДР, что новый строящийся ядерный реактор (как и исследовательский, построенный ранее с помощью СССР) должен быть непременно поставлен под контроль МАГАТЭ¹¹⁴. По поручению генсека через советское посольство в Пхеньяне Ким Ир Сену было сделано на этот счет заявление.

В июле того же года советское руководство предупредило власти Триполи, что оно не может согласиться, чтобы в созданном СССР атомном исследовательском центре в Ливии работали над созданием установки по производству тяжелой воды. Это курс на обладание ядерным оружием, с чем Москва никогда согласиться не может¹¹⁵. Указание Горбачева идентично: нужно твердо предложить ливийскому руководству поставить свои исследования под контроль МАГАТЭ.

Ядерная, точнее антиядерная, сторона созревающего «нового мышления» Горбачева всегда была ясной и определенной. Генсек понимал, что без кардинальных сдвигов в области ядерной безопасности «перестройка» ничего су-

щественного в международной сфере предложить не сможет.

Не все заметили, что еще в 1986 году Горбачев разрушил один старый марксистский постулат, основанный на формуле Клаузевица: война есть способ продолжения политики. На нем фактически держалось все «марксистско-ленинское учение о войне и армии». Горбачев, не привлекая внимания к своей «ревизионистской», но, безусловно, прогрессивной точке зрения, заявил: «Глобальная ядерная война уже не может быть продолжением разумной политики, ибо она несет конец всякой жизни, а поэтому и всякой политики»¹¹⁶.

Вывод для ленинца, бесспорно, новаторский и глубоко верный.

Горбачев в 1985 году «получил» в правление могучее государство, которое не уступало по военной мощи никому. Но эта мощь была создана ценой «изъятия» гражданских свобод в стране, ценой господства милитаристской, директивной экономики, ценой отсутствия каких-либо реальных демократических перспектив развития. В начале своего исторического эксперимента по приданию тоталитарной системе «человеческого лица» и вообще прогрессивного облика генсека ждал неожиданный «технический» удар — крупнейшая авария на одной из атомных станций СССР. Удар был вроде технический, технологический, организационный, но он высветил множество слабостей великой страны, которую в мире неизмеримо больше боялись, чем любили. После афганской авантюры, которую Горбачев, осуждая, тянул еще четыре года, Чернобыль был очередным, теперь уже ядерным, «звонком» системе.

Их, таких «звонков», на тернистом пути реформирования оказалось немало: неудача с попытками хозяйственно-го оживления путем «ускорения», стремление удушить демократические «ереси» в самой партии, провалившаяся ставка спасти перестройку кадровыми перетрясками и многие, многие другие неудачи Горбачева. В том числе запоздалое реагирование на бурный взлет волны национального самосознания в республиках Союза.

Побывав в феврале 1987 года в Прибалтике, Горбачев приехал оттуда окрыленный: «Там я себя ощущал как дома в нашей огромной, своей для всех стране». Он не почувствовал могучие токи национализма, разбухшего глас-

ностью — возможно, самым большим своим историческим достижением.

Чернобыль был первым техническим ударом по системе, которую Горбачев вознамерился перестроить, но обязательно сохранить.

Путч в августе 1991 года был ударом последним, уже политическим, покончившим, помимо воли ее организаторов, не только с большевистской системой, но и с формой ее бытия — СССР, который можно было сохранить, как я уже писал раньше, как конфедерацию. Впрочем, исторические возможности этого преобразования еще не утрачены.

Зловещее свечение кратера четвертого энергоблока, поглотившего в своем зеве тысячи тонн песка, свинца, красной глины, бора, сброшенных военными летчиками с вертолетов, еще в начале перестройки позволило заметить глубокие трещины в монолите государственной системы. Пожалуй, никто тогда не придал этому должного значения. Тем более не увидел мистического, рокового знака. Не пришло еще время прозрения...

А может быть, прав бессмертный Гомер, утверждая, что боги затем посылают людям бедствия, чтобы их могли затем воспеть грядущие поколения?

Любимец Запада

Когда после августовского путча 1991 года Горбачев встретился с Бушем, тот настойчиво интересовался, когда будут судить мятежников. Президент СССР, как вспоминал его пресс-секретарь Андрей Грачев, отделался шуткой, кивая в сторону Скоукрофта (помощника американского президента по национальной безопасности):

— Вы тоже приглядывайте за своими генералами...

Буш с готовностью подхватил:

— Если бы Скоукрофт захотел мою должность, я бы ему ее с удовольствием отдал.

— А я свою — нет.

Так неожиданно серьезно отреагировал Горбачев.

— Особенно в такой трудный момент. Страна созрела для радикальных перемен и даже требует их¹¹⁷, — заключил генсек.

Горбачев верен себе: каждый момент или «этап» (любимая временная мера генсека) для него решающий, поворотный, радикальный.

К концу своего «правления» Горбачев подошел с печальным и парадоксальным итогом: насколько восторженно его почитали на Западе, настолько же эмоционально предавали остракизму дома, на родине. Но зарубежный мир, между тем, его просто боготворил. «Горбачев», «Горби» в начале девяностых годов были едва ли не самыми популярными словами в западном мире. Ему слали тысячи писем и восторженных телеграмм, приглашали в гости, публиковали множество статей и книг о чрезвычайно популярном российском лидере.

Когда я в Библиотеке конгресса США захотел узнать, как много вышло публикаций и что конкретно написано о Горбачеве, то был поражен. Компьютер распечатывал одно название публикаций за другим. Авторы со всего мира: Грошнер, Гурков, М. Геллер, Сазев, Раймонд Жан-Бернар, Стефан Вит, В. Егоров, Рамакришна, Авторханов, Роберт Миллер, Варделебен, Франкечини, Фешман, М. Грох и сотни других писателей и журналистов, вознамерившихся рассказать людям о необычном советском руководителе. Удивление, восхищение, преклонение, недоумение, смятение не часто, правда, соседствуют с глубоким анализом феномена Горбачева. Складывалось впечатление, что авторы спешили сказать о Горбачеве как можно громче и первыми, не особенно заботясь о наличии документов, архивных материалов, достоверных свидетельств из его непосредственного окружения. На меня произвели хорошее впечатление книги М. Геллера, Г.Х. Шахназарова, А.С. Черняева, — очень разные по тональности; весьма интересна «Горбачевская энциклопедия», изданная в Лос-Анджелесе...

Трудно припомнить, чтобы при жизни политика появилось такое множество книг о нем. Ничего не скажешь: чем-то этот человек серьезно «зацепил» многих за сознание, чем-то оказался очень загадочен и интересен для множества людей планеты. Это был бурный всплеск редкой исторической популярности, нараставшей до 1991 года, по мере того как коммунистическая система становилась все слабее. Для всех он стал символом ухода с политической сцены большевистского монстра. Огромное количество людей, являющихся в XX веке пленниками телевидения, увидели на экране нормального, симпатичного человека, который, хотя и был правоверным коммунистом, совсем не походил на шестерых своих предшественников — вож-

дей СССР. Люди почувствовали, что со словами Горбачева (а говорил он страшно много — и у себя в стране, и в зарубежных столицах) у них незаметно стал исчезать страх перед государством, которого практически всегда боялись в мире.

Дело не только в том, что малоэффективный процесс ограничения ядерных вооружений сменился первыми обнадеживающими шагами реального разоружения: люди как-то сразу поверили этому часто улыбающемуся, рано облысевшему человеку. Он быстро стал личностью-мифом: в нем видели столько добродетелей, многими из которых он никогда и не обладал. Тем более свой путь седьмого «вождя» начинал почти как все генсеки до него: клятвами в верности Ленину, единству коммунистических рядов и едва скрываемыми анафемами «классовому врагу»

Помощник М.С. Горбачева по международным вопросам А.С. Черняев пишет в своей книге: «Он — умный, честный, совестливый и страстный человек, умудренный вместе с тем искусством аппаратных правил игры «внизу и вверх», хотел все улучшить, все усовершенствовать, закончить с абсурдом и безобразиями... У него были некоторые идеи, как надо «лучше» жить. Но тогда они не выходили за рамки существующего общества. Отсюда и вскоре появившийся (и долго продержавшийся в его устах) термин «обновление». Потребовались годы мучительной борьбы, чтобы понять, что это общество невозможно обновить. Оно обречено и подлежит полной замене»¹¹⁸.

Первые два года в западных столицах среди тамошней журналистской братии, да и в кругу серьезных советологов относились к седьмому «вождю» с подозрением: чем же он отличается от Брежнева и Андропова? Не является ли внешнее впечатление обманчивым?

Многоопытный Милован Джилас так и озаглавил свою статью: «Горбачев — предостережение». Он писал: «Скорее всего, Горбачев окажется временной фигурой. На самом деле он больше преемник Андропова, чем пассивного и неподвижного Черненко... Осложнения и трудности, вызванные постиндустриальными изменениями, вынудят Горбачева уделять больше внимания внешней политике. Тем не менее это не заставит его поступиться интересами советской империи или отменить верховное положение партийной бюрократии»¹¹⁹.

Другие с издевкой подметили необыкновенную способ-

ность генсека долго говорить. Американский корреспондент Б. Шрагин сообщал из Москвы с XXVII съезда КПСС: «Генеральный секретарь говорил пять с половиной часов... Михаил Горбачев, каждый это признает, превзошел покойного Леонида Ильича выносливостью. Советскому народу было дано почувствовать и убедиться, что впредь им будут править энергично, по-молодому»¹²⁰.

Пока Горбачев не стал «любимцем Запада», он действовал почти так, как его предшественники. Но все же только «почти». Для последних лет правления Брежнева, Андропова, Черненко были характерны застылость, омертвление в кадровой пирамиде власти. Едва придя в главный кабинет Партии, Горбачев стал понемногу, но не останавливаясь, подбирать команду «под себя». Он видел, что в международной политике страны трудно ожидать позитивных перемен, пока внешнеполитическое ведомство возглавляет опытный, но чрезвычайно консервативный дипломат старой сталинской школы А.А. Громыко. Однако Горбачев был ему обязан: ведь именно Громыко предложил на политбюро избрать его генеральным секретарем... Отправить на пенсию старика — будет обида, но и держать в МИДе нельзя. Что такое Министерство иностранных дел, Громыко пояснил Горбачеву на заседании политбюро, когда решалась судьба Э.А. Шеварднадзе.

— Ленин говорил, что МИД — это отдел ЦК¹²¹.

Но седьмой «вождь» был опытным аппаратным тактиком.

На заседании политбюро 29 июня 1985 года он предложил «выдвинуть» Громыко Председателем Президиума Верховного Совета СССР. В условиях всевластия партии и безвластия Советов должность столь же высокая, сколь и декоративная. Громыко, приближавшийся к своему восьмидесятилетию, с радостью принял этот подарок. Заседание продолжалось.

Горбачев: «Теперь встает вопрос: кого выдвинуть министром иностранных дел. Нам не найти второго Громыко с его опытом, знанием проблем внешней политики. Но ведь и сам Андрей Андреевич когда-то начинал свой путь в дипломатии не с таким опытом и знаниями, какие имеет сейчас. На Тегеранской конференции он, конечно, был не таким, как ныне...

Квалифицированных дипломатов у нас много. Опытный

работник Корниенко. Послабее Мальцев. Как на партийной, так и на дипломатической работе был Червоненко. В поле зрения — Добрынин. И все-таки мысли у нас пошли в другом направлении. На пост министра нужна крупная фигура, человек из нашего с вами состава...»¹²²

Из «нашего» состава... Многозначительное заявление.

Горбачев предложил в качестве министра иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе. Конечно, как было всегда принято, с генсеком согласились, хоть и без явного воодушевления. То была горбачевская записка, его заявка на возможные крупные перемены во внешней политике государства.

Андропов и Черненко, в силу их болезненного состояния, сделались затворниками поневоле. В то же время мировая политика без контактов на высшем уровне теперь не делается. С согласия политбюро Горбачев встретился с американским президентом Рейганом в Женеве. Это было знакомство, прощупывание друг друга, зондирование намерений каждой из сторон. Горбачев очень тщательно готовился к этому разговору лицом к лицу.

Многое для Горбачева было вновь: огромная масса журналистов, тщательный дипломатический протокол, ощупывающие каждый сантиметр его фигуры телекамеры. Генсеку наивно казалось, что двухдневные переговоры прошли с его заметным «перевесом». Не случайно в ориентировочной шифротелеграмме Кастро, Ле Зуану, К. Фомвихану, Ж. Батмунху, Ким Ир Сену записали слова Горбачева: «Беседа с Рейганом — настоящая схватка. Потом Риган — ближайший помощник Рейгана — говорил, что с президентом еще никто не разговаривал так прямо и с таким нажимом... В Женеве мы не собирались дать возможность Рейгану отделаться фотографированием, до чего он большой охотник...»¹²³.

Из Женевы Горбачев сразу же прилетел в Прагу, где 21 ноября 1985 года встретился с первыми лицами стран — участниц Варшавского Договора. Он чувствовал себя в «своем» соцлагерном кругу почти как победитель и рассказывал о встрече в тональности выше приведенного отрывка из шифрограммы ЦК. Это и понятно: человек на первой роли в советском государстве так далеко отстоит по своему положению от вторых—десятых лиц, что невольно может закружиться голова. К тому же, как писал М. Джилас, у всех «западных лидеров в возрасте Горбаче-

ва уже была сложившаяся репутация»¹²⁴. Горбачеву, с его крайне неприметной провинциальной прошлой биографией удачливого партработника краевого масштаба, еще только предстояло завоевать международную репутацию. И он добился этого.

Когда Горбачев вернулся в Москву и доложил своим коллегам на политбюро итоги встречи с Рейганом в Женеве, те, как водится, единодушно одобрили его деятельность, записав в постановлении: «Проявленные Горбачевым принципиальность и гибкость в проведении нашей линии обеспечили в целом выгодные для Советского Союза, для дела мира политические и пропагандистские результаты... проявленная нами готовность к разумным компромиссам поставила нынешнюю американскую администрацию в оборонительную позицию, нанесла серьезный удар по идеологии и политике «крестового похода»...»¹²⁵

Опять «удар», опять «наступление» и «оборона».

Громыко уже в МИДе не было, но язык дипломатических, политических решений остался прежним: «враги», «противники», «наступление», «оборона», «удары», «контрудары».

Еще за год до выхода книги, где Горбачев обосновывал свое понимание «нового мышления» для нашей страны и для всего мира, было принято «совершенно секретное» постановление ЦК КПСС «О мерах по усилению нашего противодействия американской политике «неоглобализма». Главными «мерами» по противодействию, как и следовало ожидать, признавались «осуществление планов социально-экономического развития страны», как и «поддержание на должном уровне ее военной мощи»¹²⁶.

Через год будет внесено предложение мировому сообществу «положить в основу международной политики общечеловеческие морально-этические нормы...»¹²⁷. Эволюция внешнеполитических взглядов, если судить по документам и заявлениям, шла довольно быстро.

Так начинал Горбачев на международной арене. Но проницательные обозреватели, западные политологи не могли не заметить того, что выгодно отличало нового советского лидера от его предшественников: непринужденность, свободное владение речью, уже заметные, пока, правда, слабо, акценты на общечеловеческих ценностях. Но всех

по-прежнему настораживало: Горбачев без конца говорил о Ленине и социализме.

Горбачев понимал, что по сравнению со многими политиками Запада у него неизмеримо больше времени реализовать свои планы. «Встречаясь с Рейганом, Миттераном, Тэтчер, Ганди, Горбачев сознает, что их срок ограничен, они зависят от закона и избирателей, а он останется, было бы здоровье... Генсек видит свою задачу не в ликвидации нечеловеческого режима, а в его усовершенствовании...»¹²⁸

Но даже при этом органическом пороке, который был присущ почти всем советским людям, Горбачев положительно нравился собеседникам своей внешней открытостью, доброжелательностью, умением убеждать и идти на компромиссы. Правда, некоторые, кто близко знал генсека, ставили под сомнение эти благородные штрихи портрета Горбачева. В частности, А.М. Александров-Агентов, работавший помощником у четырех (!) генсеков, вспоминал, говоря о Горбачеве, «что внешняя открытость и благожелательная приветливость — это, скорее, привычная маска, за которой нет действительно теплого и доброго отношения к людям. Внутри — всегда холодный расчет»¹²⁹.

Запад присматривался к новому советскому лидеру. Замечали все: как говорит Горбачев, как одевается, как отвечает на вопросы корреспондентов, как держится перед камерами. «Присматриваться», наблюдать за новым генсеком было просто: он, не в пример Андропову и Черненко, любил встречаться с европейскими, азиатскими, африканскими государственными и общественными деятелями, послами и журналистами. Все заметили: Горбачев мало слушал и много говорил. Конечно, о «перестройке» и о «новом этапе», «процессе перемен», «обновлении социализма» и «новом мышлении», о том, как он думает «вернуться к Ленину», о своих «мучительных раздумьях». Все эти слова и выражения дали основание издать в Лос-Анджелесе целый энциклопедический словарь лексики Горбачева. На Западе увидели (хотел того Горбачев или нет), что его деятельность «размораживает», растормаживает, расслабляет коммунистическую систему, делает ее более доступной для либеральных идей. Многие с удивлением обнаружили, что человек, который часто клянется в верности Ленину, фактически приступил к разрушению ленинизма! Это было невероятно, необычно, неправдоподобно. Ана-

литики в многочисленных институтах и центрах искали генезис, причины такого парадокса. Некоторые, не желая верить очевидному, вопрошали: а не сталкиваемся ли мы здесь с новыми коварными позициями Кремля, пытающегося втащить троянского коня в свободный мир?

Крупные издания постепенно стали говорить о Горбачеве устойчиво уважительно, почтительно, а потом и восторженно. Не знаю, но мне представляется, что генсек не устоял перед лестью, славословием, обильными похвалами из-за рубежа. Провинциальный деятель (и в Москве до генсекства он был таковым), ничем и никогда не проявивший себя, кроме как усердием, исполнительностью и... незаметностью, вдруг оказался в эпицентре мирового внимания. Не только союзного, но именно мирового! Далекое не всякий, согласитесь, мог бы устоять в подобной ситуации от искушения искренне поверить в свою исключительность и мессианство. Не будем судить его за это строго.

Иногда и сам Горбачев, поначалу не освободившийся от провинциализма мышления, «подбрасывал» (одно из его любимых словечек) идейки о своей особой роли. Так, 21 ноября 1985 года в Праге, повторяю, выступая перед главами стран — участниц Варшавского Договора и рассказывая о прошедшей встрече с Р. Рейганом, генсек заявил: «Риган — ближайший помощник Рейгана — говорил, что с президентом (американским. — Д.В.) еще никто не разговаривал так прямо и с таким нажимом»¹³⁰.

А вот он, Горбачев, именно так разговаривал, «нажимая» на самого американского президента!

В феврале 1986 года после заседания политбюро Горбачев задержал своих коллег и сказал: «Хотел бы познакомиться товарищей с одной *важной* (курсив мой. — Д.В.) информацией, которая поступила недавно. 12 февраля этого года руководитель аппарата Белого дома Риган (опять Риган! — Д.В.) провел конфиденциальную беседу с руководителями газеты «Вашингтон пост» по вопросу о политике США в отношении Советского Союза. Он сказал, что они считали, что самым опасным советским руководителем последних лет был Андропов. Но новый советский лидер Горбачев является еще более опасным...»¹³¹

Если бы эта «важная» информация была просто разослана секретариатом политбюро членам партийной коллегии, все было бы нормально, и буднично, — Горбачев сам решил сообщить, как потенциальный противник высоко

его оценивает... как боится его. В случаях, когда речь шла о новом имидже генсека, ему нередко изменяло чувство меры и такта по отношению к самому себе.

Когда вышла книга за подписью М.С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», бросилось в глаза следующее. Книга в основном, бесспорно, позитивная, хотя и весьма банальная. Идеи, включенные Горбачевым в «новое мышление», выражающие его общечеловеческий аспект, давным-давно выдвигались выдающимися европейскими мыслителями Швейцаром, Расселом, Сахаровым и многими другими «думающими людьми» XX века. Каждый имеет право на их интерпретацию, обогачение или несогласие с ними. Горбачев и его помощники написали полезную книгу, которая затем через АПН и другие советские средства пропаганды широко распространялась по всему свету.

Но, беря ее в руки, сразу же «спотыкаешься»: «новое мышление... для всего мира». Не утвердив у себя вместо большевистского — нормального, человеческого мышления, тут же «рекомендуем», предлагаем его «всему миру». А суть такого мышления, по Горбачеву, проста: «Ядерная война не может быть средством достижения политических, экономических, идеологических, каких бы то ни было целей»¹³². Но ведь эта идея пронизывает все основные декларации, постановления и документы Организации Объединенных Наций!

Претензии книги на планетарность и универсализм отдают четко коминтерновским, большевистско-мессианским. Да, бесспорно, Горбачев верил в то, что писал. Но до него об этом говорило множество людей, не называя это «новым мышлением». В книге генсек бесспорный пионер лишь в вопросе о перестройке, сугубо внутреннем, советском, горбачевском общественно-политическом явлении. Что же касается «нового мышления», о котором так много было наговорено, написано, то оно соседствовало за кадром с традиционными конфронтационными, милитаристскими мотивами. Говорю голословно? Думаю, что нет.

После прилета Горбачева из Рейкьявика, после памятной встречи с американским президентом Рейганом генсек подробно, в деталях рассказывал членам политбюро о диалоге, состоявшемся на острове гейзеров. Оценки, данные американскому президенту, звучат просто неприлично.

Горбачев на заседании говорил не как миротворец, а как

большевистский боец, стойкий идеолог, политический победитель.

«...После Рейкьявика мы набрали больше очков в свою пользу, чем после Женевы... Но новая ситуация требует и новых подходов в нашей военной доктрине, в строительстве Вооруженных Сил, их дислокации и т.д., в оборонной промышленности. Нужно тщательно обдумать, что следует сделать, если не будет ракет среднего радиуса действия, какие нужно развивать другие вооружения, если не будет стратегического наступательного оружия и т.д. Необходимо дать соответствующие поручения о разработке этих вопросов. Оборонная промышленность должна быть подтянута к военной доктрине. Нельзя допускать проникновения пацифизма в Вооруженные Силы и военную промышленность. Важно иметь все необходимое для того, чтобы обеспечить неотвратимость нашего ответного удара. В связи с этим нам не надо трогать ассигнований, выделенных на оборону...

Встреча в Рейкьявике показала, что в лице представителей американской администрации мы имеем людей без совести, без морали...» О президенте США сказал просто, по-ленински: «В лице Рейгана нам пришлось вести борьбу в Рейкьявике не только с классовым противником, но и с таким его представителем, который характеризуется чрезвычайным примитивизмом, пещерным обликом и интеллектуальной немощью»¹³³.

Слова генсека-ленинца. Думаю, он никогда бы не мог этого произнести после 1990 года. Мир, который он исколесил вдоль и поперек, скоро научит его говорить дипломатическим языком.

Комментировать не хочется.

Почти в это же время стала создаваться книга Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира»... В одном из разделов этого бестселлера «За честную и открытую внешнюю политику» говорится: «Провозглашая свою приверженность к честной и открытой политике, мы имеем в виду честность, порядочность, искренность и следуем этим принципам практически. Сами по себе эти принципы не новы — они унаследованы нами от Ленина. Новое в том, что мы стараемся освободить их от двусмысленностей, которые столь распространены в современном мире»¹³⁴.

Ленин и «новое мышление»! У него, у Ленина, оно бы-

до на сто процентов коминтерновским. Напрасно Горбачев призвал первого вождя в свои союзники, ведь седьмой «вождь», к счастью, совсем не был коминтерновцем, особенно к концу своего «правления».

Горбачев прав — «двусмысленности распространены». И все мы, советские люди, как и автор этой книги, были пленниками ленинского мышления. Не «нового», а именно ленинского: классового, непримиримого, скрытого, подозрительного. Когда Горбачев готовил свою книгу о новом мышлении для «всего мира», едва ли и он был свободен от ленинского мышления... Скорее всего, Горбачев в эти годы сам находился в процессе внутренней борьбы, переосмысления, переоценки того, что было нашей сутью. А в этом состоянии, как говорил древнегреческий мыслитель Демосфен, можно обмануть самого себя. Но труднее — всех остальных.

Горбачев был не в состоянии, да он поначалу и не пытался, остановить поток оружия, военной техники, различного военного снаряжения во Вьетнам, Сирию, Южный Йемен, Эфиопию, Ливию, Анголу, Сомали, Алжир, другие страны. Это, видимо, еще не имело отношения к «новому мышлению». Так, например, после переговоров с никарагуанской делегацией политбюро, несмотря на то что эта крохотная страна была уже нам должна 1,1 миллиарда долларов, решает: «Обеспечить безвозмездно 70 тысяч военнослужащих сандинистской армии обмундированием, питанием, медикаментами».

«Новое мышление» родится позже. Не трудно представить, какого труда стоило Горбачеву освободиться от традиционного коминтерновского мышления, присущего абсолютно всем первым вождям до него. Он и сам вначале мало верил в возможность кардинальных изменений советско-американских отношений. Обсуждая со своими соратниками осенью 1986 года, как отреагировать на выдворение из США 55 советских дипломатов, Горбачев заметил:

— В общем, подтверждаются слова, сказанные мною президенту США в Рейкьявике, о том, что, очевидно, нормализация советско-американских отношений — дело будущих поколений¹³⁵.

Международной популярности Горбачева очень способствовали его, прямо скажем, невиданно многочисленные встречи с главами стран и правительств, крупными обще-

ственными деятелями, лидерами коммунистических, социал-демократических, консервативных и либеральных партий, творческой интеллигенцией множества государств Европы, Америки, Азии, Африки. Беседы вел Горбачев мастерски, демонстрируя дружелюбие, внимание, участие. Во время встреч много говорил. Он был как сладкоголосая сирена, вещающая об «очередном этапе» превращения СССР в цивилизованное, современное государство, твердо занявшее свое почетное место в партере мирового театра. Его напряженно слушали, записывали, восхищались. Горбачев научился очаровывать людей. Не советских, а приезжающих к нему со всего света. От него слышали то, что хотели услышать: СССР будет впредь приоритетно отвержен демократии, миру, правам человека.

Конечно, глубинные причины стремительного роста популярности Горбачева заключались в том, что с его участием, под его руководством, по его чертежам огромное, могучее и угрюмое государство начало заметно меняться. Ослабла хватка Москвы в Восточной Европе. Немцы получили возможность приступить к объединению своей родины. Начался процесс уничтожения целого класса смертоносных ракет. В Москве — подумать только! — можно было купить в киоске «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Тайм», «Монд», «Фигаро», «Шпигель»... Непостижимо!

Непроницаемый полог тайн медленно поднимался над гигантской страной ГУЛАГа, военных комбинатов, огромных плотин гидроэлектростанций, подпиравших рукотворные моря, затопившие миллионы гектаров плодородных земель, над десятками тысяч памятников коренастому человеку, взмахом руки зовущему миллионы людей в никуда... Возвращение Сахарова из ссылки, разрешение диссидентам посещать родину, сенсационные статьи о Сталине, документы о причинах трагедий 1941 года, судьбах Мандельштама, Бабеля, Кольцова как бы смывали багрово-красную пелену с глаз, с общественного сознания великого народа. Это делал не сам Горбачев. Но он открыл исторические шлюзы гласности, которые теперь, если бы и захотел, закрыть бы уже не смог... Он ускорил эрозию системы, и люди смогли полнее осознать свою индивидуальность и неповторимость.

Да, великое очищение сознания, равное которому трудно отыскать в истории, было, вероятно, главным в дея-

тельности Горбачева. И это справедливо оценил весь мир. При всем том, что все, конечно, знали и видели, что его неуклюжие попытки расшевелить директивную экономику, колхозы обречены на провал. Они были придавлены пресом не только внешне облагороженного «военного коммунизма», но и целой империей военно-промышленного комплекса.

По моим, возможно, неполным подсчетам, в кабинете Горбачева и специальных помещениях для приемов с апреля 1985-го по декабрь 1991 года побывало около 500 (!) глав государств, правительств, партий, общественных деятелей, делегаций... Это не было механическим конвейером переговоров, протокольных встреч, согласований и обсуждений. Генсек КПСС, ставший затем и президентом СССР, от имени страны (реже партии) вел плодотворный диалог со всем миром. Диалог получился. Исторический Горбачев смог убедить многих в искренности своих намерений. Ему удалось как-то незаметно отодвинуть в сторону решения XXVII, XXVIII съездов КПСС, которые, конечно, объявили в СССР «историческими». Претенциозная, но безжизненная, откровенно пропагандистская программа создания «всеобъемлющей системы международной безопасности», выдвинутая Горбачевым 25 февраля 1986 года,¹³⁶ была быстро забыта. Преследуя идеологические цели, мы принимали множество подобных программ, деклараций и планов. Но все они были нереальными. Нас боялись. Смертельно боялись. И совершенно не верили.

Наконец спустя почти семь десятилетий со дня прихода к власти большевиков поверили коммунисту Горбачеву. И тот стал любимцем Запада. Думаю, что едва ли кто из политиков в XX веке смог так захватить воображение землян на несколько лет... Он чувствовал эту популярность. И хотя, возможно, Горбачев напишет, что был равнодушен к той славе, которая неожиданно пришла к нему, я не могу в это поверить. Не исключено, что многие последующие шаги в немалой степени диктовались императивом: а как будет реагировать на них мировое общественное мнение, старая Европа, лидеры многих стран, которых он уже знал лично.

Пик популярности Горбачева пришелся на 1989—1990 годы. А самой высшей точкой этого пика стало его выступление в Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. То был невиданный триумф Горбачева. Мне дове-

лось несколько лет спустя побывать в зале Генеральной Ассамблеи. Один из ответственных сотрудников Секретариата, показывая «достопримечательности» ООН, говорил, что хотя он и давно работает здесь, однако не помнит такого колоссального успеха современного лидера, как у Горбачева. После речи советского руководителя, который опять говорил о «новом мышлении», многих других проблемах многоцветного, многострунного, многомерного, но взаимозависимого мира, переполненный зал взорвался невиданной, как выразился ооновский сотрудник, «искренней овацией». То был апогей мирового признания Горбачева как лидера планетарной величины.

Где-то далеко позади остались в тот момент (как забытый старый плащ) и его долгий провинциализм, и большевистская ортодоксальность, и метафизическая ограниченность коммунистического партийца. Горбачев встал тогда вровень с крупнейшими политиками, прошедшими по нашей земле в XX веке: Черчиллем, де Голлем, Рузвельтом, Хрущевым, Аденауэром, Чан Кайши, И. Ганди.

Присуждение Нобелевской премии Горбачеву явилось как бы благодарным признанием мировым общественным мнением заслуг этой личности, стремящейся ввести СССР в цивилизованный мир, предварительно изменив к лучшему гигантскую страну. Думаю, что генсек, испытав естественную радость от этого сообщения, был подавлен дружной негативной реакцией «неблагодарных» соотечественников.

За что? Страна в развале — а ему премия... Одни разговоры — и такое признание? Конечно, они поощряют нашего вождя — мол, в «правильном» разрушающем направлении действуешь... Примерно такие обывательские реплики доводилось слышать в те дни.

А за рубежом... премия как бы закрепила всемирное признание масштабных заслуг Горбачева в его отчаянной, лишь частично увенчавшейся успехом попытке изменить к лучшему самую обширную страну планеты. То был зарубежный апогей его славы.

Помощник Горбачева А.С. Черняев пронизательно замечает, что «надо иметь в виду и то, какое воздействие на него самого произвел всемирный отклик на его речь, — начиная с атмосферы в самом зале Генассамблеи...»¹³⁷ Трудно сохранить моральное равновесие после такого

планетарного признания. Но, увы, даже оно не гарантирует человеку безгрешности и безошибочности.

Автор книги «Шесть лет с Горбачевым» справедливо пишет, что этот огромный капитал общечеловеческого признания надо было быстрее использовать для решительного освобождения как от многих старых большевистских догм, так и от политической зашоренности в отношении «соцлагеря», разоружения, Афганистана и т.д. Не получилось.

Таков был Горбачев: получив всемирное признание как лидер планетарного масштаба, он остался в своей стране малоуважаемым вождем исторически обанкротившейся партии. У него не хватило ни решимости, ни ума сбросить с себя еще до путча тогу генерального секретаря, которая по-прежнему связывала его с потерпевшим сокрушительное поражение ленинизмом. В этом глубокая ущербность Горбачева: поднявшись на общечеловеческие высоты, он потащил за собой и классовый хлам коммунистической идеологии. Он остался «генсекком». Но те, кто пребывают еще в этой партии, не в состоянии понять, что классовой истины нет. Есть классовая ложь. Истина — явление общечеловеческое.

В этом глубокая драма Горбачева-политика. Генсек соединил в себе мировую масштабность человеческого таланта и долгую амбразурную узость коммунистических привязанностей. Даже тогда, когда неверные и коварные соратники изолировали его как «преступника», он не отрешился от этого дуализма.

Горбачев, получив всемирное признание как политик новой волны конца XX века, тем не менее как будто всегда помнил и следовал фразе, произнесенной им однажды при обсуждении проекта своего доклада на XXVII съезде партии: «Вы знаете, когда опять читаешь Ильича, а его нельзя не читать, когда готовишь такой документ, приходишь к выводу, что ведь надо от него идти и к нему...»¹³⁸

Так и оказалось. Он смог уйти от Ленина к великим общечеловеческим ценностям непреходящего значения. Достиг и понял их суть. Но... еще не раз возвращался к классовой каменоломне ленинизма, с тем чтобы затем вновь и вновь проделывать этот парадоксальный путь... туда и обратно. От общечеловеческой истины к классовой лжи.

Или он видел и знал то, что неведомо было другим?

Горбачева помнят везде. Но уже не везде любят. История часто бывает неблагодарной.

**Горбачев
и Ельцин**

История развивается по ей одной и Богу ведомым законам. Мог ли Горбачев подумать, что вскоре после своей «коронации» на пост генерального секретаря коммунистической партии он сам, без чьей-либо подсказки, сделает шаг, последствия которого будут крупными и неоднозначными для него и отечества? А шаг этот — приглашение Бориса Николаевича Ельцина, первого секретаря Свердловского обкома КПСС, на работу в Центральный Комитет партии.

Как я уже отмечал раньше, Горбачев, заняв кабинет генсека, сразу же начал осторожную «чистку» аппарата ЦК, а затем и политбюро. Он был уверен, что интеллектуально малоподвижные люди в ЦК и геронтократы в политбюро способны погасить любое благое начинание. Оздоровление или, как генсек очень долго говорил, «обновление» партии, общества возможно только с новыми людьми. Люди типа К.М.Боголюбова, косного аппаратчика, преемника Черненко на посту заведующего общим отделом ЦК, должны были уйти «на пенсию». Хотя, будем откровенны, Горбачев «чистил» ЦК и по причине традиционной большевистской бдительности. Так, в январе 1986 года политбюро специально обсудило вопрос «о мерах по упорядочению контактов советских должностных лиц с иностранными гражданами». Казалось, что при обсуждении кагэбэшной записки в зале витал дух Андропова... Перед принятием постановления Горбачев в заключение весьма красноречиво резюмировал: «У нас в этом вопросе много вольницы, нарушаются элементарные правила таких контактов. Люди не докладывают о своих контактах, не информируют о содержании бесед.. Нам пришлось даже убрать из ЦК двух работников, которые допускали такого рода нарушения. Это серьезные вещи. Болтунов нам надо буквально вышибать из аппарата ЦК и внешнеполитических ведомств У нас есть данные, что противник проявляет интерес к таким лицам...»¹³⁹

Но, конечно, главным мотивом «обновления» самого ЦК было желание укрепить его энергичными, знающими, прогрессивно мыслящими людьми.

Горбачеву было известно, например, что в Свердловской области, одной из самых промышленных в Союзе,

первый руководитель — бывший инженер-строитель, обладатель динамичного темперамента и неусемной энергии.

По поручению генсека в начале апреля 1985 года секретарь ЦК В.И.Долгих, позвонив Б.Н.Ельцину в Свердловск, предложил тому переехать в Москву на работу в ЦК КПСС в качестве заведующего отделом строительства.

Что представлял собой этот отдел? Более сотни партийных специалистов-чиновников, сгруппированных в десятке секторов: строительство тяжелой индустрии, монтажа, промышленного, транспортного, сельского строительства, проектные, исследовательские, архитектурные дела, строительные материалы и многое другое.

Ельцин не раздумывал: он сразу же вежливо отказался. Может быть, должность показалась ему не масштабной. Но, скорее всего, по другой причине. Его стихия — это прямые контакты с людьми, встречи на предприятиях, строительных площадках, в рабочих общежитиях. Его сила проявляется не в кабинете, а среди людей труда на заводах, фабриках...

Ельцин в известном смысле «народник». В свою бытность в Свердловске он всегда с предубеждением относился к аппаратной, чиновничьей работе. Это можно проследить и на всей последующей карьере. Все его успехи, популярность, взлеты связаны с прямым, непосредственным общением с массами людей, которых он умеет поднимать, зажигать и вдохновлять.

И, наоборот, основные его горечи, неудачи, поражения — прямой результат работы с аппаратом, чиновничеством, с действиями неистребимой бюрократии. Наконец, Ельцин любил Урал и не хотел ехать в Москву.

Назавтра, после Долгих, ему позвонил уже Е.К.Лигачев, тоже провинциал, перебравшийся в Москву из Новосибирской области, который быстро нашел свою «нишу» в высшем руководстве партии. Его влияние в политбюро было довольно весомым. Когда Горбачев отправился в июле 1985 года в первый отпуск в качестве генсека, то по его предложению председательствовал в этой высшей коллегии Егор Кузьмич Лигачев¹⁴⁰.

В разговоре с Ельциным Лигачев был напорист. «Твой отказ не поймут в политбюро. Думаешь, я рвался в Москву? Давай, не мудри, соглашайся. Я сегодня иду к генсеку. Раздумывать нечего. Надо».

Ельцин нехотя согласился: партийная дисциплина. И уже 11 апреля 1985 года на очередном заседании политбюро свердловский секретарь был утвержден заведующим отделом строительства ЦК КПСС¹⁴¹. При обсуждении кандидатуры в поддержку Ельцина выступили Тихонов, Алиев, Воротников. Горбачев покровительственно заключил: «Надеемся на тебя. Участок не простой. Справишься».

Судьба — это синтез провидения, неведомого рока и воли человека.

Апрель 1985 года. Горбачев, только что ставший генсек-ом, ведет отчет своим реформам именно с апреля 1985 года. В апреле и Ельцин, прибыв в Москву в новом для себя качестве, оказался совсем рядом с Горбачевым. Судьбы этих двух людей, чье влияние на историю России конца XX века было наиболее глубоким, мистическим образом пересеклись. Если бы генсек знал, что его выбор, павший на свердловского секретаря в апреле 1985 года, будет для него в известном смысле роковым, то, думаю, многое могло сложиться совсем по-другому. Пути истории, как и Божьи, неисповедимы. Закономерное идет в обнимку со случайным. Судьба человека, да и будущее страны — тот таинственный знак, неведомый иероглиф, который люди не в состоянии разгадать, пока сама колесница истории не минует невидимый рублик и не расшифрует загадочные письмены грядущего, ставшего настоящим.

Глубокий провинциал, Ельцин, как и его семья, тяжело привыкал к Москве. Особенно трудно было адаптироваться к работе в огромном аппарате Центрального Комитета, в котором сложились неписанные нормы, правила поведения и этикета. В мою бытность заместителем начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота я довольно часто бывал в Центральном Комитете, иногда приглашался на заседания секретариата ЦК и несколько раз на заседания политбюро. В общем, имею представление о ЦК. Меня, например, поражало чиновничье в высшем аппарате партии, какая-то иерархическая закомплексованность. Больше, чем в армии. Хотя все друг друга именовали по имени-отчеству и внешне относились к собеседнику вполне демократично, внутреннюю императивность власти, жесткую субординацию я чувствовал сильнее, чем на военной службе. Аппаратчики это знали. Какой-нибудь невзрачный инструктор

отдела, стелившийся ниц перед своим заведующим сектором, мог разговаривать с вызванным перед назначением в ЦК командармом или комдивом столь начальственно-безапелляционно, что казалось, этот мелкий чиновник — наместник не только генсека... Ленинский орден, именуемый партией, отшлифовал до совершенства свой «главный штаб», как часто любили называть ЦК ортодоксальные большевики.

Впрочем, Ельцин недолго пробыл в ранге заведующего отделом. Буквально через два месяца его произвели уже в секретари ЦК — на должность просто заоблачную, таинственно-могущественную для простого человека. Новый секретарь стал уже непосредственно вхож в самый высший эшелон партийной власти. Теперь достаточно частыми были и прямые личные контакты генерального секретаря Горбачева и просто секретаря Ельцина.

Они почти ровесники. Оба из провинции. Правда, генсек более гибок и хитер, чем прямолинейный и простоватый Ельцин. Сказывается опыт нескольких лет, проведенных на Старой площади в Москве. Желая «обновить партию», Горбачеву нужно было быстрее «отправить на пенсию» людей типа Романова, Громько, Гришина. Для этого требовалась замена. И она скоро пришла в лице Яковлева, Разумовского, Бакланова, Манаенкова, Фролова, Фалина, Зайкова, Медведева, других людей горбачевской волны.

Горбачеву откровенно надоел, например, В.В.Гришин, очень опытный, «тихий» аппаратчик, живое олицетворение брежневских времен. Секретарю Московского горкома партии намекнули, и догадливый Гришин, понимающий, что его время с приходом Горбачева безнадежно ушло, тут же пишет заявление об отставке. Но кое-что пыгается выторговать взамен для пенсионной старости.

На очередном заседании политбюро в декабре 1985 года Горбачев выносит первым вопросом повестки дня — «О т. Ельцине Б.Н.».

Как всегда, на заседаниях больше всех говорит сам генсек. Больше, чем все остальные его коллеги, вместе взятые. Сообщив, что В.В.Гришин отправляется на пенсию и назначается в группу советников при Президиуме Верховного Совета СССР, Горбачев продолжает:

«...Теперь о кандидатуре на пост первого секретаря МГК КПСС. Речь идет о столичной партийной организации. Поэтому целесообразно рекомендовать на этот пост

человека из ЦК КПСС, с опытом работы в крупной партийной организации, знающего вопросы экономики, науки и культуры. Есть предложение рекомендовать т. Ельцину Б.Н.».

Раздались обычные возгласы согласия Воротникова, Соломенцева, Громыко, других членов политбюро. Генсеку, по традиции, никогда не перечили. Но говорить продолжал лишь один Горбачев:

«.. В таком случае будем, т. Ельцин, рекомендовать Вас первым секретарем МГК КПСС. Пока он будет оставаться секретарем ЦК КПСС. Этот вопрос решим позднее. Пленум МГК можно было бы провести завтра в 11 часов..»

Редкий случай, когда Горбачев обращался на «вы». Обычно в своем кругу на заседаниях политбюро, секретариата, с людьми, которых вызывают в ЦК, он общается с помощью начальственно-фамильярного «ты». При этом прекрасно знал, что таким же «тыканьем» ему ответить никто не мог. Это — от культуры с детства. Точнее, ее недостатка. Так же как и нецензурщина, часто встречавшаяся у Горбачева в «рабочих условиях»: он-то знал, что в его присутствии никто и никогда ругаться не смел... Небольшой нюанс «большевистской культуры». В то же время могу твердо утверждать, что никогда и никто не слышал подобного от Ельцина, двух вузов, как Горбачев, не кончавшего, а довольствовавшегося лишь одним, строительным.

Заседание политбюро продолжалось.

Как всегда, благодарил за «доброе отношение» к нему своих, теперь уже бывших, коллег Гришин, заверял, что «оправдает доверие», Ельцин. Правда, Борис Николаевич был крайне немногословен: вся его речь в стенограмме уместилась в шесть строк. Новое назначение расценил как «сверхответственную задачу»¹⁴².

Для Ельцина начался новый этап жизни, который приведет его к прямому конфликту с КПСС, политбюро и Горбачевым. Но пока Ельцин почти ортодоксален. «Еретиком» его сделает время духовных перемен, которые в обществе уже было нельзя остановить.

До сих пор москвичи постарше помнят, как Ельцин, придя в московский горком партии, рьяно взялся наводить в столице «порядок». В течение двух-трех месяцев половина первых секретарей райкомов партии была смещена со

своих постов. Полетели многие чины с высоких торговых должностей, коммунальных и иных служб, стал наводиться относительный порядок с распределением жилья, ремонтом школ, дорог, использованием тех ассигнований, которые отпускались Москве на социальную сферу. Люди были поражены, встречая Ельцина в городском автобусе, на овощном рынке, в очереди за колбасой, в кинотеатре. Руководитель столичной парторганизации хотел все увидеть и узнать сам из прямого общения с людьми, их бедами и надеждами. На встречи Ельцина с различными категориями партийных работников, особенно с лекторами, было невозможно попасть. Он умудрялся отвечать на сотни записок, принимать в кабинете множество людей, заниматься одновременно огромным количеством дел гигантского многомиллионного города.

Народ был взбудоражен перестройкой, жил ею. Но Ельцин глубже других понимал, что людей может успокоить только у с п е х. А его пока не было...

Постепенно у москвичей одной из любимых тем разговора стал Ельцин — новый первый секретарь горкома партии. Рассказывали просто невероятные вещи, подчас мифологизированные: в 8 часов он уже на работе, в 24 часа он еще в горкоме партии. С удовольствием передавали друг другу, что на предприятиях, где бывал Ельцин, тут же по его распоряжению закрывали специальные столовые для начальства, ликвидировали закрытые распределители, восстанавливали справедливую очередь на жилье. Мой многолетний в прошлом секретарь Валентина Георгиевна Родина, немолодая уже женщина, придя на работу, возбужденно поведала мне, что вчера в их гастрономе неожиданно оказался Ельцин и, увидев пустые витрины, ушел на «половину» директора магазина. Через десяток минут рабочие продмага стали на тележке привозить со склада для общей продажи немыслимые доселе вещи: красную рыбу, икру, копченую колбасу...

— А директора тут же сняли, — раскрасневшись, торжественно заключила Валентина Георгиевна.

«Добрый царь», о котором всегда мечтали россияне...

По инициативе Ельцина в столице стали шире практиковать колхозную торговлю сельхозпродуктами прямо с «колес», начали пресекать спекуляцию дефицитными товарами, улучшилось положение с городским транспортом...

Коммунистический Дон-Кихот, но теперь уже Свердловский, переброшенный Горбачевым в Москву, с высоты своего громадного роста хотел оглядеть многомиллионную столицу, всем помочь, всех поддержать, всех избавить от множества недугов. Люди поопытнее чувствовали, что надорвется человек, не сможет очистить Москву от застаревшей бюрократии, коррупции, головопотяства. Да и не дадут это сделать. Сломает голову... Ведь все это — часть ленинской системы. Но в общественном сознании стал все рельефнее формироваться желанный образ нового, «перестроечного» руководителя, не похожего на остальных. Симпатии к Ельцину у простых людей росли. Но и неприязнь, враждебность, даже злоба партийной номенклатуры сопровождали простодушные экзерсисы* первого секретаря горкома партии Москвы.

Сведения о «народническом опыте» дошли, конечно, и до Старой площади. Там с удивлением узнали, что Ельцин отказался от роскошной дачи, а выбрал поменьше, неизмеримо более скромную: не захотел воспользоваться при вылете на юг отдельным самолетом, остался в той же квартире, достаточно обычной, которую получил по приезде в Москву. Это настораживало Горбачева и его коллег. Но «народничество» не являлось поводом для конфликта: ведь начата «перестройка»! Вполголоса слышалось: «популист», «дешевого авторитета захотелось».

Генсек не считал нужным вмешиваться: для этого он и направил Ельцина в московскую партийную организацию, чтобы «почистить» Москву, «оздоровить обстановку», чреватую скандалами, разоблачениями, конфликтами.

Как писали американские журналисты российского происхождения Владимир Соловьев и Елена Клепикова в своей весьма неплохой книге «Борис Ельцин», новый секретарь в московском горкоме партии нужен был Горбачеву в качестве «метлы». И Ельцин взялся за дело очень рьяно. «До поры до времени эти два человека были позарез нужны друг другу: Горбачев Ельцину как щит, а Ельцин Горбачеву как меч... А временным союз оказался потому, что был тактическим»¹⁴³.

Горбачев недооценил Ельцина, рассчитывал, что тот всегда будет просто послушным исполнителем. Более то-

* От франц *exercice* — упражнение, тренировка для совершенствования мастерства. — *Прим. ред.*

го, генсек был уверен, что Ельцин пойдет строго по той колее «перестройки», которую указывает и будет указывать он, Горбачев. Но для свердловского выдвиженца, натуры очень цельной, перестройка представлялась не косметическим ремонтом старого большевистского здания, а существенной модернизацией, возможно, «новостройкой». Правда, в первые годы перестройки Ельцин, как и все мы, не подвергал сомнению социалистическую идею, ленинизм, роль коммунистической партии. Только после конфликта в конце 1987 года с Горбачевым и всей партийной верхушкой Ельцин почувствовал тесноту, страшную узость кольчуги партийной ортодоксии для любых подлинно демократических новаций. Интеллектуальное окружение, которое к этому времени начало складываться и группироваться около Ельцина, ускорило созревание «бунтарских» взглядов.

Ельцин полнее, чем кто-либо, находясь в самом «штабе» коммунистической партии, почувствовал, что она не способна на коренное самореформирование. Лучшее, на что может пойти это ленинское детище, — внешняя либерализация и освобождение лишь от некоторых одиозных догм и постулатов.

Мне много раз приходилось встречаться и подолгу беседовать вдвоем с Борисом Николаевичем Ельциным. После того как меня изгнали из Главпура, а затем из Института военной истории, я ушел к Ельцину и задолго до августа 1991 года стал его советником. Впервые мы встретились за два года до этого. Мне кажется, что я хорошо понял и изучил философию души этого незаурядного человека. Может быть, успею написать об этом отдельно. Я не боюсь выглядеть тенденциозным и субъективным, но в длинном ряду советских руководителей в XX веке это одна из мужественных и честных фигур. Сознаемся, что многие из нас давно поняли несоответствие провозглашаемых высоких идеалов мрачной практике ленинизма. Но были лишь немногие (и то, главным образом, вырвавшиеся за рубеж), кто восставал против врожденных пороков ленинизма. Ельцин стал, пожалуй, единственным из членов всех составов политбюро, начиная с ленинских времен, кто высил свой голос открыто... Единственный!

Правда, было это далеко не сразу. Но Ельцин уже через год своего секретарства в столице почувствовал глухую ревность Горбачева к его растущей популярности. Ему по-

казалось, что перестройка во многом декоративна, поверхностна и не задевает глубинных основ строя. Ельцин испытывает глубокое внутреннее неудовлетворение от общего состояния перестроечного процесса, хотя Горбачев чуть ли не ежемесячно говорит о новых его «этапах».

В сентябре 1987 года, за два месяца до семидесятилетия Октябрьской революции, Ельцин после долгих размышлений направляет личное письмо генсеку в Пицунду, где тот в это время отдыхает.

Московский секретарь пишет о своем ощущении, что он «лишний», «неудобный» в политбюро: его прямота и стиль работы плохо вписываются в работу этого высшего органа. В конце письма Ельцин твердо заявляет:

«Прошу освободить меня от должности первого секретаря МГК КПСС и обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС. Прошу считать это официальным заявлением». Фельдьегерская связь работала как хорошие часы. В тот же день в почте Горбачева на юге было это письмо.

Но ответа — ни письменного, ни телефонного — с юга не последовало. Приехав, Горбачев через неделю позвонил Ельцину и сказал:

— Поговорим о твоём письме позже.

И вновь ни звука. До пленума в октябре...

Приближается семидесятилетие Октября. На очередном заседании политбюро, состоявшемся 15 октября 1987 года, его члены около четырех часов обсуждали проект доклада на торжествах. Идет долгий, детальный разговор. Судя по стенограмме, вновь больше всех говорит сам генеральный секретарь. Чем и сегодня поражает обсуждение доклада, так это фактической реабилитацией Сталина, а значит, и сталинизма. Горбачев даже заявил, что в 20—30-е годы Сталин защитил «ленинскую концепцию революции» и в этом «огромная заслуга Сталина». Так говорить о диктаторе, репрессировавшем 21,5 миллиона своих соотечественников?! Ведь XX съезд состоялся более 20 лет назад. По крайней мере, о «большом терроре» знали многое...

И второе: глубокая настороженность членов политбюро ко всему стихийно-демократическому, новаторскому, вышедшему не из кабинетов ЦК, к тому, что может хоть как-то «зацепить» традиционные постулаты ленинизма. Достаточно прочесть стенограмму этого заседания (она

очень красноречива), чтобы почувствовать: перестройка для партии была способом выживания, некоей модернизации и «осовременивания». В этом заложено глубокое противоречие: чего хотела и чего ждала от перестройки партийная номенклатура (особенно высшая) и что надеялся получить народ, по крайней мере его «думающая» часть. Сохранить, «обновить» партию и систему — с одной стороны, и, с другой — заложить основы нового общества, без большевиков (даже современных). Обсуждение проекта доклада на политбюро показало, что это противоречие было реальным, что в конце концов привело к краху КПСС.

Ельцин выступал седьмым. Говорил достаточно традиционно, хотя едва ли забыл, что месяц назад направил письмо Горбачеву с просьбой о своей отставке. Но никакого ответа так и не получил. Впрочем, молчаливый ответ Горбачева Ельцину на этом заседании прозвучал. И тот это понял.

Ельцин предложил в докладе говорить не только о Ленине, но и о его ближайших соратниках.

Горбачев его привычно перебил и разразился длиннейшей тирадой, которая, сегодня для меня это ясно, касалась не только доклада, но и письма об отставке Ельцина:

Горбачев: ...Когда речь идет о личных моментах на уровне большой политики и когда это касается больших политиков, то часто эти личные амбиции, претензии, неумение трудиться в коллективе и так далее, и так далее, способны трансформироваться и в политическую позицию человека. Так что тут, понимаете, очень все непросто, диалектика тончайшая...¹⁴⁴

Слова Горбачева, использующего тему обсуждения доклада и мотивы включения в него текста о соратниках вождя, адресуются эзоповым языком непосредственно к Ельцину. Думаю, Борис Николаевич все это понял и, когда наконец генсек замолчал, обострил свое дальнейшее выступление: «...Очень важна тема развивающейся в стране перестройки, очень важны вопросы о сроках, времени, на которое рассчитана начатая перестройка. Здесь люди ждут очень четких формулировок. Вообще выписывается у нас с вами все-таки, что перестройка — это где-то 15—20 лет, то есть долговременная политика. А ближайшие неотложные задачи мы должны решить буквально за 2—3—5 лет. Об этом надо сказать».

Горбачев: Вопрос о сроках заслуживает того, чтобы его обдумать...¹⁴⁵

В небольшое выступление Ельцина Горбачев счел нужным бесцеремонно вмешаться шесть(!) раз. В общей сложности эти «внедрения» заняли столько же времени, сколько и само выступление Ельцина.

Вопрос о неудовлетворенности ходом перестройки Ельцин выразил в форме критики отсутствия ее временных параметров, что «дезориентирует людей», лишает их методологических ориентиров.

Выступление Ельцина имело свое продолжение. Через неделю, 21 октября 1987 года, состоялся очередной пленум ЦК. Обсуждали проект того же доклада к семидесятилетию Октября. Все «катилось» как обычно. Поддерживали политбюро, генерального секретаря, говорили попутно о местных проблемах. Горбачев всем умело дирижировал. За два с половиной года «генсекства» он уже вжился в роль «вождя». Вдруг поднял руку Ельцин. Все это видели. Не дать слова было нельзя.

Борис Николаевич как-то неуверенно вышел на трибуну, не очень складно говорил. Наступила тишина. В глазах большинства членов ЦК он уже прослыл «народником», «охотником за дешевой популярностью», «партизаном», которого с удовольствием цитирует западная пресса. Зал затих в ожидании.

В его слабо скроенной и плохо продуманной речи тем не менее совершенно определенно прозвучали два момента, которые были необычными для такого форума. Высоко возвышаясь над трибуной, Ельцин, волнуясь, говорил: «...То, что было сказано на съезде в отношении перестройки за два-три года, — два года прошло или почти проходит, сейчас снова указывается на то, что опять два-три года, — это очень дезориентирует людей, дезориентирует партию, дезориентирует все массы, поскольку мы, зная настроения людей, сейчас чувствуем волнообразный характер отношения к перестройке...»

Зал затих еще больше. По тем временам это была уже критика партийного курса... Говорилось вроде о сроках, но в действительности — о низкой результативности перестройки, недовольстве людей в связи с ее непродуманным ведением.

В истории партии было немало поражений, продолжал Ельцин, «благодаря тому, что была власть партийная отда-

на в одни-единственные руки, благодаря тому, что он, один человек, был огражден абсолютно от всякой критики».

«Меня, например, — продолжал нескладно говорить взволнованный Ельцин, — очень тревожит, что у нас нет еще в составе Политбюро такой обстановки, в последнее время обозначился определенный рост, я бы сказал, словословия от некоторых членов Политбюро, от некоторых постоянных членов Политбюро в адрес Генерального секретаря...»

В зале стояла уже звенящая тишина. Трудно вспомнить, когда в адрес здравствующего генсека раздавалась бы прямая критика. Неслыханно! Горбачев удивленно и несколько иронично смотрел на Ельцина.

Ельцин разволновался еще больше. Заранее подготовленного текста в руках не было...

«...Видимо, у меня не получается в работе в составе Политбюро. По разным причинам. Видимо, и опыт, и другое, может быть, и отсутствие некоторой поддержки со стороны, особенно товарища Лигачева, я бы подчеркнул, привели меня к мысли, что я перед вами должен поставить вопрос об освобождении меня от должности, обязанностей кандидата в члены Политбюро. Соответствующее заявление я передал, а как будет в отношении первого секретаря городского комитета партии, это будет решать уже, видимо, пленум городского комитета партии...»¹⁴⁶

Ельцин еще мгновение постоял за трибуной, словно желая что-то добавить, но затем тяжелой походкой пошел на свое место в зале. С минуту стояла тишина, но уже предгрозовая. Нарушил ее генеральный секретарь:

«Что-то тут у нас получается новое. Может быть, речь идет об отделении московской парторганизации? Или товарищ Ельцин решил на пленуме поставить вопрос о своем выходе из состава Политбюро, а первым секретарем МГК КПСС решил остаться? Получается вроде желания побороться с ЦК. Я так понимаю, хотя, может, и обостряю»¹⁴⁷.

Опытный аппаратчик, Горбачев уже знает, что сейчас, после его «репризы», все начнут топтать еретика. Когда это было, чтобы на пленуме критиковали генерального секретаря? Ведь Ельцин к тому же выразил сомнение в перестройке. Маловер и амбициозный человек...

Генсека тут же поддержал лес рук и затем выступлений. Лигачев, Рыжков, Воротников, Чебриков, Шеварднадзе,

Громько и многие другие... Ельцина действительно топтали: «клевета», «демагогия», «бездоказательность», «капитулянтство», «капризы», «примитивизм»... Горбачев добивал Ельцина:

— Ты что, настолько политически безграмотен, что мы ликбез этот должны тебе организовывать здесь? (Как всегда — «ты»...)

Генсек назвал сумбурную, но мужественную речь Ельцина «выходкой», которая отодвинула обсуждение на пленуме главного доклада... «Лично я рассматриваю как неуважение к Генеральному секретарю... Ведь вот что он сказал: за эти два года реально народ ничего не получил...»

Выступили 27 членов ЦК! Однако кроме Г.А.Арбатова, который осторожно пытался защитить Ельцина, все его осудили. Мало кто мог тогда предвидеть: с этого дня начнется моральное, а затем и политическое восхождение Ельцина.

С этого дня начнется политическая борьба двух лидеров, которая будет продолжаться четыре года! Пока путч в августе 1991 года не сорвет подписание нового Союзного договора и не подтолкнет СССР к трагическому распаду. Группа авторов Российского Независимого института социальных и национальных проблем подготовила специальную книгу документов: «Горбачев—Ельцин: 1500 дней политического противостояния».

Это было драматическое соперничество двух крупных лидеров переходного периода от тоталитарного к демократическому обществу. Первый, Горбачев, солировал в начальное пятилетие перестройки, второй — в последующие пять лет. Горбачев явно недооценил Ельцина, который быстрее, чем генсек-президент, освобождался от догматических пут коммунистических стереотипов и четче нащупал пути демократизации общества. Вместе с тем Горбачев смог серьезно повлиять на международный климат. Его вклад в ослабление угрозы ядерной войны огромен. А внутри СССР именно Горбачев, не без советов мудрого А.Н.Яковлева, открыл шлюзы гласности, в результате чего не бомбы, не террор, не директивы всесильного ЦК ликвидировали ленинский тоталитаризм, а правда, истина о самих себе и окружающем мире. Может быть, это самый потрясающий пример из мировой истории, когда истина смогла сделать то, что было не по силам фантастически мощным материальным системам.

В этом противостоянии оба допустили немало ошибок, повлиявших на будущее страны. Нам, летописцам, сегодня легко говорить о них, этих ошибках, а два лидера, в силу разного понимания сути перестройки и демократизации, должны были часто принимать крупные решения, не имея в своих взаимоотношениях «общего знаменателя». Лишь в конце противостояния, когда в результате скачкообразного роста, даже просто взрыва, национализма и сепаратизма в республиках неумолимо нависла угроза распада Союза, президент СССР и президент РСФСР попытались теснее скоординировать свои усилия. Но было уже поздно. Я сам являлся свидетелем попыток того и другого форсировать подготовку к подписанию нового Союзного договора, конфедеративного по своей сущности. Казалось, сделать это все же удастся. Но промедление Горбачева со сроками подписания дало время непримиримой верхушке из ЦК, путчистам, подтолкнуть шатающееся здание Союза...

С октября 1987 года перед мысленным взором пробегают бесчисленные кадры драматических событий, которые и составляют нашу многострадальную историю. Уже историю...

Многое потом будет: смелые выступления, зовущие фактически к бунту против КПСС, демонстративный выход из партии, знаменитая речь с танка у Белого дома, унижение Ельциным Горбачева, опять заговорившего о социализме на заседании Верховного Совета после Фороса, попытка спасти Союз путем придания ему конфедеративных черт... Но в общенационального лидера Ельцин стал превращаться именно после его сумбурного, нескладного выступления на пленуме ЦК 21 октября 1987 года. Отныне Горбачев будет олицетворять перестройку, которая, как говорили в народе, пока ему «ничего не дала» (но мы теперь знаем — дала!), а на Ельцина возложат роль правдолюбца, обличителя, борца за простых людей, за «настоящую» перестройку.

После освобождения Ельцина от горкомовских обязанностей Рыжков, обсудив с Горбачевым, сделал официальное предложение в ЦК КПСС:

«Вносится предложение об установлении дополнительной должности первого заместителя председателя Госстроя СССР и об утверждении т. Ельцина Б.Н. первым заместителем председателя Госстроя СССР — министром

СССР». Здесь же пометка: «Проголосовано с членами политбюро. Горбачев»¹⁴⁸.

У Ельцина возникла пауза, где ему предстояло осмыслить, что и как делать дальше.

Психологически многое можно было объяснить: через два-три года «обновления» бесспорный позитивный результат был достигнут лишь в одной области — гласности. Но это огромное достижение! Историческая значимость этого феномена бесспорна и велика. По сути, это духовный информационный рычаг грядущих кардинальных перемен, открывающий пути к подлинной свободе. Но народ, сформированный за семь десятилетий, еще не был способен в полной мере оценить судьбоносное значение свободы, понимание того, что свободный человек, свободное общество могут сделать все, что необходимо для достойной жизни. Свободу как высшее благо многие люди не в состоянии были оценить. Ее ведь у них никогда не было...

Беда Горбачева и его политбюро заключалась в том, что они спонтанно выдвигали задачи: одну, другую, третью, пытаясь решить проблемы, не являющиеся ключевыми.

Пленум по кадрам в январе 1987 года, тоже названный «историческим»; создание государственной приемки; неуклюжая борьба с пьянством; поверхностные эксперименты с повышением хозяйственной самостоятельности; пленум по «радикальной» экономической реформе в июне 1987 года, абсолютно не затронувшей глубинных основ материальной жизни общества. «Перестройка» управления, несмотря на все косметические новшества, например, с самоуправлением, сохраняла суть директивного руководства всем народнохозяйственным комплексом. Закон о государственном предприятии, который до принятия по большевистской старинке «всемирно» обсуждался, по сути, ничего не изменил в «социалистическом» подходе к экономике и правам собственности. А Горбачев на весь мир заявил, что «июньский пленум ЦК КПСС, его решения, по сути дела, завершают построение современной модели экономики социализма...»¹⁴⁹.

В истории всегда рискованно претендовать на что-либо «завершенное». Новая «модель» социалистической экономики оказалась, естественно, чуть отретушированной копией давно уже существовавшей в СССР. Ни у Горбачева, ни у других членов политбюро не возникло и мысли обра-

тяться к многовековому людскому опыту свободного рынка в его цивилизованном исполнении.

Все разговоры Горбачева о «демократизации планирования», «гласности планирования», новой «роли госзаказов», «стимулирующих факторах социалистического рынка», «новом понимании централизма»¹⁵⁰ были не чем иным, как попыткой «обновить», «улучшить» и сохранить обанкротившуюся ленинскую систему. Думаю, Горбачев искренне верил тогда в то, что говорил. Но все это являлось продолжением глубокого ленинского заблуждения.

Конечно, рассуждая сегодня об этих вещах, мы не находимся в положении Горбачева тех лет, когда «перестройка» уже начала «захлебываться». Ему нужно было принимать решения, действовать, а не анализировать ситуацию, как делаем это спустя годы. История не ставила перед ним восклицательных знаков, в основном они были вопросительными...

Оказалось, что Горбачеву легче рассуждать о «новом мышлении для всего мира», сохраняя сугубо старое мышление для мира социалистического. В этом все дело.

Горбачев пытался реформировать систему, которая полностью выработала свой исторический ресурс. Он лукавит, когда утверждает (многократно), что мог бы «поцарствовать», ничего не меняя, еще десяток лет. Но, дескать, не захотел «царствовать».

Смею утверждать: не смог бы. Импульсы перемен (правда, административных) начались еще с Хрущева и продолжились у Андропова. К моменту «коронации» седьмого «вождя» система уже находилась в таком состоянии, когда нужно было обязательно что-то предпринимать. Возвращаться к Сталину — невозможно, да и сам Горбачев совершенно не был способен к этому. Перемены назрели, они бы произошли, приди к власти Горбачев или кто-то другой. Страна находилась у той черты, когда стоять у обрыва было уже нельзя: требовалось или отступить в прошлое, или строить новый мост в будущее. Горбачев и попытался это сделать. Честь ему и хвала за это. А разговоры, что он мог бы «царствовать», ничего не меняя, являются попыткой приписать себе роль мессии, роль человека, способного направлять русло потока истории по своему желанию... Видимо, плохо читал Горбачев Г.В. Плеханова...

Нужна была «новостройка», а не «перестройка». Но

Горбачев до самого августа 1991 года этого не понял. Хотя его помощник А.С.Черняев, судя по его дневниковым записям, давно об этом задумывался. Но в том не вина Горбачева. Настоящему коммунисту трудно, просто невозможно, писал генсек, «изменить общественную систему, обратиться к методам и формам, характерным для другого социального строя»¹⁵¹. Так думал не только он, но и миллионы других коммунистов. Но ведь Горбачев — лидер, «вождь». К нему исторические требования иные...

Горбачев не мог, да, вероятно, ему и не позволили бы радикально менять общественную систему. «Перестройка» сама незаметно вползла в фазу «застоя», когда провозглашение лозунгов о новой «революции», новых «этапах», о том, что «больше социализма — это больше демократии», уже ничего само по себе не могло изменить без создания новых о с н о в.

Генсек занервничал. Порой его действия стали импульсивны, слишком эмоциональны. Нить реформ ускользала из рук, а положение в стране ухудшалось теперь не только в экономической, но и в политической и национальной сферах. В этих условиях критика его действий чрезвычайно раздражала генсека. Он никак не мог смириться с тем, что Ельцин, которого он «вытащил» из Свердловска, вывел на общесоюзную арену, не только проявляет своволие, но и пользуется быстро растущей популярностью у людей.

Горбачев любил себя больше, чем следовало. Не надо протестовать. Об этом он не может знать. Это видно лишь со стороны. Провинциализм еще продолжал сидеть в его душе.

Ельцин иррационально раздражал Горбачева. Как писали В.Соловьев и Е.Клепикова, «между Горбачевым и Ельциным возникло соперничество, которое в одинаковой мере можно назвать личным и политическим. Произошло это уже на спаде начатой Горбачевым революции, когда вызванные к жизни им же самим события вышли из-под его контроля. В этот самый момент у Горбачева, психически вполне здорового человека, и появился идефикс: что бы ни случилось, он во всем винил Ельцина. Тот стал для него бельмом на глазу. Скоро дойдет до того, что Горбачев любой разговор будет сводить па Ельцина. Все в нем Горбачева раздражало — и его критика, даже если она и не была лично против него, Горбачева, и его популярность,

растущая прямо пропорционально падению популярности Горбачева, выходило как бы, что Ельцин оттягивал народную любовь на себя...»¹⁵².

Отношения между Горбачевым и Ельциным еще более обострились после XIX партийной конференции КПСС, состоявшейся в июне 1988 года. Вначале все шло, как всегда. По инерции делегаты вновь вставали, когда в президиуме показался Горбачев, когда дали ему слово. Говорил он об уже примелькавшихся вещах: политической реформе, повышении роли Советов, слабой реализации Продовольственной программы, о том, почему не все довольны перестройкой, вновь вспоминал Ленина...

Делегации, в которую я входил, были отведены места на балконе Дворца съездов. Надо же было так случиться, что немного впереди меня сидел и Б.Н.Ельцин в составе, кажется, карельской делегации. Он сразу же, еще не дослушав до конца доклада генсека, послал в президиум записку с просьбой дать слово. Время шло, шли дни конференции, на трибуну выходили все новые и новые ораторы (делегатов всколыхнули выступления Абалкина, Бондарева, Бакланова, некоторых других), а Ельцину слова так и не давали. В перерыве он сказал:

— Хотят заткнуть мне рот...

Конференция катилась к концу, а «мятежник» так и не мог выступить. Тогда он резко поднялся и пошел к выходу, а через несколько минут все его увидели в зале, где он прошел и сел в первом ряду. Было ясно, он хочет выйти на трибуну. Горбачев, поняв это, поднялся и вышел. Подбежали люди в одинаковых серых костюмах и пригласили Ельцина тоже выйти. Шла «обработка» строптивного. Но через одного выступающего все же дали слово и Ельцину. Речь его была вновь довольно сумбурной, но откровенно критической по отношению к политбюро, генсеку, ходу перестройки. Примерно треть зала встретила и проводила Ельцина тепло, остальные — настороженно и даже враждебно. Лигачев и еще ряд делегатов свои выступления в дальнейшем посвятили в основном «антиельцинской» теме.

В зале гигантского дворца после выступления Ельцина явно поселился дух конфронтации: старой партократии и новых, демократических веяний. Межа, которая пролегла между Горбачевым и Ельциным, стала еще шире и глубже...

К сожалению, в образовавшемся радикально-демократическом крыле (и в партии, и в обществе) Горбачев вольно или невольно видел не оппонентов, а врагов. Старая большевистская методология мышления слишком сильно засорила всем нам головы. Генеральный секретарь не мог быть исключением, даже, скорее, по положению, наоборот.

В 1989—1991 годах на заседаниях политбюро тема оппозиции — «оппортунистов», «радикалов», «антикоммунистов», «региональщиков» — слишком часто встречается в ткани обсуждения любых вопросов. Впрочем, чем ближе к «развязке» перестройки, тем больше говорят и меньше делают.

Многочасовые заседания партийной коллегии, где, как всегда, больше других выступает Михаил Сергеевич, свидетельствуют о растерянности высшего руководства, у которого нити управления страной медленно, но неуклонно ускользали из рук. Горбачев то и дело подбадривал: нужны конкретные дела, каждый на своем участке должен продвигать наш курс, нашу политику. И иногда говорил еще определеннее: «Надо не поддаваться и не паниковать»¹⁵³.

Похоже, что одну из причин нараставших трудностей Горбачев, к сожалению, видел в активности политической оппозиции, которую он, порой не очень уважительно, с оттенком пренебрежения, называл «демократами». Ругая на заседании политбюро межрегиональную группу демократически настроенных народных депутатов, где был и великий Сахаров, генсек говорил: «Мы смотрим на это, словно интеллигенты сопливые, хотя и видим, что перед нами перерожденцы и перевертыши, а не можем их поставить на место. Нет, это просто недопустимо!»

Большевистские «вожди» во времена смут видят в интеллигенции дрожжи смятения. Горбачев, как и Ленин, ищет для интеллигенции эпитеты. У Ленина — «г-но», у Горбачева — «сопливая». Интересно, себя Михаил Сергеевич относил к интеллигенции?

«...Я вам прямо скажу: 80 процентов участников региональной группы — нормальные люди. Есть там группа политических авантюристов, несостоявшихся «вождей», так сказать... Вот этим надо нанести идейное поражение... Есть там и отпетые люди, вроде вот этих «вождей»...»¹⁵⁴

Говоря о демократии как стержне перестройки, Горбачев, к сожалению, не хотел признавать ее носителей и вы-

разителей. По его инициативе на заседании политбюро 22 марта 1990 года приняли специальное постановление: «Считать целесообразным... придерживаться линии на идейное и организационное размежевание со сторонниками «Демократической платформы»...»¹⁵⁵ «Демократы» в партии оказались лишними.

Иногда неприязнь Горбачева к Ельцину принимала весьма неприличные формы. Но слова из песни не выкинешь...

Идет очередное длинное-длинное заседание политбюро. На дворе весна, 3 мая 1990 года. Как проводить XXVIII съезд КПСС, Российскую партконференцию, очередной Съезд народных депутатов СССР... Съезды, съезды... Перестройка все больше захлебывается: улучшать и обновлять советский социализм стало практически невозможно. Пять лет перестройки это подтвердили. Но, оказывается, этому есть и персональные «виновники».

Горбачев: ...Почему подхватил Ельцин вопрос образования РКП? Все подхватывает, чтобы играть... Использовать для того, чтобы пробраться к власти в России. И через Россию взорвать и КПСС, и страну... Это не цели социализма, обновления социализма. Все это только демагогическая маскировка. Им нужна власть. Это абсолютно всяядная публика. Они готовы потом проглотить и себя (?! — Д.В.), сомкнуться с самыми «твердыми марксистами и даже диктаторами»... Важно лишь добраться до власти. Но это опасная публика... Она при определенных условиях может загубить всю перестройку, похоронить все надежды на облагораживание (?! — Д.В.), обновление нашего общества¹⁵⁶.

Сумбурная от негодования речь Горбачева об «опасной и всяядной публике», оппозиции от «демократов» сводится в конечном счете к тому, что именно она может «загубить перестройку» и помешает «облагораживанию» общества. Демократическая оппозиция для генсека враждебна... Через пять лет, в августе 1994 года, в интервью Марку Дейчу он уже будет говорить другое, что «режиму Ельцина», мол, «недостает» демократической альтернативы... которая бы вступила в политический процесс, с тем чтобы оппонировать этому режиму»¹⁵⁷.

На этом же заседании при обсуждении совсем другого вопроса вновь стали говорить о Ельцине. Вдруг у одного из членов политбюро возникла идея: вызвать на теледеба-

ты российского лидера и скомпрометировать его. Начали говорить чуть ли не хором: «Выделить хорошего журналиста. Задать вопросы по Литве, по Курильским островам, о спиде». Кто-то вставил: «Ельцин пырнул себя ножницами..» В этом же духе разговор о Ельцине продолжался.

Горбачев: Слывет за нашего человека. Полведра выпил — это такая сила!

Кто-то в горбачевском тоне «подбросил» еще идею: мол, больной Ельцин человек...

Горбачев: Да, я уверен... Мы все время из моральных соображений исходим, а там никакой морали нет...

В конце «обсуждения» генсек подытожил, что все это — банда авантюристов, просто подонков политических...¹⁵⁸

Такая вот мораль. Теперь ясно, откуда появлялись разные недостойные легенды о Ельцине, с тех еще перестроечных пор ..

Личная неприязнь, глухое, а затем и открытое неприятие не только как политического оппонента, но и просто как человека.

Но в чем же была суть их конфликта?

Помощник Горбачева А.С. Черняев, написавший о своем шефе интересную, несмотря на ее определенную апологетичность, книгу, высказывает проницательное суждение: генсек и президент совершил роковую ошибку в главном. «Вопреки тому, что сам неоднократно провозглашал. задача перестройки — высвободить естественную логику развития общества, а не навязывать ему очередную схему, — он взял на себя роль главного конструктора, а в придачу еще и прораба в строительстве «нового» общества. Но это стало объективно невозможно...»¹⁵⁹

Горбачев не был готов, не мог и не хотел «перестройки», которая бы привела к смене старого, большевистского, тоталитарного (даже «улучшенного») строя новым — цивилизованным и демократическим. Но не социалистическим. Это — главное.

А Ельцин, вначале подспудно, иногда невнятно, непоследовательно, но постепенно все определеннее выступал именно за смену строя. Два лидера, которые после осени 1987 года взглянули на перестройку разными глазами. Горбачев по-прежнему «обновленческо»-социалистическими, а Ельцин фактически «прокапиталистическими». Партийный изгой, удаленный (правда, по собственному

«заявлению») из политбюро и горкома партии столицы, Ельцин не стеснялся в публичной критике президента СССР, цеплявшегося и за пост генсека. Правда, 25 апреля 1991 года Горбачев хотел сам уйти с поста генерального секретаря, но ему «не позволили».

Как правило, критика Горбачева, сводившаяся к трафаретным тезисам оппозиции о «нерешительности» перестройки, диктате центра, отсутствии «стратегии перемен» выводила из себя генсека. Например, когда Ельцин выступил 16 октября 1990 года в Верховном Совете РСФСР и заявил, что Россия не допустит старого командования собой центром, Горбачев тут же «завелся»:

«...Ельцин рвется в президентское кресло... в такой момент. Да, он просто не в себе. Наускивает на меня свое окружение... Им надо дать хорошо по морде...»¹⁶⁰

Где только мог, Горбачев подставлял Ельцину «подножку». Во время зарубежных поездок высшие должностные лица ряда стран «полупринимали» российского руководителя. Вот один пример. В начале 1991 года китайской и российской сторонами неоднократно, но не официально обсуждался возможный визит Ельцина в Пекин. Горбачев, естественно, не желал этого. Министр иностранных дел СССР А.А.Бессмертных, зная об этом, внес следующее предложение. Порекомендовать «китайским товарищам пригласить Б.Н.Ельцина по линии правительств трех китайских провинций (Северо-Восточный Китай), которые непосредственно граничат с Советским Союзом и имеют широкие связи и сотрудничество с РСФСР. Если после поездки в эти три провинции Б.Н.Ельцина захочет принять кто-то из китайских руководителей в Пекине, это их дело. Но это уже не будет визит в Китай.

Прошу рассмотреть».

Генсек, он же президент, наложил резолюцию: «Согласен с предложением. М.Горбачев»¹⁶¹.

Как писал позже Ельцин: «Все известно, что Горбачев был и остается приверженцем социализма с человеческим лицом. В теории это выглядит красиво. А на практике, бывший генеральный секретарь настолько боялся болезненной ломки, резкого поворота, был человеком настолько уверенным в нашей советской системе, пронизанным ею до мозга костей, что поначалу сами понятия «рынок», «частная собственность» приводили его в ужас...

Самой природой созданный для дипломатии, компро-

миссов, мягкой и сложной кадровой игры, Горбачев рыл себе яму, окружая себя «типичными представителями» нашей советской государственной машины... Горбачев подталкивал свою команду к резкой смене курса, в то время как собственная политическая судьба вела Михаила Сергеевича к диалогу с левыми силами, к политическому компромиссу с демократами»¹⁶².

Для Ельцина разрыв с коммунистическим прошлым был очень непростым. Только легковесно думающие люди полагают, что «еретиком» он стал на волне популизма и личной конфронтации с Горбачевым. Я никогда не забуду, как на последнем съезде, взяв слово, он заявил с трибуны о своем выходе из КПСС.

Выступление было кратким, но шокирующим зал. «В связи с избранием меня Председателем Верховного Совета РСФСР и огромной ответственностью перед народом и Россией, — заявил Ельцин, — с учетом перехода общества на многопартийность, я не смогу выполнять только решения КПСС... Поэтому я в соответствии со своими обязательствами, данными в предвыборный период, заявлю о своем выходе из КПСС...»¹⁶³

Он прошел недалеко от места, где я сидел в зале, и я видел, каким серым стало его лицо...

Сначала наступила тишина, а затем послышался все нарастающий гул осуждения и враждебности. А Ельцин тем временем тяжелым шагом, ни на кого не глядя, выходил из зала...

Через несколько дней при моей встрече, когда речь зашла о съезде, он вдруг сказал:

— Заявив о своем выходе из партии, я словно что-то оторвал в своей груди... Всю ночь не мог уснуть...

Освобождение от многолетних духовных пут для Ельцина не было легким. В известном смысле это драма всей прожитой жизни, крутой, неведомый поворот.

Интеллектуальная бессонница — это всегда символ тревоги человеческого разума.

Постепенно отношения Горбачева и Ельцина накалились до такой степени, что генсек не мог спокойно говорить о Ельцине. Почти с каждым крупным зарубежным деятелем заводил при встрече разговор о нем, не стесняясь порой в выражениях. За Ельциным пристально следили: каждый шаг его фиксировался спецслужбами. Любой телефонный разговор российского лидера прослушивался.

После августовского путча в кабинете у Болдина, начальника аппарата Горбачева, следователи прокуратуры нашли в двух сейфах горы папок с текстами разговоров Ельцина. «Меня, — вспоминает Ельцин в своей книге, — в течение нескольких лет записывали — утром, днем, вечером, ночью, в любое время суток...»¹⁶⁴ Здесь «перестройка» не предусматривалась.

Но в 1991 году, с самого его начала, сложились объективные предпосылки сближения Горбачева и Ельцина, а точнее, тех сил, интересы которых они выражали. Если бы это произошло, возможно, сегодняшняя история была бы в значительной мере другой. Их объективно толкала навстречу друг другу растущая опасность распада СССР. Ново-огаревский процесс, начавшийся 24 мая 1991 года и имевший целью заключение нового договора о Союзе Суверенных Государств, мог иметь судьбоносное значение для будущего. Ельцин пошел навстречу новому союзу. Еще 4 мая 1991 года он заявил, что встреча высших руководителей десяти республик и президента Горбачева — «большое событие», ибо достигнуто принципиальное согласие заключить новый «Союз суверенных государств, добровольно объединяющихся между собой»¹⁶⁵. Союз сохранится — а это главное, заявил Ельцин.

Должен здесь сказать, что я, как депутат российского парламента, исходя из своих небольших возможностей, все, что мог, делал для сближения Горбачева и Ельцина, видя в этом исторический шанс не только продолжения кардинальных перемен в стране, но и сохранения Союза, страны, где я родился вместе с миллионами своих соотечественников. Два моих выступления — на Съезде народных депутатов РСФСР в Кремле и в Верховном Совете республики — ставили вопрос о глубокой необходимости того, чтобы Горбачев и Ельцин протянули друг другу руки политического согласия во имя будущего России. Им совсем не обязательно «любить» друг друга. Но конструктивно взаимодействовать, сотрудничать — совершенно необходимо. Более того, не имея возможности весной 1991 года встретиться с Горбачевым (мне дважды ответили, что он очень занят), я вместе с С.В. Степашиным (мы с ним были сопредседателями парламентской фракции «Левый центр») и тогда еще генерал-полковником К.И.Кобецом, членом нашей фракции, поехали к председателю КГБ В.А.Крюч-

кову, чтобы передать через него наши пожелания Горбачеву. Шеф КГБ встречался с Горбачевым очень часто. Он принял нас весьма дружелюбно, даже предлагал коньяк во время беседы, процитировал какое-то мое выступление или фрагмент из статьи...

По согласованию со Степашиным и Кобецом мной было сказано, что в нынешней чрезвычайно сложной и взрывоопасной политической обстановке было бы исключительно важно осуществить шаги, которые бы смягчили противостояние республик и центра, Ельцина и Горбачева. Нужен компромисс во имя будущего, конструктивное взаимодействие, даже какое-то джентльменское соглашение. Можно было бы сделать так, заявил я, чтобы Горбачев приехал на заседание Верховного Совета РСФСР с «мировой», то есть выступил бы с примирительной речью, несущей практически позитивные начала политической стабильности и сохранения Союза. Конфронтация не принесет лавров ни тому, ни другому лидеру. Мы сказали Крючкову, что нас никто не уполномочивал на данные предложения (что было в действительности так): просто это наша парламентская (в рамках фракции) инициатива и гражданский долг.

Если нам удастся ликвидировать противостояние двух самых популярных и авторитетных лидеров СССР и России, то процесс реформ обретет новое дыхание, заключил я свои размышления вслух.

Крючков, как мне показалось, достаточно энергично поддержал идею, сказав, что фактически ежедневно видит Горбачева и постарается убедить его пройти свою часть пути к «мировой».

Мы уехали с надеждой. Но, как теперь знаем, никаких серьезных шагов со стороны Горбачева, как «старшего» в этом несостоявшемся тандеме, предпринято не было... А может **быть**, наши слова ему просто не передали?

Набравшему силу Ельцину угрожали. Думаю, не спонтанно, и не просто «бытовые» его ненавистники.

Помню, как-то вечером в Белом доме проходило заседание Высшего Консультативного Совета (ставшего потом президентским). Ельцин вел заседание, после которого он должен был улететь обычным рейсовым самолетом в Якутию. В ходе заседания Борис Николаевич передал мне две телеграммы. Суть обеих была одна: «Если полетите сего-

дня в Якутск, то самолет будет взорван в воздухе. Подумайте...»

После заседания я подошел к Ельцину и сказал:

— Может быть, действительно перенести поездку в Якутию? С этим шутить нельзя...

— Это «они» меня испытывают, проверяют, — ответил Борис Николаевич. — Может быть, надеются, что я дрогну.

В ночь он вылетел в Якутск. Можно только догадываться, какие чувства испытывал в полете российский лидер.

Ельцин вспоминал, что ситуация переговоров в Ново-Огареве, одной из резиденций президента СССР, «диктовала (и позволяла) нам с Горбачевым оставаться в процессе переговоров нормальными людьми. Отбросить личное. Слишком высока была цена каждого слова...

После переговоров мы переходили обычно в другой зал, — писал Ельцин, — где нас ждал дружеский ужин, любимый горбачевский коньяк — «Юбилейный». Выходили мы после ужина, подогретые и волнующей обстановкой встречи, и ужином»¹⁶⁶.

Дело шло к созданию не «социалистического» союза, а фактически крупной конфедерации с единым экономическим пространством, единой армией, общими границами, единой валютой... Горбачев и Ельцин видели в этом, возможно, реальный шанс сохранить то, что раньше именовалось «СССР».

«И тем не менее, — вспоминал Ельцин, — назвать простыми наши отношения с Горбачевым в тот момент было никак нельзя. Сделав шаг навстречу России в ново-огаревском процессе, Горбачев по-прежнему изо всех сил пытался не допустить моего избрания Президентом России»¹⁶⁷.

Президентами стали оба. Михаил Сергеевич Горбачев предпочел путь полегче и покороче. Он не захотел попытаться получить всенародную поддержку на выборах. То ли опасался за их исход, то ли ему нетерпелось стать первым (и последним, увы) в истории СССР президентом страны. На очередном заседании Съезда народных депутатов 27 марта 1990 года было объявлено, что состоявшееся вечером, накануне, голосование депутатов дало такие результаты: из 2486 голосовавших 1834 отдали свои голоса Горбачеву. Генсек сиял, едва скрывая свое волнение. Он

словно забыл, что стал высшим лицом в государстве не благодаря всенародному волеизъявлению.

Ну а Ельцин, думаю, поступил мудрее: он обратился к народу и 12 июня 1991 года на первых в истории всенародных выборах первого лица в государстве стал президентом, уверенно победив в первом туре всех своих оппонентов. Всенародная искренняя поддержка на выборах еще выше подняла популярность российского лидера. Горбачев сдержанно, но достойно поздравил первого президента России и пожелал «сотрудничества и согласия в обновленном многонациональном государстве, чему и должно служить заключение нового Союзного договора».

2 августа 1991 года Горбачев, находясь в Форосе, новом крымском дворце, отстроенном специально для президента СССР, выступил по всесоюзному телевидению с заявлением, что новый Союзный договор открыт для подписания с 20 августа этого года... Но почему 20-го? Почему не раньше? Зачем сидел Горбачев в злополучном Форосе? Зачем оттягивал то, что можно было сделать раньше?

А 19-го, за день до объявленной даты, как знает теперь весь мир, произошла попытка государственного переворота, окончательно подтолкнувшего СССР к печальному распаду. Об этих трех драматических днях, означавших «смену эпох», как я выразился в своем интервью по радио в госпитале¹⁶⁸, создана уже целая литература...

Попытки Варенникова и других гэкачепистов обвинить то Горбачева, то Ельцина в «развале СССР» исторически несостоятельны. Это ГКЧП не дал свершиться подготовленному акту — подписанию Договора о Союзе Суверенных Государств. Не дал! Ведь 20 августа должно было состояться очень важное: рождение нового, обновленного Союза. А гэкачеписты сорвали этот акт. Горбачев решил-таки наконец отказаться от социалистической химеры, но, увы, было уже поздно. Консервативная, точнее, реакционная часть окружения Горбачева, ЦК КПСС, не могла расстаться с идеей «реального социализма».

Горбачев своей нерешительностью к предательскому окружению президента создал определенные предпосылки авантюристического, бутафорского путча. Но его, этого заговора, хватило для разрушения Союза старого и недопущения образования Союза нового...

Горбачев, пережив с семьей в Форосе огромное психологическое потрясение, двадцатого утром (но почему не

двадцатого?!) подпишет «Заявление», где первый пункт гласил: «Принятое на себя Г.И.Янаевым исполнение обязанностей Президента под предлогом моей болезни и невозможности исполнять свои обязанности есть обман народа и, таким образом, не может быть квалифицировано иначе, как государственный переворот»¹⁶⁹.

Путч провалился по многим причинам. Главная — народ не захотел возвращаться в прошлое. Но заговор был сорван и потому, что призывы, подобные тем, которые адресовал, например, в штаб ГКЧП генерал Варенников, там не смогли реализовать:

«...Мы все убедительно просим немедленно принять меры по ликвидации группы авантюриста Ельцина Б.Н.»¹⁷⁰. Не выполнено было и намерение гэкачепистов об «уничтожении 18 августа ночью самолета в воздухе, на котором следовала в Москву делегация Российского правительства во главе с Ельциным из Казахстана...»¹⁷¹.

Судьбе было угодно в тот драматический момент сохранить Ельцина. А он, в свою очередь, сохранил Горбачева. Возможно, и для того, чтобы оба в своих воспоминаниях позже писали друг о друге колкости и сообщали обидные подробности... Союз этих людей, к сожалению, не состоялся. А все могло быть тогда по-иному, «по-ладному».

В действительности, думаю, где-то за порогом XXI века, в его неведомой нами сегодня глубине, историки скажут не только о противостоянии двух политиков мировой величины. Видимо, антиномия их взаимоотношений будет поглощена главным: Горбачев и Ельцин — есть личностное олицетворение драматической Реформации в гигантской стране.

Первый начал свою утопическую попытку «обновления» социализма, невольно для себя открыв шлюзы естественному историческому потоку, который так мучительно трудно смывает развалины ленинизма.

Второму, который впервые в многовековой российской истории стал всенародно избранным лидером, пришлось заняться не столько разрушением, сколько созиданием цивилизованного демократического общества на обломках и среди хаоса, оставшихся после большевистского эксперимента. Задача эта оказалась не менее трудной, чем ликвидация коммунистической системы.

История и время воздадут должное обоим. Прошлое чаще упрекает, а будущее обычно оправдывает...

Исторический Горбачев Наша жизнь в Истории — мгновение. Мы все живем быстротекущим настоящим, с горечью и любопытством оглядываясь во мглу прошлого, безуспешно пытаясь приподнять полог грядущего

Сегодня Горбачев — наш современник. За всю советскую историю он, после Ленина, вызвал самые кардинальные и необратимые перемены в нашем отечестве. Сегодня многие, как и в середине восьмидесятых, видят в нем Избавителя, не меньше и тех, кто расценивает его лишь как Разрушителя, но множится число и равнодушных к этому выдающемуся историческому деятелю.

Горбачеву, чувствую, горько уходить с освещенной мировой политической сцены за кулисы. Это можно и нужно понять. Он еще живет «перестройкой», живет борьбой и тревогами, на что-то надеется. По крайней мере, если не на понимание современников, то на благодарность грядущих соотечественников. Одно можно сказать с полной определенностью: время его навсегда ушло. Даже если он попытается сыграть какую-то конкретную государственную роль. Но голос Горбачева будет долго слышен. Первый и, к сожалению, последний президент СССР, хотя и не избирался народом, вошел в нетленную книгу мировой истории так же, как Лютер, Кромвель, Бисмарк, Керенский. Да, Керенский, выдающийся российский демократ, не оцененный и по сей день на родине. И сейчас не все понимают, что в известном смысле Горбачев помог, возможно, против своего желания, направить Россию по февральскому, прерванному, пути 1917 года. Как и Керенский, Горбачев ушел как будто побежденный. Именно «как будто». История лаврами победителей увенчивает своих лауреатов обычно много лет спустя. Ленин, которого так чтит Горбачев, казался победителем на все времена, но в его октябрьском триумфе Милюков, Мартов, Плеханов, Керенский и другие проникательные россияне увидели смутные очертания неизбежного исторического поражения. Сегодня мы знаем, что именно они оказались правы.

Горбачев как историческая личность не заслуживает обвинений и не нуждается в оправданиях. Он н а ч а л, не полностью осознавая, возвращение России к общечеловеческому пути. Но важно и ему (если он хочет, чтобы его силуэт на экране Истории не стал более расплывчатым) никого не обвинять и не оправдывать. Политический дея-

ель такого масштаба не должен быть ни прокурором, ни адвокатом. Горбачев находится сегодня на великолепном пиршестве спокойных размышлений. Убеден, что, когда собственная жизнь дает богатую пищу для таких раздумий, это прекрасное, возвышенное состояние души. Горбачев мечтает на это право. Ему не нужно сейчас кого-то перехитрить, «перекричать», убедить, обозначить партии еще один «решающий этап»...

Правда, такие люди всегда стоят перед большим соблазном лишний раз посмотреться в холодное зеркало Истории. Но истинный облик это зеркало отразит не сейчас, а много, много лет спустя.

Я не встречал нигде упоминаний о том, любит ли Горбачев поэзию. Но ему стоит полистать мятежного В.Ф. Ходасевича, умершего эмигрантом в Париже еще до начала Второй мировой войны. У него есть строки:

А под конец узнай, как чудно
Все вдруг по-новому понять,
Как упоительно и трудно
Привыкши к слову — замолчать.

Ибо теперь о Горбачеве будет «говорить» не сам он, а История.

Каким был Горбачев как руководитель, совместивший два высших поста в СССР: Генерального секретаря и Президента? Все написанное мной выше, надеюсь, помогает это понять, но тем не менее хотелось бы сделать еще несколько мазков на портрете седьмого «вождя».

Горбачев, проживший большую часть своей жизни незаметным провинциальным руководителем, оставался таким же и в составе политбюро. Лишь когда смертельно больной Черненко смог с помощью властвующих стариков в партийном синклите получить на несколько месяцев бразды правления, здесь многие сразу же посмотрели в сторону Горбачева. Было бы постыдным выдвигать следующего очередного старца после ожидавшейся всеми кончины Черненко. Почувствовал это, думаю, и сам Горбачев. Но он не форсировал события. Его козырем была относительная молодость: он мог быть уверен, что его время обязательно придет. А пока он просто ждал.

Поэтому странными выглядят утверждения тех, кто считает, что идеи «утробного процесса перестройки» были высказаны Горбачевым еще в докладе 10 декабря 1984 года на конференции «Совершенствование развитого социа-

лизма и идеологическая работа партии в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС». В книге бывшего члена политбюро и близкого соратника генсека В.А.Медведева утверждается, что доклад Горбачева — это «основной предперестроечный документ». Доклад, мол, «отличался явной новизной». В нем якобы «давалась реалистичная и максимально критичная для того периода оценка развития страны и в обобщенном политическом виде сформулирована задача ускорения социально-экономического ее развития...». Медведев утверждает, что «на общественность... конференция произвела большое и глубокое впечатление... Горбачев заявил о себе как о крупном политическом лидере, глубоко разбирающемся и в экономике, и в политической жизни, и в международных отношениях...»¹⁷².

Мне довелось быть на этой конференции. И я был внимательным слушателем. Действительно, на Горбачева все смотрели с повышенным интересом, как на наиболее потенциально возможного преемника умирающего Черненко. Что же касается самого доклада, то с полной уверенностью скажу, что он был традиционно «цэковским», каких было прочитано множество и при Брежнев, и при Андропове. И дело не в цитировании пока еще живого генсека... Это было обязательным ритуалом.

Дело в том, что почти все идеи доклада являлись сугубо пропагандистскими, традиционно ленинскими, «заношенными». В докладе весь классический набор большевизма: «преимущества социализма» в виде «планового характера нашей экономики, приоритета социальных целей экономического развития», рассуждения о «рабочем классе, как ведущей силе общества, вплоть до полного преодоления классовых различий». Здесь и затертые мысли о «демократическом централизме», о том, как «организовать соревнование», о важности сохранения «социалистических принципов распределения», многостраничные сентенции, что «капитализм не имеет исторической перспективы», что нужна «большевистская неуспокоенность» и т.д. и т.п.¹⁷³.

Горбачев говорил то, что говорили тогда все мы, находясь в плену химер утопии. Ничего «утробного», «предперестроечного» в деятельности Горбачева не было накануне. Даже придя на высший пост и крупно сформулировав (впервые 8 апреля 1986 года в Тольятти) основные идеи

перестройки, он продолжал придерживаться стиля и методов, складывавшихся десятилетиями. Ему тоже нужно было время, чтобы измениться. Начать меняться.

Став генсеком, он не довольствуется традиционными сферами курирования, а значительно расширяет область своего прямого влияния, дополнительно взяв на себя отделы ЦК: общий (как и Черненко), административный (армия, КГБ, МВД), по работе с иностранными кадрами и выездом за границу, Управление делами и т.д.¹⁷⁴.

Когда его звезда взошла уже высоко, Горбачев продолжал наставлять членов политбюро: «Важно подчеркивать, что перестройка носит социалистический характер и не имеет ничего общего с буржуазной либерализацией»¹⁷⁵. По сути, вся «революционность», о чем любил говорить Горбачев, не выходила за пределы существующего строя, который следовало лишь либерализовать, но, естественно, в социалистическом, а не буржуазном духе.

Как и любой руководитель, Горбачев порой высказывал довольно странные идеи. Например, почему-то долго считал, что Запад «боится перестройки». После своего триумфального выступления в ООН делился накануне нового, 1989 года с членами политбюро: в США, мол, говорят, что «судьба нынешнего руководства (советского. — Д.В.) на волоске... Если уж прямо говорить, толкуют, что Горбачев доживает свои дни. По самым оптимистическим прогнозам, мне дают год-полтора. Так, Владимир Александрович? (Обращается к председателю КГБ.)

Крючков: Говорят по-разному...

Горбачев: Раз пытаются такие прогнозы делать, значит, они боятся нашей перестройки...»¹⁷⁶.

Горбачев, много говоря о демократизации общества (и делая в этом отношении очень много), тем не менее проявлял особую слабость к спецслужбам. Пожалуй, председатель КГБ бывал у Горбачева (или разговаривал с ним по правительственной связи) чаще, чем кто-либо из других членов политбюро. Горбачев не пресек политический сыск, подслушивание телефонных разговоров, даже у всех членов политбюро (!), другие акции социалистического беспорядка. Очень полагался на доклады, сообщения, информацию спецслужб, которые в известном смысле влияли, а иногда по-своему и «управляли» генеральным секретарем.

В ноябре 1988 года Горбачев поставил после заседания

политбюро вопрос о новом обществе «Мемориал». Дело в том, что с началом перестройки, как естественная реакция на прошлые беззакония НКВД—ВКП(б), в стране стали создаваться общественные организации, ставящие своей целью восстановить историческую справедливость, определить число и имена безвинно репрессированных, назвать в полный голос виновников беззаконий. Советчики от спецслужб, естественно, рекомендовали генсеку потихоньку «погасить» это движение, свести его к сугубо местным, региональным, не политическим организациям.

Горбачев достаточно откровенно выразил свое отношение к такой форме десталинизации страны. «Этот «Мемориал», — заявил генсек, — рвется, видите, сильно. Последние его попытки свидетельствуют о попытке стать больше чем обществом...»

В ходе обсуждения он выступил еще несколько раз: «Мне хотелось бы увязать два вопроса: о захоронениях и «Мемориале», чтобы как-то его обесточить (какое точное слово нашел генсек! — Д.В.), чтобы придать ему действительно региональный характер, чтобы парторганы на местах все это дело взяли в свои руки... Видно, тут не в «Мемориале» дело. Это опять «крыша» для другого»¹⁷⁷.

На другой день, еще раз продумав ситуацию с «Мемориалом», Горбачев вернулся к вопросу. «Надо принять политическое решение, где дать политическую оценку процесса, решений, которые приняты «тройками», вне судебного разбирательства. Признать их как незаконные. И все, товарищи... Если так решим, то отобьем все эти «мемориалы»...»¹⁷⁸

Но «отбивали» не «мемориалы», а стремление людей восстановить историческую память и справедливость по отношению к жертвам большевистских репрессий. К этому времени удалось установить дополнительно 119 мест тайных захоронений жертв сталинских репрессий, где находились останки сотен тысяч людей. Предстояло уточнить имена погибших, соорудить памятники, выяснить судьбу их родственников. А в ЦК хотели «отбить» благороднейшее стремление людей вернуть память народу о своих безвинно погибших сыновьях и дочерях.

Вообще, генсек-президент любил заниматься делами «кагэбэшными». Главе государства это, видимо, действительно необходимо, ну а лидер коммунистической партии делал это всегда. Не важно, сколь значителен этот вопрос:

о предложении директора Всемирного еврейского конгресса И. Зингера о «доверительном канале связи с премьер-министром Израиля Ш. Пересом» или о создании в СССР региональных специальных боевых подразделений КГБ (группа «А»); о доставке из Москвы валюты руководителям зарубежных компартий или о том, как перекрыть клапаны постоянного бегства из страны «развитого социализма» (с 1981 по 1985 год стали «невозвращенцами» 149 граждан только из советских загранучреждений).

В условиях «демократического централизма» первое лицо государства и партии сосредоточивал поступающие к нему важнейшие сведения, в том числе разведывательного и контрразведывательного характера. При Горбачеве часть самой важной информации по-прежнему оседала в «Особых папках», вскрывать которые можно было лишь с разрешения самого генерального секретаря.

Одно время на Западе существовали серьезные подозрения в том, что перестройка инспирирована советскими спецслужбами для спасения советской системы, идущей к неумолимому краху. Например, в статье «Тень КГБ в ореоле Горбачева» утверждается, что «можно пытаться истолковать перестройку как программу, в принципе, вдохновленную КГБ; ее духовные вожди — люди, которые были связаны с КГБ или находились в близких отношениях с Андроповым»¹⁷⁹.

Возможно, Горбачев с интересом, но и с негодованием прочел донесение о том, что был разоблачен агент ЦРУ Д.Ф.Поляков, дослужившийся в ГРУ до чина советского генерал-майора и нанесший СССР ущерб не меньший, чем «знаменитый» полковник О.Пеньковский. Как могли 17 лет держать американского «шпиона» в советской разведке и не разоблачить его?

Горбачев весьма часто читал аналитические обзоры о реакции «капиталистического мира» на разрядку и на его личную роль в этом процессе.

Может быть, изучая подобную информацию, поставленную генсеку спецслужбами, Горбачев и уверовал, что «они боятся нашей перестройки, а посему с помощью своих радиопередач на нашу страну хотят все взорвать...»¹⁸⁰.

Все это, разумеется, преувеличения. Перестройка никак не инспирирована, и Запад ее в основном приветствовал. Ведь это не просто давало СССР шанс цивилизовать отношения со всем миром, но и позволяло реально ослабить

ядерную угрозу человечеству, в чем, бесспорно, заслуга Горбачева.

Горбачев как руководитель редко принимал самостоятельные крупные решения без одобрения политбюро. Он не хотел брать на себя единоличную ответственность, а «раскладывал» ее на всех. В связи с этим, в частности, «активность» политбюро не снизилась, к чему стремился еще Андропов и пытался осуществить Горбачев. Например, в конце 1985 года генсеку доложили, что политбюро по-прежнему принимает в среднем 4 тысячи постановлений в год (!), рассматривает 300 тысяч поступающих документов и 40 тысяч шифрованных телеграмм. Плюс к этому 600—700 тысяч писем советских граждан в ЦК, преимущественно с жалобами¹⁸¹. Писать высокому начальству в надежде на помощь стало чертой «простого» советского человека.

При всей огромной личной роли и влиянии, повторяю, Горбачев все серьезные вопросы «пропускал» через политбюро. Например, однажды, прилетев из Праги в правительственный аэропорт «Внуково-2», где его, как всегда, встречал партийный синклит в полном составе, Горбачев тут же, в павильоне воздушного вокзала, провел заседание политбюро, где доложил о своей поездке в Женеву и встрече с Рейганом¹⁸².

Горбачев широко практиковал обсуждение вопросов «за повесткой дня», многие из которых не протоколировались. Это была форма особо доверительного рассмотрения некоторых дел, предлагаемых генеральным секретарем для обсуждения.

Что же рассматривалось «за повесткой» или, как иногда говорили, «после повестки»? Самые разные вопросы. Иногда просто организационно-протокольные, порой слишком мелкие, чтобы ими «засорять» стенограммы партийной коллегии, случалось, наоборот, очень важные.

Вот, 19 февраля 1988 года, Горбачев задержал всех после заседания, чтобы вручить руководителю украинской республиканской партийной организации, члену политбюро В.В.Щербицкому орден Ленина. Горбачева не смущало, что партия, сама раздавая награды, полностью узурпировала государственные функции. Щербицкий, конечно, «горячо благодарил», предрекал успех перестройке «в широком масштабе и в солидном темпе». Примечательна одна фраза в его благодарственном слове: «Моментов, особенно

беспокоящих в идеологическом плане, в республике пока что нет, я думаю, мы их не допустим»¹⁸³.

Так же, «после повестки», Горбачев предложил рассмотреть в апреле 1988 года вопрос: как относиться к религии в условиях перестройки. Говорил, по обыкновению, только генеральный секретарь.

«...Политбюро признало в принципе целесообразной мою встречу с Пименом и Синодом. Такой встречи, говорят, давно не было. Во время войны, в 43-м году, что-то подобное принималось.

Правда, Леонид Ильич (Брежнев. — Д.В.) во время протокольных мероприятий, на которых присутствовали и представители духовенства, в их сторону поднимал руку, а потом об этом говорил: «Хороший разговор был...»

Церковники будут ставить вопрос об открытии духовной семинарии в Тернопольской области (вспоминаю, что в свое время я приложил руку к закрытию духовной семинарии в Ставропольском крае)...

Расшаркиваться перед религией, заигрывать с ней не надо. Но надо обращаться с ней, как с реальностью... Не надо извинительную какую-то позицию занимать...»¹⁸⁴

Хорошо еще, что генсек не сделал традиционного акцента на «наступательной позиции» по отношению к религии. Уж он-то знал, как Ленин и его подручные учинили чудовищный погром Церкви на Руси. Были разрушены, разграблены и осквернены десятки тысяч храмов. Атеистическая чума привела к почти полному вымиранию не только Православной Церкви. Даже после некоторого ее оживления, к 1953 году, в СССР осталось лишь 12 499 духовных служителей¹⁸⁵.

Конечно, какая уж тут «извинительная позиция»... Тем более некоторый опыт по подрезанию жил Церкви генсек, как сообщил он на политбюро, имел.

Рассматривали «после повестки» и другие вопросы, часто бесцеремонно вторгаясь в права человека.

«...Пришло сообщение о смерти Маленкова, — говорит генсек. — Нужно ли публиковать официальное сообщение?» Тут члены политбюро стали припоминать, где рука Маленкова усилила или инициировала репрессии. То, что решили «не публиковать», — внутреннее дело партии: умер один из бывших ее руководителей.

Но определять, где похоронить человека, хотя на Новокунцевском кладбище уже нашла вечное упокоение жена

Маленкова, полностью смахивает на старые времена сталинщины. Правда, в этом случае все же «разрешили» похоронить соратника Сталина рядом с женой¹⁸⁶.

«За повестку» дня пробивалось множество и других вопросов. В марте 1986 года Горбачев сказал членам политбюро: «Поступила тревожная телеграмма из Адена. Там хотят расстрелять 50 человек. Думаю, что нам нужно сделать обращение, указав, что главное сейчас там — это сплочение».

Но А.И.Мухаммед, лидер просоветской Йеменской социалистической партии, все же «расстрелял» почти все свое политбюро, предварительно покинув зал заседаний. Его спецслужба ворвалась в помещение и «убрала» неудобных прямо за столом. Однако армия не поддержала Мухаммеда, который бежал в Северный Йемен, а затем в Эфиопию. Но в Адене несколько дней шла страшная бойня сторонников и противников бывшего партийного вождя. Через некоторое время в Южный Йемен был отправлен с миссией «умиротворения» главком сухопутных войск генерал армии Ивановский, с которым довелось полететь и мне. Следы междоусобицы «социалистов» были страшными. Почти треть офицеров, погибших в кровавой схватке за власть, были выпускниками советских академий и училищ. И опять при встречах с новым высшим руководством НДРЙ, генеральным секретарем ИСП Аль Бейдом, генералами звучал старый мотив: «просим помощи». Экономической, технической, советниками, приемом в советские вузы.

Тот вопрос был «за повесткой дня», а требовал от Горбачева новых решений о новой помощи...

Порой «после повестки» рассматривали вопросы, которые спустя годы, как исторический фонарь, высвечивают процесс медленного освобождения людей (и особенно советских руководителей) от догматов большевизма, ленинских предрассудков, классовых постулатов.

После одного из июньских заседаний политбюро в 1989 году генсек попросил остаться его членов. Приведу фрагменты обсуждения.

Горбачев: Теперь вопрос о публикации произведений Солженицына.

Мелвелев: «Архипелаг ГУЛАГ» — это 13 печатных листов... Читать его трудно и нудно...

Рыжков: ...Начиная с времен Ленина. Это будет бомба...

Горбачев: ...Прохлопали, когда во время его работы над «Иваном Денисовичем» допустили его до архивов...

Чебриков: Нет, в архивы его не пускали.

Мелвелев: Он получил около трехсот воспоминаний разных лиц...

Горбачев: Дело не в Сталине, а в утверждении, что он верный ученик Ленина. Продолжил его дело. Причем это он делает со ссылками на телефонограммы, письма Ленина.

Лигачев: Как же мы можем разрешить такое писать о Ленине?

Горбачев: Итак, перед нами «Архипелаг ГУЛАГ». Думаю, нашим безоговорочным другом и перестройщиком он вряд ли когда-нибудь будет.

Шахназаров: Надо пойти на публикацию.

Горбачев: Владимир Александрович (Крючков), дай почитать его тем товарищам, кто не читал...

Шеварднадзе: Я за то, чтобы публиковать.

Горбачев: Получается, что у Ленина — чем хуже, тем лучше. Пусть страдают народы, гибнут в окопах... для человека только стремление к власти... Намек на связь с Арманд... Презрение к русскому народу...

Яковлев: Надо публиковать. Все за опубликование: Союз писателей, журналы...

Горбачев: Тогда что же, только мы с вами остаемся? Придется и мне это прочитать...¹⁸⁷

Вот такими мы были. Генсек, не читая произведения, тем не менее серьезно настроен против него и последним соглашается на публикацию...

Автор данной книги тоже грешен. Дважды в своих старых работах занимал позицию осуждения Солженицына, основанную лишь на вере в «правоту ЦК». Уже много раз выражал свое покаяние, понимая, что все мы, от генсека до рядового коммуниста, были жертвами большевистской непримиримости к любому явлению, которое противоречило советской религии ленинизма.

Горбачев как руководитель унаследовал, да и не мог не унаследовать стиль и методы управления своих предшественников. Но нужно отдать должное, что именно по его инициативе общество теперь хоть как-то информировалось: люди узнали, чем занимается Центральный Комитет партии: было возобновлено издание старого информационного журнала «Известия ЦК КПСС»; вошли в практику

выступления членов партийной коллегии перед общественностью, журналистами. Стилль генсека, а затем и президента стал более открытым и демократичным, хотя «купюры», умолчания, односторонняя трактовка тех или иных событий до самого августа 1991 года широко практиковались.

Нужно сказать, что Горбачев, являясь человеком не столько «воли», сколько «ума», мог в отдельных ситуациях проявлять и твердость. Но лишь тогда, когда генсек был абсолютно уверен в самой широкой поддержке общественности.

Когда отчаянно смелый Руст из ФРГ посадил свой самолет у Московского Кремля, предварительно облетев его дважды, Горбачев был потрясен. Он, и это возвышает руководителя, воспринял общенациональный позор как свой личный.

Заседание политбюро проходило бурно. Говорили все. Военные, а были приглашены министр обороны (кандидат в члены политбюро), некоторые его заместители, выслушали в свой адрес много такого, словно они проиграли войну.

Генсек был ядовит, зло насмешлив. Вот фрагмент из стенограммы.

Горбачев: Это длилось в течение двух с половиной часов, во время которых самолет-нарушитель находился в зоне 6-й армии. *(Обращаясь к генералу армии Лушеву.)* Вам об этом доложили?

Лушев: Нет. Я об этом узнал после посадки самолета в Москве.

Горбачев: Узнали от ГАИ?

После двухчасового эмоционального обсуждения Горбачев подвел итог: «...Произошло событие, которое по своим политическим последствиям превосходит все, что было в прошлом... Речь идет об утере веры народа в нашу армию, в то, ради чего он пошел на многие жертвы. И это надолго. Нанесен также удар по политическому руководству страны, его авторитету (думаю, это особенно бесило Горбачева: как теперь ему «показываться» за рубежом?).

Горбачев объявил перерыв.

После тридцатиминутного совещания в узком кругу генсек сразу же огласил пункты решения политбюро:

1. Принять заявление т. Соколова об уходе на пенсию.
2. Утвердить министром обороны т. Язова.

3. Тов. Колдунова с поста главнокомандующего войсками ПВО освободить.

Члены политбюро хором: «согласны»¹⁸⁸.

Горбачев мог быть твердым. В данном случае он хорошо знал: его решительность получит всенародную поддержку.

Вместе с тем в других ситуациях, как, например, после трагедии в Тбилиси 8 апреля 1989 года, кровавой ночи в Вильнюсе с 12 на 13 января 1991 года, роль Горбачева оказалась для истории «невнятной», какой-то «закамуфлированной», двусмысленной. Да, он делал миротворческие заявления, например, 10 января, обратившись к Верховному Совету Литовской ССР с требованием незамедлительно восстановить в республике в полном объеме действие Конституции СССР и Конституции Литовской ССР, отменить ранее принятые «антиконституционные акты». Но гибель 14 человек в Вильнюсе до предела накалила обстановку. Горбачев, говоря о случившемся, «признался», что о кровавой ночи «узнал лишь утром», после происшедшего...

Удивительным образом в драматических и трагических случаях президент оказывается в стороне, находясь в «неведении». Думаю, это не от одного «характера», но и от «ума».

Руководство партией и страной седьмой «вождь» осуществлял не только через ЦК и правительство, но и, как называл свою книгу его близкий соратник В.А.Медведев, с помощью «команды Горбачева». Это его помощники, советники, референты, единомышленники и функционеры более высокого уровня из политбюро.

Заметную роль в окружении генсека и президента играли А.Н.Яковлев, справедливо названный за рубежом «интеллектуальным мозгом» перестройки, помощники И.Т.Фролов, Г.Х.Шахназаров, А.С.Черняев, В.И.Болдин, как и ряд других известных стране людей. В целом «команда» Горбачева, к которой можно причислить и Г.А.Арбатова, Е.М.Примакова, О.Т.Боголюбова, Т.И.Заславскую, С.Ф.Ахромеева, С.А.Ситаряна, А.Е.Бовина, А.М.Александрова, А.И.Лукьянова и некоторых других, активно помогала генсеку и президенту. Почти со всеми я был лично знаком и должен сказать: интеллектуальный уровень помощников и советников Горбачева являлся весьма высоким. Поэтому прав был генсек, заявив однажды на заседа-

нии политбюро (сославшись при этом на общественное мнение Запада), что «в советском руководстве у Горбачева создана команда, которой в Советском Союзе еще не было»¹⁸⁹.

Правда, сразу же возникает один (а может, и не один...) коварный вопрос: если команда была столь профессиональна, сильна, хорошо «сколочена», то почему Горбачев не смог добиться поставленных им главных целей? Почему некоторые из его команды бесцеремонно предали лидера? На эти вопросы лучше всего мог бы ответить сам Горбачев...

Работа «команды» была напряженной, о чем активно и дружно писали очень близкие люди из его окружения: В.А.Медведев, Г.Х.Шахназаров, А.С.Черняев, А.С.Грачев, В.И.Болдин. В их книгах о Горбачеве много говорится о «команде», ее деятельности, но весьма мало о причинах горбачевских неудач. Похоже, по их мнению, почти все неудачи находятся где-то за пределами досягаемости генсека и президента. Конечно, все эти авторы ругают Ельцина-«разрушителя», и никому из членов «команды», кроме Болдина и Лукьянова (ну эти-то просто предали «Хозяина»), не удалось избежать откровенной апологии Горбачева.

Помощь седьмому «вождю» от советников была разной. Я обратил внимание на активность Г.А.Арбатова, который написал Горбачеву множество обстоятельных записок. Впрочем, он немало писал и более «ранним» генсекам. Содержание писем весьма конструктивно. От простых советов (вроде: делайте Ваши выступления короткими, прерывайте всех, кто начнет Вас хвалить; знайте, Лигачев — угроза реальная) до буквально установок: Ваш главный приоритет на внешней арене — укрепление социалистического содружества (пока оно еще было. — Д.В.); не мешкая, уберите тактическое ядерное оружие из Закавказья; после XXVIII съезда откажитесь от поста генсека и т.д.

Что касается последнего совета. Горбачев сделал довольно вялую попытку в апреле 1991 года освободиться от поста генсека. Возможно, этот демарш был предпринят в уверенности, что его обязательно отклонят.

Конечно, при сильном желании Горбачев мог бы оставить пост партийного «вождя», что освободило бы реформатора от многих организационных и идеологических пут.

То сыграл ли в этой слабой попытке какую-нибудь роль совет Г.А.Арбатова, может знать только сам бывший последний генсек.

Многие советы Арбатова были действительно дельные, но, сопоставив их с практическими делами Горбачева, я увидел: они, как правило, так и остались советами.

Работал генсек напряженно, хотя в субботу и воскресенье обычно старался быть на даче. «Редкие часы отдыха, — рассказывал Горбачев, — стараюсь использовать в полной мере. Мои интересы самые разнообразные: чтение художественной литературы, театр, музыка, кино. Любимый вид отдыха — ходьба по лесным тропам...»¹⁹⁰

Рабочие дни, как правило, весьма насыщены. Наугад откроем «Дневник дежурных секретарей» за 1990 год.

28 февраля, среда (1990 год)

9.30 работал в ЦК. Принял Болдина.

с 10.30 до 11.50 работал в кабинете с А.Н.Яковлевым, Г.Х.Шахназаровым, стенографисткой Волиной Н.Г.

в 12.00 принял первого секретаря Магнитогорского ГК КПСС Рябкова В.М.

с 15.15 до 16.00 состоялся телефонный разговор с президентом США Дж. Бушем.

с 16.05 до 16.50 принимал министра из Марокко вместе с В.А.Крючковым.

В 17.30 принял Чазова.

В течение дня принял А.Н.Яковлева, Ю.Д.Маслюкова, В.И.Болдина, А.П.Лушикова, Е.Х.Масалиева.

Поговорил по телефону с Э.А.Шеварднадзе, Е.М.Примаковым, Е.М.Махкамовым (Душанбе).

В 21.10 — уехал на дачу.

Обычный день генсека и президента. Без внешнего драматизма. Хотя дела в государстве шли все хуже и в воздухе витала «идея», что без «железной руки» положение не исправить. Но для Горбачева сама мысль — «спасать» демократию с помощью насилия — была невыносима. Думаю, что когда историки где-нибудь в середине XXI века будут в спокойной обстановке просматривать пожелтевшие листы документов «горбачевских лет», то эту способность и курс — идти к демократии без насилия — поставят на первое место. Правда, кто-то из особо дотошных, перебирая клавиатуру электронной исторической памяти, за-

метит: а как быть тогда с Тбилиси, Баку, Вильнюсом? Почему в зародыше не был погашен очаг многолетней войны в Карабахе?

Трудно сказать, что сегодня думает М.С.Горбачев о тех событиях. Например, об использовании войск в Алма-Ате, Баку для «наведения порядка» он говорит как о вынужденном акте. Что касается трагедий в Тбилиси и Вильнюсе, то здесь он, вроде бы, «был не в курсе». Это, мол, инициатива КГБ и Министерства обороны.

Читая 9 апреля 1989 года шифровку из Тбилиси, направленную в ЦК секретарем Компартии Грузии Д.И.Патиашвили, Горбачев мог убедиться: переход тоталитарной страны к свободе и демократии оказался неизмеримо сложнее, чем можно было представить. Патиашвили сообщал:

«...Лидеры так называемого «национально-освободительного движения» начали оглашать планы захвата МВД республики и Закавказского военного округа... Участников митинга около 8 тысяч человек... По мере оттеснения первых рядов митингующих при яростном сопротивлении экстремистов, применявших палки и камни, толпа стала неуправляемой... В результате образовавшейся давки погибло 16 человек (13 молодых женщин и 3 мужчины), более 100 получили ранения... В настоящее время площадь у Дома правительства освобождена от митингующих и взята войсками под охрану. Принимаются необходимые меры по задержанию и аресту зачинщиков беспорядков...»¹⁹¹

Горбачев мог убедиться, что перестройка упустила межнациональные проблемы, где применение силы малоэффективно и опасно для всего дела демократизации. Старая «дружба народов» в условиях унитарного фактически государства быстро показала в атмосфере перестройки свою недостаточность. Реформатор учел это с большим запозданием. В будущем, XXI веке многое станет яснее в наших делах, чем представляется сегодня. А главное, надеюсь, аналитики не будут превращать историю в политику... Ведь можем же мы сегодня спокойно говорить о Пунических войнах*, Карле Птицелове, Иване Грозном и Иване Болотникове... Время способно отсекает страсти от истины, а борение волю заменять и превращать в бесстрастный алгоритм исторической информации.

* Войны между Римом и Карфагеном за господство в Средиземноморье (III—II вв. до н.э.), завершившиеся победой Рима. — *Прим. ред*

Мы — современники Горбачева. Более того, я лично знаком с этой исторической личностью. И мне сегодня не просто, накладывая один штрих за другим на портрет седьмого «вождя» советской истории, говорить не только о бесспорных его «добродетелях», но и о явных (и скрытых) ошибках, а может быть, и «пороках».

Жанр портрета требует высветить Горбачева и с чисто человеческой, нравственной стороны.

Все мы — дети своего времени. За семь десятилетий сформировался особый тип человека: верующий не в Бога, а в земного вождя; непримиримый и подозрительный, пытающийся не конструктивными делами своими изменить ситуацию, а поисками виновных; часто разучившийся истово работать; утративший былую российскую предприимчивость; готовый вновь все отбирать и делить, завидуя богатому, но по-прежнему сохранивший высокую умственную потенцию и патриотизм. Человек этого типа справедливо верит, что крушение СССР вовсе не было обязательным, однако часто при этом следствии принимает за причины крушения великого государства.

Думаю, пройдет не меньше 10—15 лет, пока он, российский человек, вернет лучшие качества своих дооктябрьских предшественников. Но это обязательно произойдет, ибо ум, доброта, радушие и благородство россиянина остались. Придет время, и этот человек будет изумляться, как мог он позволить захватить на 70 лет власть вначале кучке авантюристов, а затем бездушной касте; как он победил фашизм при таких столь преступных ошибках руководства; как мог создать по всей стране 70 тысяч памятников октябрьскому идолу; как разрешил сформировать новое поколение крепостных; как смог принять диктатуру, бюрократию и догматизм за признаки «светлого будущего»...

Историкам, мыслителям XXI века хватит работы, реставрируя в сознании навсегда ушедшее прошлое.

Горбачев, как и все мы, был частью этого «коллективного портрета». Бесспорно, в своей жизни он смог проявить выдающиеся качества: масштабность и отвагу мышления, тактическую изворотливость, умение убеждать людей, искать спасительные шансы в самых проигрышных ситуациях. Думаю, что Горбачев не раз в ходе перестройки, особенно в ее первой половине, смог испытать в о с т о р г в своей душе: состояние, отражающее гармонию цели и свершений.

В конце же своего короткого, но тяжелейшего перестроечного пути он не раз вроде порывался уйти с высшего партийного поста. Когда в декабре 1989 года в Москве открылся один из многочисленных при Горбачеве пленумов ЦК, то обсуждали текущие вопросы: о Втором съезде народных депутатов СССР и другие связанные с ним проблемы. Выступавших было много. Но Горбачева больше всего задела речь первого секретаря Кемеровского обкома КПСС А.Т.Мельникова. Оратор выступил с рельефно ортодоксальных позиций в защиту Ленина, он ратовал за введение в политбюро и ЦК, по ленинской методологии, коммунистов-рабочих. Критиковал Б.Н.Ельцина, Ю.Н.Афанасьева, Т.Х.Гдляна, Н.В.Иванова «за провокационные выступления». Рикошетом досталось и генеральному секретарю. Горбачев не выдержал и своим взволнованным южнорусским говорком предложил переизбрать политбюро и избрать нового генерального секретаря¹⁹².

Обидевшегося генсека успокоили и вопрос об отставке рассматривать не стали.

Еще раз Михаил Сергеевич поставил вопрос о своем уходе с поста генсека 25 апреля 1991 года на заседании политбюро. Вел его заместитель генсека В.А.Ивашко. «Распухнувшее» после съезда политбюро (более 20 человек!) фактически не стало обсуждать заявление об отставке, а вынесло решение:

«Исходя из высших интересов страны, народа, партии снять с рассмотрения выдвинутое Михаилом Сергеевичем Горбачевым предложение о его отставке с поста Генерального секретаря ЦК КПСС»¹⁹³.

Горбачеву не удалось вовремя спрыгнуть с палубы полузатопленного партийного корабля, а пришлось испить всю горькую чашу распада и разрушения ленинского монолита. Кто бы мог подумать еще 5—10 лет назад, что такое вообще возможно! Корабль действительно был «полузатоплен». На состоявшихся в марте 1990 года выборах (первых свободных) в высший орган государственной власти РСФСР почти половину первых и вторых секретарей обкомов и крайкомов КПСС не избрали! Это было невиданно! Но именно факт выборов свидетельствовал о стремительном падении веса и влияния компартии в обществе.

О нравственном здоровье человека говорит, прежде всего, его семья. Мать, Мария Пантелеевна, и ее умерший муж всегда испытывали глубокие чувства любви к детям.

О жене, Раисе Максимовне, знает весь мир. Не комментируя то многое и разное, что говорилось у нас о супруге Горбачева, можно не сомневаться во взаимных глубоких чувствах. А это — главное для прочного морального здоровья семьи, всех ее членов. Дочь Горбачевых Ирина и ее муж Анатолий, внучки Ксения и Анастасия — квартет «детей» семейства, долгое время находившегося подле эпицентра общественного внимания. Это непросто.

В этом свете весьма неудобно читать «откровения» бывшего помощника Горбачева В.И.Болдина в его книге с претенциозным названием «Десять лет, которые потрясли мир». Есть что-то непристойное и неприятное, когда человек, бывший рядом с Горбачевым и молчавший целое десятилетие, вдруг столь озлобленно и подробно говорит о семейной жизни генсека и президента. Даже если что-то и правда из того, о чем поведал людям Болдин, это неприятно читать, ибо написаны слова ненавистью. Еще Гёте однажды заметил, что ненависть «всегда пристрастна». Но горько вдвойне, если эти чувства вызваны политическими пристрастиями.

Замечу, что я не был лично знаком с В.И.Болдиным и лишь один раз с ним встречался. Но этот мимолетный контакт оставил осадок недоумения.

В 1988 году меня за «еретические высказывания» сняли с должности заместителя начальника Главпура и отправили руководить Институтом военной истории. К этому времени состоялось решение политбюро о подготовке и издании 10-томного труда о Великой Отечественной войне. Мне и пришлось этим непосредственно заниматься. Вскоре выяснилось, что документы всех архивов (ЦК, Министерства обороны, других ведомств) для нас совершенно недоступны. Стучался везде. Не помогло. Написал личное письмо на имя Горбачева. Неожиданно недели через две после этого я был вызван в ЦК В.И.Болдиным. Выслушал. Сухо обещал (к слову, так ни одного документа из цэковского архива институт тогда и не получил). Но назавтра утром после встречи с Болдиным в ЦК меня вызвал к себе начальник Главпура и устроил разнос: «Как вы смели без моего ведома обращаться к генсеку? Какое своеволие!» и т.д. Я понял, что Болдин, пообещав (и не выполнив) откликнуться на просьбу историков, гут же после беседы со мной позвонил начальнику Главпура...

Деталь мелкая, но характерная.

За исключением Болдина и Лукьянова, все помощники и советники дают Горбачеву очень позитивную, часто восторженную, нравственную характеристику. Особенно высоко оценивает Горбачева А.С.Черняев, весьма наблюдательный, но довольно безапелляционный автор. Его эпитеты очень выразительны, когда он описывает Горбачева: «необычайное мужество и самообладание», «интеллектуальная энергия», «уникальный характер его подвига», «человек цельный, физически и душевно на редкость здоровый», «феноменально целеустремленный и поэтому эгоцентричный», «доступен для понимания всякого в жизни», «снисходителен к людям», «обостренное чувство долга» и т.д.

Продолжать перечислять эпитеты можно было бы долго. Добавлю лишь утверждение Черняева: Горбачев «один сдвинул глыбу» перестройки¹⁹⁴.

Со многими оценками помощника генсека можно согласиться, сделав, однако, некоторую поправку через «коэффициент апологетичности», отражающий преданность человека своему патрону.

А вот как описывает Горбачева его друг со студенческих лет А.И.Лукьянов. «Феномен авторитета» Горбачева, считает Лукьянов, понятен. Политика уступок и компромиссов, приведшая к «разрушению содружества Варшавского Договора», очень устраивала Запад. Что касается личностных черт, то его бывший друг отметил: «Пагубное стремление решить все, даже принципиальные вопросы, путем компромисса, импровизации и шараханья под воздействием обстановки и собственных советников стало как-им-то проклятием, висевшим над этим человеком... Беспечная вера, что все «как-нибудь образуется», и постоянное отставание от событий. Уверенность, что каждое президентское слово должно действовать само собой, и неумение выслушивать мнение других. Удивительное нежелание защищать кого-либо из своей «команды» и стремление быстро избавляться от того, кто, сделав свое дело, перестает быть ему нужным»¹⁹⁵.

Бывший личный друг Горбачева Анатолий Иванович в оценке бывшего генсека и президента категоричен. На вопрос, какова роль Горбачева в истории России, отвечает однозначно:

— Это роль Герострата... Горбачев предал свою партию...¹⁹⁶

Каждый волен иметь свое суждение. Но думаю, что оценка «друга» совершенно ошибочна. И это подтвердит история.

Перекликаются со сказанным А.И.Лукияновым замечания А.М.Александрова-Агентова, который был поначалу помощником Горбачева. Затем, по решению генсека, его заменил Черняев.

Александров рассказывал: «...внешняя открытость и благожелательная справедливость — это, скорее, привычная маска, за которой — холодный расчет... К сожалению, Горбачеву присущ очень серьезный для большого руководителя недостаток: он совершенно не умеет слушать, вернее, слышать своего собеседника, а целиком увлечен тем, что говорит сам. От Горбачева я ушел на пенсию потому, что он не имел потребности советоваться...»¹⁹⁷.

Как видим, самые близкие люди из окружения Горбачева дают ему диаметрально противоположные нравственные оценки. Что же следует из этого? Может быть, истина, как часто это бывает, лежит посередине? Думаю, что нет.

Дело в том, что моральное «зрение» в том и другом случае искажено конкретной политической позицией человека, оценивавшего Горбачева. Вопрос этот сложен. Политика и мораль, если обратиться к истории, редко были союзниками. Нравственности чаще приходилось играть роль бесправной служанки.

Ознакомившись с тысячами документов, огромной литературой о Горбачеве, размышлениями людей, близко знавших этого исторического деятеля, могу сделать убедительный вывод: Горбачев — незаурядная личность, носитель многих высоких качеств. Черняев в своих панегириках не очень далеко ушел от истины. Но все дело в том, что в каждом конкретном случае конфликта, драмы, выбора моральное качество политика, крупного государственного деятеля может заметно трансформироваться или даже деформироваться. Политика, к сожалению, чаще диктует свои императивы морали, а не наоборот. И Ленин, все генсеки, не исключая седьмого «вождя», были насквозь «политическими» личностями.

Приведу один характерный, хотя и пространный, эпизод из жизни Горбачева, где ему пришлось делать выбор меж-

ду конкретными политическими предубеждениями и моральной порядочностью.

Многие годы советско-польские отношения омрачали невыясненные до конца факты, обстоятельства войны 1920 года, роспуск Компартии Польши в 1938 году, события 1939 года, связанные с заключением между СССР и Германией ряда секретных соглашений, дело о расстрелянных в Катыни польских офицерах, подробности Варшавского восстания 1944 года и т.д.

У советского руководства никогда не хватало мужества честно разобраться во всех этих вопросах. Например, в записке В.А.Медведева (секретаря ЦК КПСС, отвечавшего за отношения с социалистическими странами) на имя Горбачева М.С. 13 марта 1987 года и в приложенном к ней «материале» предлагалось: в отношении войны 1920 года опубликовать «две-три статьи о целях буржуазно-помещичьей Польши в этой войне, позиций отдельных политических, государственных и военных деятелей Советской России». О роспуске Компартии Польши — приходится признать факт (куда деваться!), но сказать, что «в конце 50-х годов репрессированные польские коммунисты были реабилитированы, многие из них посмертно». Что касается «воссоединения с СССР Западной Украины и Западной Белоруссии», о существовании «некоего секретного протокола к советско-германскому договору 1939 года», то предлагается указать в справке — «оснований для пересмотра нашей позиции нет». Другими словами — подлинных этих протоколов никто не видел...¹⁹⁸ И все в том же консервативном духе. В своей записке «Об оценке советско-германских договоров 1939 года» Горбачев утверждал: «Пакт о ненападении СССР—Германия 23 августа, если твердо стоять на реалистических позициях, был неизбежен»¹⁹⁹. Увы, глубокий анализ, проведенный учеными и общественностью, показал, что этот шаг был роковой ошибкой.

Эти документы с грифом «совершенно секретно» Горбачев разослал всем членам политбюро. По сути, заняли «круговую оборону». Но поляки были настойчивы. Они вновь обращаются с просьбой совместно разобраться в этом запутанном историческом узле советско-польских отношений — «секретные протоколы».

На заседании политбюро 5 мая 1988 года пятым вопросом повестки дня значится: «Об ответе польской стороне

по поводу секретных советско-германских документов 1939 года, касающихся Польши». Обсуждали. В.А.Медведев выступил с предложением постепенного решения этого вопроса (по сути, оставить в «долгом ящике истории». — Д.В.). Г.Л.Смирнов, директор Института марксизма-ленинизма, признал, что убедительных контраргументов мы не имеем. Примерно так же выступали и остальные участники обсуждения.

Но я подробнее остановлюсь на двух.

Громыко А.А.: Оригиналы, уверен, были. И не признавать это — большой риск (сослался на Хрущева и Молотова, которые говорили ему об этом). В историческом плане — лучше правду сказать. Но правда должна состоять в том, что у нас есть копии, а оригиналов нет. Оригиналы могли быть уничтожены при Сталине или без Сталина.

Бросил реплику председатель КГБ.

Чебриков В.М.: Вопрос о публикациях решать преждевременно...

Горбачев М.С.: Внушу предложение: я считаю, что позицию политбюро может выработать, когда в его распоряжении будут официальные документы. Я убежден в этом... Я предложил бы ограничиться обменом мнениями... Продолжим работу в архивах по выявлению тех документов. Если в нашем распоряжении окажутся документы, может быть, вернемся к этому вопросу.

Члены политбюро: Правильно.

Горбачев М.С.: Я думаю, что и копии надо держать там, где им положено находиться...²⁰⁰

Заметьте, обсуждение проходило 5 мая 1988 года.

А теперь сделаем небольшое отступление. В декабре 1991 года я был утвержден председателем Комиссии Верховного Совета России по передаче архивов КПСС и КГБ для широкого пользования (открытие архивов). Мы работали почти два года, и около 78 миллионов рассекреченных дел стали доступны исследователям. Где-то в конце 1992 года я и члены комиссии — профессора Пихоя Р.Г. и Коротков А.В. — по поручению президента России вскрывали по акту так называемые «Особые папки», означавшие высшую степень секретности. Раньше их можно было вскрывать только по разрешению генерального секретаря.

Многое мы увидели... Но вот очередная «папка». Мас-

сивный, как и все остальные, конверт запечатан несколькими сургучными печатями. Вскрываем.

В описи значится: «Документы, относящиеся к советско-германским переговорам в период 1939—1941 годов». Ниже: «Подлинные тексты советско-германских секретных соглашений, заключенных в период 1939—1941 годов». Оригиналы. На русском и немецком языках. Шесть протоколов, заявление советского и германского правительств от 28 сентября 1939 года, обмен письмами между Молотовым и Риббентропом и две карты Польши с подписями Сталина и Риббентропа...

Но я должен сказать о другом. Заведующим сектором Мошковым на чистом листе бумаги (в «Особой папке») написано:

«Доложил т.Болдину В.И. Им дано указание держать пока под рукой в секторе...

10 июля 1987 г.

Л.Мошков»²⁰¹.

А это значит, что Горбачев задолго до политбюро 5 мая 1988 года ознакомился с подлинниками этих драматических документов... Болдин мог затребовать документ из «Особой папки» *только* по распоряжению и разрешению генерального секретаря... Разумеется, не для удовлетворения собственного любопытства, а для доклада генсеку.

То же и о страшных документах Катюни, раскрывающих трагическую судьбу многих тысяч польских офицеров. В.И.Болдин вскрывал «папку» (что можно делать, напомним еще раз, только по распоряжению генерального секретаря) 18 апреля 1989 года и, естественно, ознакомил Горбачева...²⁰² К слову сказать, 15 апреля 1981 года документ читал и Ю.В.Андропов. Но он-то по своей должности умел хранить тайны...

Так как же относиться к утверждению Горбачева 5 мая 1988 года: «Если в нашем распоряжении окажутся документы, может быть, вернемся к этому вопросу?»

Документы в руках у Горбачева почти наверняка были. Но он, во имя политики (нечестной, большевистской, тайной), пожертвовал моралью. И в каком-то смысле своей исторической репутацией. Уже после того как седьмой «вождь» прочел секретные протоколы, он заявит, что в их «распоряжении» нет этих документов. Горбачев в это же время скажет в своей книге: «Я сторонник политики от-

крытой, политики реальных дел. У нее не должно быть двойного дна...»²⁰³

Писать обо всем этом мне неприятно. Но, берясь за очерк о Горбачеве, к которому и сейчас испытываю немалые искренние симпатии, я не мог пользоваться приемом, который Михаил Сергеевич охарактеризовал как «двойное дно».

Деятель, сознательно жертвующий моралью во имя каких-то сомнительных (да даже не сомнительных!) политических интересов, подвергает серьезной опасности своему реноме для истории. 5 марта 1989 года при поддакивании его соратников: «Правильно!» — это могло сойти. Не уверен, что через пятьдесят лет, в 2039 году, к этому факту так же снисходительно отнесутся историки, писатели, биографы Горбачева.

В то же время осталась «за кадром» судьба десятков тысяч российских солдат, попавших в плен во время советско-польской войны 1920 года. Из почти 100 тысяч плененных поляками военнослужащих более половины погибли в лагерях от бесчеловечного обращения и голода, а судьба около 30 тысяч неизвестна и по сей день²⁰⁴. Но никогда советские руководители не добивались серьезного рассмотрения вопроса о судьбах огромного количества исчезнувших советских военнопленных.

Горбачев любил всем публично напоминать, что он открыт, искренен и порядочен. Даже в своем последнем, прощальном обращении к народу 25 декабря 1991 года он не удержался сказать об этом: «...Я говорю честно и прямо. Это мой моральный долг».

Выражаю немалые сомнения, что большой политик способен всегда обеспечить, независимо от его желания, приоритет морали над политикой. Политика, как правило, цинична и безжалостна, и у нее никогда не было равноправного союза с нравственностью. Жизнь и дела Горбачева, при всех его бесспорных «добродетелях», лишь подтверждают этот печальный постулат.

Генсек-реформатор был (не знаю, остался ли) идеалистом. Иначе как можно объяснить, что 23 августа 1991 года, будучи едва вызволенным из Фороса, он публично заявит, что верит в идеалы социализма и компартия после реформирования сможет бороться за эти ценности...

Для выдающегося реформатора ленинизм, коммунистическая идеология были своего рода светской, марксист-

ской религией, в которой нет места морали. Но это и стало главным источником его драматического ухода с государственной (но не исторической!) сцены. Американская газета «Уолл-стрит джорнэл» 27 декабря 1991 года справедливо писала: «Горбачев был лучшим из того, что могла предложить коммунистическая партия. Он сыграл центральную роль в замечательной главе мировой истории, но вынужден был в конце концов уйти, потому что в исторической пьесе больше не было места для человека, который хотел оставаться коммунистом»²⁰⁵.

Нельзя отказать Горбачеву в политическом мужестве. Сколь велико было апологетичное восхваление «отца перестройки» на Западе, да и на Востоке, столь ожесточенной была и критика генсека-президента в собственной стране. Особенно к концу незавершенных реформ. Я думаю, что для Горбачева после 1986 года постоянно существовала и угроза его физического устранения. Два выстрела Александра Шмонова, предназначавшиеся седьмому «вождю» 7 ноября 1990 года, еще раз напоминают об этом, как и заточение в Форосе. Правда, и сегодня специалисты не снимают возможности инсценировки на Красной площади, которая, по их мнению, могла позволить спецслужбам, властям (чего так хотели будущие гэкачеписты) «навести порядок» в стране.

Кто знает, может быть, со временем «покрывало Изиды» — древнеегипетской богини тайн и волшебства — будет сброшено и с этого загадочного покушения, о котором почему-то все сразу замолчали?

Вся жизнь Горбачева после апреля 1985 года поделена им на этапы («важный», «очередной», «решающий», «переломный» и т.д.). Спустя десятилетия многое уже не будет казаться «решающим» и «переломным». Это происходит, я думаю, от человеческой склонности к абсолютизации своего времени и слабого чувства исторической ретроспективы и перспективы. Горбачев жил все время настоящим. Но его цепко держало прошлое. Возможно, в чем-то и прав А.С.Черняев: «Он один сдвинул глыбу». А спустя шесть лет эта «глыба» вытолкнула Горбачева на обочину драматических перемен.

Повторюсь: у Горбачева счастливая судьба. Сейчас у бывшего седьмого «вождя» СССР великолепный «этап» философских размышлений. Они будут плодотворными

для него и его почитателей, если он, конечно, научится быть оппонентом самому себе...

Пока этого нет. Ведь возвращаться к самому себе могут очень немногие. В мае 1993 года экс-президент СССР и последний генсек КПСС заявил в Париже: «Эра Горбачева только началась... Горбачев начал реформу общества, международных отношений в рамках нового мышления... Мы идем к новой цивилизации, которая не будет выбором между капитализмом и социализмом, но синтезом нашего собственного опыта»²⁰⁶.

В этом выдающемся человеке что-то осталось навсегда «генсековское»: безапелляционность суждений и политические амбиции, ограниченная самокритичность и неистребимое желание глобальных обобщений. Возможно, это от осознания, что именно он, Горбачев, один из немногих на нашей планете оказал на мир такое влияние, которое люди будут испытывать долгие десятилетия. А его прошлые конфликты с Ельциным и сегодняшняя стена глухого отчуждения между ними в исторической ретроспективе будут выглядеть малозначащими. Каждый из них исполнил свою роль: настоящего лидера «переломного момента». Сегодняшняя судьба Горбачева незавидна: многие героя «развенчивают», как, например, А.И. Лукьянов, немало и таких, кто не прочь подвергнуть этого человека своему пристрастному суду уже сейчас. Но чем дальше река времени будет уносить от нас события в России конца XX века, тем роль Горбачева — символа великой Реформации — будет представлять перед нами все более впечатляющей. В своем драматическом выступлении по Центральному телевидению 25 декабря 1991 года, когда он слагал с себя должность президента СССР, Горбачев, обращаясь к соотечественникам, сказал о том основном, что он сделал: «Общество получило свободу, раскрепостилось политически и духовно. И это — самое главное завоевание, которое мы до конца еще не осознали, потому что еще не научились пользоваться свободой». Думаю, такой исторический итог незабываемых лет перестройки решительно перевешивает все просчеты и промахи Горбачева. Его Реформация дала главный, бесценный плод — Свободу, обладая которой общество имеет шансы добиться процветания и цивилизованности.

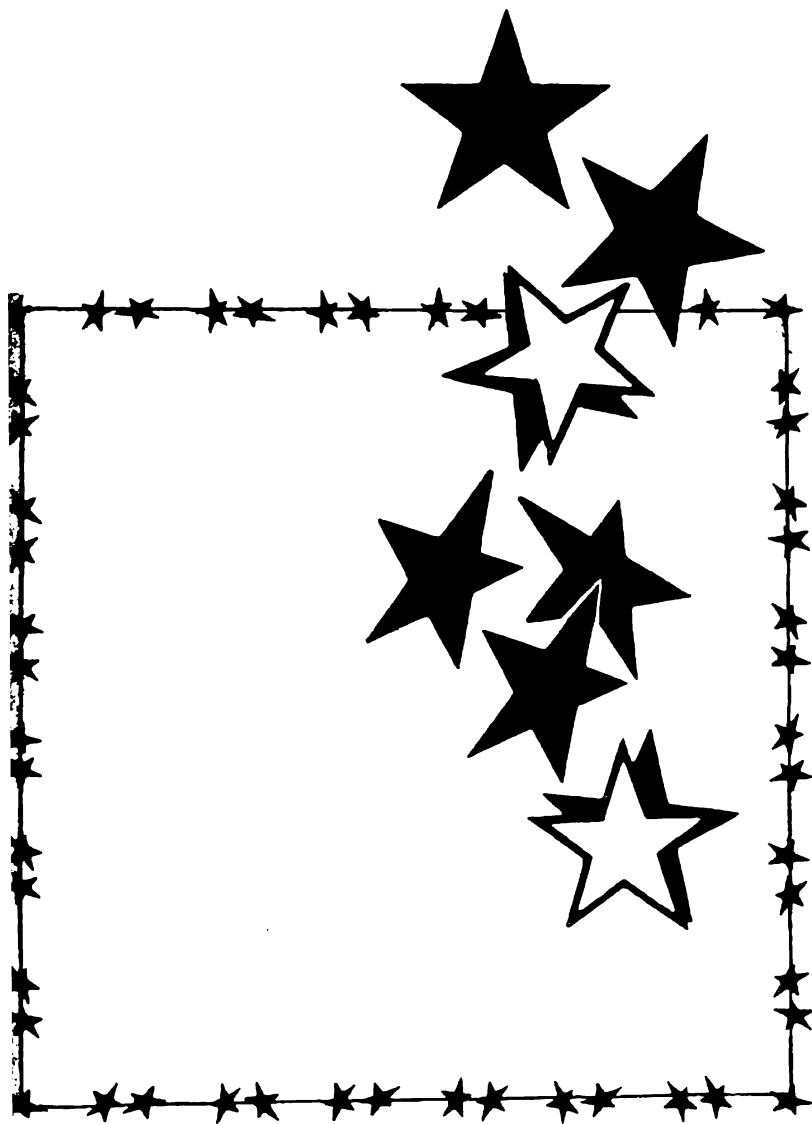
Когда в сентябре 1989 года мне довелось побывать в Вальми, на месте исторического сражения во Франции, и

услышать звуки старинного клавесина, я подумал, что вечно только минувшее и сегодняшние перемены. От прошлого нельзя «отказаться», его нельзя изменить. Над ним нельзя смеяться или мстить ему. Это н а ш е прошлое.

Горбачев — это почти прошлое. Но при этом не следует забывать, что ушедшее всегда сохраняет свою власть над грядущим.

**ВМЕСТО
ЗАКЛЮЧЕНИЯ:**

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

Россия дорога и любима в самых своих чудовищных противоречиях, в загадочной своей антиномичности, в своей таинственной стихийности.

Н. Бердяев

Ленин навсегда остался аятоллой, духовным вождем СССР (не России!). Государство, которое он основал в 1922 году, просуществовало около семи десятилетий, но духовная власть первого вождя все эти годы была беспрецедентной.

Практически незаметная жизнь будущего вождя на родине и в эмиграции закончилась для Ленина багрово-красной вспышкой таких перемен, которые «перевернули» не только Россию, но и многое в человеческой цивилизации. Видя в Боге «опиум для народа», Ленин явился, однако, источником «светской религии», которая стала господствовать в умах миллионов людей. При всем том, что Ленин знал себе «цену», при земной жизни он не мог, наверное, и предположить, что будет долгие десятилетия лежать в известной всему миру мраморной усыпальнице, к которой потекут миллионы людей, чтобы ему поклониться (а многие просто из-за большевистского ритуала или любопытства). Сделав всех россиян несвободными, он тем не менее станет для них идеологическим богом. При самой буйной фантазии нельзя было и подумать, что высшие правители великой страны дойдут до спиритуализма с «духом» Ленина. В начале марта 1973 года в присутствии всех руководителей КПСС давно почившему Ленину выпишут, как живому, партийный билет № 00000001, уже веря, что дух первого вождя присутствует в них самих, во всей советской действительности.

Невиданное идолопоклонство так захватит страну, что к уже имеющимся 70 тысячам памятников и бюстов коренному покорителю людей (в столицах, мелких городах,

селах, в заводских дворах, портах, пионерских лагерях) будут продолжать воздвигать все новые и новые монументы. Такой станет светская религия ленинизма, которая, отринув христианского Бога как миф, создаст уродливую легенду о вечно «живом Ленине». И ее будут воспринимать как «новую реальность».

«Человек, отрекаясь от одного Бога, — пишет А.Н. Яковлев, — непременно творит себе кумира на земле, воздвигает нового идола. Он ищет перед кем преклониться и чему служить... Но если небесный Бог невидим, непостижим, непознаваем, то земной идол виден, осязаем, его слушают, ему рукоплещут, и в этом огромное преимущество авторитаризма для примитивного сознания»¹. Человек в тоталитарном обществе хочет остаться рабом. Когда я вижу, как в середине девяностых годов пожилые мужчины и женщины несут на митингах портреты Ленина и Сталина, то чувствую: большевистское рабство им ближе, чем возможность, опираясь на свободу, пойти к цивилизованному обществу. Они не виноваты в этом: ленинизм оказался столь живучим, что его было трудно смести даже правдой.

В гениальной главе из романа «Братья Карамазовы» «Легенда о Великом Инквизиторе» Ф.М. Достоевский пишет, что у человека нет заботы тяжелее, чтобы передать кому-то Свободу, данную ему Христом. Ему с ней, свободой, мучительно трудно. К Свободе еще нужно прийти и осознать ее сердцем. Великий русский писатель-провидец, излагая свою «легенду», видел на сотню лет вперед...

История после смерти Ленина получит в стране однолинейный вектор развития: движение к коммунизму. Один из тех, кто был в начале своего пути марксистом, а затем стал его непримиримым критиком, глубокий мыслитель Карл Поппер в своей книге «Незавершенные поиски. Интеллектуальная автобиография» пришел к выводу, что «коммунизм — это вера в обещание создать лучший мир»². Лаконично и понятно. А главное, верно: «обещание».

На XXVII съезде КПСС, где была принята третья программа партии, сформулирована громоздкая, многоэтажная, в 13 строк дефиниция о сути коммунизма. Вот ее первая половина: «Коммунизм — это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на

средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающихся науки и техники, все источники богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип «от каждого по способностям — каждому по потребностям»...»³

На этот раз, помня об историческом конфузе Н.С. Хрущева, не стали устанавливать точных сроков пришествия коммунистического рая на земле, когда наконец «источники общественного богатства польются полным потоком...». Молодой генсек М.С. Горбачев скромно сообщил делегатам: «Сегодня можно сказать определенно лишь то, что выполнение нынешней Программы выходит за пределы текущего столетия»⁴.

Мне довелось быть на обоих партийных съездах, которые шли под эгидой седьмого «вождя» Михаила Сергеевича Горбачева. Он действительно был там самой заметной фигурой. Слушая раздел отчетного доклада о новой программе партии, который делал генсек, я ловил себя на мысли, что не знаю ни одного из своих близких друзей, кто бы верил в «коммунистическую перспективу». Мы все, я, конечно, тоже, уже относились к обильной коммунистической фразеологии как к необходимому и привычному ритуалу. Не больше. Все хотели лучшей жизни. Все еще верили, что она может наступить. Ну а коммунистические мифы — это вроде неизбежных и обязательных заклинаний-молитв.

Когда докладчик, говоря о коммунизме, вновь заявил, что «наши планы» опираются «на неисчерпаемое богатство идей Владимира Ильича Ленина» и «мы сможем выполнить завет великого Ленина с энергией, единством воли подниматься выше, идти вперед», чувствовалось, что какие-то привычные иррациональные эмоции уже овладели депутатами съезда.

— Иной судьбы нам историей не дано. Но какая, товарищи, это прекрасная судьба!⁵ — с пафосом заключил Горбачев.

Естественно, последовали «бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают». Самое парадоксальное заключалось в том, что, зная об эфемерности и призрачности цели, к которой звали людей, все аплодировали ис-

кренне. Во что-то нужно было верить... Хотели верить туманной надежде, чему-то далекому и ирреальному. То была какая-то партийная м и с т и к а.

Вспоминая эти события, пропущенные через свой разум и сердце, вновь и вновь убеждаюсь: мы — страна Веры. Веры в чудо. Веры в обещания. Когда у людей отобрали веру в Провидение и заменили ее верованиями в химеры и мифы, советские люди как бы превратились в призраки Шигалева, персонажа Достоевского из пророческого романа «Бесы». После «переделки», по Шигалеву, девяти десятых всех людей они готовы для первобытного рая в своем послушании одной десятой «избранных»... Главное — верить. В «шигалевщине» каждый «член общества смотрит один за другим и обязан доносить. Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное — равенство!»⁶.

Ленин и ленинизм преуспели в утверждении духовной методологии большевиков, своеобразной «шигалевщины», заставив поверить в их планы, в их историческую правоту, в их деяния. Инакомыслие было почти искоренено, интеллигенция оскоплена, Церковь разграблена, и некому было громко сказать людям слова из Евангелия от Матфея: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные»⁷.

Долгие годы продолжался социальный геноцид. Планомерно уничтожались казачество и царское офицерство, дворянство, купечество и зажиточные крестьяне, духовенство и непокорная интеллигенция. Мною было подсчитано, что только с 1929 года (начало коллективизации) по 1953 год (год смерти второго вождя) в СССР было репрессировано 21,5 миллиона человек. А Гражданская война, где погибло россиян больше, чем в империалистической, и которой так страстно желал Ленин... Вождь показал, как надо ликвидировать непослушных. Ведь это по его инициативе из десяти тысяч кронштадтских матросов 8,5 тысячи были репрессированы; с его согласия опустошена Тамбовская губерния; подавлены крестьянские восстания в Поволжье, на Дону, в Западной Сибири. И по сей час «хранители» этого «наследия» фактически закрывают на это глаза, предлагая вновь вернуться в прошлое!

Длинная цепь преступлений, начатая государственным

переворотом в октябре 1917 года и продолженная разгоном Учредительного собрания, убийством царской семьи и многими другими «революционными целесообразностями», чудовищно длинна. У истоков этой цепи стояли первые два вождя, персонифицируя своими именами один из главных инструментов большевиков — насилие.

Ленин в системе был светский аятолла, которому нужно было только верить, почитать и не сомневаться в гениальности его многотомья, любить бесчисленные сусальные «воспоминания соратников» и картинки, поставленные на пропагандистский конвейер. Великая р е а л ь н а я страна, р е а л ь н ы й могучий народ, р е а л ь н а я вечная культура оказались в плену большевистских химер.

Ленин сделал главное: добыл вожделенную власть; заложил основы общества и государства, которые, верил он, являются прообразом «всемирной коммунистической республики»; оставил чертежи коммунистического будущего и указал траекторию его достижения. Наследники-вожди должны были лишь следовать его мудрым «указаниям» и «заветам». Как верующие никогда не подвергают сомнению священную мудрость Иисуса Христа и Аллаха, так и коммунистические атеисты не могли усомниться в идеях и делах коренастого большевистского «пророка». Его «заветы», если называть вещи своими именами, свелись к антихристианству, антикапитализму, антидемократизму, антиреформизму, антигуманизму.

Лишь в какой-то степени третий «вождь» — Хрущев — попытался демонтировать антиреформизм, и «вождь» седьмой — Горбачев — объективно подверг сомнению, оставаясь ленинцем, весь набор ленинских постулатов. Простые люди, за ничтожным исключением правдоборцев, не могли и не хотели этого делать. Ленинский «социализм» многих устраивал. Всем, по крайней мере, была обеспечена гарантированная бедность. Нельзя отрицать определенного набора элементарных социальных достижений. Человеку нечего было бояться безработицы: за крайне низкую плату работа всегда гарантировалась, в чем выражалась особая форма эксплуатации государством человека. Не было «забот» с общественным выбором, за людей все решали навсеху: как голосовать, кого поддерживать, что осуждать, в чем проявлять «инициативу» и многое, многое другое.

Большевизация была доведена до черты, когда люди совсем не знали, что такое свобода, и, естественно, не ценили ее. Да и сейчас мы не умеем распорядиться свободой, нередко усматривая в ней лишь возможность творения беззакония, безнравственности, бездуховности.

Как пишет в своей превосходной книге «Горькая чаша» А.Н. Яковлев: «Цена индустриализации вкупе с феодальным управлением была катастрофически высокой, потери — и людские, и материальные — огромны, безразличные к человеку — беспредельно. Разлагавшаяся система разлагала и народ, толкая его к воровству и безделью, но всячески мешая жить честным трудом. Не будем кичиться, что не было безработицы. При крепостничестве ее тоже не было»⁸.

По-своему такая жизнь удобна для того, кто не знает аромата и ветра свободы, кто не протестует против «шигалевщины». Ленинский социализм, «полный», «окончательный», «развитой», всякий иной, «обоснованный» в недрах аппарата ЦК, внешне мог даже выглядеть привлекательно, учитывая советскую традицию умения показывать «исторические достижения». Но то, что такой социализм изначально имел две главные опоры — Ложь и Насилие, со временем всячески камуфлировалось и, конечно, всячески отрицалось.

Один из интеллектуальных помощников М.С. Горбачева Г.К. Шахназаров в своей книге «Цена свободы» пишет, что все имели возможность убедиться — «социалистические принципы в экономике могут ужиться с самым свирепым единовластием и произволом: безупречные в нравственном отношении идеологические постулаты об освобождении труда ничуть не мешали закабалению государством десятков миллионов своих граждан. С этой точки зрения правомерно сказать, что у нас были одновременно рабовладельческая и крепостническая формы эксплуатации труда. И в то же время господствовавшей общественной собственности нельзя отказать в социалистическом содержании»⁹. Так пишет глубокий аналитик социализма, продолжающий верить в «коллективное мессианство» советского народа.

Семь десятилетий — семь вождей. Это совпадение — историческая случайность. Но отнюдь не случайным является постепенное и неуклонное ослабление власти вож-

дя Системы. Власть генсеков, как власть большевизма, вообще незаметно слабела.

Первый и второй вожди обладали ничем не ограниченной диктаторской властью, хотя в наиболее зловещей форме это продемонстрировал Сталин, руководствуясь, правда, рецептами Ленина и «революционной совестью».

Хрущев — «вождь» третий, объективно пытавшийся сам ослабить роль единовластия, тем не менее остался верен идее большевистского абсолютизма, которую считал вправе материализовать лично. Достаточно вспомнить «дарение» Хрущевым Крыма, волевое изменение границ некоторых районов на Кавказе, кубинскую авантюру и другие «экстравагантные» шаги лидера. Власть первого лица уже не была диктаторской, но по-прежнему колоссально непререкаемой.

Брежнев — четвертый «вождь», пытавшийся законсервировать систему, не обладал для этого соответствующими качествами. Эрозия ленинских устоев общества и государства достигла особенно большой глубины во время его правления. При внешней неизменности огромной роли «первого» лица в партии и государстве наметился колоссальный разрыв между официальными атрибутами власти, ее публичным признанием и реальным отношением к ней. Все почувствовали ее внутреннюю слабость и ущербность. У растущего числа людей формировался дуализм мышления: одно на словах, другое на деле. Фактически многие партийные бонзы стали подспудно руководствоваться правилом мольеровского Тартюфа: кто грешит в тиши, греха не совершает.

Выглядит парадоксально, но это так: к моменту достижения военно-стратегического паритета с США, пика своего ракетно-ядерного могущества, Советский Союз в духовной своей основе начинал испытывать все большую внутреннюю неуверенность. Отсутствие у великой страны достойного ответа (его и не могло быть!) на критику Запада по поводу нарушений прав человека в СССР; ставшее хроническим бегство советских людей в свободный мир (остановить не удавалось); дефицит каких-либо конструктивных идей по выводу страны из перманентного экономического кризиса — все это демонстрировало реальное ослабление советских властей. Брежнев оказался «вождем» государства, военная мощь которого совсем не

гармонировала с реальными духовными основами властей, «не соответствовала» им. Роль общечеловеческих параметров бытия признавалась только формально. По-прежнему в оценке политических, социальных и идеологических процессов господствовал пресловутый «классовый подход».

Пятый и шестой «вожди» — Андропов и Черненко не могли ничего существенно изменить в неуклонном и необратимом процессе ослабления советской власти, коррозии роли аятоллы — светского и духовного лидера страны. Хотя Андропов, возможно, один из самых умных советских руководителей, пытался что-то изменить в роковом для режима ходе вещей, это не имело шансов на успех. Его стремление административными способами затормозить углубление кризиса системы не могло, естественно, дать желаемого результата. Дело совсем не в том, что смерть слишком рано похитила жизнь у пятого «вождя». Андропов со своим ленинским, чекистским мышлением не был способен на кардинальные перемены. Во многом, в главном, он действовал так же, как и все его предшественники. Вот небольшая фактическая иллюстрация.

В августе 1983 года Андропов встретился в Центральном Комитете с ветеранами партии, рассказывал им о своих намерениях через укрепление дисциплины добиться улучшения общей ситуации в обществе. Ветераны довольны, горячо поддерживают генсека. Дальше ход событий идет точно таким же образом, как и долгие десятилетия до Андропова. Политбюро на своем заседании 18 августа 1983 года постановляет: «Обеспечить пропаганду положений и выводов, содержащихся в выступлении товарища Андропова»¹⁰. Генсек сам подписывает это решение...

Вера в директивы, «указания» вождя, всемогущество партийного аппарата на самом деле во все большей мере демонстрировала слабость власти, не имеющей в своем арсенале иных средств воздействия на реальную действительность, кроме своих рутинных постановлений.

«Вожди» оставались в своих партийных кабинетах, а власть их исподволь, незаметно для внешнего наблюдения, ослабевала. Это выражалось прежде всего в «дряблой» исполнительности, формальном отношении к партийным директивам, росте государственного бюрократизма. Похоже, давнее указание Ленина по поводу «волоки-

ты» и бюрократизма осталось так же актуальным спустя десятилетия: «...сажать за это профсоюзовскую и коммунистическую сволочь (суд, пожалуй, помягче выразится) в тюрьму беспощадно»¹¹.

Когда внутренние причины «вытолкнули» Горбачева на вершину большевистской власти, она при всей внешней респектабельности и наличии мощных исполнительских рычагов сохранила все свои накопившиеся за десятилетия органические изъяны. Эти «изъяны» в определенных условиях (война, политический кризис, господство диктатуры) как раз и были выражением силы тоталитарного режима. Достаточно перечислить их, чтобы почувствовать обреченность ленинской модели: монополия на власть одной политической силы, директивная система управления, глубокий антидемократизм власти, закрытость общества, тотальный контроль, особая роль первого лица, которое никогда не избирается народом. Горбачев был лучшим лидером в этой большевистской семерке. Он сделал действительно много. Очень много. Мог бы и больше, если бы отказался от веры в возможность сохранения коммунистической системы и ее реформирования. А ведь 23 августа 1991 года, вновь встречаясь с прессой после спасения его демократами из форосского заточения, он заявил журналистам в том смысле, что, как и раньше, верит идеалам социализма и не исключает возможность совершенствования КПСС!

Начав великую Реформацию, Горбачев не смог точно определить ее цели. В этом его трагедия.

На фоне несомненного прогресса всей человеческой цивилизации, особенно европейской, существование тоталитарной коммунистической системы в СССР представлялось все большим диссонансом. При этом, разумеется, я очень далек от идеализации даже демократических режимов на Западе, не говоря уже о существующих многочисленных деспотиях в различных уголках мира.

Приход к власти М.С. Горбачева совпал с «вызреванием» глубинных причин кризиса ленинского детища, выжившегося, прежде всего, в глубоком ослаблении власти. Стоило седьмому «вождю» лишь слегка приоткрыть двери, за которыми находилась правда о многих событиях отечественной истории, истина о реальном состоянии немалого числа закрытых сфер общества, как люди почув-

ствовали бессилие неправой силы. События в Алма-Ате, Баку, Тбилиси, Вильнюсе показали, что применение военного «кулака» для решения внутренних проблем не дает желаемого результата. Партийные заклипания съездов и пленумов КПСС были не в состоянии «ускорить» социально-экономическое развитие, не могли остановить процесс дезинтеграции советского общества и рост национализма, оказались бессильными против стремления людей кардинальным образом изменить свою жизнь.

Позитивным результатом эрозии большевистской власти и ее первых «вождей» стало исчезновение ленинской системы, которая была аномальной в рамках «привычной» исторической эволюции.

Результатом негативным ликвидации коммунистической власти явилось исчезновение СССР как единого государства. Это образование (возможно, и не в полном составе) могло продолжать жить в виде демократической конфедерации, к чему объективно стремился последний «вождь». Впрочем, эта возможность не утрачена и сегодня.

Попытки реанимировать отжившую систему бесплодны и опасны. Даже при временном приходе к власти коммунистов, что в принципе исключать нельзя, ничего нового обществу они предложить не в состоянии. Их ленинский арсенал теперь прекрасно известен всем. Незрелой и неумелой российской демократии может не хватить лишь полутора-двух лет до момента, когда начнется экономическое оживление, а затем и бурный рост в стране. А это лучшие аргументы в пользу демократии и бесплодности коммунизма, который при всех грядущих обстоятельствах не имеет исторического будущего.

Семь вождей... Вглядываясь в лица тех, кто на протяжении семи десятилетий руководил советским государством, мы не только глубже понимаем судьбы генсеков, «стоявших над народом». История этих людей — отражение великой драмы великого народа.

Логика власти почти всегда безнравственна. Большевистской — особенно. Всякий раз с уходом очередного вождя (кроме первого: он был всем нужен для оправдания и обоснования своих поступков) каждый последующий лидер сразу же терял почтение к предшественнику. Это

было прагматично: все грехи сегодняшние можно было переложить на «вчерашнего» лидера.

Стоило «сослать» Хрущева на подмосковную дачу доживать свои дни в безвестье, как тут же вслед ему полетели стрелы осуждения и негодования. Так группа старых большевиков во главе с известным членом партии Акуловым пишет Брежневу письмо, где требует сократить Хрущеву пенсию, «дать квартиру с совмещенным санузлом», лишить персональной машины и т.д. И что же? Политбюро вдвое сокращает пенсию, предоставляет менее престижную дачу и т.д. Ведь пишут же большевики, «видевшие Ленина»: «Что он (Хрущев) оставил после себя, когда был руководителем партии и государства? Да ничего!»¹²

Большевицкие руководители фактически руководствовались древнеримским законом «Осуждения памяти», когда ушедшие в мир иной императоры предавались забвению. Горбачев оказался таким же последователем: через короткое время исчезли с карт названия городов (но не сами города) Брежнев и Черненко, названия улиц и кораблей, космического центра и шахты. «Любовь» и почитание граждан должны были фокусироваться на новом вожде. Хотя справедливости ради заметим, что только Горбачев и повел с этим решительную борьбу.

Если быть честным перед прошлым, настоящим и будущим, то следует с полной определенностью сказать: все лучшее, что было в нашей советской истории, чем мы гордимся и что из этого сохранилось и сохранится вечно, — результат деяний миллионов людей, продолжавших верить, несмотря на идеологические мифы ленинизма, в непреходящие ценности — Истину, Добро, Красоту. Во всем этом роль вождей глубоко вторична, особенно двух первых. Советский народ, которому выпала доля страдать, надеяться и снова страдать, построил и создал своим разумом, волей и трудом города, заводы, фабрики, плотины, дороги. Космос, культура, великий подвиг разгрома фашизма суть деяний великого народа.

Прошлому мстить бессмысленно. Советское прошлое не является «черной дырой» уже и потому, что в том времени прожили миллионы наших соотечественников, со своими радостями, болями и надеждами. В трагизме советской истории, полной зловещих и страшных страниц,

предопределенных ленинским экспериментом, были и страницы светлые, написанные вопреки логике большевизма.

Силуэты вождей, которые «вели» советских людей к «светлому будущему», — своеобразные вежи на этом драматическом пути. Как бы мы ни относились к Ленину, Сталину, Хрущеву, Брежневу, Андропову, Черненко, Горбачеву, они наиболее зримая часть нашей истории. В своей российской действительности мы давно привыкли приковывать свои взгляды к «императорским высочествам», видя в них олицетворение давно ушедших времен.

Советские «вожди», несмотря на марксистский вывод о решающей роли народных масс в истории, не смогли «отменить» известной исторической традиции: видеть в лидерах государств символ отгоревшего, отшумевшего, памятного и забытого, унесенного в вечность рекой времени.

Великое будущее России предопределено Провидением. Верю, за порогом следующего века мы будем участниками и свидетелями российского «экономического чуда», начала нового «серебряного века» культуры, станем одной из процветающих цивилизованных стран мира. Верю, что ряд республик бывшего Союза добровольно объединятся в Демократическую Евроазиатскую Конфедерацию. Верю, что эта неизбежность грядущего исторического взлета определена нашей трагической историей. Должны же мы чему-нибудь у нее научиться?! Мы выстрадали свое достойное грядущее и новых, достойных лидеров.

Галерея представленных портретов — это не только подлинные, документальные силуэты «вождей», прошедших по земле, но и в немалой степени наша собственная история в лицах. В них — наше прошлое, далекое и близкое. Гамлетовский конфликт между духом и бытием — вечен.

Мы не всегда осознаем, что прошлое дает духовные «предписания» настоящему и будущему.

Вожди «ушли». Их история остается с нами.

БИБЛИОГРАФИЯ

«Вождь» четвертый: ЛЕОНИД БРЕЖНЕВ

1. Брежнев Л.И. Материалы к биографии. М.: Политиздат, 1991. С. 50.
2. АПРФ. Ф. 80. Рабочие записи Брежнева. Л. 1.
3. Там же. Рабочие записи Брежнева в 1956 г. Л. 2.
4. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 17 декабря 1969 года. Л. 1—10.
5. Коэн Стивен. Переосмысливая советский опыт. Vermont, 1986. С. 153.
6. АПРФ. Ф. 80. Личное дело № 514 на Л.И. Брежнева. Л. 1—54.
7. Там же. Оп. 1. Д. 23. Л. 1—2.
8. Там же. Из личного дела Л.И. Брежнева. Л. 20—21.
9. Брежнев Леонид Ильич. Малая земля. М., 1979. С. 3.
10. АПРФ. Ф. 80. Дневниковые записи за 1944 г. Л. 51—52.
11. Громько А.А. Памятное. Книга вторая. С. 525.
12. Брежнев Леонид Ильич. Малая земля. С. 43.
13. АПРФ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 12. Л. 184.
14. Там же. Д. 14. Л. 65.
15. АПРФ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 18. Л. 299.
16. Там же. Д. 14. Л. 104.
17. АПРФ. Ф. 80. Рабочие записи за июль—август 1973 г. Л. 16.
18. Брежнев Леонид Ильич. Целина. М.: Политиздат, 1979. С. 10.
19. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро ЦК КПСС от 27 декабря 1973 г. Л. 7.
20. Там же. Л. 5, 6.
21. ЦХСД. Протокол заседания секретариата ЦК КПСС от 20 ноября 1972 г. Л. 1.
22. Брежнев Л.И. О внешней политике КПСС и советского государства. М.: Политиздат, 1973. С. 532.

23. АПРФ. Ф. 80. Рабочие записи Л.И. Брежнева за 1958—1959 годы. С. 41—48, 1, 2, 24, 27 и др.
24. Брежнев Л.И. Выступление на пленуме ЦК КПСС 27 ноября 1978 г. М.: Политиздат, 1978. С. 3, 7, 8, 9, 11, 14—15.
25. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро 3 января 1980 г. Л. 1—8.
26. Там же. Л. 4.
27. Брежнев Л.И. Материалы к биографии. С. 322.
28. АПРФ. Записки КГБ от 28 августа 1969 года. № 2169-«А». Л. 129.
29. РЦХИДНИ. Доклад КГБ при СМ СССР от 15 ноября 1976 г. № 2577-А. Л. 86—88.
30. АПРФ. Протокол политбюро № 56 от 19 мая 1977 года. Л. 1—13, 1—7.
31. Мльнарж Зденок. Холодом веет от Кремля. Нью-Йорк, 1988. С. 119—142.
32. АПРФ, Пакет № 255. Л. 1—2.
33. Мльнарж Зденок. Холодом веет от Кремля. 2-е изд. Нью-Йорк, 1988. С. 209.
34. АПРФ. Протоколы политбюро. Переговоры делегаций КПСС и КПЧ 26 августа 1968 г. Л. 1—39.
35. Мльнарж Зденок. Холодом веет от Кремля. С. 280—283.
36. Брежнев Л.И. О внешней политике КПСС и советского государства. М., 1973. С. 136.
37. Конституция СССР. М., 1977. С. 8, 15.
38. АПРФ. Ф. 3. Оп. 82. Д. 138. Л. 91—103.
39. Там же. Запись содержания беседы А.А. Громько с Шах Вали. П-1772. Л. 10—16.
40. Там же. Ф. 3. Оп. 117. Д. 73. Л. 132—133.
41. ЦХСД. Протокол политбюро № 176/125 от 12 декабря 1979 г. Л. 1—2.
42. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 7 февраля 1980 г. Л. 4—8.
43. ЦХСД. Протокол политбюро № 177 от 1 января 1980 г.
44. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 13.
45. АПРФ. «О единой трактовке событий в Афганистане». № 167 ГС от 26 февраля 1980 г. Л. 112—114.
46. Там же. Особая папка. № 682. Л. 1.
47. См.: Аргументы и факты. 1995. № 24.
48. О феномене советского политического анекдота хорошо написала Д. Штурман в одной из своих статей. См.: Время и мы. 1983. № 74. С. 128—147.
49. АПРФ. П 28/34 от 17 декабря 1966 г. Л. 1.
50. Там же. П 257 от 26 января 1974 г. Л. 1—4.
51. Медведев Рой. Личность и эпоха. Политический портрет Л.И. Брежнева. Кн. I. М., 1991. С. 289.
52. АПРФ. Ф. 80. Рабочие записи за апрель—май 1976. Л. 2—4.

53. Военский К. Година бед — година славы. СПб, 1908. С. 72.
54. АПРФ. Протокол заседания политбюро от 4 апреля 1985 г Л.249.
55. Там же. Пакет № 206-ОП. Л. 1—2.
56. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 13 апреля 1978 г. Л. 17—18.
57. Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. Культура, 1993. С. 16—17.
58. Медведев Рой. Личность и эпоха. Политический портрет Л.И. Брежнева. М. Новости, 1991. С. 296.
59. Брежнев Л.И. Материалы к биографии. С. 363.
60. ЦХСД. Протокол политбюро № П 12/XVII от 28 июля 1966 г. Л.1.
61. Там же. Протокол политбюро № П 111\VI от 6 июля 1978 г Л. 1.
62. Там же. Беседа Брежнева в Будапеште 18 марта 1975 г Л. 20.
63. АПРФ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.
64. Там же. Ф. 80. Записи военных лет. Л. 51, 51 об.
65. Там же. Ф. 80. Оп. 1. Д. 46. Л. 75.
66. ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 248. Л. 181
67. Медведев Владимир. Человек за спиной. М., 1994. С. 78—79.
68. АПРФ. Ф. 80. Дневниковая запись. Л. 1—2.
69. Доклад о снятии Хрущева с поста.
70. АПРФ. Ф. 80. Рабочие записи 15 октября—ноябрь 1964 г Л. 1—15.
71. См.: Брежнев Л.И. Материалы к биографии. С. 64—66.
72. АПРФ. Ф. 80. Рабочие записи 1968 г. Л. 10—26.
73. ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1.
74. АПРФ. Ф. 80. Из дневниковых записей 1973—1974 годов. Л. 2—28.
75. АПРФ. Особая папка. № 206. Л. 7.
76. Там же. Ф. 80. Рабочие записи на Международном Совещании представителей коммунистических и рабочих партий. Л. 4—10.
77. Там же. Особая папка. № 2526. Л. 2—12.
78. См.: ЦХСД. Докладная КГБ № 3213-«А». Л. 10.
79. Там же. Л. 10.
80. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро № 177 от 3 января 1980 г. Л. 52—58.
81. Дневники императора Николая II. Орбита, 1991. С. 360.
82. АПРФ. Ф. 80. Из дневниковых записей за апрель—май 1977 г. Л. 5.
83. Там же. Ф. 80. Рабочие записи Л.И. Брежнева разных лет.
84. Брежнев Л.И. Актуальные вопросы идеологической работы КПСС. Т. 2. М.: Политиздат, 1978. С. 387.
85. Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971. С. 14, 22.

86. АПРФ Особая папка. Пакет № 591. Л. 1—2.
87. Брежнев Л.И. Актуальные вопросы идеологической работы КПСС. Т. 2. С. 395.
88. Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966. С. 59.
89. Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971. С. 53.
90. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 54.
91. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 48.
92. Материалы XXIII съезда КПСС. С. 39.
93. Материалы XXIV съезда КПСС. С. 90.
94. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 9 сентября 1982 года. Л.348—350.
95. Там же. Ф. 80. Рабочие записи Брежнева с 1981 г по 22 июня 1982 г.
96. Там же. Особая папка. Пакет № 483. Л. 1—18.
97. Коэн Стивен. Переосмысливая советский опыт. Вермонт, 1985. С. 145.
98. Болдин В.И. Крушение пьедестала. М., 1995. С. 41—42.
99. Известия ЦК КПСС. 1988. № 2. С. 282—286.
100. Время и мы. 1979. № 44. С. 137.
101. См.: Медведев Владимир. Человек за спиной. М., 1994. С. 146—150.
102. См.: Медведев Владимир. Человек за спиной. С. 177—179.
103. Материалы XXVI съезда КПСС. С. 216.
104. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро ЦК КПСС от 10 ноября 1982 г. Л.1—5.
105. Там же. Стенограмма выступления Брежнева 18 марта 1975 г. в Будапеште. Л. 8.
106. Там же. Рабочая запись заседания политбюро ЦК КПСС от 18 ноября 1982 г. С. 464—465.

«Вождь» пятый: ЮРИЙ АНДРОПОВ

1. Конституция СССР. М., 1977. С. 5.
2. Время и мы. 1988. № 102. С. 206.
3. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро ЦК КПСС от 10 ноября 1982 г. С.1—3.
4. Соловьев Владимир, Клепикова Елена. Юрий Андропов: тайный ход в Кремль. Санкт-Петербург, 1995. С. 294.
5. Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. 2-е изд. М., 1983. С. 126.
6. АПРФ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 69. Л. 8.
- 7 Там же. Д. 61. Л. 2, 3, 4.
8. Хрущев вспоминает. М.: Прогресс, 1971. С. 398, 402.
9. Материалы пленума ЦК КПСС 14—15 июля 1983 г М., 1983. С. 12.
10. СЗ СССР. 1934. № 64. Ст 459.
11. АПРФ. Протокол заседания комиссии № 6 от 21 июля 1939 г.
12. Архив ФСБ. Дело № 2354. Л. 227—239.

13. РЦХИДНИ. Ф. 85. Оп. 29. Д. 349. Л. 4.
14. Донесение КГБ СССР № 1025-«А» от 6 мая 1968 г Л. 1—14.
15. Донесение КГБ СССР № 877-«А»/ОВ от 31 марта 1981 г Л. 1—11.
16. АПРФ. Особая папка. № 344. Л. 2—12.
17. Там же. № 664, 1220, 1520 и др.
18. Там же. Ф. 82. Оп. 1. Д. 17. Л. 71.
19. Там же. Доклады КГБ. № 55396. Л. 1—2.
20. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 7 января 1974 г. Л. 19—32.
21. Там же. Ф. 82. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.
22. Там же. Л. 8.
23. Там же. Доклад Комитета госбезопасности в ЦК КПСС от 20 декабря 1960 г. № 3313-«Ш». Л. 1.
24. Там же. Рабочая запись с совещания секретарей ЦК КПСС от 18 января 1983 г. Л. 1—25.
25. Там же. Ф. 82. Оп. 1. Д. 2. Л. 63.
26. Время и мы. 1988. № 102. С. 216.
27. АПРФ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.
28. Там же. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1137. Л. 198.
29. Там же. Д. 1113. Л. 1—257
30. Там же. Д. 1137. Л. 237.
31. Там же. Д. 1133. Л. 65.
32. АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1131. Л. 311.
33. Там же. Д. 1113. Л. 254.
34. Там же. Д. 1114. Л. 226.
35. Там же. Д. 1113. Л. 252.
36. Там же. Д. 1131. Л. 294.
37. Там же. Д. 1122. Л. 7.
38. АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1122. Л. 51, 58.
39. Там же. Д. 1133. Л. 150.
40. АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1139. Л. 95.
41. Там же. Ф. 82. Оп. 1. Д. 17. Л. 1—2.
42. Там же. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1133. Л. 198—199.
43. Там же. Д. 1170. Л. 7.
44. АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1165. Л. 3.
45. Там же. Л. 3—5.
46. АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1162. Л. 10—16.
47. Материалы пленума ЦК КПСС 14—15 июня 1983 г С. 24.
48. АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1165. Л. 109—110.
49. Там же. Д. 1148. Л. 119.
50. АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1154. Л. 11—12.
51. Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. 2-е изд. М., 1983. С. 131.
52. АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1169. Л. 214—215.
53. Там же. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1164. Л. 47

54. АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1161. Л. 18.
55. Там же. Д. 1154. Л. 2—9.
56. Правда. 1983. 1 сентября.
57. Известия. 1991. 25 января.
58. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 2 сентября 1983 г. Л. 1—9.
59. Там же. Ф. 82. Оп. 1. Д. 69. Л. 50.
60. Там же. Оп. 1. Д. 70. Л. 3.
61. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 24 марта 1983 г. Л. 19—21.
62. Там же. Ф. 82. Оп. 1. Д. 94. Л. 1—10.
63. Медведев Рой. Генсек с Лубянки. М., 1993. С. 198.
64. Чазов Е. И. Здоровье и власть. М., 1991. С. 109.
65. Комсомольская правда. 1994. 17 июня.
66. АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1138. Л. 223.
67. Там же. Оп. 73. Д. 1148. Л. 10.
68. Там же. Оп. 73. Д. 1114. Л. 154.
69. Там же. Оп. 73. Д. 1147. Л. 103—110.
70. Там же. Оп. 73. Д. 1164. Л. 49.
71. Там же. Д. 1122. Л. 160.
72. Там же. Оп. 73. Д. 1122. Л. 4.
73. Там же. Ф. 82. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.
74. Там же. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1116. Л. 73—75.
75. Там же. Оп. 73. Д. 1137. Л. 241.
76. Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. С. 124.
77. Ницше. Человеческое, слишком человеческое. СПб., 1908. С. 247.
78. Чазов Е. И. Здоровье и власть. М., 1991. С. 189.
79. АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1150. Л. 11—12.
80. Там же. Д. 1151. Л. 5.
81. Там же. Д. 1152. Л. 4—5.
82. Там же. Д. 1154. Л. 11—12.
83. Там же. Оп. 73. Д. 1162. Л. 10—16.
84. Там же. Оп. 73. Д. 1165. Л. 3.
85. Время и мы. 1986. № 89. С. 171.
86. АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1170. Л. 265—268.
87. Там же. Д. 1172. Л. 2—25.
88. Там же. Д. 1173. Л. 2.
89. Там же. Оп. 73. Д. 1175. Л. 37.
90. Там же. Оп. 73. Д. 1175. Л. 117.
91. Там же. Л. 125.
92. Там же. Д. 1176. Л. 51.
93. Там же. Оп. 73. Д. 1176. Л. 54.
94. Там же. Д. 1171. Л. 119—120.
95. Там же. Л. 5—25.
96. Там же. Оп. 73. Д. 1178. Л. 91.
97. Там же. Д. 1179. Л. 1—7.

«Вождь» шестой: КОНСТАНТИН ЧЕРНЕНКО

1. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 10 февраля 1984 г. Л. 119—125.
2. Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993. С. 11—12
3. Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева М.: Международные отношения, 1994. С. 283.
4. Гегель. Философия религии. Т. 1 М.: Мысль. 1976. С. 129
5. Русская мысль. 1984. 1 марта. С. 4.
6. АРПФ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 1182. Л. 7—20.
7. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 23 февраля 1984 г. Л. 139—140.
8. Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 420. Л. 25 об.
9. Там же. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1189. Л. 66—67.
10. Черненко К.У. Избранные речи и статьи. 2-е изд., дополненное. М., 1984. С. 667—669.
11. Вопросы истории КПСС. 1980. № 4. С. 11.
12. Русская мысль. 1986. 21 марта. С. 9.
13. См.: Афанасьев Виктор. Четвертая власть и четыре генсека. М.: Кедр, 1994. С. 53—54.
14. АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1183. Л. 129.
15. Шахназаров Георгий. Цена свободы. М., 1993 С. 40—41
16. АПРФ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 408. Л. 9—10.
17. Там же. Оп. 1. Д. 408. Л. 2.
18. Там же. Оп. 1. Д. 408. Л. 1.
19. Там же. Л. 1—101.
20. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 88. Д. 1061 Л. 6—8.
21. Там же. Л. 8.
22. Там же. Оп. 88. Д. 1061. Л. 9.
23. Там же. Л. 10—14.
24. Там же. Оп. 88. Д. 1061. Л. 14.
25. Там же. Оп. 88. Д. 1061. Л. 15.
26. АПРФ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 336. Л. 40.
27. Там же. Ф. 5. Оп. 88. Д. 1060. Л. 115.
28. Там же. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1233. Л. 263.
29. Там же. Ф. 5. Оп. 88. Д. 1069. Л. 7.
30. Черненко К.У. Избранные речи и статьи. 2-е изд., дополненное. М., 1984. С. 386.
31. АПРФ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 336. Л. 250—258.
32. Русская мысль. 1989. 24 марта. С. 10.
33. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 23 февраля 1984 г. Л. 131.
34. Там же. Ф. 3. Записка экономического отдела ЦК КПСС «Об использовании иностранной валюты в 1984 году». 22 июня 1985 г. Л. 1—6.
35. Там же. Оп. 73. Д. 1190. Л. 2—3.
36. Там же. Оп. 73. Д. 1196 Л. 232.
37. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 250.
38. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 88. Д. 1060. Л. 110—114.

39. Там же. Д. 1061. Л. 114—115.
40. Черненко К.У. Избранные речи и статьи. 2-е изд., дополненное. М., 1984. С. 368—394.
41. АПРФ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 233. Л. 1.
42. Там же. Оп. 1. Д. 233. Л. 2.
43. Цит. по: Медведев Рой. Генсек с Лубянки. С. 110.
44. Медведев Владимир. Человек за спиной. М., 1994. С. 74—75.
45. См.: Земцов И. Черненко. Советский Союз в канун перестройки. Лондон, 1988.
46. Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. С. 285.
47. АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1186. Л. 75—81.
48. Там же. Ф. 83. Оп. 1. Д. 143. Л. 10.
49. Там же. Оп. 1. Д. 143. Л. 6.
50. Там же. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1207. Л. 2.
51. Там же. Ф. 83. Оп. 1. Д. 193. Л. 38—50.
52. Медведев Вадим. В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М., 1994. С. 9.
53. АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1188. Л. 8—9.
54. Там же. Оп. 73. Д. 1190. Л. 87—89.
55. Там же. Оп. 73. Д. 1203. Л. 63.
56. Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Л. 66.
57. Там же. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1233. Л. 214.
58. Там же. Оп. 73. Д. 1200. Л. 2—20.
59. Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 199.
60. Черненко К.У. Высокий гражданский долг народного контролера. М., 1984. С. 6.
61. АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1223. Л. 3.
62. Там же. Оп. 73. Д. 1187. Л. 259.
63. Там же. Д. 1193. Л. 81—83.
64. Там же. Д. 1219. Л. 253—255.
65. Там же. Д. 1220. Л. 171.
66. Там же. Оп. 73. Д. 1223. Л. 7.
67. Там же. Д. 1190. Л. 3.
68. Там же. Л. 8.
69. Там же. Д. 1196. Л. 3.
70. Там же. Д. 1198. Л. 107.
71. АПРФ. Оп. 22. Д. 310. Л. 1—2, 6—8.
72. Руссо Ж.-Ж. Избр. соч. Т. 3. М., 1961. С. 644.
73. Материалы пленума Центрального Комитета КПСС. 10 апреля 1984 г. М., 1984. С. 6.
74. Материалы пленума Центрального Комитета КПСС. 10 апреля 1984 г. С. 20.
75. АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1277. Л. 3—12.
76. Материалы внеочередного пленума Центрального Комитета КПСС. 13 февраля 1984 г. М., 1984. С. 9.
77. АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1205. Л. 2—3.

78. Горбачев М.С. Живое творчество народа. М., 1985. С. 7.
79. АПРФ. Отчет о работе КГБ за 1983 год. № 408-4(ОВ). Л. 55—66.
80. Там же. Ф. 3. Оп. 73. Д. 120. Л. 123.
81. Гегель. Соч. Т. 7. М.-Л., 1934. С. 150.
82. АПРФ. Ф. 3. Записка Б. Гостева в ЦК КПСС. Л. 1—6.
83. Там же. Оп. 73. Д. 1226. Л. 1—7.
84. Там же. Оп. 73. Д. 1226. Л. 131—158.
85. Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. М.: Прогресс, 1993. С. 27.
86. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 9 января 1985 г. Л. 21—23.
87. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 7 февраля 1985 г. Л. 53—70.
88. Громыко А.А. Памятное. Книга вторая. М., 1990. С. 532—533.
89. АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1233. Л. 263.
90. Там же. Л. 263; Д. 1234. Л. 3, 4, 173, 213.
91. Там же. Оп. 73. Д. 1238. Л. 15.
92. Бердяев Николай. О назначении человека. Париж: Современные записки, 1931. С. 270.
93. См.: Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. С. 34.
94. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 11 марта 1985 г. Л. 126.
95. Грачев Андрей. Кремлевская хроника. М., 1994. С. 92.

«Вождь» седьмой: МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ

1. Болдин В. И. Крушение пьедестала. М., 1995. С. 125.
2. Любош С. Последние Романовы. Петроград, 1924. С. 97—98.
3. Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 20.
4. Горбачева Раиса. Я надеюсь... М., 1991. С. 12.
5. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 11 марта 1985 г. Л. 127.
6. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 10 февраля 1984 г. Л. 120.
7. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 11 марта 1985 г. Л. 126—136.
8. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 11 марта 1985 г. Л. 137.
9. Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 58.
10. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 15 октября 1987 г. Л. 164—165.
11. ЦХСД. Постановление секретариата ЦК КПСС № 1193 с. Л. 1.
12. Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. М., 1985. С. 9.

13. Громько А.А. Памятное. Книга вторая. 2-е изд., дополненное. М., 1990. С. 535.
14. Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 99—100.
15. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 15 октября 1987 г. Л. 141—142.
16. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 15 октября 1987 г. Л. 155.
17. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 22 сентября 1988 г. Л. 293.
18. Там же. Ф. 3. Оп. 104. Д. 4. Л. 7.
19. Демократизация — суть перестройки. Суть социализма. М.: Политгиздат, 1988. С. 49.
20. См.: Правда. 1990. 21 апреля.
21. Геллер М. Седьмой секретарь. London, 1991. С. 413.
22. Горбачева Раиса. Я надеюсь... С. 13.
23. АПРФ. Ф. 84. Записка Горбачева в политбюро от 20 ноября 1979 г. Л. 1—2.
24. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 24 января 1989 г. С. 108—111.
25. Там же. Ф. 3. Оп. 111. Д. б.н. Л. 165—170.
26. Там же. Стенограмма совещания секретарей ЦК КПСС 15 марта 1985 г. Л. 1—12.
27. АПРФ. Стенограмма совещания секретарей ЦК КПСС 15 марта 1985 г. Л. 3—7.
28. Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. М.: Культура, 1993. С. 319.
29. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 14 октября 1986 г. Л. 2.
30. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 4 апреля 1985 г. Л. 200, 248—251.
31. Горбачев М.С. Живое творчество народа. М., 1985. С. 5.
32. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 4 апреля 1985 г. Л. 251.
33. Континент. 1985. № 46. С. 216.
34. Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. М., 1985. С. 9—33.
35. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 6 февраля 1986 г. Л. 185.
36. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 15 октября 1987 г. Л. 138.
37. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 4 апреля 1985 г. Л. 251.
38. Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. С. 26.
39. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 20 марта 1986 г. С. 41.
40. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 6 февраля 1986 г. Л. 185.

41. Там же. Ф. 3. Оп. 109. Д. 163. Л. 3.
42. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 26 июня 1986 г. Л. 32—35.
43. Коммунист. 1989. № 18. С. 4.
44. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М., 1987. С. 20.
45. Коммунист. 1989. № 18. С. 11.
46. Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. С. 41.
47. Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 16—17.
48. Там же. 1989. № 12. С. 7—10.
49. Там же. 1990. № 1. С. 11—13.
50. Там же. 1989. № 5. С. 29—35.
51. АПРФ. Особая папка. № 644. Л. 1—4.
52. См.: Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. С. 1—422.
53. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 4 апреля 1985 г. Л. 251.
54. Правда. 1991. 19 августа.
55. Геллер М. Седьмой секретарь. London, 1991. С. 414.
56. АПРФ. Ф. 3 Оп. 73. Д. 1241. Л. 118—120.
57. Там же. Особая папка. № 92. Январь 1988 г. Л. 1.
58. Там же. Записка Министерства обороны СССР № 04311. Л. 1—4.
59. Там же. Запись беседы М.С. Горбачева с Наджибуллой. К Пр. ПБ. № 92. П. II. Л. 1—15.
60. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 18 апреля 1988 г. Л. 16.
61. См.: Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. С. 272—273.
62. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 24 января 1989 г. Л. 232—234.
63. Материалы пленума ЦК КПСС. 27—28 января 1987 г. М., 1987. С. 26.
64. Там же. С. 29
65. Там же. С. 70.
66. Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 124.
67. Время и мы. 1987. № 99. С. 123.
68. Горбачев М.С. Успех перестройки в руках народа. М., 1988. С. 22.
69. Материалы пленума ЦК КПСС. 27—28 января 1987 г. С. 75.
70. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 4 апреля 1985 г. Л. 212.
71. Там же. Ф. 84. Записка № 1107-Е. Л. 1.
72. Там же. Ф. 3. Оп. 58. Д. 177. Л. 69.
73. Там же. Оп. 113. Записка Чебрикова № П1240. Л. 1—5.
74. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 29 августа 1985 г. Л. 22—23.

75. Там же. Ф.3. Оп. 113. Записка Г. И. Марчука в ЦК КПСС № П2632. Л. 1—4.
76. Материалы пленума ЦК КПСС. 27—28 января 1987 г. С. 28.
77. АПРФ. Донесение КГБ СССР от 21 марта 1988 г. № 458—4. Л. 1—3.
78. АПРФ. Ф.3. Записка В.И. Терехилова в ЦК КПСС. ПБ—1778. Л. 1.
79. Конституция СССР. С. 8.
80. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 20 ноября 1989 г. Л. 409.
81. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 8 декабря 1989 г. Л. 529.
82. ЦХСД. Протокол заседания политбюро № 87 от 28 мая 1990 г. Л. 1—5.
83. Коммунист. 1989. № 18. Л. 16—17.
84. Проблемы Восточной Европы. Вашингтон, 1992. С. 104.
85. К гуманному демократическую социализму. Программное заявление XXVIII съезда КПСС. М., 1990. С. 4.
86. Известия. 1991. 13 июля.
87. Там же. 3 августа.
88. Горбачев М.С. Августовский путч. Новости, 1991. С. 63.
89. См.: Российская газета. 1991. 16 августа.
90. Правда. 1991. 20 августа.
91. Грачев Андрей. Кремлевская хроника. М., 1994. С. 278.
92. См.: Известия (вечерний выпуск). 1991. 4 сентября.
93. ЦАМО. Ф. 28. Оп. 93316сс. Л. 55—165.
94. ЦХСД. Протокол № 118 заседания Президиума ЦК от 19 октября 1957 г. Л. 121—130.
95. Там же. Л. 125.
96. АПРФ. Особая папка. № 766. Л. 1.
97. Там же. Срочное донесение. № 1789—2с. Л. 1.
98. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 28 апреля 1986 г. Л. 434—437.
99. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 29 апреля 1986 г. Л. 444—449.
100. Там же. Ф. 3. Оп. 102. Д. б/н. Л. 1—2.
101. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 15 мая 1986 г. Л. 519.
102. Там же. Л. 512.
103. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 5 мая 1986 г. Л. 465.
104. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 28 апреля 1986 г. Л. 436.
105. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 5 мая 1986 г. Л. 465.
106. АПРФ. Ф. 84. НР—1097 с. Л. 1.
107. Перестройка и новое мышление. М., 1987. С. 240.

108. ЦХСД. Ф.89. Оп. 11. Д. 51. Л. 1.
109. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 29 мая 1986 г. Л. 603
110. ЦХСД. Ф. 89. Оп. 11. Д. 55. Л. 1
111. Там же. Выписка из протокола № 11 заседания политбюро ЦК от 8 мая 1986 г. Л. 1—4.
112. Цит. по: Струве Глеб. Русская литература в изгнании. Paris: Imca-Press, 1984. С. 356.
113. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 5 мая 1986 г. Л. 458.
114. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 11 апреля 1985 г. Л. 274.
115. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 25 июля 1985 г. Л. 63—65.
116. Правда. 1986. 2 июля.
117. Грачев Андрей. Дальше без меня... Уход президента. М.: Прогресс-Культура, 1984. С. 84.
118. Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. С. 32.
119. Континент. 1985. № 46. С. 217.
120. Время и мы. 1986. № 90. С. 104.
121. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 29 июня 1985 г. Л. 3.
122. Там же. Л. 2—3.
123. Там же. Ф.3. Оп. 73. Д. 1278. Л. 192.
124. Континент. 1985. № 46. С. 215.
125. АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1276. Л. 5.
126. Там же. Ф. 3. Оп. 102. Д. 230. Л. 174.
127. Горбачев. М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1984. С. 144.
128. Континент. 1987. № 54. Л. 223.
129. Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. С. 190.
130. АПРФ. Ф. 3 Оп. 73. Д. 1278. Л. 192.
131. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 20 февраля 1986 г. Л. 210.
132. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. С. 143.
133. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 14 октября 1986 г. Л. 3—4.
134. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 6 мая 1985 г. Л. 12.
135. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 22 октября 1986 г. Л. 2.
136. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 74—76.
137. См.: Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. С. 264—265.
138. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 6 февраля 1986 г. Л. 169.

139. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 23 января 1986 г. Л. 104.
140. Там же. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1254. Л. 10.
141. Там же. Оп. 73. Д. 1242. Л. 13.
142. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 23 декабря 1985 г. Л. 1—3.
143. Соловьев Владимир, Клепикова Елена. Борис Ельцин. М., 1992. С. 44.
144. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 15 октября 1987 г. Л. 138.
145. Там же. Л. 139—140.
146. Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 239—241.
147. Там же.
148. АПРФ. Ф. 84. Записка Н.И.Рыжкова от 17 ноября 1987 г. Л. 1.
149. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. С. 86.
150. Там же. С. 86—89.
151. Там же. С. 39.
152. Соловьев Владимир, Клепикова Елена. Борис Ельцин. С. 57.
153. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 20 ноября 1989 г. Л. 415.
154. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 19 октября 1989 г. Л. 522.
155. ЦХСД. Выписка из протокола № 182 заседания политбюро ЦК КПСС от 22 марта 1990 г. Л. 1.
156. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 3 мая 1990 г. Л. 533.
157. Новое русское слово. 1994. 20—21 августа.
158. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 3 мая 1990 г. Л. А.С533, 560.
159. Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. С. 375.
160. Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. С. 382.
161. АПРФ. Записка А.А. Бессмертных М.С.Горбачеву. 6 сектор. 72089. Л. 1.
162. Ельцин Борис. Записки президента. М., 1994. С. 32—33.
163. XXXVIII съезд коммунистической партии Советского Союза. 2—13 июля 1990 г. Стенографический отчет. Т. 2. С. 500—501.
164. Ельцин Борис. Записки президента. С. 56.
165. Куранты. 1991. 7 мая.
166. Ельцин Борис. Записки президента. С. 53—54.
167. Ельцин Борис. Записки президента. С. 43.
168. Аргументы и факты. 1991. 24 августа.
169. Горбачев М.С. Августовский путч. М., 1991. С. 15.
170. Степанков В., Лисов Е. Кремлевский заговор. М., 1992. С. 149—150.

171. Ельцин Борис. Записки президента. С. 71.
172. Медведев Вадим. В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М., 1994. С. 21—23.
173. Горбачев М.С. Живое творчество народа (материалы конференции). М., 1985. С. 3—46.
174. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 13 марта 1986 г. Л. 241.
175. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 7—8 мая 1987 г. Л. 225.
176. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 27—28 декабря 1988 г. Л. 329.
177. Там же. Л. 24—246.
178. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 28 декабря 1988 г. Л. 528.
179. Континент. 1992. № 71. С. 218.
170. АПРФ. Рабочая запись заседания политбюро от 27—28 декабря 1988 г. Л. 329, 339.
181. Там же. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1277. Л. 7—9.
182. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 22 ноября 1985 г. Л. 395.
183. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 19 февраля 1988 г. Л. 575—576.
184. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 18 февраля 1988 г. Л. 538—539.
185. Там же. Ф. 3. Оп. 60. Д. 10. Л. 88.
186. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 15 января 1988 г. Л. 320.
187. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 29 июня 1989 г. Л. 200—208.
188. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 30 мая 1987 г. Л. 483—502.
189. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 27—28 декабря 1988 г. Л. 339.
190. Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 60.
191. АПРФ. Шифротелеграмма из Тбилиси от 9 апреля 1989 г. № 220/Ш. Л. 177—178.
192. Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 57—62.
193. ЦХСД. Протокол № 8 заседания политбюро от 25 апреля 1991 г. Л. 1—2.
194. Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. С. 516—521.
195. Независимая газета. 1992. 17 сентября.
196. Огонек. 1995. № 11. С. 11.
197. Аргументы и факты. 1993. 20 мая.
198. АПРФ. Записка М.С.Горбачеву от 13 марта 1987 г. № П439. Л. 1—6.
199. Там же. Ф. 84. Записка Горбачева «Об оценке советско-германских договоров 1939 года». Л. 1—2.

200. Там же. Рабочая запись заседания политбюро от 5 мая 1988 г. Л. 108—122.
201. АПРФ. Особая папка. № 20-06/197. Л. 1—25.
202. АПРФ. Особая папка. П-13/144 от 5 марта 1940 г. Л. 1—10.
203. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. С. 163.
204. АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 5. П. 105-а. Л. 60—65
205. Цит. по: Проблемы Восточной Европы. Вашингтон, 1992. № 35—36. С. 103.
206. Известия. 1993. 25 мая.

Вместо заключения: ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

1. Яковлев А.Н. Горькая чаша. Ярославль, 1994. С. 149.
2. Popper Karl. Unended Quest. An Intellectual Autobiography Fontana/Collins, 1976.
3. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 138.
4. Там же. С. 94.
5. Там же. С. 96, 97.
6. Достоевский Ф.М. Бесы. М.: Славянка, 1994. С. 241, 249.
7. Новый Завет. Евангелие От Матфея (7 : 15).
8. Яковлев А.Н. Горькая чаша. С. 143.
9. Шахназаров Георгий. Цена свободы. М., 1993. С. 596.
10. АПРФ. Ф. 3. Оп. 73. Д. 1152. Л. 4.
11. Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 89.
12. АПРФ. Ф. 3. Оп. 62. Д. 180. Л. 16—17

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абакумов В.С. 120, 127
Абалкин Л.А. 393
Аветисян С.П. 220
Авторханов А. 127, 362
Аграновский А. 73
Аденауэр К. 374
Аксельрод П.Б. 296
Аксенов В.П. 336
Аксютин Ю.В. 7
Акулов 443
Александр I (Романов) 70, 315
Александр II (Романов) 284, 285, 286
Александров А.А. 184, 310
Александров А.П. 92
Александров-Агентгов А.М. 203, 242, 245, 280, 363, 415, 423
Алексеева Л.М. 39, 135
Алиев Г.А. 157, 193, 286, 288, 289, 354, 378
Аллилуева С.И. 259, 313, 314
Алхимов В.С. 95
Аль Бейд 412
Амальрик А. 134
Амин Х. 55, 56, 57, 58, 59, 60, 62, 180, 205
Андреотти Дж. 249
Андропов И.Ю. 176
Андропов Ю.В. 9, 10, 26, 36, 37, 38, 39, 44, 57, 58, 59, 60, 65, 86, 87, 88, 89, 91, 92, 99, 100, 101, 105, 107, 109, 110, 113—194, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 206, 207, 209, 212, 214, 217, 231, 234, 235, 240, 241, 242, 257, 259, 261, 273, 274, 295, 304, 315, 321, 363, 364, 365, 367, 368, 376, 391, 406, 409, 410, 426, 440, 444
Андропова Т.Ф. 187
Анисимов С.В. 325
Аношкин В. 64
Антипов А.И. 220
Арбатов Г.А. 84, 131, 388, 415, 416, 417

- Арманд И.Ф. 413
Арсеньев К.И. 284
Арсентьев В.А. 192
Аугштайн Р. 131
Афанасьев Ю.Н. 420
Ахромеев С.Ф. 415
Бабель И.Э. 372
Бабко В.В. 325
Баграмян И.Х. 85
Байбаков Н.К. 95
Бакланов Г.Я. 327, 393
Бакланов О.Д. 379
Батмунх Ж. 321, 365
Бекмуратов 217
Белицкий Л.Н. 324
Бергман С.Л. 127
Бердяев Н.А. 7, 113, 197, 275, 279, 433
Берия Л.П. 83, 120, 208, 335
Берлингуэр Э. 52, 163, 181
Бернштам М.С. 39
Бессмертных А.А. 397
Биньковский И.Ф. 127
Бисмарк О. фон 404
Блатов А.И. 91, 92
Бобков Ф.Д. 131, 317
Бовин А.Е. 131, 241, 415
Богинский В.Ф. 127
Боголюбов К.М. 190, 220, 268, 304, 376, 415
Боголюбов О.Т.
Бодюл И.И. 21, 75, 92, 273
Болдин В.И. 103, 280, 299, 415, 416, 417, 421, 422, 426
Болотников И.И. 418
Бондарев Ю. В. 316, 327, 393
Бондаренко В.В. 24, 192
Бондаренко И.А. 302
Боннер Е.Г. 39, 135, 258, 336, 337
Брандт В. 69, 321
Брежнев Л.И. 7—110, 113—114, 115, 116, 117, 129, 130, 131, 132, 137, 138, 143, 146, 147, 148, 172, 177, 179, 183, 184, 198, 199, 201, 298, 213, 214, 217, 219, 220, 222, 223, 226, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 246, 247, 261, 270, 273, 284, 302, 303, 304, 308, 309, 315, 363, 364, 406, 411, 439, 443, 444
Брежнева В.П. 78
Брежнева Г.Л. 91, 115
Брутенц К.Н. 131
Буденный С.М. 85, 276
Буковская 135
Буковский В.К. 38, 88, 134, 136

Буренков С.П. 357
Бухарин Н.И. 300
Буш Дж. 306, 361, 417

Вакиль 180
Валенса Л. 159
Варделебен 362
Варенников В.И. 402, 403
Ватанжар 56
Ватутин Н.Ф. 12
Великодный Л. 281
Величко В.М. 255
Венцен 87
Верхорубов 32
Вит С. 362
Власов А.А. 354
Вознесенский Н.А. 127
Волина Н.Г. 417
Вольский А.И. 131
Воробьев 127
Воротников В.И. 167, 171, 288, 289, 354, 378, 380, 387
Ворошилов К.Е. 85
Вэнс С. 91

Галицкий М.И. 325
Гамсахурдия З. 134
Ганди И. 67, 374
Ганди Р. 321, 367
Гарбузов В.Ф. 95
Гастев 135
Гдяян Т.Х. 420
Гегель Г.В.Ф. 204, 266
Гейл Р. 357
Геллер М. 300, 323, 362
Генкин Д.М. 135
Геншер Х.Д. 180, 247, 249
Герцен А.И. 213, 284, 285
Гесс Г. 258
Гёте И.-В.
Гинзбург А.И. 39, 134
Гитлер А. 13, 313
Глазунов И.С. 70
Голиков В.А. 80, 84
Голь Ш. де 374
Голь Ака 56
Гольдштюккер Э. 43
Гомельюк А.К. 325
Гомер 361
Гомулка Г. 42, 87

- Горбаневская Н. 134
Горбачев М.С. 12, 19, 27, 34, 41, 69, 71, 74, 103, 105, 110, 118, 131, 141, 142, 144, 154, 157, 167, 169, 170, 185, 199, 2-1, 203, 208, 216, 229, 231, 235, 254, 257, 260, 262, 263, 264, 268, 270, 272, 273, 275, 276, 279—430, 435, 437, 441, 443, 444
Горбачев С.А. 291
Горбачева М.П. 291, 420
Горбачева Р.М. 280, 281, 287, 293, 301, 421
Городовиков Б.Б. 91
Горшенин К.П. 127
Горький (Пешков) А.М.
Гостев Б.И. 227, 229
Грачев А.С. 276, 280, 345, 361, 416
Гречко А.А. 27, 43, 44, 47, 85
Григоренко П.Г. 38, 39, 134, 135
Григорьев В.А. 357
Гришин В.В. 26, 59, 92, 131, 154, 167, 169, 199, 235, 245, 270, 273, 276, 286, 288, 305, 321, 379, 380
Гришкин Е.В.
Громыко А.А. 18, 26, 50, 56—57, 59, 65, 92, 103, 154, 156, 159, 160, 167, 168, 169, 171, 172, 178, 180, 182, 184, 200, 201, 203, 234, 235, 245, 247, 248, 249, 253, 258, 268, 270, 272, 286, 287, 288, 296, 317, 324, 354, 364, 366, 379, 380, 388, 425
Грох М. 362
Грошнер 362
Грунт Ф.Я. 127
Грушевой К.С. 16, 17, 21, 32, 75
Гуль-Ага 180
Гулябзой 180
Гурков 362
Гусак Г. 91, 151, 249, 321
Гусев В.В. 325
Гусев М.П. 192
- Давидок С.М. 69
Даллес А. 126
Дан (Гурвич) Ф.И. 296
Даниэль Ю. 38
Дауд М. 54, 55, 92
Дейч М. 395
Деменцев В.В. 334
Демичев П.Н. 167, 288, 289
Десту А. 251
Джилас М. 310, 363, 365
Дзержинский Ф.Э. 120, 136
Добрынин А.Ф. 131
Долгих В.И. 141, 144, 167, 169, 170, 228, 288, 289, 304, 352, 353, 354, 377
Дорошина Г.А. 18, 91, 92

- Достоевский Ф.М. 332, 434, 436
Дубчек А. 41, 42, 43, 44, 45, 48, 49, 50, 51, 52
Дударь В.М.
Душин 13
- Егоров В. 362
Егоров М.А. 220
Егоров М.В. 350
Егорычев Н.Г. 7, 102
Ежов Н.И. 120
Ельцин Б.Н. 103, 297, 343, 344, 345, 346, 376—390, 392, 393, 395,
396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 420, 429
Ельцина Н.И. 281
Емохонов Н.П. 131
Епишев А.А. 12, 56, 68, 92, 180, 261
Еременко А.И. 85
Ермолаева К.Г. 220
Есенин-Вольпин А.С. 88
Ефремов Л.Н. 284, 293, 294
- Жданов А.А. 208
Желтов А.С. 15, 24
Живков Т. 42, 87, 248, 249
Жуков Г.К. 70, 81, 349
Жуковский В.А. 284
Журавлев В.А. 325
- Забалуев 31
Завьялов В.А. 308
Задемидко А.Н. 31
Зайков Л.Н. 379
Зальгин С.П. 316
Замятин Л.М. 17, 131, 182, 186
Заплатин В.П. 58
Заславская Т.И. 415
Земцов А.Н. 325
Земцов И. 243
Зимянин М.В. 141, 167, 170, 270, 288, 289, 304
Зингер И. 409
Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. 300
Зия уль-Хак 306
Зорге Р. 126
- Иван IV Васильевич 418
Иванов 95
Иванов Н.В. 420
Ивановский Е.Ф. 412
Ивашко В.А. 345, 420
Ивашутин В.А. 325

Игнатенко В.Н. 17

Игнатов Н.Г. 83

Ильин В.И. 33

Искандер Ф.А. 336

Кадар Я. 42, 45, 151, 152, 159, 249, 251, 326

Кадафи М. 251, 321

Кадыр А. 56

Казаков И. 218

Казятин М.Ф. 127

Калашников М.Х. 75

Калинин М.И. 127

Кан Сен Ен 229

Калек А. 45, 46

Капитонов И.В. 9, 141, 167, 171, 201, 288, 289

Карагланов 92

Каракозов Д.В. 285

Кармаль Б. 58, 62, 205, 251

Карпов А.Е. 270

Картер Дж. 55

Каспаров Г.К. 270

Кастро Р. 151, 243

Кастро Ф. 191, 251, 365

Кагушев К.Ф. 87

Каценелинбойген А. 331

Кекконен У.К. 243

Керенский А.Ф. 126, 300, 404

Кибенок В. 357

Ким Ир Сен 229, 251, 252, 253, 254, 359, 365

Ким Чен Ир 254

Киплинг Р. 261

Кириленко А.П. 9, 21, 50, 59, 91, 92, 115

Кисель А.Г.

Киссинджер Г. 69, 86, 243

Клаузевиц К. 360

Клементик В. 43

Клепикова Е. 104, 118, 119, 186, 382, 392

Кнорринг И. 358

Князев С.В.

Кобец К.И. 399, 400

Кожанов М.У. 325

Койвисто М. 249

Колаковский Л. 211

Колдунов А.И. 415

Коль Г. 180, 181, 206, 247, 258, 306

Кольцов (Фридлянд) М.Е. 372

Конев И.С. 122, 123

Копелев Л. 336

Копенкин А.Н. 90

- Корвалан Л. 88, 136
Корниенко Г.М. 167, 170, 248, 365
Корнилов В.А. 336
Коротков А.В. 425
Корчак А.А. 39
Костенко А.П.
Косыгин А.Н. 44, 50, 86, 90, 91, 95, 295
Коэн С. 10, 101—102
Крайнюков К.В. 12
Кракси Б. 321
Красин В. 88
Кригель 45, 48
Кромвель О. 404
Кручина Н.Е. 304
Крючков В.А. 131, 399, 400, 407, 413, 417
Кузьмин 95
Кузнецов В.В. 167, 171, 288, 289
Кулаков Ф.Д. 284, 293, 294, 321
Куликов В.Г. 63, 64
Кунаев Д.А. 9, 288, 289
Кутепов А.П. 130
- Лагутин А.И. 127
Ланда М.Н. 39, 135
Ланоян 87
Лаперуз Ж.-Ф. 274
Лапин С.Г. 131
Ларионов 302
Ле Зуан 151, 249, 321, 365
Лежелеков 131
Ленин (Ульянов) В.И. 11, 12, 22, 38, 41, 63, 66, 69, 71, 86, 92, 93, 94, 96, 98, 101, 105, 110, 118—120, 121, 124, 135, 136, 137, 139, 149, 153, 154, 158, 177, 181, 182, 189, 192, 197, 204, 208, 209, 210, 216, 230, 231, 241, 245, 250, 251, 259, 260, 262, 273, 276, 279, 281, 282, 291, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 313, 318, 319, 326, 332, 343, 356, 363, 367, 370, 375, 393, 394, 404, 411, 412, 413, 423, 433, 434, 435, 436, 437, 439, 440, 443, 444
Леонардо да Винчи 18
Леселидзе К.Н. 70
Лигачев Е.К. 92, 189, 273, 285, 288, 289, 304, 327, 333, 353, 354, 377, 387, 393, 413
Линь Бяо 130
Лятвинов П. 88
Логинов А.А. 92
Лозовский С.А. 127
Ломако П.Ф. 31
Лопаткин Н.В. 92
Лукьянов А.И. 343, 345, 415, 416, 422, 423, 429
Лушев П.Г. 414

Лушиков А.П. 417
Людовик XVI 274
Лютер М. 404
Ляшко А.П. 259

Мазуров К.Т. 9
Майков А.Н. 308
Майорец А.И. 255
Максимов В. 88, 336
Максимова Е.А. 126
Макухин А.Н. 352
Маленков Г.М. 13, 21, 24, 411, 412
Малеттер П. 123
Мальцев П.Т. 70, 365
Манаенков А.М. 379
Мандельштам О.Э. 362
Мао Цзэдун 166
Марков Г.М. 316
Маркс К. 125
Мартов (Цедербаум) Ю.О. 296, 404
Марченко А.Т. 39
Марченко М.И.
Марчук Г.И. 337
Масалиев Е.Х. 417
Маслюков Ю.Д. 417
Махамов Е.М. 417
Машел С. 179
Машеров П.М. 24
Маяковский В.В. 341
Медведев В.А. 250, 280, 379, 406, 412, 413, 415, 416, 424, 425
Медведев В.Т. 82, 106, 107, 243, 280
Медведев Р.А. 69, 119, 124, 176, 241
Медунов С.Ф. 302
Мезенцев С. 14, 15
Мельников А.Т. 420
Мельников Л.Г. 20
Менгисту Х.М. 250, 251
Менжинский В.Р. 120
Ментешапвили Т.Н.
Меркулов В.Н. 127
Метальников Н.И. 127
Мехлис Л.З. 18, 80
Миллер Е.К. 130
Миллер Р. 362
Милоков П.Н. 404
Миттеран Ф. 306, 367
Михоэлс (Вовси) С.М. 128
Миямото К. 193, 274
Млынарж З. 41, 42, 47, 50, 52, 340

Можаев Б.А. 336
Молоотов (Скрябин) В.М. 208, 209, 425, 426
Мольер Ж.-Б. 32
Москаленко С.К. 85, 92
Мошков Л. 426
Музыка А.В. 192
Мураховский В.С. 284, 358
Мурзин А. 25, 73
Мухаммед Али Насер 181, 251, 412

Наджиб (Наджибулла) 205, 326, 327
Надь И. 123
Накасоне Я. 306
Налбандян Д.А. 70
Наполеон I (Бонапарт) 70
Нафиков Х.М. 324
Ненашев М.Ф. 320, 321
Непорожний П.С. 273
Николай I (Романов) 284
Николай II (Романов) 82, 85, 89, 90
Никсон Р. 30
Никулин С.П. 325
Ницше Ф. 183
Новак 22, 26
Нури 87
Нурiev З.Н. 95, 305

О Дни У 229
Огарков Н.В. 59, 65, 167, 170
Окуджава Б.Ш. 336
Олейник Б.И. 281
Оруэлл Дж. 171
Осяпович 168
Оуэн Д. 202

Павлов Г.С. 91
Павловский И.Г. 58
Пальме У. 90
Панкратьев М.И. 127
Патиашвили Д. И. 418
Паустовский К.Г. 265
Пеликан 41, 51
Пельше А.Я. 36, 59, 131, 141, 142, 175, 321
Пеньковский О. 409
Перес Ш. 409
Петерс Л. 259
Петефи Ш. 123
Петров В.И. 254
Петровский Б.В. 76

- Печенев В.А. 262
Пимен (Извеков С.М.) 411
Пирожков В.А. 131
Пихоя Р.Г. 425
Плеханов Г.В. 296, 323, 391, 404
Подгорный Н.В. 9, 50, 68, 91
Поляков Д.Ф. 409
Полянский Д.С. 83
Пономарев Б.Н. 50, 56, 57, 59, 91, 133, 141, 235, 288, 304, 321
Пономаренко П.К. 21, 24, 25
Попков П.С. 127
Поппер К. 434
Правик В. 357
Прибытков В. 262
Примаков Е.М. 415
Пузанов А.М. 57, 58
- Разумовский Г.П. 379
Раймонд Ж.-Б. 362
Ракоши М. 124
Рамакришна (Гадаухар Чатгерджи) 362
Распутин В.Г. 316
Рассел Б. 369
Рашидов Ш.Р. 92
Рейган Р. 159, 168, 179, 193, 206, 246, 247, 307, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 410
Рекунков А.М. 258, 335
Риббентроп И. фон 426
Риган Д. 365, 368
Ришелье А.Ж. дю Плесси 93
Родина В.Г. 381
Родригес К.Р. 249
Романов Г.В. 144, 154, 167, 170, 199, 228, 235, 270, 271, 286, 288, 289, 304, 321, 379
Ростропович М.Л. 38
Роцин М.М. 336
Рубин А. 176
Руденко Р.А. 89
Рузвельт Ф.Д. 72, 374
Русаков К.В. 90, 141, 201, 288, 289, 304
Руссо Ж.-Ж. 260
Руст М. 414
Рыбаков А.Н. 336
Рыжков Н.И. 141, 144, 167, 201, 288, 289, 304, 336, 354, 355, 356, 387, 389, 412
Рябенко В.П. 74, 92, 235
Рябков В.М. 417

- Савинкин Н.И. 131
Сазев 362
Салова 135
Салтыков-Щедрин М.Е. 90
Сауэ 87
Сахаров А.Д. 37, 39, 86, 87, 88, 890, 135, 258, 285, 301, 336, 337, 338, 369, 372, 394
Сахи Г. 56
Сахнин А.Я. 17, 18, 73
Светов 336
Свешников М.Н. 133
Свифт Дж. 70
Свобода Л. 47, 49, 50
Севрук 131
Семенова 135
Синявский А.Д. 38
Ситарян С.А. 415
Скоукрофт 361
Славик 46
Славский Е.П. 31
Сланский Р. 43
Слепак В.С. 39
Смирнов А.Л. 325
Смирнов Г.Л. 425
Смиртюков М.С. 67
Смрковский Й. 41, 42, 43, 45, 48, 50
Собаченков В. 107
Соколов С.Л. 27, 324, 351, 354, 414
Соколов Ю.К. 143
Солженицын А.И. 38, 87, 88, 135, 285, 301, 336, 412, 413
Соловьев В.А. 103, 118, 119, 186, 382, 392
Соловьев В.Т. 127
Соломенцев М.С. 9, 103, 141, 167, 170, 286, 288, 314, 317, 333, 380
Солоу 70
Сперанский М.М. 284, 286, 315
Сталин (Джугашвили) И.В. 8, 9, 10, 13, 19, 21, 22, 23, 27, 29, 34, 66, 71, 75, 84, 85, 93, 96, 110, 124, 126, 128, 139, 146, 153, 177, 183, 197, 204, 208, 216, 231, 241, 242, 253, 254, 259, 291, 299, 300, 303, 308, 311, 313, 314, 317, 322, 328, 340, 348, 372, 384, 391, 412, 413, 425, 426, 434, 439, 444
Старчик П. 135
Степанов А.М. 127
Степашин С.В. 399, 400
Стецко Я. 156
Стольпин П.А. 286
Сторожевой 92
Суслов М.А. 26, 42, 47, 50, 59, 65, 68, 83, 91, 92, 113, 115, 179, 225, 239, 274, 295, 321

- Танака Г. 86
Тараки Н.М. 54, 55, 56, 57, 58, 62, 205, 251
Тарун
Тауглих А.Я. 127
Телятников Л.П. 357
Теребилов В.И. 338
Тимофеев И.А. 127
Тимошенко С.К. 85
Тито И.Б. 52, 130, 243
Тихонов В.В. 74
Тихонов Н.А. 26, 32, 84, 95, 109, 116, 154, 167, 169, 199, 200, 203, 208, 245, 253, 287, 288, 321, 378
Тлас М. 251
Толкунов Л.Н. 131
Тонких И.В. 127
Трапезников С.П. 21, 32, 75, 84
Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 300
Трюдо П. 181, 191
Туполев А.Н. 31
Тэтчер М. 67, 247, 248, 367
Тяжельников Е.М. 131
- Ульбрихт В. 42
Устинов Д.Ф. 26, 27, 31, 34, 56, 59, 60, 61, 77, 91, 92, 108, 109, 113, 116, 117, 160, 165, 167, 168, 169, 178, 179, 184, 192, 199, 201, 203, 230, 234, 235, 245, 253, 274, 321
- Фалин В.М. 72, 73, 82, 131, 379
Федирко П.С. 302
Федоров В.Д. 183
Федорчук В.В. 131, 335
Фетисов Н. 217
Фефер И 362. 127, 128
Фешман 362
Фионов И.М.
Фихман С.Л. 127
Фомвихан К. 151, 365
Франкечини 362
Фролов И.Т. 310, 379, 415
- Хаммер А. 357
Хартман 191
Хасбулатов Р.И. 343
Хау Дж. 247
Ходасевич В.Ф. 405
Ходжа Э. 87
Хонеккер Э. 151, 248, 249
Хрущев Н.С. 7, 8, 9, 10, 13, 14, 19, 20, 21, 24, 25, 29, 31, 33, 41,

66, 68, 72, 75, 81, 83, 84, 85, 93, 94, 96, 99, 101, 110, 122, 123, 124, 131, 137, 146, 147, 166, 177, 197, 198, 208, 217, 231, 234, 242, 299, 302, 313, 349, 374, 391, 425, 435, 437, 439, 443, 444

Хрущева (Кухаренко) Н.П. 281

Хусейн С. 180

Цвигун С.К. 21, 32, 75

Цеденбал Ю. 151, 191, 251

Цинев Г.К. 21, 32, 75, 131

Цисарж Ч. 41, 46, 48

Цуканов Г.Э. 32, 93, 100, 115

Чагин 89

Чазов Е.И. 76, 91, 106, 107, 176, 183, 239, 271, 272, 275, 287, 417

Чалидзе В. 88

Чан Кай Ши 374

Чаушеску Н. 52, 92, 151, 179, 191, 249, 251, 306

Чебриков В.М. 131, 156, 167, 169, 177, 182, 184, 189, 199, 201, 258, 265, 276, 286, 288, 289, 324, 335, 336, 338, 354, 356, 387, 413, 425

Челомей В.Н. 31

Черненко А.Д. 225, 274

Черненко Е.К. 225

Черненко В.К. 225

Черненко К.У. 10, 17, 21, 26, 27, 32, 35, 36, 44, 59, 60, 65, 66, 71, 75, 80, 85, 90, 91, 92, 102, 105, 106, 110, 113, 115, 116, 117, 131, 138, 144, 154, 157, 167, 168, 171, 172, 174, 175, 177, 178, 184, 185, 190, 191, 192, 198—276, 284, 286, 287, 288, 290, 302, 304, 309, 315, 320, 321, 364, 365, 367, 376, 407, 440

Черник О. 41, 43, 45, 48, 49, 50

Черновил В. 134

Чернышевский Н.Г. 22

Черняев А.С. 74, 203, 270, 280, 306, 307, 310, 362, 363, 374, 392, 396, 415, 416, 422, 423, 428

Черчилль У. 374

Чурбанов Ю.М. 75, 91

Шарапов В. 184

Шатров М.Ф. 299

Шатуновская 135

Шауро В.Ф. 131

Шах Вали 57, 58

Шахназаров Г.Х. 131, 216, 280, 310, 343, 362, 413, 415, 416, 417, 438

Швейцер А. 369

Швермова М. 43

Шеварднадзе Э.А. 87, 288, 289, 327, 364, 387, 413, 417

Шекспир У. 63, 119, 146

Шелепин А.Н. 9, 102, 140

Шелест П.Е. 21, 42

Щербина Б.Е. 359

Шершнев Ю.И. 60

Шик О. 41, 43

Шильдер Н.К. 90

Шимолиович Б.А. 127

Шимон 46, 50

Шкабардя М.С. 255

Шкирятов М.Ф. 127

Шпачек 45, 48

Шмонов А. 428

Шрагин Б. 364

Шульц Дж. 268, 306

Щаранский А.Д. 39, 134, 148, 181

Щелоков Н.А. 21, 75, 143, 150, 259

Щербицкий В.В. 9, 53, 103, 115, 259, 275, 286, 298, 410

Эврен К. 148

Эйзенхауэр Д. 164

Эйнштейн А. 128

Эжбаль 56

Юм А. 284

Яблоков И.Б.

Ягода Г.Г. 120

Язов Д.Т. 327, 414

Якир П.И. 135

Яковлев А.Н. 285, 327, 336, 353, 354, 379, 388, 413, 415, 417, 434, 438

Якуб 56

Янаев Г.И. 403

Янгель М.К. 31

Янкелевич В. 135

Янкелевич Т. 135

Ярузельский В. 64, 151, 159, 251

Яснов М.А. 273

О Г Л А В Л Е Н И Е

«Вождь» четвертый: ЛЕОНИД БРЕЖНЕВ	5
Путь наверх	14
От стабильности к стагнации	26
Чехословакия, Афганистан	40
Маршал, «Герой», лауреат	66
Рабочие записи генсека	79
Провозвестник крушения Системы	94
«Вождь» пятый: ЮРИЙ АНДРОПОВ	111
Пятнадцать лет — шеф КГБ	119
Пятнадцать месяцев — лидер КПСС	137
Генсек и политбюро	146
Символ «эры» Андропова	158
Руководство из больницы	174
«Вождь» шестой: КОНСТАНТИН ЧЕРНЕНКО	195
Печать безвременья	204
Чиновник партии	215
Фаворит Брежнева	230
Тринадцать месяцев	244
Канун перестройки	261
«Вождь» седьмой: МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ	277
Последний ленинец	286
Феномен перестройки	301
Парадокс Горбачева	320
Рок Чернобыля	342
Любимец Запада	361
Горбачев и Ельцин	376
Исторический Горбачев	404
Вместо заключения: ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ	431
Библиография	445
Указатель имен	463

Волкогонев Д.А.

**В 67 Семь вождей. — В 2-х книгах. — Кн. 2. — М.:
АО „Издательство «Новости»“, 1995. 480 с.**

ISBN 5—7020—1031—0

Вторая книга посвящена Л.И. Брежневу, Ю.В. Андропову, К.У. Черненко, М.С.Горбачеву — четырем «вождям», в разное время стоявшим у кормила власти, неравнозначным по масштабам личности и последствиям содеянного, стражам Системы или ее осторожным реформаторам. Читатели получат уникальную возможность познакомиться с «личными делами» генсеков из «Особых папок» политбюро, с дневниковыми заметками Брежнева и служебными записками Андропова с грифом «Совершенно секретно», с другими уникальными материалами, проливающими свет на многие ключевые события и эпизоды кульминационного периода истории Советского Союза.

**В 013020000 Без объявл.
067(02)—95**

ББК 66.61(2)8

**Волкогонев Дмитрий Антонович
СЕМЬ ВОЖДЕЙ**

В двух книгах

Книга 2

Заведующий редакцией С.А.Максимов

Редактор Т.Ю.Савинова

Художественный редактор В.Г.Прохоров

Фоторедактор Л.И.Баум

Младший редактор Н.В.Потатуйева

Корректор Л.П.Агафонова

Технический редактор Л.А.Ряховская

Технологи В.Ф.Егорова, В.И.Руденко

ИБ № 11105

Сдано в набор 11.10.95. Подписано в печать 06.11.95.

Формат издания 84x108/32. Гарнитура Латинская.

Усл. печ. л. 28.56. Уч.-изд. л. 28.51.

Тираж 30 000 экз. Заказ № 6418. Изд. № 9287.

**АО „Издательство «Новости»“
107082, Москва, Б. Почтовая, ул. 7.**

**Отпечатано с готовых диапозитивов на Книжной фабрике № 1
Комитета РФ по печати.**

144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Телсосяна, 25.

**По вопросам полиграфического брака обращаться
на Книжную фабрику № 1,
г. Электросталь Московской области.**